Н. РУТЫЧ

КПСС у власти

Н. РУТЫЧ

КПСС У ВЛАСТИ

Очерки по истории коммунистической партии
1917—1957

ПОСЕВ
1960

Copyright by Possev-Verlag
Alle Rechte vorbehalten

Printed in Germany 1960
Druck: Possev-Verlag, V. Gorachek KG, Frankfurt am Main

Часть первая

ГЛАВА I

РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В 1917 ГОДУ

Всякая революция имеет целью создание новой государственной и общественной жизни. Ее идеи и идеалы вырастают в тех глубинных социальных процессах, которые двигают историю. Эти процессы отчасти могут объяснить, почему Россия пришла к революции в 1917 году.

Для некоторых историков, однако, социальные процессы нашего прошлого предопределили не только самую революцию, но и ее дальнейшее развитие, ее большевистский конец. Мы не разделяем взглядов этого диалектического детерминизма на неизбежный «ход» Февральской революции к Октябрьской и здесь лишь кратко подведем итоги главнейшим социальным проблемам России к 1917 году.

Три главных проблемы чрезвычайно обострились в России конца XIX — начала XX века.

Крестьянская проблема — проблема земли. Освобождение крестьян по реформе 1861 года не сопровождалось передачей земли в частную собственность и соответствующим землеустройством сельского населения. Вопрос заключался не столько в оставшейся в руках помещиков земле (к тому же, медленно переходившей в руки крестьян), сколько в сохранении сельской общины с ее переделами душевых наделов, катастрофически сокращавшихся по мере быстрого роста сельского населения.

Власть потеряла почти половину столетия, прежде чем снова встала на путь аграрных реформ. Лишь за десять лет до революции, в 1906 году, Столыпин вывел государственную политику в крестьянском вопросе из состояния застоя и инерции, в котором она находилась со времени реформ Александра II. В чрезвычайно короткий срок, уже к 1916 году, 6 миллионов 200 тысяч крестьянских семей (из общего количества 16 миллионов) перешли на частное владение землей, на хутора и отруба. Это составляет 38% общего коли-

чества крестьянских хозяйств. Фактически, если учитывать Сибирь и другие районы, где община исторически не сложилась, общее количество крестьян-собственников можно считать почти достигшим половины всего российского крестьянства. Там, где Столыпинская реформа охватила большинство крестьянских хозяйств, начала бурно расцветать крестьянская кооперация, создававшая новые предпосылки для товарного развития крестьянского хозяйства.

Войны никогда не приходят «вовремя». Столыпинское землеустройство еще не охватило и одной трети крестьянских земель Европейской России, когда разгорелась война 1914 года. Новые хозяйства, выделенные в течение нескольких предвоенных лет, еще не устоялись, не успели достаточно окрепнуть. И все же хозяйства, построенные на основе нового землеустройства, вызывали яростную ненависть у той части революционной демократии, которая прямо, как эсеры, или с оговорками, как большевики, делала ставку на аграрную революцию и со всеми основаниями видела в общине тот неиссякаемый источник противоречий и нужды, который легче всего поддается взрыву революционными методами.

И у эсеров и у большевиков, в отличие от меньшевиков, было одно объединяющее их, несмотря на всю борьбу, сознание: Столыпинская реформа выбивала почву из-под их ног. Уже в довоенной литературе, и у эсеров и у Ленина можно заметить гораздо больше ненависти к вышедшему на отруб крестьянину, чем к пресловутым помещикам. И это понятно. Помещик не мог предотвратить взрыва. Крестьянин-собственник снимал социальный кризис в деревне, он делался прочной основой демократического правопорядка, на пути к которому, на пути открывающейся исторически эволюции России, не стояло серьезных препятствий.

Столыпин оценивал время, необходимое для этой эволюции, всего двадцатью пятью годами. Он говорил, что если в течение двадцати пяти лет Россия избежит войны, она настолько укрепится, что ей уже нечего будет опасаться; она станет «неузнаваемой».

Второй проблемой, остро стоявшей в России, был рабочий вопрос, связанный с небывалыми темпами индустриализации.

Не будем приводить хорошо известных цифр того невероятно быстрого промышленного скачка, который сде-

лала Россия за двадцать пять лет перед Первой мировой войной. Не только в трудах Н. Прокоповича, вышедших за границей, но еще больше в работах С. Струмилина[1]), вышедших в двадцатых годах в Москве, сделан исчерпывающий анализ темпов: общий подъем превзошел в это время самые бурные периоды развития германской и американской промышленности. Так, например, добывающая промышленность увеличила свою продукцию в золотых рублях с 85 миллионов в 1888 году до 520 миллионов в 1912 году, то есть выросла на 512%. Бумажная и полиграфическая промышленность выросла за тот же период на 516%, деревообделочная на 600% и т. д.

Для того времени, — ибо необходимо категорически отказаться от сравнения продукции с разницей в 40-50 лет без учета роста населения, чем регулярно занимается советская статистика, — Россия быстро шла по пути индустриализации и неуклонно догоняла передовые западноевропейские страны. Средний рост добычи угля в Донбассе между 1910-1914 годами равняется почти 20%, иначе говоря, даже в такой трудной отрасли добывающей промышленности, как угольная, Россия удваивала производство в 5-6 лет. В некоторых отраслях, особенно в таких, как текстильная промышленность, уровень 1913 года в течение долгого времени не мог быть перекрытым: так, например, согласно данным Струмилина, в России в границах 1940 года в 1913 году было выпущено 111 миллионов метров шерстяных тканей. Несмотря на прирост населения в этих границах почти в 30 миллионов, в СССР в 1937 году было произведено лишь 98 миллионов метров шерстяных тканей, что означает резкое снижение производства на душу населения.

Естественно, что невероятно быстрый рост промышленности неизбежно сопровождался отставанием жилого фонда для рабочих в городах, норм рабочего законодательства, а также и некоторым отставанием роста заработной платы по отношению к росту выпускаемой продукции. Наряду с этими обстоятельствами, индустриализация России в большей степени, чем индустриализация в таких странах как Германия, Англия, Франция, сопровождалась огромной концентрацией рабочих на больших предприятиях. Уже в 1908 году одна четверть всех рабочих трудилась на заводах и фабриках с числом рабочих, превышающим тысячу человек.

Чтобы преодолеть неизбежно возникающий с индуст-

риализацией социальный кризис, правительство должно было бы быстро двигать вперед рабочее законодательство. Однако оно шло в России кануна войны медленным темпом. Правда, на ряде казенных предприятий уже перед войной был введен восьми-девятичасовой рабочий день, рабочие получали квартиры в построенных этими предприятиями новых домах, большинство рабочих больших городов было охвачено страховыми и профсоюзными организациями. Но в отличие от немногих правительственных заводов, принадлежавших, главным образом, военному и морскому ведомствам, подавляющее большинство рабочих в России не имело нормальных жилищных условий, работало около 10 часов в день (в передовых странах Западной Европы, в среднем, 9 часов), получало заработную плату, не соответствовавшую, как мы указали выше, росту продукции. Правительство хотя и допустило свободные профсоюзы, рабочие страховые общества, рабочую прессу и даже рабочее представительство в Государственной Думе, но не проявило той энергии и воли в рабочем вопросе, какую проявил П. А. Столыпин в крестьянской реформе. Ко всему этому следует прибавить, что в России, как впрочем и во всем мире того времени, капитал не был ограничен тем государственным контролем и прогрессивным налогом на прибыли, которые позволяют теперь современным демократическим государствам получать необходимые средства для социального обеспечения и социальных реформ. Можно было бы повторить слова Столыпина о необходимости двадцатипятилетнего спокойного периода для того, чтобы в России распространилось широкое социальное законодательство.

Всякое правительство и окружающий его правящий слой не могут не знать основных требований большинства народа, вытекающих из социального процесса. Не могут не знать и тех общественных и политических сил, которые организационно оформились для достижения нового общественного и социального порядка. Накануне 1917 года правительство великолепно знало эти силы, ибо требование народовластия, прочной конституционной базы для правового демократического строя давно уже раздавалось в Государственной Думе.

В таких исторических ситуациях, когда, несмотря на осознанную всем обществом необходимость реформ, правительство продолжает тормозить их, естественно развитие

тенденций реформизма среди той части правящего слоя, которая наиболее остро сознает свою ответственность за государственное бытие. Эта часть российского правящего слоя кануна революции все больше и больше смыкалась с главным носителем требований коренных реформ — российским либерализмом в лице кадетов и правой части народничества.

Казалось бы, что намечающийся союз демократического либерализма с идущей ему навстречу реформистской частью правящего слоя давал политическое решение, передвигавшее Россию с рельс революции на государственно здоровые пути эволюции. Во время военного кризиса 1915 года до ответственного думского министерства оставалось сделать всего один шаг. Но, несмотря на возросшую во время войны ответственность за государство, небольшая, находившаяся у власти консервативная группа в этот чрезвычайно ответственный исторический момент не хотела видеть возможности привлечения к власти общественно-демократических сил, продолжала жить миражем силы и авторитета остатков самодержавия. Правящая группа не приняла предложения разделить власть с образовавшимся в Думе прогрессивным блоком, представлявшим собой именно тот союз демократического либерализма с реформистскими представителями правящего слоя, о котором мы говорили выше. Отталкивая от себя либеральную оппозицию, предложившую свое доверие и желавшую разделить ответственность за государство, русская власть того времени толкнула ее, вовсе не желавшую революции, а лишь требовавшую социальных реформ, на обличения того бездарного возглавления, которое осталось после ухода в 1915-1916 гг. последних способных и понимавших положение министров, как, например, министра иностранных дел Сазонова или военного министра генерала Поливанова. Верховная власть в лице императора Николая II оставалась глуха к идущим со всех сторон, в том числе и от высшего генералитета армии, предостережений, что такое положение неизбежно закончится революцией. Приведем одно из многих: «Как ни странно, — писал не кто иной, как великий князь Александр Михайлович 4 февраля 1917 года царю, — но правительство сегодня есть тот орган, который подготовляет революцию. Народ ее не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных и вполне в этом успевает. Мы

присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу».

Революция в России исторически не была неизбежна. Она была возможна постольку, поскольку тормозились социальные реформы, не менялся, не шел по пути демократизации государственный строй. Революция сделалась неизбежной, когда во время войны власть не захотела опереться на общественные силы, расширить свою базу, когда против нее выступило даже реформистски настроенное большинство правящего слоя. И власть пала от первого толчка, не найдя во всей великой нации никаких, даже самых ничтожных, активных сил, готовых ее защищать.

Февральская демократическая революция отдала власть, что и было вполне естественно, в руки российского либерализма, в руки кадетов.

Временное правительство первого состава сделало всё от него зависящее, чтобы осуществить на деле принципы свободы и права. Но у Временного правительства были свои слабости. Главнейшей из них была приобретенная в долголетний период борьбы за общественные и государственные реформы привычка видеть врагов только «справа».

Кадеты, хорошо знавшие партии революционной демократии, прежде всего большевиков и эсеров, вначале видели в них подлинных демократов, признающих права большинства народа. Они долго не видели, что за носителями различных доктрин, в частности, марксизма, кроется диктатура меньшинства, больше того — тоталитарная диктатура небольшой партии, силой навязывающей свою волю народу. Временное правительство и поддерживавшее его большинство народа в 1917 году не видели врагов демократии «слева», исторически просмотрели их, дали им себя победить.

С другой стороны, у российского демократического либерализма не было достаточного государственного опыта. Цвет русской интеллигенции, не неся ответственности в представительных парламентских учреждениях, не обладал ни навыками, ни должной твердостью, чтобы управлять государством во время Первой мировой войны. В то же время, партии революционной демократии, вышедшие из полуподполья или подполья, оттолкнули своей нетерпимостью и лишили возможности соучаствовать в управлении государством ту реформистскую часть правящего слоя, которая, вполь-

не разделяя программу Временного правительства, обладала и необходимым опытом и знаниями.

Наконец Временное правительство сразу было поставлено вплотную перед проблемой войны. В условиях 1917 года, в условиях первой в истории человечества тотальной войны такого масштаба, это был вопрос сохранения целостности государства, вопрос дальнейшего национального бытия.

Ленин столкнулся с этой же проблемой позже, в 1918 году. Он разрешил ее, пренебрегши интересами и целостностью России и заключив «похабный» мирный договор с немцами, приведший к полной дезинтеграции российского целого. Он сделал это ради сохранения своей власти, ради «передышки», прикрываясь химерой «неизбежности западноевропейской революции».

Временное правительство искренне хотело защищать интересы России вовне, стремясь быть правительством национальной обороны. Временное правительство, признавая демократический принцип самоопределения народов (что оно и доказало в своих решениях по вопросам Финляндии и Польши), стремилось быть также всероссийским. Характерно, что именно в 1917 году, после Февраля, термин «всероссийский» в общественной жизни быстро завоевал себе общепризнанное место. Он и до сих пор остался своеобразным символом Февраля.

Но при всех этих намерениях Временное правительство не проявило ни достаточного государственного опыта, ни воли, ни понимания необходимости твердо защищать принципы свободы и демократии. Оно не попыталось даже опереться на свою естественную опору — на почти 14-миллионную армию, представлявшую активную часть мобилизованного народа. До июля 1917 года Временное правительство даже не пыталось серьезно противодействовать усилиям партий «революционной демократии» разложить армию, внести в нее искусственный антагонизм.

Временное правительство, видя необходимость реформ и готовя их, с одной стороны, не считало возможным их проведение до окончания войны, а с другой — проявляло исключительную «правовую щепетильность», оттягивая важнейшие решения до созыва Учредительного собрания. Вместо того, чтобы путем смелых решений и быстрого проведения необходимых реформ, прежде всего земельной, опереться на весь народ, Временное правительство искало поддерж-

ки у партий революционной демократии, живших, как и некоторые представители кадетов, в политическом мираже старой формулы «у демократии и свободы нет врагов слева».

Принеся с собой в государственную жизнь этот устарелый лозунг из своего прошлого, «революционная демократия» вплоть до самого Октября и даже, частично, после него, как это хорошо показал историк революции С. П. Мельгунов[2]), настойчиво пыталась сговориться с Лениным и большевиками, которых в политическом спектре она не отделяла от себя.

Партии революционной демократии не могли быть опорой для Временного правительства в его государственной работе еще и потому, что они опирались на Советы рабочих и солдатских депутатов и в своем большинстве не хотели расставаться с этой опорой и после выборов в Учредительное собрание. В то же время Советы 1917 года ни в своей правовой основе, ни в вопросе охвата ими большинства народа не отвечали демократическим принципам всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Партии революционной демократии не хотели нести ответственности за всю страну. Разъедаемый демагогией классовой борьбы, исходивший не из интересов всего народа в целом, а из ранее принятых доктрин, российский социализм 1917 года не вырос еще из партийных пеленок, не мог подняться до государственного сознания. Всероссийская демократическая революция, как основа для строительства новой общенародной государственной жизни, была для него не своим кровным делом.

А. Ф. Керенский-мемуарист очень часто любит вспоминать «о навязчивой идее грядущей контрреволюции справа, парализовавшей верхи революционных кругов».

Но если тогда еще не всем было ясно, что ни для какой контрреволюции нет социальной базы, то во всяком случае не могло быть сомнений в том, что укрепление власти Временного правительства и помощь ему могли только укрепить свободу и демократию.

Правительство оказалось одиноким уже во время апрельского кризиса, когда П. Н. Милюков в самой терпимой, демократической и полностью признающей права других народов формуле попытался защищать национальные интересы России. Петроградский совет в своем большинстве выступил с позиций «Циммервальда», а не с позиций нацио-

нальных интересов и обороны, хотя его председатель лично проделал обратную эволюцию.

Майская организация демонстрации против правительства означала сдачу позиций врагам демократии и свободы «слева», и они, почувствовав это, уже в июле предприняли свой первый, неудачно окончившийся путч для захвата власти.

Несмотря на этот предметный урок, «навязчивые идеи» о готовящейся контрреволюции, о которых пишет А. Ф. Керенский, продолжали господствовать и часто руководить действиями самого правительства, в том числе и многими поступками самого А. Ф. Керенского, особенно в августе 1917 года.

Потребовался колоссальный исторический опыт, потребовалась еще треть века после русской революции, чтобы и европейские социалисты пришли в своем большинстве к сознанию, что главный враг демократии и свободы в нашу эпоху — это тоталитаризм «слева».

Уже много написано о бездеятельности, слабоволии, отсутствии должной энергии и целеустремленности у Временного правительства и большинства партий революционной демократии, пришедших к активной государственной политике с устарелым и догматическим арсеналом идей. Но до сих пор никто из историков Февральской революции не занимался еще вплотную вопросом: революция и молодежь.

Молодежь того времени в 1917 году в основном была на фронте. Как ее интеллигентная часть — студенчество, так уже и значительное количество рабочей, крестьянской, казачьей молодежи составляли офицерскую и унтер-офицерскую часть армии.

От кастовой замкнутости старого офицерского корпуса (впрочем, отмиравшей уже до войны) в армии 1917 года почти ничего не оставалось. Миф о «буржуазно-помещичьем офицерстве», раздутый в качестве одной из «навязчивых идей» в ходе самой революции и усиленно поддерживаемый партийной историей в СССР, оказывается пустым и исторически неверным. При первом формировании Красной армии значительная часть этого офицерства с самого начала вступила в ее ряды, на чем мы остановимся ниже.

Военная молодежь приняла Февральскую революцию и горячо встала на защиту ее основных идей. Последующие события, начиная с августа 1917 года, показали, что в ее среде

было достаточно сил, готовых решительно, с оружием в руках защищать свободу, правовую государственность и демократию. Генерал Л. Г. Корнилов, будучи республиканцем по убеждению, был одним из первых генералов, полностью принявших Февральскую революцию и поэтому позже за ним пошла военная молодежь. Когда большевики захватили власть, молодежь военных училищ без плана, без организации, без руководства, восстала в ноябрьские дни в Петрограде и Москве и едва не опрокинула большевистскую диктатуру.

Временное правительство проглядело в марте-июле возможность опереться на революционную и, как показала дальнейшая история, самую государственно-сознательную и жертвенную часть населения России.

С точки зрения самой молодежи, ее поведение в начале революции было вполне оправдано. Как часто в истории нашей родины внешнеполитические факторы доминировали психологически над внутриполитическими, так и в начале революции 1917 года у молодежи на фронте значимость внешнего врага перевешивала опасности, возникшие внутри страны. А вместо мобилизации молодежи на сохранение государственности, демократии и права первый председатель Временного правительства успокоительно заявлял: «Наше поколение оказалось в самом счастливом периоде истории России». Какой злой иронией звучали для российской молодежи 1917 года эти слова в течение всей последующей ее жизни . . .

Кроме того, горечь утраченной буквально без пяти минут 12 победы над Германией и Австрией фатально все еще и в 1918 году, а не только в 1917, психологически направляла все устремления молодежи на противника вовне, на продолжение войны.

Здесь государственное сознание, чувство долга перед Россией преобладало над партийными интересами. Только в исторической ретроспекции стало отчетливо видно, что даже в начале 1918 года первые военные формирования, в основном добровольческие, как Красной армии, так и Белых армий проходили все еще под знаком стремления молодежи к защите отечества от внешнего врага.

Временное правительство, возглавив Февральскую революцию, не сделало попытки опереться на силу, которая могла благодаря своей доказанной жертвенности найти син-

тетическое решение, выход из столкновения справедливых социальных требований и государственных, национальных интересов, столкновения, превратившегося в запутанный клубок противоречий в ходе революции. В этом историческом упущении заключается, на наш взгляд, один из важнейших уроков Февраля.

ГЛАВА II

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Три партии, три главнейших течения определяли судьбы России в 1917 году.

Конституционалисты-демократы (кадеты), или Партия Народной свободы после Февраля 1917 года, были продолжателями либерально-демократических традиций русской интеллигенции, идущих от декабристов и Герцена. Партия кадетов выросла из земских и городских союзов, порожденных реформами Александра II. Активно работая в губернских земствах, особенно в области народного образования, здравоохранения, развития местных производительных сил, путей сообщения и т. д., кадеты накопили значительный практический и общественный опыт.

Находясь до революции на платформе расширения манифеста 17 октября 1905 года путем реформ, кадеты требовали установления полностью демократической, конституционной системы в России, парламентского, ответственного министерства, неограниченной свободы слова, собраний и т. д.

Кадеты предлагали конфискацию крупной земельной частной собственности, с государственным возмещением стоимости конфискованной земли ее владельцам, передачу конфискованной земли крестьянам и расширение прав и полномочий уже успешно работавших земств.

Кадеты вовсе не были, как утверждала и утверждает большевистская печать, реакционерами в вопросах социального законодательства: наоборот, они настаивали на прогрессивных для того времени законах — о восьмичасовом рабочем дне; об обязательном государственном страховании рабочих, с полным обеспечением на случай болезни или инвалидности; о пенсиях для рабочих по достижении предельного возраста; о полной свободе в деле образования и работы профессиональных союзов. Кадеты выработали проект

закона об обязательном всеобщем обучении, о бесплатной медицинской помощи и ряд других.

Однако кадеты не были партией, опирающейся на массовые организации производственного или территориального профиля. Среди кадетов были, главным образом, деятели земских и городских самоуправлений, и целая плеяда блестящих представителей российской интеллигенции — адвокатов, экономистов, публицистов, историков, в том числе, среди последних такие видные профессора Московского университета, как Кизеветтер, Виппер, Милюков.

Трудность предстоящего периода реформ, который П. А. Столыпин оценивал в 20-25 лет, заключалась прежде всего в том, что в силу долгого, 25-летнего перерыва (1881-1905) в реформах в России задержалось образование широкого слоя людей в городе и деревне, который бы сознательно готов был защищать как свободу и демократию, так и государственные интересы великой державы.

Выходящие на хутора и отруба крестьяне, в период введения всеобщего обязательного образования (по проекту в 1922 году) и резкого повышения материального благосостояния, неизбежно заняли бы доминирующее положение в земствах и через эти организационные формы приобрели бы в перспективе крупнейшее значение в парламентском представительстве.

Проведение рабочего законодательства по кадетской программе позволило бы ведущему слою сознательных рабочих создавать сильные профессиональные союзы, которые, как и в Западной Европе и Америке, не только защищали бы интересы рабочих, но и могли служить опорой в борьбе за общенациональные интересы, особенно в тяжелые периоды войны или иных общенациональных кризисов.

В кадетской программе 1917 года не была еще поставлена проблема национализации тяжелой и добывающей промышленности. Однако и этот вопрос вовсе не был в 1917 году монополией социалистических партий. Необходимо отметить быстрый рост государственных, так называемых «казенных» предприятий во время войны и национализацию путем выкупа ряда крупнейших предприятий, в том числе такого завода, как Путиловский в Петрограде. Этот процесс неизбежно ставил вопрос как о дальнейших шагах в области национализации, так и об участии рабочих в прибылях и производственных планах.

Правые течения дореволюционной России оказались неспособными политически выступить после крушения монархии. То, что никто не выступил в 1917 году на защиту старого режима, объясняется отчасти укоренившимся реформистским сознанием в среде правой интеллигенции.

27 февраля 1917 года кадеты и примкнувшие к ним элементы думского «прогрессивного блока» оказались у власти. Но будучи накануне самой левой легальной партией, находившейся в оппозиции к правительству, кадеты сразу после революции, как бы по инерции, продолжали борьбу с уже свергнутыми царскими министрами, увлекаясь следственными комиссиями и другими, ушедшими уже в историческое прошлое вопросами, в поисках «контрреволюционной» химеры.

Член ЦК кадетской партии, управляющий делами Временного правительства В. Набоков, ближе других наблюдавший председателя Временного правительства, бывшего по совместительству министром внутренних дел, кн. Львова, счел необходимым сказать — «как бы сурово ни звучал такой приговор: кн. Львов не только не сделал, но даже не попытался сделать что-нибудь для противодействия все растущему разложению. Он сидел на козлах, но даже не пробовал собрать вожжи»[3]).

По словам Чернова кн. Львов был «в эпоху революции часто левее кадетов и в общем беспомощнее их . . . Событиям он часто противопоставлял какое-то фаталистическое безволие, которое почему-то потом смешивали с некоторыми другими слабостями Временного правительства и окрестили «керенщиной»[4]).

В этой характеристике целиком отражается типичная для кадетов и их окружения идеализация так называемых партий революционной демократии, наивная вера, что в их среде нет и быть не может врагов демократии и свободы. Поэтому они не разглядели вовремя, недооценили врагов слева. Будучи сами патриотами и демократами, кадеты не придали значения тому, что в среде боровшихся вместе с ними с самодержавием партий так называемых революционных демократов, существует сильное течение, враждебное не только государственным и национальным интересам России, но и, ради осуществления своей доктрины, готовое попрать только что полученную демократию и свободу народа.

Партии, вернее течения, считавшие себя левее кадетов

вошли в историю 1917 года под общим термином, как партии «революционной демократии». Сам термин «революционная демократия» был пущен в оборот, как известно, меньшевиком Церетели. Вместе с Чхеидзе, Скобелевым и Керенским, Церетели был одним из возглавителей Центрального Исполнительного Комитета первого образовавшегося в дни революции Совета. Церетели стремился вложить в понятие демократии вместо правового принципа, принцип основанный на классовой доктрине. Термин «революционная демократия» бил на то, что все те, кто остается за рамками социалистических партий являются представителями не демократии, а «буржуазии». Немарксисты, в частности большинство эсеров, слепо пользовались этим демагогическим, антиправовым и антидемократическим в своей сущности приемом. Отсутствие массовых демократических партий в предреволюционной России и выход из подполья того остова, на базе которого создались эсеровская, меньшевистская, большевистская партии, привело к тому, что в политическую жизнь страны была внесена сектантская узость, нетерпимость, болезненная страсть к самоизоляции и весьма растяжимое признание основных прав демократии — все то, о чем еще на Таммерфорсском съезде эсеров в 1907 году предупреждал свою партию знаменитый террорист Григорий Гершуни.

Церетели и Чхеидзе принадлежали к российской социал-демократии меньшевистского толка. Никогда не следует забывать, что несмотря на раскол в 1903 году, и большевики и меньшевики стремились осуществить в основном ту же самую программу и только в 1919 году, когда Ленин (на VIII съезде партии) добился значительных изменений программного порядка, и формально оба течения перестали жить в рамках одной партии. Именно поэтому, несмотря на глубокие расхождения с большевиками, меньшевики в целом не могли вести и не вели, как мы увидим ниже, последовательной, активной борьбы с большевизмом.

Меньшевики считали возможным допустить развитие, как они говорили, «буржуазно-демократической» революции без обязательного захвата государственной власти. Согласно классической трактовке марксизма Энгельсом, они считали, что в такой по преимуществу крестьянской стране, как Россия 1917 года, сначала должен быть установлен демократический режим, позволяющий дальнейшее, не задерживаемое ничем развитие капитализма. В ходе этого развития все

крепнущий рабочий класс сможет «преодолеть реакционный характер крестьянства» и тогда наступит второй этап, этап революции социалистической. Насилие над этим неизбежным, согласно марксистской доктрине, историческим процессом могло в представлении большинства меньшевиков лишь «сорвать» революцию, привести к победе сил реакции. Поэтому большинство меньшевиков поддерживало Временное правительство и было оборонцами. Однако твердо и до конца на этой позиции стояли немногие — в том числе Плеханов. Другие, сначала медленно, а потом, после захвата власти, все поспешнее, перекочевывали в лагерь большевиков (Ю. Ларин, Рязанов, Вышинский, Хинчук, Антонов-Овсеенко, Майский, Трояновский и многие другие о чем см. ниже).

Необходимо подчеркнуть, что до 1917 года Ленин ни разу не выступил открыто против классической как для русских, так и для западных марксистов программы. Наоборот он назвал Троцкого «полуанархистом», когда тот в 1912 году выдвинул теорию, основанную на опыте советов 1905 года, о том, что, будучи даже в меньшинстве, пролетариат может захватить и удержать власть, используя путем насилия огромную массу русского крестьянства, как базу для развития мировой социалистической революции.

Небольшая, но весьма влиятельная группа меньшевиков во главе с Мартовым, Юговым, Ю. Лариным и другими стояла, еще во время войны, на той точке зрения, что главной задачей является помощь социалистической революции на Западе и, во всяком случае, до Февраля стояла на пораженческих позициях. Эта группа получила название «меньшевиков-интернационалистов». Разделяя «кредо», что нет врагов слева, эта группа в течение долгого периода стремилась сотрудничать с большевиками, а до VI съезда в августе 1917 года ее сторонники в провинции входили в объединенные комитеты партии.

Группа Мартова сильно разошлась с группой Плеханова, к которой в свою очередь стали близки некоторые большевики-оборонцы, например, Войтинский, Гольденберг и другие.

Меньшевизм оказался, таким образом, одним из самых слабых звеньев демократии именно в силу программной и организационной близости к большевизму.

Наиболее сильным и популярным течением в 1917 году

оказалась партия социалистов-революционеров (сокращенно — эсеров). Партия эсеров сложилась окончательно в 1903 году на базе различных групп, исторически и традиционно считавших себя последователями народничества. Ее программа, принятая на I съезде в 1906 году, прокламировала «социализацию земли»: конфискацию всей частной собственности на землю и передачу ее через волостные и уездные местные крестьянские съезды всем трудящимся крестьянам по установленной местной норме, исходя из количества едоков в семье. Основой для земельной программы эсеров оставалась все та же община с ее переделяемыми наделами. Программа эсеров, если оставить в стороне их муниципальные проекты, передавала фактически все частные земли в общину, предусматривая так же, как это и практиковалось в ней, регулярный передел наделов.

В условиях быстро развивающейся повсюду в XX веке промышленности, в условиях перспективы неизбежного роста не только сельского, но и особенно городского населения, в программе эсеров нельзя не усмотреть как утопичности, так и демагогического расчета на стихийный взрыв в деревне, нельзя не увидеть стремления закрыть глаза на продовольственную проблему в России в течение ближайших 20-30 лет.

Программа эта лишала крестьянство возможности развивать на вечно переделяемом небольшом наделе культурное интенсивное хозяйство, способное обеспечить город необходимым продовольствием. Программа эсеров, в дальней перспективе, лишала Россию возможности продолжать индустриализацию и не могла не усугубить общей отсталости страны.

Интересно отметить, что время принятия этой программы, смотревшей назад, почти совпало со Столыпинской реформой. Мы увидим дальше при рассмотрении проведения «социализации» Ленинским «Декретом о земле» сравнительные результаты этих двух решений крестьянского вопроса.

В остальных вопросах программа эсеров мало чем отличалась от программ других левых партий. Эсеры признавали право народов России на государственное отделение после революции, но в то же время переносили этот и другие вопросы на решение будущего Учредительного собрания.

Самым спорным на съезде 1906 года оказался вопрос о признании необходимости «революционной диктатуры» по-

сле революции. Незначительным большинством съезд признал «революционную диктатуру» необходимой на время проведения основ программы, после чего должен был совершиться переход к нормальному правовому режиму.

Это положение, вместе с признанием террора, как временного, правда, средства для достижения целей, вызвал в самой партии эсеров значительные расхождения, полностью вскрывшиеся в 1917 году.

Если правые эсеры Авксентьев, Гоц, Савинков, Зензинов все больше и больше склонялись к правовой государственности, как к исходной базе для проведения своей программы на основе демократически избранного парламентского большинства, то левые эсеры — Натансон, Спиридонова, Камков, Карелин и др., стремились к «революционной диктатуре». В этом вопросе левые эсеры сближались с большевиками. Корни этого сближения лежат в природе как ленинизма, так и левых эсеров, выросших на традициях того крайнего народнического крыла, которое ярче всего представлял Ткачев. Чтобы выяснить эти общие и для ленинизма и для левых эсеров черты, важные для уяснения природы большевизма, необходимо кратко остановиться на их истоках, идущих от народничества.

Народничество зародилось еще в эпоху крепостного права, когда среднего слоя, сочетавшего трудовую деятельность с развитым государственным сознанием ни в деревне, ни в городе почти не было. Значительная часть народников, следовавшая за Бакуниным, видела в самой «радости разрушения» старого общества творческое начало. Отсюда, в частности, проистекают трудности при попытках разграничения левых эсеров от анархистов в 1917 году. Уравнительная система землепользования, оставшаяся, в основном, после реформы 1861 года в форме сельской общины[5]), была той основой, на которой народники строили вывод, что социалистическое сознание лежит в природе русского народа. Эта народническая теория оказалась настолько сильной, что, несмотря на всю свою ненависть к Бакунину, Маркс в конце жизни (в 1882 году в письме к В. Засулич) признал, что в России переход к социализму может совершиться и без развития капитализма[6]). Кстати, Плеханов и другие русские марксисты всячески старались похоронить это письмо Маркса и даже потребовали от Энгельса подтверждения, что их

понимание марксизма в вопросе развития капитализма в России, как предпосылки для революции, правильно.

Народничество дало несколько организаций, по-разному пытавшихся подойти к решению проблемы соединения «социалистического сознания» русского народа с революционным взрывом в России.

В нашу задачу не входит рассмотрение ни методов, ни тактики народнических организаций по использованию революционной ситуации, в значительной степени ослабленной реформами Александра II.

Для выяснения соотношения сил в 1917 году мы остановимся лишь на революционной методике крайнего крыла народничества, порвавшего с либерализмом Герцена и демократизмом Лаврова, высоко оценивавших, прежде всего, право личности и видевших в моральной ответственности каждого члена общества главный двигатель социального прогресса.

Ткачев, этот продолжатель дела Каракозова и Нечаева, сложившийся под влиянием Чернышевского, разработал теорию о «революционном меньшинстве», сыгравшую бесспорно огромную роль в событиях 1917 года, ибо как левые эсеры, так и Ленин со своими последователями в той или иной степени психологически жили под влиянием этой теории. Можно без преувеличения сказать, что ленинизм — это соединение теории Ткачева с марксизмом. Иначе говоря, одна из двух главнейших черт ленинизма, это не что иное, как принятие революционных методов крайнего крыла народничества, переодетых в марксистские одежды.

Ткачев считал, что только «революционное инициативное меньшинство», опираясь на разрушительную стихию, таящуюся в народе в силу существующей социальной несправедливости, может искусно направить эту стихию на уничтожение всех противников революции и в ходе стихийного взрыва, осуществить главное — захватить власть. Только таким путем «инициативное меньшинство революционной интеллигенции может вывести из тупика Россию», говорил Ткачев, произнося свою речь над гробом Бланки.

Ткачев не верил (и в этом он глубоко расходился с Марксом), что социалистические элементы общества могут в силу диалектики — согласно Марксу — развиваться при капитализме, что социализм вызревает в недрах капитализма. «Социалистические идеалы до тех пор останутся утопия-

ми, — говорил он в той же речи, — пока они не будут опираться на силу, на поддержку власти». И, наконец, он утверждал предельно кратко: «Истинная революционность заключается в том, чтобы овладеть государственной властью»[7]).

Таким образом, теория «революционного меньшинства» Ткачева сводится к использованию народного недовольства для захвата власти этим меньшинством. В самом акте захвата власти Ткачев видел основной смысл революционности. То, что захватив власть «революционное меньшинство» уничтожает всех противников, а затем, используя «силу и авторитет власти», вводит социализм, является, конечно, открытым признанием необходимости насилия для введения социализма, тем более, что Ткачев открыто считал все другие пути утопией.

Не только превращая захват государственной власти в главную цель революции, но и считая власть основной самоценностью, Ткачев подчинял этой ценности всё остальное в том числе и внутренние взаимоотношения в «революционном меньшинстве».

Ленин в своей основной работе «Что делать?» (недаром она перекликается с главной работой Чернышевского, что Ленин, по свидетельству Н. Валентинова[8]), сделал вполне сознательно) ставит задачу создания дисциплинированной, замкнутой партии «революционного меньшинства, партии, поставившей себя в осадное положение в кулаке». Для того, чтобы оправдать создание такой партии с точки зрения марксизма, связать свою партийно-организационную доктрину с доктриной Маркса, Ленин приписывает, а потом и присваивает своей небольшой группе профессиональных революционеров, название «передового отряда пролетариата», «авангарда пролетариата».

Это, никогда не проверяемое никакими демократическими голосованиями утверждение и является тем новым элементом, оказавшимся необходимым Ленину для связывания марксистской доктрины с лево-народническими организационными принципами.

Не будем приводить здесь ни многочисленных цитат из ленинской брошюры «Что делать?», ни бесконечных свидетельств, характеризующих большевистскую группу, как принявшую в основном организационные принципы «осадного положения в кулаке».

В качестве лишь одного из многих примеров, приведем впечатления известного большевика Ольминского при столкновении с ленинской группой уже на первых порах своей работы в РСДРП. Вскоре после II съезда партии, Ольминский, как он пишет «... проникся сильнейшим предубеждением против большинства за его бюрократизм, бонапартизм и практику осадного положения»[9]). Впоследствии примирившийся с большевизмом Ольминский в первой фазе борьбы меньшевиков с большевиками заявил, что он не может «подвергнуть себя тирании осадного положения, подчиниться требованию «слепого повиновения», «узкому толкованию партийной дисциплины», возведению принципа «не рассуждать» в руководящий принцип; признать за высшими учреждениями (партии. — Н. Р.) «власть, приводить свою волю в исполнение чисто механическими средствами . . .»[10]).

Таким образом, Ленин пытался со времени раскола с меньшевиками в 1903 году создать из партии спаянную группу «истинная революционность, которой заключалась бы в том, чтобы овладеть государственной властью».

«Революционная диктатура», на которой настаивали левые эсеры, происходила из тех же источников, из того же крайнего крыла народничества, откуда Ленин черпал свою страстную волю к насильственной революции даже тогда, когда в стране был установлен демократический правовой строй. Вот почему при защите этого положения Ленин не постеснялся печатно заявить, что из 10 тысяч человек, которые читали или слыхали об «отмирании государства, 9 990 совсем не знают или не помнят что Энгельс направил свои выводы . . . не только (выделено Лениным. — Н. Р.) против анархистов. А из остальных десяти человек, наверное, девять не знают, что такое «свободное народное государство» и почему в нападении на этот лозунг заключается нападение на оппортунистов»[11]). Несколькими строками дальше Ленин признает, что лозунг немецкой социал-демократии — «свободное народное государство» и был лозунгом демократической республики. Все самоуверенные утверждения о том, что среди 9 999 (все, кроме Ленина!) «не знают или не помнят» работ Маркса и Энгельса, понадобились Ленину для того, чтобы обосновать допустимость насильственного захвата власти тогда, когда установление в России самой демократической, свободной республики стало историческим фактом.

И, несмотря на все это, по традиции, продолжавшей жить в 1917 году, большевики и левые эсеры рассматривались, принимались в политическом спектре сил революционной демократии как свои люди, как часть целого, как союзник в борьбе с реакцией, чудившейся деятелям 1917 года чуть ли не за каждым углом.

Это отношение выражалось во всевозможной помощи и поддержке, оказанной революционной демократией большевикам в первые месяцы 1917 года и было одной из главных причин, почему из распадавшейся во время войны ленинской группы быстро и сравнительно легко возродилась большевистская партия.

ГЛАВА III

ПАРТИЯ И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ко времени Февральской революции большевистской партии фактически не существовало. Война, пишет Г. Зиновьев, «повлекла за собой почти полный разгром партии ... Партии, как целой организации, в то время не было ... Февральская революция застала наш Центральный Комитет частью за границей, частью — в тюрьмах и в ссылке. Партии как бы не существовало; она была разбросана и разбита».

Характеризуя роль партии в Февральской революции Зиновьев в 1923 году говорит: «Она не сыграла решающей роли в Февральскую революцию, да и не могла сыграть, потому что рабочий класс был тогда настроен оборончески ...»[12]).

Какова была действительная численность партии к этому времени? Для истории установления коммунистической диктатуры в России вопрос этот имеет немаловажное значение и недаром он фальсифицирован и запутан не только в СССР, но и за границей. Как на один из многих примеров того, что даже в условиях свободы в качестве ответа на этот вопрос приводятся самые фантастические цифры, можно указать на объемистую монографию американского профессора М. Файнсода, часто слепо цитирующего наименее ценные советские источники без какого-либо критического анализа. В своей книге профессор Файнсод[13]) приводит численность партии на 1 января 1917 года в 23 600 человек, заимствуя эти данные из истории партии Бубнова, вышедшей в XI томе БСЭ 1930 года. Ссылаясь на Бубнова, американский профессор забывает, что в 1930 году фальсификация истории партии шла уже полным ходом, что ясно видно из материалов вышедшего в 1929 году сборника «К пятидесятилетию тов. Сталина», авторами которого были тогдашние члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Вопрос о численности партии во время Февральской революции поднимался не раз и раньше.

В своей книге, вышедшей в Берлине в 1922 году Д. Далин, ближайший участник событий и наблюдатель жизни партии 1917 года, ответил на этот вопрос весьма осторожно: «С каким человеческим багажом вступила большевистская партия в революцию?» — спрашивает Далин и отвечает: «Это было несколько тысяч человек, оставшихся от революции 1905 года, отчасти в эмиграции, по большей части в России. Сколько их было? Конечно, никто не скажет, но, безусловно, не более пяти-десяти тысяч, из них не меньше трети интеллигенции»[14]).

Весьма характерно, что эти слова Д. Далина приводятся Зиновьевым в его докладе «Об укреплении партии» на XI съезде. Этот доклад Зиновьев сделал от имени ЦК и, следовательно, он был предварительно одобрен Лениным. Более того, доклад Зиновьева был не чем иным, как продолжением и развитием последнего отчетного доклада «вождя».

Вначале Зиновьев уклоняется от прямого ответа на вопрос, поставленный Далиным, вместо того он предпочитает дать осторожный отзыв — «Разумеется в этом заявлении, — говорит он в своем докладе по поводу книги Далина, — есть зерно истины. Действительно, наша партия вступила в революцию по количеству будучи очень небольшой»[15]).

Однако дальше в этом, очень интересом, с точки зрения состава партии, докладе, Зиновьев приводит цифры, раскрывающие истину. Обращаясь к съезду (в присутствии Ленина) он спрашивает «членов нашей партии, вошедших до 1917 года, как бы вы думали, сколько?» И отвечает — «только два процента!»[16]).

Количество членов партии таким образом не трудно выяснить. После чистки 1921 года в партии оставалось 486 000 членов, следовательно, 2% составляют 9720 человек. Но здесь необходимо внести сразу поправку: в 1922 году среди членов партии со стажем до 1917 года, вероятно, около половины не были большевиками. Ведь в списках делегатов съездов до-сталинского периода, приложенных к стенографическим отчетам, все бывшие меньшевики, межрайонцы указаны с датами вступления в общую партию — в РСДРП. Там можно найти и Ленина, и Троцкого и других, как членов партии до 1917 года. Больше того, среди 520 делегатов XI съезда, где разбирался этот вопрос, 97 были бывшими мень-

шевиками, 56 бывшими бундовцами, 21 бывшими эсерами, не говоря о группах бывших анархистов, боротьбистов и др.

Учитывая все это, следует считать наиболее вероятной (принимая во внимание некоторую, хотя и очень небольшую естественную убыль старых членов в период 1917-1922 гг., потери во время гражданской войны и проч.) цифру около 5 000 членов, явившихся тем «человеческим багажом», с которым Ленин вступил в события 1917 года.

Эту цифру подтверждает и Зиновьев, избегавший прямо назвать ее в начале своего доклада. В конце его, увлеченный своей речью или, быть может, умышленно оттягивая «гвоздь доклада» на конец, он заявил: «При головокружительном росте нашей партии от 5 до 500 тысяч, мы не можем хорошо изучить состав нашей партии . . .»[17]) и далее — «партия, запертая в царской клетке, имела 5 000, потом сразу 50 000, а потом через 4 года 500 000»[18]).

Итак с трибуны XI съезда, никем неоспоренный, Зиновьев признал, что к февралю 1917 года в партии было около 5 000 большевиков. Кто были эти люди? Можно ли говорить о том, что они представляли массовую партию, «авангард рабочего класса?»

«Большевистские организации и комитеты были по своему составу в значительной степени интеллигентскими, — утверждал в том же докладе Зиновьев, — студенческими, если хотите».

И он вынужден, несмотря на риторические рассуждения, по существу полусогласиться с П. Б. Аксельродом, утверждавшим, что «большевистская организация вовсе не рабочая по своему социальному составу». «Отсюда — продолжает Зиновьев — он выводил обвинение против нас в том, что мы бланкисты, ткачевцы и т. д.»[19]).

Чем они в основном занимались, что составляло основу деятельности этих людей?

«Мы — говорил Зиновьев в 1922 году — были агитаторами, мы были тем, чем теперь должен заниматься наш агитпропотдел. Чем мы занимались? Агитировали, пропагандировали, организовывали стачки, в лучшем случае, когда нам очень везло, организовывали восстания»[20]).

Небезынтересно также поставить вопрос, сколько из этих пяти тысяч были действительно квалифицированными работниками «агитпропа», которым по существу, согласно Зиновьеву, являлась партия.

На этот вопрос ответить труднее. В цитированном нами докладе Зиновьева на XI съезде содержится удручающая для 1922 года цифра. В почти полумиллионной партии было тогда по данным ЦК 863 журналиста, из них 68% оказались в партии после Октября. Следовательно до Октября их было примерно 250 человек. Учитывая, что межрайонцы, в большинстве своем являвшиеся журналистами, и ряд меньшевиков вошли в партию в течение 1917 года, надо предполагать, что к Февралю их было примерно вдвое меньше, т. е. 100-150 человек.

Такова была интеллектуальная сила, мозг партии, стремившейся после приезда Ленина к захвату власти в России.

Не удивительно поэтому, если взвесить в событиях Февраля эти цифры, что в первом, мартовском составе Петроградского совета на 1 500 депутатов едва приходилось тридцать большевиков, да и то большей частью не выбранных, а кооптированных по предложению ЦИКа. Так, в частности, в Петроградский совет попали вернувшиеся из ссылки Л. Б. Каменев, И. В. Сталин и другие большевики.

В марте же месяце был сформирован новый Петроградский комитет партии, исполнявший одновременно и роль ЦК, в составе Шляпникова, Залуцкого и Молотова.

В Москве было создано так называемое «Московское Областное бюро», охватившее своей организационной деятельностью почти всю центральную Россию — от Урала и до фронта. Это положение сложилось само собой из-за недостатка сил и отсутствия местных организаций. Работой Московского Областного бюро руководили первое время О. А. Варенцов, Е. Ярославский, Смирнов и приехавший вскоре из Соединенных Штатов Америки молодой, 29-летний, Бухарин.

Оставшийся после освобождения из ссылки работать на Урале Свердлов жаловался на Апрельской конференции, что на всем Урале весной 1917 года работа велась всего в семи-восьми местах и настоящих организаций партии не было.

Ведущим лидером большевиков, представлявшим партию в Петроградском совете, был до приезда Ленина Л. Б. Каменев. Совместно со Сталиным, он возглавил редакцию «Правды» и был признанным авторитетом. В этот первый период «Правда» выступала за поддержку Временного правительства и развитие «буржуазно-демократической революции». Сталин целиком разделял эту позицию, ведя себя крайне осторожно и уклончиво. «Большевики разбольшеви-

чились», — говорил о «Правде» приехавший из-за границы, принадлежавший к группе Троцкого, межрайоновец Мельничанский, в будущем один из виднейших большевиков. Не узнал большевиков и приехавший также из-за границы известный меньшевик В. А. Антонов-Овсеенко, активно сотрудничавший во время войны в меньшевистском «Голосе», впоследствии активный деятель Октябрьского переворота и командующий Украинским фронтом во время гражданской войны.

Общее положение в партии до апреля может характеризовать тот факт, что на Апрельскую конференцию приехало всего 49 делегатов, права которых, со многими натяжками, были признаны, как действительные права делегатов местных организаций. Можно утверждать, что новую историю большевистской партии следует начинать с апреля 1917 года, ибо весь мартовский период, был не чем иным, как собиранием старых сотрудников партии и установлением связи между ними.

Больше того, в этот период многие партийные организации существовали совместно с меньшевиками и происходило заново выявление политического лица многих будущих видных большевиков, далеко не закончившееся даже к июлю 1917 года.

Ленин и Зиновьев прибыли в Петроград поздним вечером 3 апреля. С какими мыслями Ленин ехал в Россию, как он оценивал революцию и в чем заключались его помыслы, может отчасти ответить его «Прощальное письмо к швейцарским рабочим». В нем он писал накануне отъезда:

«Россия крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Непосредственно в ней не может победить тотчас социализм. Но крестьянский характер страны . . . может придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции пролог всемирной социалистической революции, ступеньку к ней»[21]).

Итак победа социализма в России, как в отдельно взятой стране, невозможна — больше того ценность Февральской революции по Ленину отнюдь не заключалась в ее демократических завоеваниях, в открытии пути для широких реформ, но лишь в том, чтобы использовать российское крестьянство как базу для всемирной революции, как «ступеньку» к ней.

Весьма интересно, что первая редакция апрельских тезисов Ленина, записанная Ф. И. Драпкиной на мартовском партийном совещании и прочитанная Лениным утром 4 апреля на хорах Таврического дворца отсутствует (Драпкина наивно восклицает — «почему-то») в IV издании сочинений Ленина[22]).

В этой первой редакции Ленин еще более остро подчеркнул свою основную мысль из «Письма к швейцарским рабочим»:

«Один Либкнехт стоит дороже 110 оборонцев . . , если вы сочувствуете Либкнехту и протянете хоть палец оборонцам (речь идет о той части русской революционной демократии, которая оставалась на позициях национальной обороны во время войны. — Н. Р.), то это будет измена международному социализму»[23]).

Отсюда проистекал призыв к братанию с немцами на фронте. Но в то время как с немецкой стороны это братание носило характер пропагандной, теперь бы сказали «холодной» войны, с доставкой в русские окопы многочисленной лево-эсеровской и по своим лозунгам большевистской литературы, с русской оно явно имело антигосударственный, антинациональный характер и призыв к нему носил характер помощи отнюдь не Либкнехту, а немецкому генеральному штабу кайзеровской Германии. В своих апрельских тезисах Ленин выдвигал лозунг: «Никакой поддержки Временному правительству». Несмотря на революцию, Ленин, таким образом, призывал к продолжению пораженческой тактики, ища оснований для нее в системе установившегося двоевластия. Выступая теперь против парламентарной демократической республики под лозунгом «Вся власть советам», он полностью раскрыл свой природный антидемократизм, отталкивание от свободы и правовой государственности, ибо в «советы рабочих и солдатских депутатов» депутаты от воинских частей и заводов чаще делегировались чем выбирались (в зависимости от того, какая партия господствовала в том или ином месте), а кроме того, кооптация в советы на базе бывших партийных заслуг, пребывания в ссылке, в эмиграции и т. д., приняла самый широкий характер. Таким образом, лишь меньшинство населения было представлено в советах.

Дабы не быть голословным, приведем выдержку из «Правды» от 22 июня 1917 года, позволявшей себе более

объективное отношение к советам тогда, когда они еще не могли служить прикрытием для установления партийной диктатуры над страной:

«Ни для кого не тайна, — писала «Правда» по поводу голосования о наступлении на фронте 18 июня, — что в Петроградском Совете очень и очень неравномерно (и притом заведомо невыгодно нашей партии) 500 тысяч петроградских рабочих имеют в Совете в четыре раза меньше депутатов, чем 150 тысяч (сильно преуменьшенная цифра. — Н. Р.) петроградского гарнизона. Выходит, что 1 солдат имеет столько же избирательных прав, сколько 10-12 рабочих. Ненормальность такого положения признается всеми».

Добавим к этому заявлению «Правды», что, например, служащие тогда трехмиллионного (без гарнизона) Петрограда были представлены в совете в меньшей пропорции, а большей частью не представлены вовсе, равно как и мелкие собственники, интеллигенция, не входившая в состав партий революционной демократии, и многие другие. Что же касается крестьянства, в частности Петроградской губернии, то оно вначале почти совершенно игнорировалось советами.

Еще через два дня, 6 апреля тезисы Ленина были обсуждены на заседании Бюро ЦК. Черновая, единственная сохранившаяся протокольная запись до сих пор не опубликована. Большинство членов ЦК поддержали Л. Каменева, считавшего, что свершилась революция буржуазная и ей надо дать вызреть до конца, прежде чем ставить вопрос о переходе к социализму.

Каменев выступал против тактики «перманентной» революции, к которой по сути дела звали апрельские тезисы Ленина. Как и во всем мартовско-апрельском периоде, Каменева поддерживал Сталин. Сталин заявил, что тезисы Ленина — «это схема, в них нет фактов и поэтому они не удовлетворяют». Как и Каменев он считал, что «на Западе нет ничего», что гарантировало бы в скором времени социалистическую революцию[24]).

8 апреля в «Правде» Каменев открыто защищал указанную нами выше резолюцию совещания большевиков и писал:

«Впредь до каких-либо новых решений ЦК и постановлений общероссийской конференции партии эти резолюции остаются нашей платформой, которую мы будем защищать,

как от влияния революционного оборончества, так и от критики тов. Ленина»[25]).

В тот же день в Петроградском комитете партии было произведено голосование по апрельским тезисам Ленина: из 16 присутствовавших членов ЦК двое были за, один воздержался и 13 голосовали против Ленина.

Даже в своей партии Ленин казался изолированным. Как иронически говорил Плеханов, ни «услужливый» Платтен, доставивший Ленина в Россию, ни хлопотавший за него у немцев Роберт Гримм не заработали своих гонораров.

Н. Суханов, меньшевик, близкий к большевикам, в своих «Записках о революции» говорит о почти полной изолированности Ленина в дни его приезда. Но это только казалось. После своей неудачи в Петроградском комитете, уже на следующий день, 9 апреля, Ленин пишет свою статью «О двоевластии», где на вопрос о Временном правительстве он отвечает — «его надо свергнуть»[26]), а днем позже, 10 апреля, в своих тезисах для конференции — «Задачи пролетариата в нашей революции» — объясняет чем должно быть заменено Временное правительство — Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые «не поняты еще и в том отношении, что они представляют из себя новую форму, вернее новый тип государства» (выделено Лениным. — Н. Р.)[27]).

Противники Ленина недооценили главного в апрельских тезисах — указания на возможно быстрый захват власти благодаря существующему положению двоевластия. Это указание, хотя и не сформулированное прямо, было в то же время настолько ясно, что Троцкий сразу разглядел в нем «идейное перевооружение большевиков».

Другой причиной относительно легкой победы приехавших из-за границы Ленина и Зиновьева было сосредоточение их усилий на отстройке аппарата партии. Ленин, как рассказывают многочисленные мемуаристы, отдавал огромное количество времени на личные встречи с новыми членами партии в Петрограде, он старался не пропустить ни одного приезжающего из провинции делегата. Ему и Зиновьеву это было тем легче, что только они были посвящены полностью в состав большевистских кадров 1914 года и знали этот кадр лучше других. Ленин нашел талантливого организатора в лице вызванного им с Урала Я. Свердлова и с его помощью отстроил во дворце Кшесинской настоящий штаб с многочи-

сленными освобожденными работниками. Достаточно указать, что только Военная организация этого штаба или попросту «Военка», как ее называли в то время, имела в своем составе несколько десятков освобожденных работников.

Приведем один из многочисленных примеров. «Сразу же после (апрельской. — Н. Р.) конференции, — рассказывает один из кронштадтских делегатов, старый большевик В. Панюшкин, — меня вызывают в секретариат ЦК к Якову Михайловичу Свердлову. Получаю от него задание выехать в Тулу... Еду уполномоченным ЦК партии по Тульской и близлежащим губерниям. Везу с собою мощную по тем временам колонну агитаторов и организаторов — около ста кронштадтских моряков». В Новосиле, где Панюшкин хочет издавать газету, хозяин типографии, «анархиствующий эсер» спрашивает Панюшкина — «А деньги есть?» — «Есть, конечно», — отвечает уполномоченный ЦК и «Крестьянская правда» выходит большим тиражом в Тульской губернии. Анархиствующего эсера беспокоила большевистская газета и он запросил двойную цену. «Приходится платить», — согласился располагавший деньгами уполномоченный ЦК[28]).

Уже к маю месяцу лицо старой большевистской организации, опиравшейся на небольшие группы рабочих и районные организации, созданные такими действительно связанными с заводами людьми, как Шляпников и Залуцкий в Петрограде, Ногин и Ломов в Москве, совершенно изменилось.

Штаб во дворце Кшесинской, располагая многочисленными эмиссарами, главным образом, в Балтийском флоте и среди некоторых частей Петроградского гарнизона, пытался создать в Гельсингфорсе, в Кронштадте и в Петрограде свои собственные ударные части, готовые по первому требованию выйти с оружием в руках на улицу. Среди моряков флота и Кронштадта оказалась значительная прослойка анархистов и эсеров левого толка, которые часто с гораздо большим энтузиазмом готовы были следовать за ленинскими лозунгами, чем многие старые большевики. Среди запасных полков Петрограда (напомним, что их численность в городе и окрестностях доходила до 400 тысяч), ленинские лозунги вызывали поддержку особенно в те периоды, когда Временное правительство требовало посылки маршевых рот на фронт. Военно-революционный комитет большевиков сумел создать организацию в 180-ом запасном полку, в некоторых частях,

расположенных недалеко от дворца Кшесинской, и особенно в 1-ом пулементном запасном полку.

Весьма характерно, что из девяти человек, выбранных в ЦК на Апрельской конференции около половины — Каменев, Ногин, Милютин, Федоров не разделяли взглядов Ленина, не участвовали в непосредственной работе над созданием аппарата партии. Так, например, Ногин вернулся в Москву, Каменев продолжал представлять большевиков в совете. Зато к ленинской группе — Зиновьев, Свердлов, Смилга — присоединился, изменив своим взглядам, Сталин. Таким образом, это узкое ленинское руководство, опираясь на Военную организацию, фактически решало все текущие вопросы.

Мы вовсе не склонны отрицать роль личности в истории, — разумеется, приезд Ленина был решающим фактором в переориентации партии на захват власти. Но не следует забывать, что Ленин привез с собой не только лозунги и тактику этой переориентации, но и, что, может быть, и было решающим, — денежные средства, позволившие ему снова отстроить по своему усмотрению аппарат партии, необходимый для захвата власти. Для того, чтобы объяснить этот бурный рост партийного аппарата, объяснить возможность посылки сотен эмиссаров, типа Панюшкина, во все концы России и на фронт, объяснить, наконец, кипучую деятельность Военной организации большевиков, необходимо остановиться на источниках денежных средств Ленина, на его немецких связях.

ГЛАВА IV

ЛЕНИН И НЕМЕЦКИЕ ДЕНЬГИ

Временному правительству не удалось документально раскрыть тайну отношений Ленина и большевиков с немцами во время Первой мировой войны и русской революции 1917 года. Многочисленные исследователи этого вопроса на Западе также не имели главного — документов. Надо отдать справедливость большевистскому руководству — оно умело хорошо хранить свой секрет, несмотря на то, что он был известен многим.

Характерно, что Ленин, никогда не отличавшийся личным мужеством, испытывал постоянный страх за себя со дня своего появления в России. Неразлучно же сопровождавший его Зиновьев, периодически впадал в состояние полной паники, проявляя буквально животный страх при первых признаках опасности, даже воображаемой.

Еще на границе Финляндии, в Белоострове, первым вопросом Ленина к выехавшему к нему навстречу Каменеву было: — не арестует ли их правительство[29]).

Насколько навязчивы были привезенные с собой из-за границы страхи Ленина, показывает, например, его фраза, услышанная той же Драпкиной ночью 3 апреля, когда после чая во втором этаже дворца Кшесинской она спускалась позади Ленина в залу для совещаний:

«Ну, что же, — с деланным равнодушием полуспрашивал, полуутверждал Ленин, — самое худшее, что они могут сделать, это истребить нас физически» . . .[30]).

Можно привести многочисленные другие свидетельства о том, что этот страх не покидал Ленина[31]). Он бесконечное количество раз возвращается к мысли о том, что враги непременно хотят убить его.

«Теперь — сказал он Троцкому утром 5 июля 1917 года — они нас всех расстреляют. Это самый подходящий момент для них»[32]).

Страхи Ленина, как мы увидим ниже, вовсе не были необоснованными.

Сохранение тайны стоило много крови. Еще в июне 1918 года был расстрелян контр-адмирал Щастный, герой Ледового похода, спасший Балтийский флот выводом его из Гельсингфорса в Кронштадт. И не один адмирал Щастный погиб только потому, что раскрыл предательство большевиков. Многие левые эсеры, в том числе Карелин, Камков, Блюмкин, кончили свою жизнь в чекистском застенке, в частности, потому, что слишком много знали . . .

Сталин в свою очередь позаботился о ликвидации еще живших свидетелей. При нем бесследно исчез доверенный Ленина Ганецкий. Бернский корреспондент «Посева» Е. Шаргин в своей статье «Новое о «пломбированном вагоне» («Посев» от 8 декабря 1957 года) пишет, что до родственников другого доверенного Ленина — Фрица Платтена дошло известие о том, что Платтен вместе с семьей ликвидирован в тридцатых годах.

И правительство Веймарской республики и Гитлер, по своим соображениям, держали под замком документы, касающиеся отношений кайзеровской Германии с большевиками. Знающие люди, как германский государственный секретарь Кюльман, генерал Людендорф и другие предпочитали обходить этот деликатный вопрос глухим молчанием.

С. П. Мельгунов, специально занимавшийся вопросом немецкой помощи Ленину, в своей работе «Золотой немецкий ключик большевиков», вышедший в 1940 году, должен был признать, что выяснить размеры этой помощи, а также пути, какими она текла к большевикам, «пока» невозможно.

Еще раньше (в 1921 году) известный германский социалист Эдуард Бернштейн опубликовал в органе германской социал-демократии «Форвертс» заявление, где писал:

«Ленин и его товарищи получили от кайзеровской Германии крупные суммы на ведение в России своей разрушительной агитации. Я знал об этом еще в декабре 1917 года. Сейчас из абсолютно заслуживающих доверия источников я узнал, что речь шла о большой, почти невероятной сумме, о сумме, превышающей 50 миллионов золотых марок. При получении такой суммы у Ленина и его товарищей никакого сомнения не могло быть из каких источников шли эти деньги . . . Не интересуясь намерениями лиц, снабжавших его

деньгами, — писал Бернштейн, — он использовал последние для осуществления социалистической революции. Что он так поступал нельзя отрицать. Но такими доводами может быть оправдана любая, самая нечистоплотная политическая авантюра»[33]).

Заявление Бернштейна большевики замолчали. Когда немецкие коммунисты подвергли его злобным нападкам, Бернштейн предложил им и большевикам привлечь его к суду, если они считают его клеветником. Но к суду Бернштейна никто не привлек, советская печать также полностью замолчала его заявление и лишь Зиновьев в отчетном докладе ЦК на XIII съезде (май 1924 г.), назвав представителей германской социал-демократии «последними негодяями и подлецами», упомянул о Эдуарде Бернштейне, как об «одном из последних, поддерживающих версию о шпионстве Владимира Ильича». «Будто бы у него есть документ, говорящий о том, что Владимир Ильич является немецким шпионом». Аргументация Зиновьева не лишена своеобразия:

«... И это заявление Бернштейн, вождь II Интернационала, делает уже тогда, когда даже вся буржуазия отказалась от этой подлой клеветы»[34]).

Пикантность аргументации Зиновьева заключается и в том, что он не мог не знать тогдашнего посла Веймарской республики в Москве графа Брокдорф-Ранцау, являвшегося не только информатором Эдуарда Бернштейна, но и одной из центральных фигур в немецкой работе с большевиками в 1916-1918 гг., когда он занимал пост германского посла в Копенгагене и непосредственно руководил работой Парвуса и его группы (см. ниже). Естественно, что германский посол в Москве, в эпоху расцвета советско-германских отношений предпочитал хранить тайны прошлых отношений.

Но рано или поздно тайны раскрываются. Недавно опубликованные секретные архивы германского министерства иностранных дел подтверждают полностью и без остатка зависимость Ленина и большевиков от кайзеровской Германии, проливают яркий свет на одну из самых запутанных страниц подготовки и проведения Октябрьского переворота и позволяют многое переоценить в истории коммунистической партии.

Создать централизованную, дисциплинированную, мобильную и послушно идущую за своим руководством организацию было, конечно, невозможно без значительных де-

нежных средств. Немецкие деньги помогли Ленину осуществить свою идею о партии, сформулированную еще в «Что делать?», и дали ему возможность поставить непосредственно вопрос о «диктатуре пролетариата», ибо в его руках оказался инструмент для осуществления тотального властвования.

Именно поэтому Ленин так торопился в июле, сентябре, октябре 1917 года с захватом власти. Он не мог не понимать, что инструмент, находящийся у него в руках, неизбежно распадется, большевики «сойдут на нет как партия», если он не успеет пересадить его с немецкой финансовой базы на базу российской государственной власти с ее безграничными возможностями.

Опубликованные ныне документы германского министерства иностранных дел сохранились лишь благодаря случаю. Во время последней войны архив был вывезен в район Гарца и спрятан в нескольких замках. Вопреки инструкции гитлеровского правительства, хранивший архивы чиновник не сжег их в момент капитуляции Германии, и огромное количество документов попало в 1945 году в руки английской армии.

После разбора, тянувшегося годами, и снятия копий архив этот был передан правительству Германской Федеративной Республики.

Часть найденных документов публиковалась в различных газетах (западногерманская газета «Ди Вельт» и др.), а затем, в 1958 году, в издании Oxford University Press появилась первая публикация З. А. Б. Зимана на английском языке, охватывающая важнейшие документы германского министерства иностранных дел по интересующему нас здесь вопросу[35]).

Ближайшее ознакомление с этой публикацией не оставляет сомнений в подлинности документов.

Первые из них говорят о предложении русского подданного Александра Гельфанда-Парвуса германскому правительству.

Связь Парвуса с немцами во время Первой мировой войны уже давно установлена. Но подлинные германские документы и особенно «меморандум» Парвуса от марта 1915 года (приводимый нами ниже в выдержках) стал известен только теперь.

Парвус, член РСДРП, активный участник революции

1905 года, игравший тогда вместе с Троцким видную роль в создании первого Петроградского совета, в начале войны, находясь уже около десяти лет в эмиграции, занимался сомнительными денежными операциями и поставками турецкому правительству в Константинополе. Там он связался с германским посольством вскоре после вступления Турции в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии.

Уже 9 января 1915 года германский посол в Константинополе предложил помощнику государственного секретаря Циммерманну принять Парвуса в Берлине с целью выяснения вопроса о финансовой поддержке русских революционных организаций, занимающих пораженческую позицию.

Парвус, который до этого был неоднократно высылаем из Германии, был принят в Берлине 13 января 1915 года чиновником при главной квартире кайзера Гицлером, будущим советником графа Мирбаха в 1918 году в Москве. В результате этой встречи, 9 марта 1915 года германское министерство иностранных дел получило обширный меморандум «доктора Гельфанда» (он же Парвус), в котором он предлагал широко задуманный план проведения в России «политической массовой забастовки», с центром в Петрограде, которая, как минимум, должна была парализовать все русские железные дороги, ведущие к фронту[36]).

На опыте революции 1905 года Парвус доказывает, что после энергичной пропагандной подготовки всеобщая забастовка может дать возможность создания революционных комитетов, способных захватить власть.

Во второй части меморандума Парвус указывает на украинских, кавказских, тюркских и других сепаратистов, предлагая оказать им максимальную поддержку. Однако он подчеркивает, что центром тяжести в борьбе с русским правительством являются прежде всего большевистская и меньшевистская партии социал-демократии[37]).

Опуская здесь многочисленные технические предложения Парвуса о переброске литературы в Россию и об организации связей и контактов, в том числе через моряков в Антверпене, приведем заключение Парвуса:

«Теперь является особенно важным начать работу в области:

1. Финансовой поддержки большевистской группе Русской Социал-Демократической Партии, которая борется с

царским правительством всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Ее вожди находятся в Швейцарии.

2. Установления прямых связей с революционными организациями в Одессе и Николаеве через Бухарест и Яссы . . .
5. Нахождения авторитетных личностей из среды русских социал-демократов и социал-революционеров в Швейцарии, Италии, Копенгагене и Стокгольме и поддержки тех из них, которые стремятся к немедленным и решительным действиям против царизма.
6. Поддержки тех русских революционных писателей, которые будут продолжать участвовать в борьбе против царизма, несмотря даже на то, что война продолжается . . .[38]).

Парвус потребовал в начальной стадии для постановки указанной в меморандуме работы двух миллионов золотых марок. Его требование было удовлетворено германским имперским казначейством 11 марта 1915 года[39]), а через две недели, 26 марта германский посредник Фрёлих писал ведавшему всем делом связей с Парвусом представителю министерства иностранных дел в ранге посла Бергену:

«Предмет: д-р Александр Гельфанд-Парвус.

Немецкий банк послал мне перевод на дальнейшие 500 000 марок, которые я прилагаю.

Я хочу обратить ваше внимание на мое письмо от 20 марта, в котором я указывал на то, что д-р Гельфанд требует сумму в миллион марок, не считая потерь при обмене, а также на то, что все потери при обмене и расходы в Копенгагене, Бухаресте и Цюрихе пойдут за наш счет . . .»[40]).

Деятельность Парвуса по установлению связей с большевиками и эсерами в следующие три месяца, видимо, не осталась без результата. 6 июля 1915 года сам министр иностранных дел Германии Ягов обратился в имперское казначейство со следующим письмом:

«Пять миллионов марок требуются нам на содействие революционной пропаганде в России. Поскольку этот расход не может быть покрыт из сумм, находящихся в нашем распоряжении, я запрашиваю Ваше Превосходительство о переводе их в мое распоряжение на основании 6-го параграфа закона о чрезвычайном бюджете . . .»[41]).

Гельфанд-Парвус бросил свои дела в Константинополе и, переехав в Копенгаген, основал «Институт изучения интернациональной экономики», который должен был служить ему прикрытием для новой деятельности.

В настоящее время трудно проследить во всех подробностях первые связи Парвуса с ленинской группой в Швейцарии. Опубликование документов архива русского посольства в Париже, недавно вскрытого в США («Архив Маклакова») должно пролить свет на эти связи, особенно если там, как мы слышали, находятся копии рапортов капитана Красильникова, специально занимавшегося русской эмиграцией в Швейцарии во время войны.

Но и в цитируемой нами Оксфордской публикации германских документов есть прямое указание на то, что Парвус быстро нашел посредников к Ленину и его группе. Германский посланник в Берне Ромберг, начиная с сентября 1915 года, посылает канцлеру в Берлин рапорты эстонца Кескюла. Рапорт от 30 сентября 1915 года включает информацию от Ленина о программе последнего на случай революции[42]).

В рапорте от 1 февраля 1916 года Кескюла не без юмора описывает, как Бухарин не мог спать всю ночь после попытки Парвуса встретиться с ним. Посредником был Кескюла, из чего совершенно очевидно, что последний в этот период работал с Парвусом. В указанном рапорте от 1 февраля 1916 года Кескюла сообщает также, что это он уплатил за издание брошюры Бухарина «Война и рабочий класс», что, однако, так и осталось неизвестным самому Бухарину.

8 мая 1916 года уже упоминавшийся нами выше посланник Берген получил меморандум об израсходовании 130 000 золотых марок тем же Кескюла на «русскую пропаганду». В меморандуме доказывается необходимость дальнейшего финансирования Кескюла и в числе прочего говорится:

«... он также поддерживал чрезвычайно полезный для нас контакт с Лениным и передал нам содержание рапортов, посланных Ленину тайными агентами Ленина из России. Кескюла поэтому необходимо снабжать нужными средствами и в будущем ...»[43]).

Перейдем к проезду Ленина через Германию в Россию в апреле 1917 года.

В телеграмме германского посланника в Берне Ромберга от 4 апреля 1917 года говорится:

«Платтен, секретарь Социал-Демократической партии, пришел встретиться со мной от имени группы русских социалистов и в особенности от их вождей Ленина и Зиновьева, чтобы высказать просьбу о немедленном разрешении проезда через Германию наиболее важным эмигрантам, числом от 20-ти до 60-ти, самое большее. Платтен заявил, что дела в России принимают опасный оборот для дела мира и что все возможное должно быть сделано, чтобы перебросить социалистических вождей в Россию как можно скорее, ибо они имеют там значительное влияние... Ввиду того, что их немедленный отъезд в высшей степени в наших интересах, я усиленно рекомендую, чтобы разрешения были выданы сразу...»[44]).

Не будем описывать суматошную телеграфную переписку Берлина с германскими послами в Стокгольме, Копенгагене и Берне по поводу устройства разрешения на проезд группе Ленина. Особенно гордо звучит телеграмма (от 10 апреля) германского посла в Стокгольме Люциуса, добившегося от шведского правительства разрешения на транзитный проезд для группы через Швецию.

Люциус не зря торопился: сам германский император Вильгельм II готов был активно участвовать в этом деле. 12 апреля представитель министерства иностранных дел при Главной Квартире передал по телефону в министерство:

«Его Императорское Величество Кайзер предложил сегодня за завтраком, что... в случае если русским будет отказано во въезде в Швецию, Верховное командование армии будет готово перебросить их в Россию через германские линии»[45]).

Вопрос переезда ленинской группы, как видим, был вовсе не мелким делом, устроенным, якобы, Мартовым (как утверждал недавно журнал «Вопросы истории»).

Укажем попутно, что Ромберг всячески старался договориться с Платтеном о присоединении к ленинской группе левых эсеров, которых он хорошо знал через своего агента левого эсера Живина, имевшего, согласно Ромбергу, «прекрасные отношения с руководящими членами (партии) Черновым и Бобровым (Натансоном)».

В эту суматоху вмешался, конечно, и Парвус. Германский посол в Копенгагене граф Брокдорф-Ранцау[46]) (который, кстати сказать, был именно тем лицом, которое информировало позже Эдуарда Бернштейна о получении больше-

виками германских денег, что в силу положения Брокдорф-Ранцау, как работавшего непосредственно с Парвусом в Копенгагене, заслуживает особого внимания) телеграфировал министерству иностранных дел 9 апреля 1917 года:

«Д-р Гельдфанд требует, чтобы он был немедленно информирован о времени прибытия русских эмигрантов в Мальмё . . .»[47]).

Сам помощник государственного секретаря поспешил ответить графу Брокдорф-Ранцау, и есть все основания верить в то, что встреча Парвуса с Лениным в Мальмё состоялась[48]).

Завершением дела о переезде был отклик главной квартиры германской армии на апрельские тезисы Ленина. Главная квартира 21 апреля 1917 года известила министерство иностранных дел следующей телеграммой:

«Въезд Ленина в Россию произошел успешно. Он работает точно так, как бы мы желали . . .»[49]).

Миллионы, брошенные Парвусу, оказались оправданными в глазах главной квартиры германской армии и она не скрывала своей радости. Германское правительство не захотело быть неблагодарным по отношению к Парвусу: 9 мая государственный секретарь Циммерманн официально известил германского посла в Стокгольме, что Парвус, «оказавший нам многочисленные особые услуги в ходе войны . . . удостоен прусского подданства».

Так русский подданный Александр Гельфанд-Парвус, активный участник революции 1905 года, личный друг Троцкого, а также и многих большевиков, торжественно превратился в верноподданного прусака!

И после переезда Ленина в Россию германское правительство продолжает заботиться о его денежных делах, что видно, например, из пометки, сделанной рукой графа Пурталеса — последнего германского посла в Петербурге, передавшего Сазонову в 1914 году объявление войны — на рапорте Ромберга о разговоре последнего с Фрицем Платтеном. Платтен, по возвращении в Берн из поездки с Лениным через Германию и Швецию, жаловался Ромбергу, что «социал-патриоты» имеют гораздо больше денег для своей пропаганды, чем «сторонники мира», что вызвало запрос Ромберга о средствах, получаемых группой Ленина. На этом запросе стоит отметка графа Пурталеса:

«Я говорил с Ромбергом. Этим самым поднятый в по-

следней фразе его сообщения вопрос (где речь идет о деньгах) был улажен».

Бернское посольство и после отъезда Ленина продолжало свои связи с большевиками. Германский военный атташе в Берне Нассе в своем меморандуме от 9 мая 1917 года передает содержание разговора своего представителя Байера с большевиком Григорием Львовичем Шкловским и др. в Цюрихе накануне отъезда последнего в Россию. В этом разговоре вопрос касался, в частности, новых условий передачи денег, в связи с переездом Ленина в Россию. Условия эти заключались в следующем:

«1. Личность того, кто дает деньги, должна гарантировать, что деньги происходят из не подлежащего сомнениям источника.

2. Дающий или передающий деньги должен иметь возможность благодаря официальным или полуофициальным рекомендациям переезжать с этими деньгами русскую границу.

3. Суммы для непосредственных затрат должны быть в наличных деньгах, а не в каких-либо чеках, которые было бы трудно разменять и которые могут привлечь внимание. Швейцарская валюта может быть наиболее легко, наиболее эффективно и в то же время с наименьшими препятствиями превращена в любые наличные и необходимые деньги»[50]).

Сама возможность получения денег через германского военного атташе была воспринята Шкловским и др. с «радостной готовностью». Одновременно персона германского военного атташе, готового оказать «финансовую поддержку для особой цели — работы на мир», вызывала одобрение Шкловского, потому что его «личные связи с официальными личностями в правительственных кругах здесь (в нейтральной Швейцарии. — Н. Р.) были признаны чрезвычайно благоприятными для практического исполнения проекта»[51]).

Не являлись ли эти «официальные личности» национальным советником, недавно умершим швейцарским социалистом Робертом Гриммом, высланным Временным правительством в июле 1917 года из России, и национальным советником Гофманом, лично связанным не только с военным атташе Нассе, но и с самим германским посланником в Берне Ромбергом[52]).

Между прочим, еще в августе 1916 года Ленин дважды писал Г. Л. Шкловскому, указывая в одном письме на работу

среди русских пленных в Германии — работу, финансируемую немцами через Парвуса:

«Дорогой Г. Л. ... за письма пленных спасибо. Работа успешная (подчеркнуто Лениным. — Н. Р.), поздравляю!»

Еще раньше, 4 или 5 августа 1916 года Ленин писал тому же Шкловскому:

«Пожалуйста, присылайте нам, по использовании, письма пленных ...»

И характерный пункт письма:

«Что давненько не было отчета о деньгах? Или уже такая масса привалила, что не сосчитать?»[53]).

Таким образом из этих двух, дошедших до нас, писем Ленина (опубликованных лишь недавно, в последнем томе сочинений Ленина) со всей очевидностью вытекает, что переговоры Шкловского с Нассе не были случайны: туманные выражения писем Ленина на фоне меморандума Нассе от 9 мая 1917 года приобретают совершенно определенный смысл.

С приездом Ленина в Россию роль Парвуса уменьшается, хотя до самого конца 1917 года он, как видно из немецких документов, все еще в курсе финансовых дел большевиков.

После переговоров со Шкловским большевики постепенно перенимают непосредственно в свои руки связи с немцами. Берн и Стокгольм играют решающую роль в этих связях. Если в Берн в начале 1918 года прибывает в качестве советника полпредства Шкловский, то в Стокгольме остается целая делегация большевиков в составе Воровского, Радека и Ганецкого-Фюрстенберга. Ганецкий, будучи служащим Парвуса и его ближайшим помощником по связям с большевиками, был одновременно полуофициальным представителем Ленина, с которым последний находился в непрерывной связи до своего ухода в подполье 5 августа 1917 года[54]).

Поэтому, в немецком архиве отложились главным образом документы бернского и стокгольмского посольств.

3 июня (21 мая ст. ст.) германский государственный секретарь Циммерманн извещал немецкого посла в Берне:

«Ленинская пропаганда мира неуклонно растет и его газета «Правда» достигла тиража 300 000 экземпляров»[55]).

11 июля (28 июня ст. ст.) 1917 года советник германского посольства в Стокгольме Стоббе сообщает, что, в связи с событиями 9-10 июня в Петрограде «влияние ленинской группы, к сожалению, уменьшилось». Но Стоббе спешит

приложить к рапорту издание «Корреспонденции «Правда» Ганецкого на немецком языке, где передаются «ожесточенные нападки гельсингфорской газеты большевиков «Волна» против (готовящегося. — Н. Р.) наступления»[56]).

В этом же рапорте Стоббе упоминает находящихся в Стокгольме большевиков Ганецкого, Воровского и Радека. Здесь они упоминаются в качестве лиц, ведущих начатые по инициативе Парвуса переговоры с представителями левого крыла германской социал-демократии. Действительная же роль Воровского и Ганецкого полностью выясняется из более поздней по дате, но чрезвычайно характерной, телеграммы бернского посла Ромберга министерству иностранных дел, в которой он приводит одну из полученных им телеграмм Воровского:

«15 ноября (2 ноября ст. ст.) 1917 года.

Для Бергена. Байер требует, чтобы было сказано Нассе о следующей телеграмме из Стокгольма: «Прошу исполнить ваше обещание немедленно. Мы дали обязательство на этих условиях, ибо нам предъявляются большие требования. Воровский». Байер сообщает мне, что эта телеграмма может ускорить его отъезд на Север. Ромберг»[57]).

В свете этой переписки делается понятным одно из загадочных писем Ленина, написанное им Ганецкому и Радеку вскоре после его приезда в Россию — 12 апреля 1917 года:

«Дорогие друзья! До сих пор ничего, ровно ничего: ни писем, ни пакетов, ни денег от вас не получили . . .»

И характерная приписка в конце письма:

«. . . будьте архиаккуратны и осторожны в сношениях»[58]).

Приведенные документы достаточно красноречиво говорят сами за себя.

Конечно, это не все. Целых три документа в Оксфордской публикации (№№ 68, 69, 70) говорят о панике в германских правительственных кругах после июльских событий в Петрограде, когда Временное правительство издало приказ об аресте большевиков. Например, 18 августа (5 августа ст. ст.) Берлин известил свое посольство в Копенгагене:

«Подозрение, что Ленин — германский агент, было энергично опровергнуто в Швейцарии и Швеции по нашему наущению. Поэтому все следы рапортов по этому вопросу, предположительно сделанных германскими офицерами, были тоже уничтожены»[59]).

На второй день большевистского Октябрьского переворота, 8 ноября 1917 года (26 октября ст. ст.), в 5 часов дня германский посол Люциус телеграфировал из Стокгольма в Берлин главному советнику по русским делам Бергену:

«Прошу послать 2 миллиона из военного кредита на известные цели»[60]).

10 ноября помощник государственного секретаря Бусше с лихорадочной готовностью отвечал послу:

«Половина желаемой суммы будет взята фельдъегерем в воскресенье, остаток во вторник. Дальнейшие суммы в Вашем распоряжении, если необходимо. Если большие военные кредиты должны быть посланы, прошу известить меня. . .»[61]).

Германский государственный секретарь (министр иностранных дел) Кюльман прекрасно учел значение Октябрьского переворота. Не теряя времени, он уже 9 ноября обратился к государственному секретарю казначейства (министру финансов) со следующим требованием:

«На базе переговоров посланника Бергена (министерство иностранных дел. — Н. Р.) с министериальным директором Шрёдером, я имею честь запросить Ваше Превосходительство о передаче в распоряжение министерства иностранных дел суммы в 15 миллионов марок для употребления на политическую пропаганду в России, согласно параграфу 6-му . . . закона о чрезвычайном бюджете. В зависимости от того, как разовьются события, я хочу сохранить за собой возможность снова обратиться к Вашему Превосходительству в ближайшем будущем с запросом о Вашем согласии на дальнейшие суммы. Я буду благодарен за возможно скорый ответ. Кюльман»[62]).

Ответ был дан уже на следующий день — сумма в 15 миллионов была отпущена казначейством 10 ноября.

Государственный секретарь Кюльман был главным творцом Брест-Литовского мирного договора. После ухода Циммерманна, предшественника Кюльмана, никто в Германии не знал лучше последнего всей подоплеки сотрудничества с ленинской группой, всего объема и значения германской помощи большевикам. Давая анализ положения в России на 29 (16 ст. ст.) сентября 1917 года, еще за месяц с лишним до Октябрьского переворота, Кюльман писал в главную квартиру германской армии:

«Военные операции на Восточном фронте, широко запланированные и проведенные с большим успехом, были

поддержаны интенсивной подрывной деятельностью Министерства Иностранных Дел внутри России. Нашими главными задачами в этой деятельности были подталкивание националистических и сепаратистских опытов и оказание сильной поддержки революционным элементам. Вот уже некоторое время, как мы принимаем участие в этой деятельности в полном согласии с Политическим Отделом Генерального Штаба в Берлине (капитан фон Гюльзен). Наша совместная работа дала конкретные результаты. Большевистское движение никогда не смогло бы достигнуть того масштаба и того влияния, которое оно имеет сейчас, если бы не наша непрерывная поддержка (подчеркнуто нами. — Н. Р.). Есть все основания думать, что это движение будет продолжать расти. . .»[63]).

Через несколько дней, в ответной телеграмме от 6 октября (23 сентября ст. ст.) не кто иной, как сам генерал Людендорф признал значение подрывной деятельности в России германского министерства иностранных дел совместно с политическим отделом германского генерального штаба и высказал благодарность за предоставление больших денежных сумм, подчеркнув «важность этой работы»[64]).

Таков краткий обзор немецко-большевистских отношений в период 1915-1918 гг. по только что опубликованным документам германского секретного архива. В свете немецко-большевистских отношений до прихода к власти большевиков дальнейшие события 1917 года, связанные с историей большевистской партии, приобретают новое, до сих пор неизвестное значение. Без краткого ознакомления с этими документами невозможно до конца понять ни тактики Ленина, ни того «исторического чуда» с захватом и удержанием власти большевиками, о котором Ленин говорил на IX съезде партии в марте 1920 года.

ГЛАВА V

ПОДГОТОВКА ВОССТАНИЯ И ПЕРВЫЕ ПРОБЫ СИЛ

Военная организация по признанию ее основателя В. И. Невского «в начале . . . охватывала небольшую часть питерского гарнизона»[65]), главным образом части, расположенные вблизи дома Кшесинской. В апреле-мае Военная организация рассматривалась и самими руководителями больше как организация оберегающая большевистский штаб в случае нападения. Это нетрудно обнаружить в той части воспоминаний того же Невского, где он говорит об удобстве для работы дома Кшесинской:

«Прямо напротив дома была очень прочная ячейка в Петропавловской крепости, сзади помещался броневой дивизион, переправы на Выборгскую сторону оберегались хорошей организацией Гренадерского полка (Механошин, Анисимов), связанного с пулеметным полком. Троицкий мост охранялся Павловским полком и броневым дивизионом, с которыми были хорошие связи».

Аппарат Военной организации, после приезда Ленина, быстро рос и достиг размеров, едва ли возможных без значительных денежных средств. В первоначальное Бюро в составе В. Невского, Н. Подвойского и С. Сулимова в разное время вошли Лашевич, Дашкевич, Семашко, Дзевалдовский, работавшие главным образом в 1-ом пулеметном полку, Механошин, Анисимов, Розмирович, Менжинский, Дзержинский, А. Ильин-Женевский, Тер-Арутюнянц (офицер, исполнял должность вроде начальника штаба), Коцюбинский, Крыленко, Садовский, Чудновский, Антонов-Овсеенко, Рошаль (Кронштадт) и многие другие. Некоторая часть, как, например, Семашко, Дзевалтовский, Крыленко, Дашкевич, Ильин были офицерами, большей частью в чине прапорщика. Большинство этих работников «Военки», перешли в Октябре в состав «Военно-революционного комитета».

Характерной особенностью Военной организации боль-

шевиков было то, что она, несмотря на свой большой аппарат, почти не имела своих представителей в выборных комитетах петроградских полков (за исключением 1-го пулеметного полка и морских организаций). Что касается фронтовых комитетов, то именно они, в период подготовки июльского восстания, внушали больше всего опасений большевистской Военной организации.

Несмотря на это, как пишет Суханов, в начале июня Невский и Подвойский в своем докладе Центральному Комитету считали, что сил для захвата власти вполне достаточно, так как серьезного сопротивления ожидать не приходится. Они гарантировали выступление 1-го и 2-го пулеметных, Московского, Гренадерского, Павловского и 180-го запасных полков. В Красном селе можно было рассчитывать на 176-ой полк, где господствовали «межрайонцы», то есть группа Троцкого.

Согласно информации Суханова большевики считали возможным выступление на стороне правительства Семеновского и Преображенского запасных полков, 9-го кавалерийского запасного и 2-х казачьих полков. Все остальные, весьма многочисленные части считались нейтральными. Часть ЦК идя на «вооруженную манифестацию» предпочитала оставить пока открытым вопрос захвата власти, указывая на то, что фронт и провинция не поддержат. На этой позиции стояли Каменев и Зиновьев. Сталин поддерживал Невского, настаивавшего, что в деле восстания надо идти до конца.

Ленин и большинство нашли среднюю линию, которую Суханов[66]) передает как принятый на 10 июня план вооруженной демонстрации под лозунгом «Вся власть Советам» следующим образом:

«Ударным пунктом манифестации, назначенной на 10 июня, был Мариинский дворец, резиденция Временного правительства. Туда должны были направиться рабочие отряды и верные большевикам полки. Особо назначенные лица должны были вызвать из дворца членов кабинета и предложить им вопросы. Особо назначенные группы должны были во время министерских речей выражать «народное недовольство» и поднимать настроение масс. При надлежащей температуре настроения Временное правительство должно было быть арестовано. Столица, конечно, немедленно должна была на это реагировать. И в зависимости от характера этой реакции Центральный Комитет большевиков под тем или

иным предлогом должен был объявить себя властью. Если в процессе «манифестации» настроение будет для всего этого достаточно благоприятным и сопротивление Львова-Церетели будет невелико, то оно должно быть подавлено силой большевистских полков и орудий»[67]).

То, что большевики решили начать выступление под видом мирной, но вооруженной демонстрации не отрицают большевистские официальные историки, но цели и задачи выступления прячутся под двусмысленной фразой о «пробе сил». А по смыслу лозунгов — «Вся власть Советам», «Долой 10 министров-капиталистов» выходило, что будто большевики пекутся о передаче власти «социал-предателям» — меньшевикам и эсерам . . .

Предложение Троцкого о выходе первоначально без оружия находило возражение в том, что нельзя ставить рабочих и солдат под пулеметы правительства . . .

Весь план большевистского ЦК полностью раскрылся лишь в июльские дни. «План 10-го июня провалился, ибо он стал известен накануне во время 1 Всероссийского съезда советов, на котором из количества свыше 1000 делегатов было едва 130 большевиков.

После бурных прений съезд вынес резолюцию о запрещении манифестаций на 3 дня и уже под утро Луначарский, тогда еще межрайоновец, сообщил, что большевики отказались от демонстрации. На следующий день Ленин на закрытом заседании Петроградского комитета большевиков признал причиной отмены выступления 10 июня то обстоятельство, что «средние, мелкобуржуазные слои (т. е. большинство съезда советов) не проявили тех колебаний, на которые до последнего момента рассчитывал Центральный Комитет»[68]).

Многочисленные делегаты съезда, разъехавшиеся вечером 9 июня по заводам могли убедиться, что даже на знаменитой Выборгской стороне рабочие не дали говорить ораторам большевиков на таких заводах, как Патронный, Арсенал, Сименс-Шукерт и ряд других. Так сообщает газета «Новая жизнь», издававшаяся при участии Суханова, в тот период открыто сочувствовавшего большевикам[69]).

Твердо на стороне большевиков стояли 1-й пулеметный и 180-й запасный полки.

Небезынтересно привести некоторые высказывания на

сессии Всероссийского съезда, говорящие о тех «колебаниях», о которых сообщил на следующий день Ленин.

Председатель съезда Чхеидзе, часть эсеров и меньшевиков во главе с И. Церетели выступили открыто с требованием не только запрещения большевистских выступлений, но и разоружения их сил путем вызова войск с фронта. Председатель армейского комитета 5 армии Виленкин выступая на митинге Преображенского запасного полка говорил об ожесточении, которое вызывает у фронтовиков отказ частей петроградского гарнизона выступить на фронт, а в своем выступлении 11 июня на съезде заявил о недопустимости положения, когда оба пулеметных полка в Петрограде, примкнув к большевикам, прекратили посылку пулеметчиков и пулеметов на фронт, прикрываясь флагом крайних революционеров[70]).

Эти угрожающие выступления не могли не заставить ЦК еще раз взвесить явно преувеличенные, слишком оптимистические данные своей Военной организации.

Однако у большевиков нашлись защитники из числа левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов. Мартов решительно выступил против разоружения большевистских частей и Красной гвардии, сравнив вызов фронтовых частей с призывом генерала Кавеньяка[71]), раздавившего восстание в Париже в 1848 году. Он называл верные Временному правительству войска «преторианцами буржуазии» и кричал на следующий день своему сочлену по партии Либеру, призывавшему к разрыву с большевиками, — «Версалец!» Для того, чтобы отвести, возникшие впрочем позже, полуупреки в непонимании большевизма революционной демократией, следует привести речь одного из виднейших меньшевиков С. Л. Вайнштейна.

«Никто лучше Мартова не знает природу большевизма— напоминал Вайнштейн. — Ведь это Мартов поставил первый вопрос о том, что в недрах объединенной в то время с.-д. партии, в которую тогда входили большевики, Ленин создал тайную организацию, вроде итальянской маффии, с помощью которой он добивался установить в партии свою диктатуру, возбуждая против своих противников худшие подозрения . . . Что изменилось с тех пор, — спрашивал Вайнштейн, — изменились не методы Ленина, а сфера приложения этих методов. Если раньше первой задачей Ленина было уничтожение демократических основ социал-демократической пар-

тии и установление в ней своей личной диктатуры, то теперь теми же методами он борется за ниспровержение демократического строя в стране и за установление в ней большевистской диктатуры»[72]).

И далее Вайнштейн блестяще сформулировал то глубинное отношение партий «революционной демократии» к большевикам, которое в конечном итоге объясняет их поведение не только на протяжении всего 1917 года, но, в значительной степени, и позднее—в 1918 году и в течение всей гражданской войны. Отношение, которое время от времени проявлялось у некоторых меньшевиков и эсеров даже в эмиграции, даже тогда, когда установилась кровавая диктатура Сталина.

«На большевиках, — сказал Вайнштейн, продолжая свою речь против Мартова в ночь с 9 на 10 июня, когда обнаружилась первая попытка большевиков захватить власть, — несмотря на все их ошибки, почиет благодать революции (подчеркнуто нами. — Н. Р.) и, поэтому, даже тогда, когда они прибегают к насилию, революционная демократия обязана воздержаться от применения к ним силы, так как этот способ самозащиты от большевиков превратит ее в орудие контрреволюции . . .»

Из этого отношения и проистекали те «колебания», которые играли решающую роль в «расчетах» Ленина 10 июня, 3 июля, 25 октября, в дни созыва Учредительного собрания, в критические моменты гражданской войны.

«У свободы и демократии нет врагов слева» — эта коренная ошибка, свойственная большинству в советах 1917 года, была вовремя понята такими людьми как меньшевики Вайнштейн, Церетели, эсерами Авксентьевым, Рудневым и другими, но они были в меньшинстве и, кроме того, не могли тогда еще освободиться от мифа, что в России 1917 года существовали, якобы, организованные контрреволюционные силы, готовые будто бы в любую минуту расправиться с демократией.

Организованных контрреволюционных сил какой-либо значимости ни в армии, ни в русском обществе 1917 года не было. И как ни странно, те, кто утверждал обратное (а это было подавляющее большинство так наз. революционной демократии), тем самым отрицали всенародность Февральской революции, единодушное признание нового строя всей страной, в том числе подавляющим большинством офицеров, до

генералитета включительно. Троцкий, будучи сознательным «врагом слева» демократии и свободы был в этом вопросе реалистичнее большинства меньшевиков и эсеров. В брошюре «Что случилось?», написанной еще до московского совещания в августе 1917 года, он откровенно признавал:

«Господа генералы поспешили признать республику, в твердом расчете, что республика признает их генеральство и даже возвеличит его . . .»[73]).

Разумеется, нельзя смешивать в одно (что, увы, постоянно до сих пор делается) — вопрос о принятии Февральской революции всем народом, включая интеллигенцию, подавляющее большинство офицерства и даже часть старого правящего слоя, с вопросом отношения к составу Временного правительства и представителям советов, соучаствовавших во власти, когда обнаружилась неспособность тех и других сколько-нибудь удовлетворительно разрешить самые насущные вопросы.

I Всероссийский съезд советов не послушал ни Церетели, ни Вайнштейна. По предложению Ф. Дана съезд принял резолюцию (внесенную Либером), где наряду с запрещением вооруженных демонстраций, без разрешения советов, почти в каждом параграфе говорится о мифических контрреволюционных силах. Вопрос о большевистском заговоре сдавался в комиссию, которая, согласно наказу, должна была выяснить не вооруженные силы большевиков, а «в какой степени и в каких формах к этому движению были причастны сомнительные и контрреволюционные элементы . . .»[74]).

Вопрос о разоружении большевиков был снят. Съезд не решился отобрать у них оружие, им и анархистам по-прежнему все было позволено. Политическое поражение большевиков в совете 9-10 июня лишь обогатило их опытом в области подготовки вооруженного переворота. В то же время Церетели пишет:

«Если бы большинство демократии использовало надлежащим образом это поражение, то при всей мягкости принятых ею против большевиков решений, дальнейшая работа большевиков встретила бы больше, чем раньше затруднений»[75]).

Революционная демократия сделала как раз обратное. Едва приняв каучуковую резолюцию о запрещении вооруженных демонстраций без согласия советов (характерный пример антиправового сознания того времени — советы мог-

ли следовательно «разрешить» вооруженную демонстрацию против Временного правительства!), видимо, испытывая угрызения совести перед обладающими «благодатью революции» большевиками, Всероссийский съезд советов по предложению тогдашних меньшевистских лидеров Дана, Богданова и Хинчука (последний, будущий советский посол в Берлине), предложил создать комиссию для проведения общей, при участии большевиков, демонстрации 18 июня. Для чего было устраивать демонстрацию за мир (в первый день наступления на фронте!) и скорейший созыв Учредительного собрания — вопросы, в которых большинство президиума съезда советов не расходилось с Временным правительством было бы совершенно непонятно, если не учесть, что в действительности это был акт, выражавший желание во что бы то ни стало примириться с «обиженными» 10 июня большевиками.

«За нами верная победа . . , — писал в сентябре Ленин, — при условии (выделено нами. — Н. Р.) отнюдь не прекращающихся колебаний с их (меньшевиков и эсеров.—Н. Р.) стороны»[76]).

ГЛАВА VI

ИЮЛЬСКИЙ ПУТЧ

Со времени появления Ленина в Петрограде в апреле 1917 года, вопрос о захвате власти партией большевиков все время стоял на очереди. До октября большевиками было сделано по крайней мере две попытки захватить власть путем вооруженного путча «в самой демократической стране», как называл Россию того времени . . . сам Ленин.

Одной из таких попыток был июльский путч в Петрограде, подготовленный и проведенный Военной организацией большевиков. Вокруг этого путча коммунистическая партия и до сих пор творит легенду, называя его «мирной вооруженной демострацией» только потому, что попытка захватить власть силой тогда не удалась. Легенда о «вооруженной мирной демонстрации», за которой скрывается факт, что это был вооруженный путч, — стала уже классической формой камуфляжа коммунистической тактики в наши дни. Она обычно дополняется «оборонительными» лозунгами о необходимости охраны «мирной демонстрации» или иного открытого выступления от «нападения» различных (почти всегда мнимых) противников — «контрреволюционеров», «империалистической агентуры», «фашистов» и т. п. Механика же перерастания «мирной демонстрации» в узурпацию власти обычно остается секретом специальных «оперативных» центров коммунистического руководства, использующих свои ударные группы в решающем месте. Июльский путч большевиков 1917 года чрезвычайно поучителен как один из первых опытов этой тактики.

«Июльские дни» являются одной из «темных страниц» истории КПСС еще и потому, что точные архивные данные, в частности протоколы ЦК, до сих пор не опубликованы, а партийные историки, фальсифицируя материалы, всячески пытаются доказать, что большевики тогда никакого восста-

ния не готовили, а просто были вынуждены пойти «вслед» за восставшими массами.

Попытаемся кратко выяснить ряд предварительных вопросов.

Какова была, прежде всего, реакция большевиков на запрещение вооруженной демонстрации Петроградским советом?

«Рабочие, — заявил Ленин 11 июня 1917 года на заседании Петроградского комитета, — должны трезво учесть, что о мирной демонстрации теперь речи быть не может . . .» «. . . мирные манифестации это — дело прошлого»[77]).

Вопрос нового вооруженного выступления был, таким образом, по Ленину, решенным вопросом, для проведения которого надо было лишь выбрать наиболее подходящий момент. Ленин и большевики не были против очередного восстания, они всячески готовили солдат избранных полков к нему, но в то же время — по понятным причинам — желая держать в своих руках руководство, они действительно предупреждали «против нелепых надежд на разрозненные, дезорганизованные выступления»[78]). Впоследствии, после провала июльского выступления, эти предупреждения выдавались за доказательство того, что большевики были якобы против восстания в июле, они пошли будто бы на него через силу, лишь вслед за солдатскими массами. Мы увидим ниже, что в действительности эти «массы» были представлены лишь 2-3 запасными полками во главе все с тем же I-м пулеметным полком и приехавшими моряками.

Военная организация опасалась преждевременных выступлений. Опасения эти были вполне обоснованы, т. к. на ее низах значительную роль в Петрограде и, особенно, в Кронштадте и Гельсингфорсе, играли анархисты и, как они сами себя называли, анархисты-коммунисты. Достаточно вспомнить роль отряда матроса Железнякова в октябре 1917 и в январе 1918 г., принадлежность которого к анархистской организации не отрицает даже Большая Советская Энциклопедия (I-ое издание, 1926 г.).

Анархисты, особенно сильные в Кронштадте, Гельсингфорсе и на Выборгской стороне, широко участвовали во всех вооруженных выступлениях большевиков[79]).

В качестве примера, а также для передачи той атмосферы, в какой происходило первое большевистское восстание, напомним обстоятельства «инцидента» на даче Дурново.

Этот большой дом с садом, расположенный на Выборгской стороне, захватили анархисты, не имея на то никакого права, так же как большевики захватили дворец Кшесинской. (Временное правительство вообще уклонялось вмешиваться в распределение конфискованного имущества, а в то же время это имущество, находясь во временном государственном пользовании, должно было как минимум контролироваться государственной властью). Создав на даче свой штаб и вооруженный центр, анархисты производили из него налеты, главным образом, с целями «конфискации». 6 июня захватили типографию газеты «Русская воля», послав туда хорошо вооруженный отряд около 100 человек, и объявили рабочим и служащим этой типографии, что они передают ее в их собственность. Рабочие отказались от такого «подарка» и дело перешло на рассмотрение Всероссийского съезда советов, пославшего на переговоры к анархистам эсера А. Гоца. Правительство, правда, послало роту солдат, чтобы очистить здание типографии, но что делать с арестованными анархистами никто не знал и представители съезда советов распорядились отвести их в помещение Всероссийского съезда, откуда их вскоре, как тоже обладавших «благодатью революции», отпустили с миром . . .[80]).

На следующий день министр юстиции Временного правительства Переверзев приказал очистить дачу Дурново, но оказалось, что анархисты отдали часть обширного дома по соглашению с большевистским комитетом Выборгской стороны в распоряжение местного профессионального союза. Несмотря на категорическое заявление министра, что его распоряжение касается не профессиональных, а лишь анархических организаций, большевики поторопились придти на помощь — подвели к даче отряд Красной гвардии и призвали к забастовке заводы Выборгской стороны, некоторая часть которых и последовала этому призыву, не разобрав в чем сущность дела. По предложению Луначарского вопрос об анархистах на даче Дурново был передан на разбор комиссии Всероссийского съезда советов, чем была скована попытка правительства навести порядок.

18 июня, во время «общесоветской демонстрации», большая, хорошо вооруженная банда анархистов совершила с дачи Дурново налет на тюрьму «Кресты», уведя оттуда в свой центр не только всех анархистов и уголовников, но и некоторых большевиков-солдат, сидевших за дезертирство.

Только тогда правительство решилось на применение силы. Отрядом войск Петроградского гарнизона, после перестрелки с анархистами, была занята дача Дурново и все находившиеся в ней арестованы. Следствие показало, как вспоминает Церетели[81]), что освобожденные во время налета на «Кресты» анархисты «были уголовными преступниками худшего типа. Один из них, Жук, подписавший протокол осмотра дачи, был приговорен к каторжным работам за убийство отца и матери». На теле убитого при перестрелке с войсками вождя анархистов Асина была обнаружена типичная для уголовников порнографическая татуировка; на самой даче было найдено большое количество награбленных ценностей.

Выборгская организация большевиков хотела устроить вооруженную демонстрацию во время торжественных похорон Асина, но ЦК поняло, что открыто идти и дальше с анархистами опасно и может повредить партии в глазах солдат и рабочих. «Правда» опубликовала 24 июня сообщение, где рекомендовала членам партии «воздержаться от какого-либо участия в этих похоронах».

Мы привели этот характерный для 1917 года эпизод, чтобы передать царившую тогда в Петрограде атмосферу и показать, как легко могли использовать большевики (что они широко и делали) различные темные, уголовные и авантюристические элементы, которые частично за деньги, а частично в силу осознания опасности для них установления твердой, правовой власти, охотно шли на всякий призыв к «вооруженному восстанию», тем более, если он прикрывался лозунгами «классовой борьбы».

Элементы называвшие себя анархистами, всегда готовые к налетам и выступлениям, были важной составной частью в расчетах Военной организации, но в то же время доставляли ей не мало хлопот, ибо не обнаруживали никакого стремления считаться с тактикой ленинского ЦК. Стремлению ввести эти силы в свою орбиту, подчинить их единому плану и были посвящены все заявления большевиков между 9 июня и 3 июля, что вовсе не означало отказа от вооруженного выступления. Подготовка его усиленно продолжалась. 22 июня происходило совместное совещание ЦК, Петроградского комитета и Военной организации во дворце Кшесинской. Представители Военной организации, как видно из публикации «Первый легальный ПК большевиков в 1917 го-

ду», изд. 1927 г., склонялись к немедленному выступлению, ссылаясь на нетерпение «готовых» воинских частей.

Каменев возглавил более осторожное течение, считавшее, что как минимум необходимо выждать результатов выступления на фронте. Каменев ссылался также на оборонческое настроение большинства съезда фронтовых организаций, проходившего тогда в Петрограде.

Совещание выпустило противоречивое воззвание, где говорится, что не призывая в настоящий момент к вооруженной демонстрации, Военная организация в случае необходимости «призовет к выступлению». В то же время воззвание предлагает проверять удостоверения лиц, выступающих от имени Военной организации, иначе говоря, стремиться закрепить за ней руководство подготовкой восстания.

То, что оно подготовлялось, вопреки утверждениям многих советских историков и Троцкого, посвятивших длинные, псевдосоциологические рассуждения «неготовности рабочего класса», подтверждается самой «Правдой».

2 июля, в воскресенье, «Правда» отвела место большому объявлению о митинге-концерте для солдат I-го пулеметного полка. Наряду с артисткой оперы Макренко и «скрипачом-фронтовиком» Л. Горнштейном, на концерт были направлены лучшие большевистские ораторы: Троцкий, Луначарский, Зиновьев, Каменев. Но и это количество светил показалось недостаточным для воскресного концерта пулеметчиков. На тему о «борьбе с контрреволюцией» должны были выступать Лашевич (будущий заместитель Троцкого по Реввоенсовету), Дашкевич (будущий член Военно-революционного комитета), Семашко, Жилин, Дзевалтовский и другие. Председательствовал — приехавший из Екатеринослава Г. Петровский[82]).

Смысл митинга-концерта накануне событий 3-5 июля вполне очевиден — штаб во дворце Кшесинской в почти полном составе лично участвовал в подготовке к восстанию ударной части большевиков. Одно это объявление «Правды» достаточно ясно говорит: все позднейшие заявления большевиков, что они не готовили восстания, объясняются лишь провалом июльского путча.

Достаточно взглянуть на тематику главных ораторов, «Отказываться от власти невозможно» — доказывал Луначарский; «Полк сложит свои головы только за дело революции, вся власть Советам», — кричал Лашевич. «Выступавший

с особым подъемом», Л. Троцкий, как сообщает «Правда», призвав к «вооруженной борьбе с контрреволюцией», — закончил, — «Будь проклят патриотизм!»

По-своему участвовал в подготовке восстания и Сталин, как известно не обладавший ораторскими талантами. В сборнике к его 50-летию, когда «культ Сталина» был уже открыто провозглашен, для того, чтобы подчеркнуть его участие в подготовке восстания наравне с «трибунами революции», Демьян Бедный помещает отрывок из своих воспоминаний, не доверять которому нет никаких оснований.

«Накануне июльского выступления в 1917 году, — рассказывает Д. Бедный, — в редакции «Правды» сидели мы двое: Сталин и я. Трещит телефон. Сталина вызывают матросы, кронштадтские братишки. Братишки ставят вопрос в упор — выходить им на демонстрацию с винтовками или без них. Я не свожу глаз со Сталина, мне смешно. Меня разбирает любопытство: как Сталин будет отвечать о винтовках! По телефону!

Сталин ответил:

«Винтовки? . . Вам товарищи виднее! . . Вот мы, писаки, так свое оружие, карандаш, всегда таскаем с собой . . , как там вы со своим оружием, вам виднее!»

Ясное дело, что все братишки вышли на демонстрацию со своими «карандашами», — заключает свой рассказ Демьян Бедный[83]).

Восстание 3 июля, несомненно, готовилось и в некотором отношении было даже лучше подготовлено, чем восстание 25 октября. В октябре у большевиков не было в самой столице такой надежной и сплоченной части, как I-й пулеметный полк. Тогда пришлось опереться на вызванных из Кронштадта и Гельсингфорса матросов, которые, впрочем, почти в том же числе прибыли и в июле. Однако, в самом вызове, в случае элементарных контрмер правительства, заключался значительный риск.

Почему «вооруженная демонстрация» началась именно 3 июля? Это вполне понятно, если вспомнить подготовку, проведенную большевиками накануне, в воскресенье. Но все же по всем реакциям штаба во дворце Кшесинской видно, что большевики стремились отложить восстание на несколько дней.

В настоящее время можно лишь констатировать совпадение во времени восстания в Петрограде с большим контр-

наступлением немцев на фронте. Германское командование, конечно, знало заранее об июньском наступлении русских и в свою очередь готовило сильный контрудар. Значительные силы были в конце июня переброшены немцами с Западного фронта на Тарнопольское направление. 8-ая немецкая армия нацелила свой удар на Ригу.

Русское наступление началось 18 июня и, вопреки ожиданиям, достигло значительных успехов под Калущем. Однако масса армии, потеряв дисциплину, не могла поддержать ударные части, прорвавшие фронт. Наступление было остановлено, несмотря на новые успехи русской армии на румынском фронте.

Германский контрудар начался в ночь с 5 на 6 июля (18-19 июля нового стиля). Он был широко задуман, однако встретил такое сопротивление, что германское верховное командование в лице Людендорфа порекомендовало своему штабу на Восточном фронте, остановить наступавшие войска, дабы глубоким вторжением не поднять волны патриотизма в России. Распоряжение Людендорфа об этом пришло в середине июля, когда большевистский путч в столице был уже подавлен. Но учитывая почти полное совпадение во времени большевистского выступления в Петрограде с германским наступлением на фронте, всего на два дня упредившего последнее, нельзя не вспомнить уже цитированные слова германского государственного секретаря Кюльмана о том, что «широко запланированные» германские операции на фронте «были поддержаны интенсивной подрывной деятельностью изнутри». Именно в стремлении согласовать свой путч с немецким наступлением, сроки которого немцы, конечно, держали в секрете, следует объяснить имевшие место до вечера 2 июля попытки ЦК несколько оттянуть срок выступления. В отличие от ЦК, этой тенденции никак нельзя отметить у менее посвященной в сферы «высокой политики» «Военки».

Восстание началось в I-ом пулеметном полку. Трудно сказать, что произошло за ночь между митингом-концертом 2 июля и утром 3 июля. Кроме рассказа Д. Бедного о вечере 2 июля, проведенном им со Сталиным, до сих пор опубликовано очень мало данных. Однако они есть. В юбилейном номере (№ 4) «Красного архива» за 1927 год рассказывается, как в I-м пулеметном полку, вместо полкового комитета, был избран Временный революционный комитет, во главе кото-

рого встал большевик, прапорщик Семашко, один из членов «Военки». Важную роль во всех действиях этого комитета играл Лашевич, будущий член Реввоенсовета, видный участник «новой» и «объединенной» оппозиции в двадцатых годах.

Разумеется I-ый пулеметный полк не мог выполнить сам ту огромную организационную работу, которая была проведена. Около 4 часов дня 3 июля делегации I-го пулеметного полка появились почти одновременно в Московском, Павловском и Гренадерском, в 180-ом и 3-ем стрелковом запасных полках, на ряде заводов Выборгской стороны, где была уже организована Красная гвардия, в том числе на таких как «Лесснер», «Парвиайнен», «Эриксон», на Путиловском заводе, а в 8 часов вечера был устроен большой митинг на Якорной площади в Кронштадте.

Именно 3 июля вечером[84]) Гельсингфорской организацией большевиков совместно с Центробалтом было решено подготовить ряд судов к походу на Петроград и провозгласить резолюцию о переходе всей власти в руки советов.

Из этого, далеко не полного, перечня действий, становится совершенно очевидно, что за спиной «солдатских масс» I-го пулеметного полка, стояла и действовала «Военка» и ни о каком стихийном выступлении масс, лишь поддержанных большевиками, не может быть и речи.

В 7 часов вечера 3 июля I-ый пулеметный полк, поддержанный частью Московского запасного полка, подошел в полном вооружении ко дворцу Кшесинской. За ним последовала часть заводов Выборгской стороны. Другая часть выборжцев отправилась на Путиловский завод, где в одиннадцатом часу ночи большинством было решено идти к Таврическому дворцу (там заседал Петроградский совет) и требовать перехода власти в руки Совета.

Неожиданный для ЦК и ПК успех заставил, наконец, высказаться открыто и большевистское руководство. Первое решение было принято в 11 ч. 40 м. вечера и рекомендовало «немедленное выступление рабочих и солдат на улицу»[85]). Но заседание продолжалось всю ночь, превратившись в высший штаб восстания. Ночью же было принято решение о снятии в «Правде» уже набранного объявления об отказе от вооруженной демонстрации («Правда» вышла с белой полосой на первой странице) и вместо него появилось воззвание:

«После того, как контрреволюционная буржуазия явно

выступила против революции, пусть Всероссийский Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов возьмет власть в свои руки»[86]).

И. Ф. Петровым, на базе архива Института Маркса-Ленина, недавно опубликованы данные о проделанной Военной организацией работе: в каждом батальоне выступающих частей организовать комитет для руководства батальоном, в каждой роте назначить руководителя; установить и поддерживать связь со штабом Военной организации; проверять кто и куда отправляет часть и т. д. Едва ли это все могло быть проделано после 12 часов ночи, да и Петров, приводя документы, нигде не дает их даты. В ночь с 3 на 4 июля штаб Военной организации уже успел ввести роту пулеметчиков в Петропавловскую крепость (где она натолкнулась на несочувствие части гарнизона), поставить броневики на главных подступах ко дворцу Кшесинской и достать значительное количество грузовиков из автошколы для переброски своих частей.

А между тем уже ночью громадная толпа блокировала Таврический дворец, где заседал ЦИК Совета и требовала от него взять власть в свои руки. Подавляющее большинство Совета вовсе не разделяло мнения большевиков и не собиралось свергать Временное правительство. Председатель Петроградского совета Чхеидзе доказывал с подъезда Таврического дворца, что Совет рабочих и солдатских депутатов, будучи свободно избранным, не нуждается в вооруженной демонстрации для того, чтобы взять власть. Бесконечный митинг с членами Совета продолжался почти всю ночь. Большинство не могло понять зачем их вызвали на демонстрацию — как будто для того, чтобы Совет мог взять власть в свои руки, а в то же время подавляющее большинство депутатов Совета утверждает, что никто ему в этом не мешает и кроме того, это по существу не нужно. Лозунг «Вся власть Советам» казался заманчивым, и далеко не все могли разобраться в том, что за этим лозунгом, в сущности недемократическим и противоречащим основным правовым принципам, скрывала свои претензии на власть партия, не признававшая на деле правового государства и демократии. Самое же главное было то, что представители советов Керенский (товарищ председателя Петроградского совета со дня его основания), Чернов и другие были уже в составе правительства

и с выходом кадетов из правительства 2 июля фактически возглавляли его.

Советы, напомним, не охватывали большинства населения и выборы депутатов основывались на явно несправедливом соотношении, где разные группы населения, и притом не все, имели различные нормы представительства.

Поздно ночью рабочие разошлись. На следующий день большевистский штаб назначил новую демонстрацию, но рабочие уже не проявили большого напора, летний ливень под вечер в гораздо большей степени повлиял на демонстрацию, чем правительственные войска. Демонстрация рассеялась.

Зато военная сторона выступления была организована много лучше. Прибывшие с «карандашами» несколько тысяч кронштадтцев дали возможность «Военке» бросить силы не только к Таврическому дворцу, но и к Мариинскому, где тогда помещалось Временное правительство, и к главному штабу. До полудня большевики, казалось, имели перевес. Малочисленные правительственные патрули не могли остановить продвижение вооруженной демонстрации и отрядов войск, двигавшихся под руководством Военной организации.

Ко второй половине дня правительство, давшее полномочия командующему Петроградским военным округом генералу Половцеву для подавления мятежа, начало действовать более энергично. Сотня казаков в конном строе атаковала грузовики пулеметчиков, подъехавшие к главному штабу и солдаты бежали, бросив автомобили с пулеметами. Юнкера отстояли Мариинский дворец и произвели из Инженерного замка смелую вылазку против матросов. Прибывший из Царского села взвод конной артиллерии поручика Ребиндера проскочил до Троицкого моста и несколькими выстрелами заставил разбежаться и спрятаться собранные на набережной и у дворца Кшесинской войска Военной организации. План захвата власти начал ломаться. К вечеру стало известно, что в Петрограде ожидается вызванный с фронта и посланный армейским комитетом 5 армии сводный отряд. Это известие решило дело. Между 7-8 часами вечера собравшиеся уже было в Таврическом дворце («Вся власть Советам!») члены ЦК и Военной организации во главе с Лениным приняли решение, что «выступление должно быть прекращено».

ЦК убедился, что при малейшем выходе из бездействия небольших отрядов верных правительству войск и рабочих,

солдаты «надежных частей» Военной организации разбегаются и отнюдь не намерены принимать боя.

Позже, в сентябре, Ленин это открыто признал:

«. . . несмотря на то, что Питер, — писал он в своем письме «Марксизм и восстание», — был моментами в наших руках, . . . **драться, умирать** (выделено Лениным. — Н. Р.) за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения» . . .»[87]).

ГЛАВА VII

«ЧУДО» СПАСЕНИЯ И VI СЪЕЗД

В те же вечерние часы 4 июля, когда ЦК и Военная организация обсуждали в Таврическом дворце вопрос о продолжении восстания, Ленин был спешно вызван по телефону. Говорил его верный секретарь Владимир Бонч-Бруевич, будущий управляющий делами Совнаркома.

Как рассказывает сам Бонч-Бруевич в своей книге, вышедшей в 1931 году[88]), ему вскоре после 7 часов вечера этого знаменательного дня позвонил его давнишний знакомый, в прошлом радикальный адвокат, а в 1917 году помощник прокурора республики Н. С. Каринский и предупредил, что в прокуратуре собираются документы на основании которых Ленина «обвиняют в шпионаже в пользу немцев» и порекомендовал «немедленно же принять нужные меры».

Трудно сказать, что побудило совершить это предательство помощника прокурора Временного правительства. Впоследствии (в 1945 году в Нью-Йорке и еще раньше) он отрицал свое участие в спасении Ленина, однако имея ввиду все имеющиеся ныне факты нет оснований не верить Бонч-Бруевичу[89]).

Вероятно стремление служить «и нашим и вашим», отсутствие чувства ответственности в борьбе за демократическую государственность, побудило Н. С. Каринского на этот шаг. Какими бы ни были его побуждения, но Ленин сразу по телефону назвал это сообщение «серьезным и важным» и уже на следующий день до 5 часов утра, ушел со своей квартиры, чтобы, сменив несколько конспиративных квартир в Петрограде, оказаться вместе с неразлучным Зиновьевым сначала на сеновале, а потом на сенокосе у Н. Е. Ермолаева в Разливе.

«Здесь Владимир Ильич и Григорий Евсеевич, — пишет в своих воспоминаниях Н. Е. Ермолаев, — совершенно спокойно занялись работой»[90]). «Вскоре, для полного удобства,

З. И. Лилиной — жене Зиновьева, сначала был дан адрес в Разливе, а потом, — пишет дальше Ермолаев, — она была перевезена к месту пребывания Владимира Ильича и Григория Евсеевича» . . .[91]).

В вышедшей в 1937 году за границей книге («Роковые годы») бывший начальник контрразведки Петроградского военного округа, полковник Никитин, сообщает, что к 1 июля были уже заготовлены ордера на арест Ленина и 28 других большевиков, явно замешанных в получении немецких денег. Арест был отложен, как свидетельствует А. Ф. Керенский, лишь по докладу министра Терещенко (возглавлявшего расследование связей Ленина с немцами), предложившего дождаться приезда Ганецкого из Стокгольма. Ганецкий, действительно выехал в Россию накануне июльских событий, но повернул с дороги обратно́, узнав о поражении большевиков (не с этим ли связан выезд Ленина накануне 1 июля в Мустомяки в Финляндию под предлогом болезни?).

Первые сведения о связи Ленина с немцами, как теперь уточняет Керенский, привез французский министр-социалист Альберт Тома, прибывший в Россию еще в апреле 1917 года. Сведения эти, очень неточные, держались Временным правительством в большом секрете. Министр иностранных дел со времени майского кризиса — Терещенко, познакомил полковника Никитина с представителями союзных миссий в Петрограде, но англичане и французы могли лишь сообщить начальнику русской контрразведки то, что он уже знал из рапортов своего представителя в Париже, капитана Красильникова, докладывавшего лишь о некоторых связях немцев с левыми эсерами, о чем речь ниже.

21 июня французский представитель в Петрограде Пьер Лёран, передал Никитину 14 копий телеграмм Ленина, перехваченных в Стокгольме. Некоторые из них были впервые опубликованы в 1923 году в журнале «Пролетарская революция». Все эти телеграммы, так же, как и письма Ленина в Стокгольм, цитированные нами из недавно вышедшего 36 тома собрания его сочинений, звучали крайне подозрительно, но без знания подлинных немецких документов о большевиках, еще ничего не доказывали. В письме Ганецкому и Радеку от 12 апреля, Ленин, например, сообщал: «Штейнберг приехал и обещает раздобыть присланные пакеты»[92]). Штейнберг действительно ездил в апреле и июне 1917 года в Стокгольм. В другом письме, где Ленин снова жаловался, что

«пакеты» до сих пор не получены, он делает приписку о получении двух тысяч через Козловского.

Следствие, развернувшееся после 5 июня установило, что Петроградский адвокат Козловский (будущий следователь ЧК) находится в постоянных сношениях с Ганецким в Стокгольме и Парвусом в Копенгагене и получает через посредничество шведских банков крупные суммы из немецкого банка Дисконто-Гезельшафт. У арестованной после июньских событий Суменсон, которую еще дореволюционная полиция считала немецкой агенткой, было обнаружено на счету в Сибирском банке свыше миллиона рублей, происхождение которых вело все к тому же Ганецкому.

Незадолго до июньских событий, через фронт перешел, взятый ранее немцами в плен, подпрапорщик Ермоленко, показавший, что он был завербован немецкими офицерами для проведения большевистской пропаганды в армии и послан, как якобы бежавший из плена обратно. Как видно из телеграммы графа Брокдорф-Ранцау, опубликование показаний Ермоленко вызвало большой переполох в германском министерстве иностранных дел[93]).

Несмотря на наличие всех этих материалов, требовалось еще значительное количество свидетельств, чтобы в условиях правового государства суд мог осудить Ленина. Тем не менее, когда 6 июля, главный прокурор Временного правительства, одновременно с арестом ряда большевиков опубликовал данные предварительного следствия, Ленин предпочел уклониться от суда, вполне логично допуская, что правительство знает больше, чем оно знало тогда в действительности.

Это поведение Ленина, естественно, вызвало недоумение у непосвященных членов партии, и многие из них, в том числе Ногин и Рыков поставили вопрос о неявке Ленина на суд на VI съезде партии. Однако большинство на съезде удовлетворилось объяснением опасения «расправы», хотя ни у одного из арестованных после июльского выступления большевиков и межрайонцев не упал ни один волос с головы, а Троцкий, Луначарский и Каменев даже спокойно писали в тюрьме свои брошюры. Ничего не случилось и с арестованными членами Военной организации — Крыленко, Раскольниковым (мичман Ильин) и другими.

Временное правительство, расформировав части, где

господствовала Военная организация большевиков и закрыв «Правду», остановилось на полпути.

Как велось следствие, можно представить себе из эпизода предупреждения Ленина самим заместителем прокурора республики. Сколько-нибудь серьезных розысков Ленина и Зиновьева Временное правительство так и не предприняло. Доказательством тому могут служить многочисленные визиты в Разлив, где скрывались оба неразлучных друга, Орджоникидзе и многих других большевиков. Никто не мешал также созыву и проведению VI съезда партии, происходившего в начале августа в Петрограде, накануне и во время которого сношения с Разливом носили самый оживленный характер.

Причина такого поведения Временного правительства, которое как бы замахнулось на большевиков, но не нанесло удара по самой организации, лежит опять-таки, прежде всего, в отношении к большевикам большей части революционной демократии того времени. Даже такие противники большевиков, как меньшевики Дан, Либер, Церетели выступили теперь на их защиту, категорически отвергая самую мысль, что Ленин и большевики могли во время войны получать деньги от немцев. На защиту большевиков против обвинений Временного правительства, поднялись Короленко, Горький, меньшевики-интернационалисты во главе с Мартовым. Все они психологически готовы были признать за большевиками ту, по словам Вайнштейна, «благодать революции», которая практически делала для большевиков все дозволенным и была тем ковром, по которому они шли к власти.

Знаменательно, что Мартов, считавшийся непримиримым врагом Ленина, в период обвинений последнего в связях с немцами, послал от имени своей группы особенно теплое приветствие большевистскому VI съезду, хотя лично выступал в защиту Ленина меньше других, понимая, видимо, что защита его, участника проезда через Германию, принесет Ленину больше вреда, чем пользы перед общественным мнением страны.

Дружная защита большевиков большею частью революционной демократии, обуславливалась в ее некоторых кругах наличием подобия «круговой поруки». В партии эсеров, например, уже наметился к лету 1917 года раскол на «правых» и «левых». Лидерами последних были приехавшие все тем же путем из-за границы Натансон-Бобров и Камков.

Именно они, как утверждает полковник Никитин (начальник контрразведки Петроградского военного округа), на основании рапорта капитана Красильникова, пользовались германской субсидией с октября 1915 года для издания журнала «На чужбине», рассылаемого по лагерям русских военнопленных в Германии с надписью «бесплатно». Полковнику Никитину, из рапортов капитана Красильникова и по другим (английским и французским) источникам, было известно, что у будущих левых эсеров были связи с австрийским и германским консулами в Женеве. Эти сведения[94]) полностью подтверждены опубликованным ныне архивом германского министерства иностранных дел. В двух рапортах германского посла в Берне барона Ромберга — от 24 августа 1916 года и от 6 апреля 1916 года[95]) — подробно говорится об эсере Цивине (Вейс), «переданном» немцам, после успешной работы с австро-венгерской разведкой:

«Цивин, принадлежит к партии социалистов-революционеров, — пишет Ромберг 24 августа 1916 года, — и сохраняет прекрасные отношения с ее ведущими членами, то есть Черновым и Бобровым»[96]).

Далее Ромберг сообщает, что Цивин объезжал лагери русских военнопленных и снабжал их литературой из Швейцарии. Сожалея, что австрийцы дали Цивину только 14 тысяч швейцарских франков на эту работу, барон Ромберг предлагает выдавать ему регулярно по 25 тысяч швейцарских франков, и, как видно из документов, до 1 января 1917 года Цивин сумел получить три такие «получки»[97]).

Знал ли об этом лидер эсеров В. М. Чернов? На этот вопрос трудно ответить точно. Лично он был оправдан Временным правительством, выпустившим специальное коммюнике, столь возмутившее Ленина. Но, вероятно, Чернов о многом догадывался. Объясняя путь левых эсеров и их лидера Натансона-Боброва в 1917 году, путь соскальзывания на большевистские позиции, Чернов в своих воспоминаниях, осторожно обходя вопрос о связях левых эсеров с немцами, прибегает к формуле о «фатальных мыслях» Натансона:

«Натансон, — пишет Чернов, — предоставляет Ленину дерзко испробовать путь небывалый, путь авантюристический, путь своего рода «коллаборационизма» . . . и второю «пломбированной» партией тем же путем следует Натансон... (В. М. Чернов мог не знать когда он писал свои воспоминания, что о присоединении эсеров к большевистскому тран-

спорту через Германию особенно настойчиво хлопотал барон Ромберг. — Н. Р.). Вместо естественного в других условиях торжественного приема одного из самых заслуженных ветеранов освободительного движения, — продолжает Чернов, — партия краснеет за его согласие использовать двусмысленную снисходительность Гогенцоллернского генерального штаба... Знающий себе цену ветеран легендарных времен неуловимо ощущает, что многие морально «принимают его в штыки». Хочет ли он или не хочет, но в партийном центре на его долю выпадает роль «адвоката дьявола». Он не может не защищать предшественников по «пломбированному» путешествию по вражеской стране. Он не может вообще не требовать более мягкого к ним отношения... (выделено нами. — Н. Р.). Позиция Натансона становится все более двусмысленной. Одною ногой еще стоит в партии, на положении постоянного оппозиционера, душою он уже ищет точки опоры, где-то вблизи большевиков, при большевиках, почти в охвостье у них»[98]).

После опубликования содержания немецких архивов, уже нельзя больше оперировать вслед за Черновым, такими аргументами, как «фатальные мысли» Натансона, искание им «душою точки опоры» и т. п. — Натансон пошел по тому же пути, что и Ленин, и не только в вопросе проезда через Германию. Логическим завершением развития этой «души» было предложение Натансона — разогнать Учредительное собрание, сделанное им Ленину первым в тот критический момент, когда Ленин боялся еще сказать это прямо.

Выкрикивавший на I Всероссийском съезде советов по отношению противников большевизма слова «пугало», «версалец» Мартов и защищавший большевиков даже внутри своей партии Натансон были одними из многих представителей революционной демократии, спасших в июле 1917 года большевистскую партию от неминуемого политического разгрома.

Такова история «чуда» спасения большевиков. Временное правительство, составленное, после ухода кадетов, в большинстве из представителей революционной демократии, естественно, не могло довести начатое дело до конца. А Натансон, сделавшийся лидером партии левых эсеров, выделившейся к осени 1917 года в независимую партию, действовал вольно или невольно и дальше совместно с большевиками на основе того прочного кольца «круговой поруки», кото-

рым он связал себя и своих друзей еще до приезда в Россию. Эту основную черту ныне невозможно выкинуть из истории возникновения лево-эсеровской партии, из всей линии ее политического развития. В свете новых фактов, сближение левых эсеров с большевиками, может быть объяснено не только совпадением политических целей осенью 1917 года, но и приведенными нами выше факторами связи с немцами, которые лидер партии эсеров Чернов предпочитал называть «тайнами индивидуальной психологии» . . .

В условиях угрозы разгрома большевистская партия стремилась выйти из изоляции. Она стремилась расшириться в сторону тех самых «предателей» — меньшевиков и эсеров, которые, как писал Ленин, «поддерживали палачество» Керенского.

Весьма характерно, что несмотря на обычную брань по адресу меньшевиков, входивших в правительство, Ленин в своей статье «К лозунгам» ни словом не обмолвился о группе меньшевиков-интернационалистов. Наоборот, в статье много раз повторяется тезис Мартова о будущем русском генерале Кавеньяке, высказанный лидером меньшевиков-интернационалистов еще в июне.

VI съезд партии собирается под лозунгом «Объединения интернационалистов против мелко-буржуазного оборончества», — лозунга проложившего к большевизму дорогу сначала влиятельной группе межрайонцев, куда входили многие видные меньшевики, а потом и части левых эсеров.

Действительно, в Организационное бюро по созыву съезда сразу входят представители межрайонцев. Один из их лидеров, Юренев был избран в немногочисленный президиум. По поручению Организационного бюро, съезд открыл много раз качавшийся между большевиками и меньшевиками бывший народоволец М. С. Ольминский, что должно было продемонстрировать общее примирение на базе борьбы против оборончества.

На съезде формально было представлено около 240 тысяч членов партии, однако в действительности, считая и организации межрайонцев, было представлено значительно меньшее число членов, ибо в съезде участвовало всего 157 депутатов с решающим голосом. В то же время нормы, установленные Организационным бюро, были: один делегат от каждой организации, имеющей от 500 до 1000 человек и

один делегат — от каждой тысячи членов там, где членов партии было более тысячи.

Слившиеся с большевиками межрайонцы были лишь первой группой людей, вышедших из революционного подполья, которые пошли к большевикам ради соучастия во власти. За ними последовали многие меньшевики, бундовцы, эсеры. Но это случилось позже.

На VI съезде в партию вошел Троцкий, уже в июле признавший «дикости Ильича», как он назвал апрельские тезисы, «идейным перевооружением большевиков» . . . Обладая бесспорно личной смелостью и организаторским талантом, находясь во время съезда в тюрьме, Троцкий окончательно нашел общее с большевиками в ненависти ко всякой демократии и правопорядку. Считая выборы «перекличкой», он увидел, что партия Ленина есть готовый инструмент для захвата власти. Подняться на высоту председателя Советов, совершить вооруженный переворот с помощью, главным образом, матросов при бессилии всех политических противников, он, вероятно, мог и один с небольшой группой своих сторонников, при наличии материальных средств. Но удержать власть без готового, хотя и слабого еще аппарата диктатуры в лице партии, он не мог и, как показали его многочисленные высказывания впоследствии, хорошо понимал это.

На съезде был снят лозунг «Вся власть Советам!» Он был заменен лишь слегка прикрытым призывом к непосредственному вооруженному восстанию. Как мы уже видели и сам лозунг «Вся власть Советам!» был фактически лишь прикрытием открытого призыва к свержению Временного правительства, лозунгом, которым большевистская партия лишь камуфлировала свою цель — захват власти. Теперь, после июльских событий значительная часть состава советов и, прежде всего, Петроградского совета активно мешала большевикам в захвате власти и, следовательно, лозунг о передаче власти рабочим и солдатским депутатам потерял для большевиков все свое значение.

Этот момент в истории партии чрезвычайно характерен — Ленина совершенно не интересовала передача власти рабочим и солдатам вообще, его интересовала лишь власть партии, которая претендовала на представительство всех рабочих России, имея едва 5 тысяч членов к Февральской революции. Предлагая снять лозунг временно, Ленин совершенно

откровенно писал: «Это не вопрос о Советах вообще, а вопрос о борьбе с данной контрреволюцией и с предательством данных Советов... Лозунг о передаче власти Советам может быть понят, как «простой» призыв к передаче власти именно данным Советам...»[99]).

Говорить о «контрреволюции» эсеровско-меньшевистского большинства в советах накануне событий, связанных с выступлением генерала Корнилова, было по меньшей мере смешно. Прикрывать подлинные мысли словечками «контрреволюционный», «буржуазный», «предательский» и т. д., или, как выражался Ленин, «лепить бубновый туз на спину своих политических противников»[100]) было излюбленным методом вождя партии. Поэтому он так часто впадал в противоречие с самим собой. Немногим больше месяца после приведенного отрывка о советах, Ленин, подводя итоги событий, в конце августа 1917 года, писал:

«... только в течение пяти дней, 26—31 августа, во время корниловщины, и такой союз (большевиков с эсерами и меньшевиками. — Н. Р.) дал за это время полнейшую, с невиданной еще ни в одной революции легкостью достигнутую победу над контрреволюцией, он дал такое сокрушающее подавление буржуазной, помещичьей и капиталистической, союзно-империалистической и кадетской контрреволюции, что гражданская война... развалилась в прах»[101]).

Не трудно видеть из сравнения этих двух цитат, что если принять всерьез тезис Ленина о смене лозунга, то выходит, что не успел VI съезд принять резолюцию по этому предмету, как большевики, вся партия в целом, срочно вступили в союз с «контрреволюцией эсеровско-меньшевистской», с самим Керенским, против контрреволюции «помещичьей, ... кадетской» и одержали при этом в пять дней неслыханную победу!..

Проще, — весь смысл ленинского тезиса о смене лозунга, состоял в том, что советы, где господствуют большевики — являются проводником «пролетарской диктатуры», советы же, где господствуют противники, которые поддерживаются даже рабочими партиями, безразлично, — являются орудием контрреволюционной диктатуры. Недаром этот «глубокий марксистский анализ» защищал на VI съезде партии Сталин, недаром он был положен в теоретическую основу разгрома и подавления рабочих советов в Венгрии в 1956 году.

Снятие лозунга «Вся власть Советам!» и декларация о том, что он будет восстановлен, когда партия окажется у власти, вызвали сомнение у многих делегатов съезда. Против этой беспринципной позиции, с предельной ясностью разоблачающей иллюзию о большевиках как о «рабочей партии» и будущем рабочем правительстве, выступили москвичи — Ногин, Ярославский, Ангарский и другие. М. Володарский, один из руководителей Петроградской организации поддерживая их, говорил о смене лозунга:

«Нельзя вместе с водой выплескивать ребенка. Когда на другой день после революционного взрыва вы скажете массам: «Выбирайте новые Советы», — вам скажут: «Опять Советы, которые вы же сами клеймили . . .»[102]).

Но голосование на съезде проходило благополучно, как в вопросе смены лозунга, так и в вопросе о возможности «направления» государственной власти после ее захвата на строительство социализма без «наличия пролетарской революции на Западе», что ставил под сомнение Преображенский и другие. Съезд быстро закончил дискуссию, передав спорные пункты резолюций на усмотрение ЦК.

Все понимали, что перед партией стоит собственно один единственный вопрос — вопрос о власти, и на съезде не ощущалось стремления серьезно спорить о теоретической правильности по Марксу будущего «направления» государственной политики.

Главнейшим результатом съезда было оформление нового блока Ленина с Троцким. Несмотря на отсутствие на самом съезде этих двух наиболее выдающихся вождей большевизма, сговор и объединение большевиков с межрайонцами в рамках одной партии явились важнейшей предпосылкой Октябрьского переворота и именно в этом заключается значение VI съезда для истории партии.

Платформой объединения было заключение резолюции «О политическом положении», принятой съездом и определившей ближайшую программу действия:

«Задачей этих революционных классов (читай партии. — Н. Р.) явится тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки . . .»[103]).

ГЛАВА VIII

ОКТЯБРЬ

Если восстание декабристов получило в истории название «стоячего», то октябрьское вооруженное восстание можно смело назвать «ползучим».

Прежде всего, бросается в глаза глубочайшее отличие Февральской революции от Октябрьского переворота большевиков. В феврале на улицы Петрограда вышли массы народа в подлинном и буквальном смысле слова. Ко всеобщей политической забастовке на 26 февраля присоединились не только служащие и интеллигенция, но и часть гарнизона столицы. На 27 февраля это были не только отдельные части, но и почти все полки, включая казачьи.

Февральская революция, не встречая никакого сопротивления, прокатилась в несколько дней не только по всей стране, но и по фронту. Армия сохранила во время революции порядок и дисциплину. Большинство офицерского корпуса, включая, в частности, командующих ряда фронтов и армий[104]), встретило Февральскую революцию с убеждением, что она поможет усилить обороноспособность страны и укрепить боеспособность армии.

Несмотря на целый ряд эксцессов, как, например, убийство командующего Балтийским флотом адмирала Непенина, в самом ходе Февральской революции лейтмотивом, охватившим массы народа, воинские части, общественные организации и политические партии, была демонстрация воли о передаче власти Временному комитету Государственной Думы, опиравшемуся на законное избрание.

Исторически неоспоримо, что не только в первые дни, но и в первые месяцы после Февральской революции никто не поднимал голоса против власти, исходящей от Государственной Думы. Завоевания революции — правовое начало, идеи свободы, демократии и справедливости — были настолько ясны для всего народа, что до приезда Ленина боль-

шевистская организация не смела выступать против Временного правительства.

Демонстрируя в феврале перед Думой это правовое сознание, бесконечные рабочие делегации и воинские части обнаружили свою волю и желание оказать поддержку в солидаризировании двух принципов — государственности и демократии.

Все эти качества никто не может отнять у Февральской революции, и иное дело, что среди демократических партий того времени не нашлось сил, достаточно ясно осознавших трудности условий войны и борьбы за демократическую Россию того времени. Условия времени и войны требовали больше твердости, решительности и жертвенности в защите российской государственности и демократии; этих качеств не обнаружили вожди партий так называемой революционной демократии и слабость, с которой эти партии защищали свободу и демократию, была основной причиной Октябрьского переворота.

Слабость эта стала настолько очевидной после июльских событий в столице и на фронте, что собравшееся в августе 1917 года в Москве государственное совещание всех партий, групп и организаций, стремившихся к установлению в России правового строя, горячо приветствовало выступившего с речью главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова, призывавшего к оздоровлению армии и укреплению дисциплины перед лицом грозной опасности — глубокого вторжения германских армий.

Выступивший от имени правительства А. Ф. Керенский, по существу, поддержал генерала Корнилова во всех его главных требованиях. И в последовавших затем переговорах Керенский согласился с основными мероприятиями, проведение которых предлагал генерал Корнилов для восстановления боеспособности армии. Генерал Корнилов рассчитывал, перебросив в тыл сохранившие дисциплину войска, остановить разложение армии в тылу и, прежде всего, в столице.

Однако, когда он начал переброску таких войск (3-й Конный корпус) в Петроград, Керенский заподозрил Корнилова в намерении изменить состав правительства. Он внезапно, не попробовав даже вступить в прямую связь с Корниловым, снял его с поста главнокомандующего и 28 августа объявил «мятежником».

Генерал Корнилов опроверг Керенского, заявив в специ-

ально выпущенном воззвании, что он, сын крестьянина-казака, вовсе не собирается покушаться на свободу и демократию в России, но не предпринял никаких попыток лично взять под командование посланные в Петроград верные ему части, равно как и не проявил никакой инициативы по созданию нового правительства. Понимая свои действия, как служение на пользу России, он явно был чужд каких-либо бонапартистских намерений.

Напрасно было бы искать также каких-либо социальных причин в неудаче генерала Корнилова. Разумеется, после шести месяцев «двоевластия» лозунг продолжения войны и восстановления дисциплины в армии был не популярен в Петроградском и других тыловых гарнизонах. А именно они, в силу бездействия правительства в отношении собственной охраны, имели решающее значение в вопросе прочности центральной власти.

Генерал Корнилов, как видно из источников (воспоминания современников, прежде всего, генералов Краснова, Деникина) мог сравнительно легко занять Петроград, если бы подошел к этой операции, как политик, а не как военный. Ему не стоило бы большого труда сосредоточить в столице и в ее окрестностях небольшие, прочные части, готовые выступить, в случае надобности, как политическая сила. Такие части имелись в армии — хотя бы тот же «Корниловский ударный полк» капитана Неженцева, ряд других ударных частей, многочисленные военные училища и т. д.

Но Корнилов не собрал подобных частей и не сформировал достаточно многочисленных, способных взять на себя временное управление столицей штабов. Видимо (мы не касаемся здесь вопроса отношений Керенского с Корниловым во всей его исторической сложности, а также самой истории «похода» на Петроград), генерал Корнилов и не намеревался этого делать. Он предпочитал беречь боеспособные прочные части для борьбы с немцами на фронте. Все его выступление носило, первоначально, характер широко задуманной армейской демонстрации в пользу правительства Керенского, от которого он только требовал передачи в другие руки управления армией. Поэтому все кавалерийские дивизии, входившие в состав посланного в Петроград 3-го Кавалерийсколо корпуса и Туземной дивизии, спокойно двигались в эшелонах по железной дороге и не имели абсолютно никаких приказов, что делать в случае сопротивления. Никакого

штаба для действий против Петрограда не существовало. Пока эшелоны двигались или застревали на железной дороге, все эти кавалерийские части, почти не управляемые, были объявлены армией, а ее новый командующий, генерал Крымов, оставив войска в эшелонах, отправился на машине к Керенскому в Петроград. Там он убедился в том, чему не хотел верить — Керенский, качнувшись в сторону проповедников углубления революции, объявил Корнилова мятежником. Генерал Крымов не выдержал и застрелился.

Новый командующий корпусом, генерал Краснов, как он сам рассказывает, догнав армию, даже не знал где находятся ее части. Генерал Корнилов видимо до конца верил каким-то обещаниям Керенского. Он не допускал мысли, что Керенский в последний момент заколеблется и в страхе за свою судьбу, вместо того, чтобы оказать помощь делу спасения армии и России, метнется в объятия большевиков и будет просить у них поддержки.

Ведь дело шло фактически не о захвате власти, а лишь о том, чтобы довести до конца начатое 5 июля в Петрограде восстановление порядка и дисциплины в армии, упрочение государственности. Если в начале июля удалось расформировать полки, на которые опиралась «Военка» и привлечь к ответственности главнейших участников большевистского путча в Петрограде и на флоте, то теперь, в конце августа, перед угрозой немецкого наступления было необходимо и возможно довести начатое дело до конца — вывести разложившийся гарнизон из столицы, упрочить власть Демократического совещания, ликвидировать до созыва Учредительного собрания гибельное для страны двоевластие, восстановить дисциплину и боеспособность армии.

Керенский на словах (в своей речи на Московском государственном совещании) как будто бы понимал положение и соглашался на эти меры. Внушительное движение еще не разложившихся кавалерийских частей к столице давало, прежде всего ему самому, опору для проведения необходимых мер.

Командование шло ему навстречу. Генерал Крымов прибыл к нему для переговоров, не веря, что Керенский мог объявить генерала Корнилова мятежником. Он прибыл один, без всякой охраны. Удивительно, конечно, как Корнилов мог забыть свой собственный опыт, когда он, сразу после Февраля, командовал Петроградским военным округом. Он не

мог не знать, что в это время для действительного укрепления власти нужны были особо подобранные, прочные части, учащаяся молодежь. Ведь в дни апрельского кризиса две вызванные им на Дворцовую площадь запасные батареи не выполнили его приказа. Видимо, психологически генерал Корнилов и его окружение — лучшие русские генералы того времени — чувствовали, видели себя лояльными военными, готовыми всеми силами помогать легальному правительству в его борьбе за Россию, а вовсе не заговорщиками, в которых, под радостное улюлюкание большевиков и левого сектора «революционной демократии», их превратил Керенский.

В дни 26-31 августа политическая близорукость и, бесспорно, личный эгоизм сыграли катастрофическую роль в истории России. И эти же дни сыграли решающую роль в истории партии. Действительно, политические потери в результате ошибок, июльского провала — все это было восстановлено в течение какой-нибудь недели. От революционной демократии большевики не только получили индульгенцию, они были призваны в качестве ее спасителей.

Не с апрельских тезисов и не с июльского восстания, а с корниловских дней начинается прямой путь большевиков к власти. Лишив себя поддержки в армии Керенский, объективно, расчистил им к ней дорогу.

Остановимся, лишь в качестве примера, на некоторых моментах восстановления большевистских и им сопутствующих сил в Балтийском флоте после разгрома июльского выступления. 28 августа, в день объявления Керенским генерала Корнилова «мятежником» и призыва к советам начать борьбу с «контрреволюционными» силами, в Гельсингфорсе был созван Революционный комитет при Центробалте в составе 24 человек (при том самом новом Центробалте, который был свободно избран после июльских событий и в котором большинство составляли эсеры, анархисты, меньшевики и беспартийные). Выпущенные из тюрьмы на поруки команд и под надзор командиров, лишенные съездом Центрофлота избирательных прав, такие возглавители июльского мятежа — большевики, как Н. Ф. Измайлов, Н. А. Ховрин, А. С. Лоос, без выборов вошли в новый Революционный комитет и под лозунгом «борьбы с корниловщиной», фактически снова начали борьбу с Временным правительством. Мятежник Игнатьев был, например, назначен комиссаром в штаб корпуса казачьих войск, расположенный в Гельсинг-

форсе. Можно привести много подобных примеров в эти дни. Как раз этим восстановленным в правах большевикам, не проходившим новых выборов в советы, правительство, по ядовитому замечанию Троцкого «со шляпой в руке», и обратилось, поручив вызвать в Петроград свыше шести тысяч матросов и передав охрану Зимнего дворца команде «Авроры». Характерно, что правительство, делая это во имя эфемерной борьбы с Корниловым, фактически дезорганизовало действия флота во время самой крупной операции немцев на Балтике. Поэтому немцам удалось захватить острова Эзель и Даго и только благодаря героическим, смелым действиям командования и части оставшихся моряков удалось удержать проход в Финский залив путем затопления броненосца «Слава».

Так против фиктивного, существовавшего больше в воображении Керенского и вождей партий революционной демократии мятежа, являвшегося в действительности, не чем иным, как раздутым конфликтом между Керенским и Корниловым по вопросу мероприятий об укреплении правительственной власти, были призваны в качестве защитников демократии и Временного правительства большевики и им было предоставлено право вооружения и организации самостоятельных отрядов.

В начале сентября из тюрьмы были выпущены почти все большевистские путчисты, арестованные в июле, в том числе Троцкий. Только 15 сентября Керенский, спохватившись, издал приказ о прекращении формирований независимых отрядов, создававшихся, якобы, для борьбы с корниловщиной. Но было уже поздно: восстановление и вооружение отрядов Красной гвардии было совершившимся фактом.

Так на плечах правительства, при полной моральной поддержке социалистических партий, большевики не только восстановили свои силы, но и невероятно усилились. Теперь никто не счел нужным вспоминать июльские дни, открытые следствием немецкие связи Ленина, никто не ставил вопроса о громадном количестве вооружения и о дальнейшем существовании отрядов, созданных «для борьбы» с Корниловым.

Не будем приводить общеизвестной ленинской цитаты, где он восторженно дает указания о необходимости под флагом борьбы с Корниловым готовиться к вооруженному перевороту, но «пока» не выступать против Керенского, предъявляя ему лишь частичные требования. Временное пра-

вительство как будто бы нарочно само содействовало этому плану. Все его мероприятия по защите свободы и демократии носили бумажный характер и надежды народа обратились к уже назначенным на ноябрь выборам в Учредительное собрание.

Ленин хорошо понимал, что большевики не пользуются доверием большинства народа и, следовательно, после созыва Учредительного собрания и формирования законного правительства, шансы на приход к власти исчезнут, быть может, навсегда.

Поэтому он видел в остающихся полутора неделях до выборов последние сроки для захвата власти и был столь непримирим ко всем своим соратникам, предлагавшим выждать созыва Учредительного собрания и рассчитывавшим на коалицию с частью партий революционной демократии.

10 октября 1917 года на набережной реки Карповки (Петроградская сторона) в квартире меньшевика Суханова, но без его ведома, произошло заседание ЦК, продолжавшееся больше 10 часов подряд, хотя присутствовало на нем всего 12 человек, в том числе Ленин, обривший бороду и надевший парик.

Десять часов понадобилось для того, чтобы принять небрежно, как бы второпях, написанную резолюцию. Она была принята 10 голосами против двух «штрейкбрехеров» — Зиновьева и Каменева. Их «штрейкбрехерство» свелось к напечатанию письма со своим мнением по вопросу о сроках вооруженного восстания в «Новой жизни», — органе, издаваемом Сухановым совместно с М. Горьким. Троцкий, единственный участник заседания, оставивший о нем воспоминание, писал, что в этот день был «непередаваем, невыразим общий дух его (Ленина. — Н. Р.) упрямых и страстных импровизаций». Ленин был в том состоянии, которое хорошо его знавший Н. С. Валентинов, назвал состоянием «ленинского ража», способного гипнотизировать даже привыкших к Ленину его ближайших сотрудников.

Резолюция, на которой с таким трудом настоял Ленин, горячо поддержанный Троцким, состоит всего из двух абзацев. Во втором сказано главное — «вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело»[105]). Первый абзац посвящен тем доказательствам, которые в течение десяти часов Ленин упрямо приводил своим соратникам. М. Алданов, будучи не только талантливым писателем, но и тонким знатоком собы-

тий 1917 года, свидетелем которых он был, справедливо замечает, что все доказательства Ленина, все его положения в этой резолюции оказались ложными[106]).

Действительно, Ленин аргументировал, как видно из первой фразы резолюции, тем, что: 1) ЦК признает «крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции», 2) империалисты (т. е. немцы и союзники) готовы заключить между собой мир с целью «удушения революции в России», 3) налицо «несомненное решение ... Керенского с Ко. сдать Питер немцам», 4) близится крестьянское восстание и большевики уже обладают народным доверием, 5) происходит «явное подготовление второй корниловщины»[107]).

Не стоит останавливаться на первых двух ленинских положениях. Их абсурдность давно доказана историей. Навязывание Временному правительству замыслов заключить мир, означало также выворачивание на изнанку самой сущности позиции Временного правительства, которое обуславливало свою деятельность необходимостью довести войну до победного конца.

Много лет спустя, в июне 1931 года, А. Ф. Керенский обедал с бывшим первым английским представителем при Совнаркоме Локхардом в одном из клубов Лондона. К ним подошел лорд Бивербрук и начал расспрашивать Керенского о крушении Временного правительства.

— Справились ли бы вы с большевиками, если бы вы заключили сепаратный мир? — спросил в конце Бивербрук.

— Конечно, — ответил Керенский, — тогда мы были бы теперь в Москве.

— Тогда почему же вы его не заключили? — настаивал Бивербрук.

— Потому что были мы слишком наивны, — отвечал Керенский бывшему союзнику России[108]).

Если следовать дальше за ленинской аргументацией, то сколь-либо значительные крестьянские восстания можно обнаружить лишь весной и летом 1918 года и еще более крупные в 1921 году. И притом совсем не в пользу большевиков.

Что же касается вопроса о народном доверии, то результаты выборов в Учредительное собрание продемонстрировали как раз отсутствие доверия к большевикам.

И, наконец, разбирая все факты можно убедиться в том,

что Керенский, как накануне июльского выступления, так и накануне Октября, сделал все от него зависящее, чтобы в районе столицы не было верных правительству, дисциплинированных войск. Как это ни кажется теперь странным, но и в октябре председатель Временного правительства упорно придерживался взгляда о необходимости отправки на фронт всех лучших войск — формулы объявленной им еще на первом Всероссийском съезде советов в июне 1917 года. Вопрос своевременного подвоза верных правительству войск был решающим в дни большевистского переворота. Ввиду того, что Ленин в своей резолюции прямо пишет о «подвозе к Питеру казаков», остановимся кратко на действительном положении в сентябре-октябре 1917 года в окрестностях Петрограда.

Генерал Краснов в своих воспоминаниях рассказывает, что после того, как генерал Крымов застрелился в результате разговора с Керенским, он принял командование 3-им Конным корпусом. Генералу Краснову удалось привести корпус в порядок и его дисциплинированные части были расположены в окрестностях Петрограда. Нахождение частей корпуса под Петроградом, заметно повлияло на гарнизон столицы — он начал отправлять маршевые роты на фронт. 16 сентября генерал Краснов подал в штаб округа доклад, в котором указывал на необходимость замены некоторых частей корпуса и отправки домой разложившихся 1-го, 4-го и 14-го казачьих полков, простоявших в столице весь 1917 год. Реорганизованный 3-й Конный корпус (в его составе была и патриотически настроенная 1-я Донская дивизия, подразделения которой приняли участие в наступлении на Петроград после 25 октября) должен был оставаться в ближайших окрестностях Петрограда «для поддержки правительства и обеспечения правильных и спокойных выборов в Учредительное собрание и самой работы Учредительного собрания»[109]). Но Керенский не обратил внимания на этот доклад. Он даже ни разу не встретился с командиром корпуса. Более того, как бы в ответ на доклад, было получено приказание отвести корпус за Псков, в Остров, в расположение штаба Северного фронта. Вблизи Петрограда верных Временному правительству войск не оставалось.

Проследим кратко дальнейшую историю 3-го Конного корпуса. В течение осени его по полкам и сотням раздергали на громадное пространство от Ревеля до Витебска, Новгоро-

да, Боровичей. А 25 октября, когда при штабе корпуса в Острове оставалось едва полтора десятка слабых сотен, пришла телеграмма, требующая срочной отправки корпуса под Петроград. Телеграмма была подписана «Главковерх Керенский». На следующий день, вслед за телеграммой явился и сам Главковерх, чтобы с наличными силами немногим больше полка казаков начать вместе с Красновым наступление на Петроград.

Такова история этих частей осенью 1917 года. Временное правительство располагало на фронте еще и другими многочисленными войсками, в том числе ударниками, но его глава вплоть до кануна большевистского восстания заботился лишь об одном — об отправке войск на фронт, веря, что после объявления им генерала Корнилова «мятежником», его популярности вполне достаточно, чтобы раздавить большевистское восстание. Он не заметил, что от этой былой популярности в октябре осталась одна лишь фикция.

Никто сколько-нибудь серьезно не готовился к подавлению большевистского восстания, несмотря на то, что все знали о нем, как о решении. Вооруженные в дни борьбы Керенского с Корниловым отряды Красной гвардии спокойно обучались владеть оружием. Правда, они не составляли серьезной силы, особенно в случае необходимости наступления.

16 октября, благодаря усилиям Троцкого, образовался Военно-революционный комитет. Формально это был постоянно действующий Комитет при Петроградском совете, где были представлены все части Петроградского гарнизона, созданный для противодействия правительству в его попытках отправить часть запасных полков гарнизона на фронт. Поэтому, в ВРК входили и беспартийные, и эсеры, и представители других партий. Председателем ВРК был избран Лазимир, принадлежавший к партии левых эсеров. Однако ведущей силой в нем были большевики, сумевшие влить в ВРК готовый состав своей «Военки»[110]).

В хаосе встреч и митингов никому не приходило в голову проверять являются ли многие самообъявившие себя работники «Военки» действительно членами ВРК. С другой стороны, многие части, не сочувствовавшие левым эсерам и большевикам, представителей в ВРК не имели, что не мешало последнему выступать от имени всего гарнизона. Правительство терпело в столице этот открытый орган подготовки восстания, претендовавший на легальность. Естественно, что

многим, особенно офицерам и молодежи юнкерских училищ, казалось, что дни Временного правительства сочтены и нет никакой возможности защищать правительство, которое, с одной стороны, признает де-факто ВРК в столице, с другой, — держит генералов Корнилова, Деникина и других выдающихся патриотов в Быховской тюрьме.

Этим самым правительство само создавало наивыгоднейшие предпосылки для осуществления тактики большевиков. Ведь последняя слагалась из двух основных приемов: создание «единого фронта» с «революционной демократией» под знаменем борьбы с призрачной «контрреволюцией», развитие войны с которой «однако только и может нас привести к власти» (по Ленину), и занятию позиции псевдообороны от, якобы, готовящегося к нападению правительства.

Не без основания, поэтому, Троцкий считает началом открытой борьбы за власть невыполнение большинством гарнизона столицы приказа правительства о посылке частей на фронт. Троцкий ухватился за эту возможность, организуя своего рода «оборону» от этого вполне законного во время войны приказа. Вовлекая на этой основе солдат гарнизона и матросов Балтфлота в борьбу с правительством, ВРК, однако, стремился, к своей цели. Фактический глава его Троцкий писал: «ведя наступление по всей линии, мы сохранили видимость обороны» и «прикрывали ... фактическое восстание Петроградского гарнизона ... традициями и приемами легального двоевластия», т. е. традиционным безответственным отношением к государству, укоренившимся в практике партий революционной демократии, представленных советами.

В тот же день, когда Троцкий организовывал Военно-революционный комитет и с помощью членов «Военки» превратил его в действительный штаб восстания, наличный состав ЦК, совместно с некоторыми членами Петроградского комитета, избрал пятерку в качестве партийного «центра» по руководству восстанием. В «центр» вошли Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Бубнов и Сталин. Но партийный «центр» оказался импровизацией, повисшей в воздухе, он даже ни разу не собрался. Сталин уже через четыре дня на заседании ЦК угрожал уходом из «Правды», если будут по требованию Ленина исключены Каменев и Зиновьев; Свердлов по-прежнему являлся связующим звеном между Лениным и партийным аппаратом, а Урицкий, Дзержинский и

Бубнов были втянуты, как свидетельствует Троцкий, в состав ВРК.

Партийный «центр», возникший в результате совещания 16 октября, едва ли мог быть жизненным, ибо на этом совещании Каменев и Зиновьев открыто выступили против ленинского требования о немедленном проведении восстания. Сама резолюция, принятая совещанием, была скорее компромиссом между Каменевым и Зиновьевым, с одной стороны, и Лениным с другой. Она ограничилась расплывчатой формулой вполне устраивавшей всех: «... ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления»[111]).

Явная уступка объясняется, конечно, не «бесстыдством» Каменева и «наглостью» Зиновьева, как характеризовал их выступления Ленин, а той информацией и впечатлениями с мест, которые высказали многие участники совещания: согласно протоколу в Кронштадте настроение упало, в Нарвском районе (Путиловский и др. заводы) нет стремления к восстанию, в Союзе металлистов, как заявил Шляпников, «выступление не является популярным — слухи об этом вызвали даже панику». В промышленных Охтенском и Василеостровском районах, так же как и в Нарвском районе отношение рабочих масс к восстанию — безразличное.

Бесспорно знавший, что восстание намечается на 20 октября Володарский заявил:

«Если вопрос о выступлении ставится как вопрос завтрашнего дня, то мы должны прямо сказать, что у нас для этого ничего нет... утверждаю, что массы с недоумением приняли мой призыв»[112]).

Эти высказывания, равно как и многие другие материалы, разрушают легенду о том, что Октябрьский переворот имел что-либо общее с движением масс. Как со стороны Временного правительства, так и со стороны большевиков, в Октябре участвовали весьма незначительные силы. На легенде массового штурма Зимнего дворца мы остановимся ниже. Сейчас мы хотим подчеркнуть, что даже в советской прессе нет ни одного упоминания о какой-либо массовой демонстрации рабочих, Петроградского гарнизона в дни перед 25 октября. И уж, конечно, никак невозможно найти даже намека на какую-нибудь рабочую или солдатскую демонстрацию, приветствующую Ленина и большевиков в Смольном после падения Временного правительства, подобно тому,

как эти массовые демонстрации приветствовали Временный комитет Государственной Думы в февральские дни.

Лозунгами Октябрьского переворота не были ни свобода, ни демократия, ни правовая государственность — все это было достигнуто. Социальные лозунги — о передаче земли крестьянам были лозунгами, прежде всего, эсеров и собиравшееся через несколько недель Учредительное собрание без сомнения эти лозунги законодательно осуществило бы. В рабочем законодательстве большевики в общем не были каким-то исключением и поддерживали лишь то, что уже было осуществлено в большинстве меньшевистско-эсеровскими советами первого этапа революции. Единственный вопрос, в который Ленин вносил свое собственное, оригинальное решение, — был вопрос о мире с немцами, — но это была в то же время проблема сохранения единства России, ибо все знали, что, несмотря на близость Германии к крушению, она предъявит требование о разделе России (отделение Украины, Белоруссии, Прибалтики, Закавказья), что она и сделала при заключении Брестского договора. Патриотизм, государственные интересы, невозможность для демократических партийных лидеров идти на небывалые в истории императорской России, унизительные германские требования — таковы были главнейшие тормоза, заставлявшие всех, кроме Ленина и меньшинства большевистской партии, затягивать вопрос о мире.

Характерно, что Ленин, как показали переговоры в Бресте, несомненно зная (что знали тогда все!) о неизбежности «похабных» условий мира, все же в своей речи 26 октября на II съезде советов, лживо и демагогически обещал «мир без аннексий и контрибуций».

Наконец, последний вопрос, стоявший остро во время Октябрьского переворота, был вопрос об Учредительном собрании. В этом вопросе Ленин занимал также преследующую прямой обман, лживую позицию. Задумав разогнать Учредительное собрание, как только он сумеет захватить власть, он, однако, и на II съезде советов и в отдельных резолюциях большевиков накануне самого Октября клялся и обещал, что Совет рабочих и солдатских депутатов, взяв власть, передаст ее Учредительному собранию.

В качестве одного из многочисленных примеров, которые мы могли бы привести, приведем лишь параграф пятый предложенной большевиками резолюции кронштадтской

конференции Совета рабочих и солдатских депутатов накануне 25 октября:

«Что только эта власть (Совет рабочих и солдатских депутатов. — Н. Р.) наконец может обеспечить создание центрального органа русской революции — Учредительного собрания».

Предлагая эту резолюцию для обмана моряков, следовавших за эсерами и самими большевиками, большевистский ЦК и прежде всего лично Троцкий учитывали, что сильная анархическая прослойка в Кронштадте будет возражать именно против этой части резолюции. И действительно, анархисты считали, как сообщал 27 октября их орган «Голос труда»

«... что теперь, когда рабочие и моряки перестали верить в спасительность центральной власти ... мы должны напречь все силы на то, чтобы так называемая «власть» перешла к советам, которые, разрывая и разделяя ее по кусочкам, тем самым уничтожат централизованное государство: государство всегда давило, давит и будет давить и без его уничтожения не может быть обеспечена победа революции».

Вот под каким лозунгом пошел матрос Железняков, один из руководителей Кронштадтского отряда на Октябрьский переворот, вот почему именно ему было поручено Лениным «разогнать» Учредительное собрание. Даже Большая Советская Энциклопедия не отрицает того, что Железняков был анархистом.

Характерно, что тот же «Голос труда» об этом решающем собрании в Кронштадте пишет:

«Некоторые товарищи большевики заявили нам, что не одни только анархисты отрицают централизованное государство, что и они, большевики, не признают его».

Таким образом при вербовке сил для переворота в Кронштадте большевики собственно не посмели открыто выступить под своими лозунгами в вопросе о власти.

Легенда о массовом штурме Зимнего дворца давно разоблачена многими историками, в частности, С. П. Мельгуновым. Красная гвардия, созданная в дни «корниловщины», была немногочисленна и в перевороте мало участвовала (в отличие от Февральской революции, работа на фабриках и заводах 25 октября в основном не останавливалась). Если обратиться к воспоминаниям участников, не прошедшим лакировки в сталинское время, оказывается, что в отряде пу-

тиловцев, участвовавших во главе с Сурковым в занятии Зимнего дворца, было всего лишь 80 красногвардейцев. Рабочий Балтийского завода Мартынов приводит цифру в 235 красногвардейцев для своего завода, но меньше половины их находились и вечером еще в отряде. Единственной силой, активно участвовавшей в перевороте, были моряки Кронштадта и флота. Они и совершили фактически переворот. По свидетельству Измайлова в ночь на 25 октября по телеграмме Свердлова из Гельсингфорса в Кронштадт было послано три эшелона, общей численностью около четырех с половиной тысяч человек (две тысячи по словам Антонова-Овсеенко, полторы тысячи по данным штаба флота). Из Кронштадта прибыло по партийным официальным данным десять тысяч моряков. По словам современников их едва ли было больше двух-трех тысяч. Каковы бы ни были цифры, моряки, испытанные уже в июльском восстании, представляли собой реальную силу, были главной опорой Троцкого. Большинство моряков принадлежало к левым эсерам и анархистам, но вне зависимости от этого, все организации моряков готовы были идти на свержение Временного правительства, видя в этом также отчасти и сведение счетов за подавление июльского путча.

Военно-революционный комитет издал 22 октября воззвание к гарнизону с призывом исполнять только приказы ВРК, а все другие «считать контрреволюционными». Несмотря на это воззвание и другие призывы ВРК, войска Петроградского гарнизона в подавляющем числе объявили свой нейтралитет. Когда в 10 часов утра 25 октября Военно-революционный комитет вызвал свои «верные» полки для занятия различных объектов в городе согласно плану, ни один из полков не выступил. Даже Подвойский, сильно приукрашивающий действительность в своих воспоминаниях, вынужден признать, что значительная часть полков заявила о своем нейтралитете, а другая, якобы, находившаяся в полном распоряжении ВРК, была зачислена «в резерв». Из двух полков, считавшихся наиболее верными и обещавшими выступить «в любой момент», Гренадерский полк не выступил вовсе, а Павловский ограничился тем, что выставил патрули вокруг Зимнего дворца, которые, однако, равно задерживали как членов ВРК, так и представителей правительства. Вот почему объявленное с утра свержение Временного правительства фактически не состоялось. За первым объявлением идет

целая серия подобных же деклараций (в 2 часа Троцкий обещает, что Зимний дворец падет через несколько минут) вплоть до двух часов ночи. Правительство сначала собрало незначительные, но достаточные силы для обороны, в расчете на подход свежих частей с фронта. Но этими силами, как известно, никто не управлял, войска и юнкерские училища не получали никаких приказов, а сами представители правительства открыто предоставили всем своим защитникам свободу действий, говоря, что кровопролитие будет бесцельным. После долгих колебаний многие ушли, в том числе такие верные части как Михайловское артиллерийское училище.

Только лишь во вторую половину дня с прибытием моряков началось окружение Зимнего дворца. Занятие окружающих зданий по воспоминаниям Суханова, близко наблюдавшего события, было похоже на «мирную смену караулов». До 6 часов вечера никакой попытки приблизиться к Зимнему дворцу вообще сделано не было. В 6 часов вечера Чудновский передал Временному правительству первый ультиматум от имени ВРК. Ответа на него не последовало. Цепи матросов попытались приблизиться, но стрельба в воздух заставила их отступить. В 8 часов вечера, когда замаскированный Ленин бегал по комнате Смольного с требованием «скорее, скорее» и посылал записки Подвойскому, угрожая ему партийным судом (ибо съезд советов, на котором Ленин собирался объявить о падении Временного правительства, уже собрался), Чудновский снова попытался вступить в переговоры, был арестован во дворце, но вскоре отпущен. Только в 9 часов вечера была сделана слабая попытка обстрелять Зимний дворец и ответный огонь продолжался около часа. Матросские цепи даже не пытались продвинуться перед дворцом. Зато отдельные группы моряков смешанные с уличными толпами проникли в Зимний дворец через неохраняемые входы со стороны Зимней канавки. Они разоружались юнкерами одна за другой, но тут же отпускались и оставались в огромном дворце, защитники которого сами не знали планов и были фактически без руководства, т. к. с ними осталось только пять офицеров. Наконец в 11 часов ночи начали обстрел дворца пушки Петроградской крепости. Две шрапнели попали во дворец. «Аврора» не могла стрелять из-за угла обстрела. Поэтому она дала единственный, но . . . холостой выстрел. Моряки и штатские из толпы продолжали

проникать во дворец через неохраняемые входы, но никто не решался идти на штурм. Защитников дворца становилось все меньше и меньше. Они частично уходили, частично смешивались с толпой народа, проникшего во дворец. Около 2 часов ночи Чудновский с большой группой снова начал переговоры и юнкера, с согласия правительства, были готовы уйти. Во время этих переговоров моряки на площади, наконец, ожили и, не встречая сопротивления, влились во дворы дворца. Временное правительство само предложило юнкерам прекратить сопротивление.

Так закончился Октябрьский переворот. Он носил действительно «ползучий» характер. Сам термин «переворот», в отличие от термина «революция», употребляли не только открытые противники Октября, но и многие из большевиков, в том числе Ногин, Луначарский, заявивший после своего выхода из первого советского правительства через несколько дней, что он не «переворотчик» и считает необходимым создание многопартийного коалиционного правительства.

Только отсутствие сил и воли у демократии и ее вождей защищать до конца всенародно избранное Учредительное собрание и их упорное желание вести переговоры с большевиками помогли последним и в дальнейшем удержать захваченную власть.

Часть вторая

ГЛАВА IX

НОЯБРЬ 1917 ГОДА В МОСКВЕ

«Триумфальное шествие советской власти», прочно вошедшее по сталинскому рецепту в советскую историографию, было в действительности таким же медленным, «ползучим» процессом, каким был и сам Октябрьский переворот.

Изверившийся в трескучих революционных фразах Петроградского совета, от которого всегда зависело Временное правительство, народ не видел в падении Керенского катастрофы. Все надежды возлагались теперь на выборы в Учредительное собрание. Выборы должны были начаться в ноябре. Подавляющее большинство населения не верило, что большевики — тогда лишь одна из партий революционной демократии — посмеют пойти против воли законно избранного Учредительного собрания. Ведь за прямое, равное, тайное и всеобщее голосование большевики на словах боролись так же, как и другие партии левой интеллигенции, и теперь, когда в истории России эти права впервые осуществились, никто не представлял себе, что у демократии могут оказаться враги слева. Другие партии революционной демократии, прежде всего меньшевики и эсеры, сами всё еще не могли расстаться с иллюзией о «едином социалистическом правительстве» с обязательным участием большевиков, но с исключением всех остальных, несоциалистических партий. И после Октябрьского переворота меньшевики и эсеры продолжали занимать эту в сущности антидемократическую позицию, погубившую в конечном итоге и их самих.

В свете этой политической обстановки, необходимо остановиться хотя бы на некоторых примерах «победы Октября» в провинции. В Нижнем Новгороде (Горький) советская власть была провозглашена лишь 21 ноября. Крестьян-

ский съезд в Воронеже (489 депутатов, в том числе 24 большевика) держался до 28 декабря, когда прибыл отряд матросов, разогнавший съезд. В соседней с Москвой маленькой Калуге сразу после Октябрьского переворота был создан Временный исполнительный комитет и правительственный комиссар Елкин передал от его имени готовность Калуги принять свергнутое Временное правительство. Еще 14 ноября в Калуге был разогнан Военно-революционный комитет, созданный прибывшими из Москвы большевиками.

Эти немногие примеры говорят о том, что хотя в стране и царило безвластие, но чаша весов отнюдь не склонялась на сторону большевиков, и именно это обстоятельство — положение в русской провинции — не позволило большевикам тогда сразу сорвать выборы в Учредительное собрание.

Вот почему исход борьбы в Москве был крайне важен для страны. Он мог повернуть события и создать реальные силы для поддержки Учредительного собрания. Это понимала московская молодежь (юнкера, студенты, гимназисты, часть интеллигенции), взявшаяся за оружие.

Ленин был информирован московскими большевиками о том, что они готовы к захвату власти и отсюда в предоктябрьские дни вырос даже один из его планов — «начать в Москве, а в Петрограде поддержат». Однако в действительности московские большевики оказались в хвосте событий. Только после известия о захвате Зимнего дворца они решили начать восстание.

По петроградскому рецепту восстание должно было быть начато от имени Совета рабочих и солдатских депутатов. 25 октября в здании Политехнического музея собралось расширенное заседание Московского совета и, как ни странно, на нем никто всерьез не возражал против создания временного органа для борьбы с «контрреволюцией». Так был создан московский Военно-революционный комитет. В него вошли от большевиков Ломов, Смирнов, Усиевич и Муралов. Последний — будущий командующий Московским военным округом, член Реввоенсовета и, еще позднее, известный троцкист — был фактически главным деятелем большевистского восстания. От меньшевиков в ВРК вошли Николаев и Тетельбаум. Позже большевики кооптировали в ВРК руководителей Красной гвардии — Розенгольца, Ведерникова и др. На следующий день меньшевик Югов огласил декларацию о том, что меньшевики вошли в ВРК лишь для того, чтобы

продолжать борьбу против «безумной авантюры», как они называли Октябрьский переворот, и смягчить удары, которые, мол, неизбежно падут на головы демократии после поражения восстания. Июльские события в Петрограде еще не были забыты в Москве.

Первым решением Военно-революционного комитета было поручить Розенгольцу привести к Московскому совету на бывшей Скобелевской площади, где разместился ВРК, «минимум тысячу солдат с пулеметами». Вся большевистская организация была брошена на агитацию в казармы. Многочисленные большевистские мемуаристы рассказывают, как они ночью вели войска к ВРК. Так, например, Ангарский и Мостовенко называют разное время, когда каждый из них привел из Хамовнических казарм тот же самый 193-ий запасный полк. Полк действительно собирался всю ночь, но к совету пришли только три роты, которые, по свидетельству большевика Будзинского, оказались небоеспособными. Тот же Будзинский пытался вывести 55-ый запасный полк, но после инцидента с разорвавшейся ночью винтовкой полк ограничился лишь «посылкой разведки» к совету. Не будем перечислять других попыток. В результате всех усилий, на следующее утро в распоряжении ВРК находилась лишь одна рота, а днем позже, 27 октября, Ломов мрачно констатировал: «нет солдатских частей, мало рабочих красногвардейцев». Единственной опорой ВРК оказались разрозненные группы «двинцев», — несколько сот солдат разных частей, привезенных в Москву после бунта на фронте и посаженных в Бутырскую тюрьму.

Важнейшей частью плана и главной надеждой ВРК был захват Кремля с находившимся там складом оружия. Рано утром 26 октября в Кремль явился назначенный ВРК комиссаром Е. Ярославский и объявил комендантом прапорщика Берзина — молодого большевика из 56-го запасного полка, игравшего впоследствии крупную роль в гражданской войне и позже в троцкистской оппозиции. Со стороны штаба округа никто не препятствовал действиям Ярославского и Берзина; находившиеся в Кремле три роты 56-го запасного полка открыли склады и началась погрузка оружия. Но на этом и кончились первые успехи ВРК.

На Красной площади неожиданно появились вышедшие по собственной инициативе патрули юнкеров Александровского училища, поддержанные на первых порах двумя ка-

зачьими сотнями. Кремлевские ворота пришлось закрыть и приехавшие за оружием красногвардейцы оказались вместе с солдатами 56-го запасного полка в осаде.

Правительственным комиссаром в Москве был энергичный доктор Кишкин, но он оказался 25 октября в Зимнем дворце в Петрограде и попал вместе с другими членами Временного правительства в Петропавловскую крепость. Другие представители правительства в Москве занимали позицию, которую правый эсер Авксентьев позже охарактеризовал как «преступное бездействие». Действительно, никаких следов деятельности замещавшего Кишкина правительственного комиссара Григорьева в дни московского восстания отыскать невозможно.

Командующий округом полковник Рябцев сделал свою карьеру на шумихе, поднятой против генерала Корнилова в августе 1917 года. Он был связан с одной из социалистических партий, сотрудничал во «Власти народа», издаваемой Кусковой, а в 1919 году в одном из социал-демократических журналов левого направления в Харькове, где и был расстрелян при занятии города Добровольческой армией генерала Деникина. Рябцев бездействовал, не отдавая никаких приказов московскому гарнизону и вел долгие, оставшиеся до сих пор неизвестными, переговоры с ВРК. До вечера 27 октября Рябцев лишь попробовал уговорить солдат 56-го запасного полка в Кремле допустить к охране и юнкеров. Этот представитель Временного правительства, которое уже находилось в Петропавловской крепости, упорно заявлял, что он до конца будет стремиться избежать гражданской войны. В то же время Московская городская дума, являвшаяся более широким чем Совет общественным органом, образовала под давлением эсера Руднева Комитет общественной безопасности (КОБ), который, однако, не выставил никакой политической платформы, а объявил, что преследует лишь задачи «охраны и безопасности населения в период кризиса государственной власти». Однако и в этот комитет не были допущены не только кадеты, но даже и народные социалисты, которые, по свидетельству С. П. Мельгунова, были нежелательны, так как не подходили для предполагаемого объединения на единой платформе с большевиками.

Как ни странно, прибывший 27 октября из Петрограда член Временного правительства Прокопович, получивший на совещании товарищей министров полномочия организовать

сопротивление в Москве, в КОБ не вошел и никакой борьбы не возглавил. Единственное, что он сделал, — обосновался в Александровском военном училище и оттуда старался смягчить напряженные отношения между КОБ и вооруженными силами, — спонтанно выступившими на защиту правительства юнкерами и студентами.

Военная молодежь и студенчество (по свидетельству большевиков на 85% бывшие против ВРК) самостоятельно организовали патрулирование центра города. С 26 октября в Александровском военном училище и в Манеже шли многочисленные собрания и митинги, на которых выставлялось требование отставки Рябцева за бездействие. Учащаяся молодежь предложила принять командование находившемуся тогда в Москве генералу Брусилову, но он отказался. Только 27 октября вечером, под давлением непрерывных митингов юнкеров и студентов, полковник Рябцев был вынужден объявить военное положение в Москве и предъявил засевшим в Кремле большевикам ультиматум о сдаче.

Берзин отверг ультиматум и поздно вечером начался обстрел Кремля из пулеметов и винтовок. После почти непрерывного ночного митинга, большинство солдат 56-го запасного полка решило сдаться на следующее утро. Вынужденный к тому солдатами, Берзин открыл ворота.

Без достаточного охранения юнкера вступили в Кремль. Тогда часть солдат и красногвардейцев уже из казарм вдруг открыла слабый огонь. Юнкера бросились было назад к воротам, но там развернулись и с помощью огня подошедшего броневика принудили сопротивлявшихся к сдаче. Было около ста убитых и раненых с обеих сторон. Этот эпизод многие советские историки превратили в сцену массового расстрела солдат в Кремле юнкерами. Большинство сдавшихся солдат и красногвардейцев через несколько дней были освобождены большевиками.

Теперь Рябцев мог легко окружить и занять помещение ВРК. По свидетельству Ломова «это ничего не стоило сделать». Но Рябцев предъявил ультиматум о сдаче и вновь погрузился в бездействие. Между ним и Ногиным снова начались переговоры об условиях разоружения и сдачи ВРК. Затягивая время, Ломов и Ногин соглашались по всем пунктам, кроме одного — суда над членами ВРК.

Штаб Рябцева не пытался также произвести хотя бы минимальную мобилизацию сил. В Лефортове, не получая ни-

каких распоряжений, оставалось изолированным Алексеевское военное училище. В таком же положении находилась в Замоскворечье школа прапорщиков. В Москве, как показала большевистская регистрация несколько недель спустя, находилось в это время около 30 тысяч офицеров, но никто не подумал о призыве этих сил, так же как и ряда частей совсем небольшевистских настроений.

Генерал Алексеев, писавший 8 ноября в ставку о московских событиях, готов был обвинить полковника Рябцева в предательстве и объяснял причины поражения в Москве только тем, что юнкера и студенты «не имели совершенно предварительной организации и не были никем управляемы».

День 28 октября прошел в бездействии. Известный большевик Ольминский позже вспоминал, что «бывали моменты, когда казалось, что центру только и оставалось, что бежать». Кроме «двинцев» и случайных солдат ВРК не имел никакой охраны. Группа в 20-30 юнкеров и 40 вооруженных студентов заняла находившийся поблизости дом градоначальства на Тверском бульваре и вызвала панику в большевистском штабе.

Только после многочисленных усилий и под влиянием сведений о победе в Петрограде ВРК удалось к вечеру 28 октября провести несколько орудий из первой артиллерийской бригады, расположенной на Ходынском поле, к своему штабу на Скобелевской площади.

Найденные в ночь на 29-ое октября двадцать вагонов с винтовками помогли вооружить «двинцев» и несколько сот с трудом собранных красногвардейцев. На противоположной стороне силы тем временем таяли. Положение может быть охарактеризовано примером занятия пятнадцатью ударниками, стоявшими на стороне правительства, Брянского вокзала: шесть из них успешно прикрывали занятие огнем, а девять заняли временно сам вокзал. Небольшого количества юнкеров и студентов не хватало, однако, для занятия всех многочисленных зданий, которые надо было охранять, и едва хватало для обороны центра. Эта оборонительная тактика и погубила дело.

Начиная с 26 и по 29 октября штаб большевиков мог легко быть захвачен, и Москва имела все предпосылки стать опорой в установлении твердой власти, необходимой для обеспечения работы Учредительного собрания, но полковник Рябцев и руководители из Комитета общественной без-

опасности, казалось, делали все, чтобы помочь успеху большевистского восстания.

29 октября КОБ повторил известную историю переговоров «Викжеля» и заключил перемирие с ВРК. Этим временем большевики сумели воспользоваться: они вооружили несколько отрядов в Замоскворечье, а из Иваново-Вознесенска прибыл отряд Фрунзе — это позволило ВРК прервать перемирие и возобновить наступление.

Бои начались, главным образом, у бульварного кольца. 31 октября в районе Никитских и Арбатских ворот силы ВРК — около 500 человек с артиллерией — начали наступление, но были отбиты юнкерами и студентами, которых на этом участке было всего около 90 человек. Еще раньше артиллерийским обстрелом большевики вынудили юнкеров покинуть здание градоначальства. Из Замоскворечья начался артиллерийский обстрел Кремля. Несмотря на это, небольшой отряд юнкеров в тот же день, 31 октября, когда ВРК располагал уже значительными силами, почти пробился на Скобелевскую площадь и броневик юнкеров заставил разбежаться артиллерийскую прислугу. Но эта единичная попытка, предпринятая по инициативе одного из отрядов молодежи, окончилась ничем, так как у юнкеров не хватило патронов. Вообще не получая никакого снабжения уже с 31 октября, юнкера имели по 10 патронов на сутки и фактически именно эта причина заставила их прекратить бой.

1 ноября все еще немногочисленные силы Военно-революционного комитета вливаются в центр города и начинают артиллерийский обстрел гостиницы «Метрополь» и Кремля. Юнкера постепенно уходят, оставаясь лишь в отдельных зданиях. После сильного артиллерийского обстрела утром 2 ноября силы ВРК занимают Кремль. Большинство юнкеров ушло в течение ночи. Лишь немногие оставались у Николаевского дворца, где под начальством командира 56-го запасного полка Пекарского продолжали охранять золотой запас. Еще до прихода сил ВРК старый генерал Кайгородов — начальник арсенала — выпустил сидевших под арестом солдат 56-го запасного полка и их начальника Берзина. Пекарский и часть юнкеров были расстреляны.

Так кончились бои в Москве, где небольшая группа молодежи пыталась самостоятельно, без руководства, без оружия и снабжения оказать сопротивление захватчикам власти и выступить на защиту законного правительства. Большинст-

во этой молодежи, глубоко разочарованное поведением партийных вождей из Комитета общественной безопасности, вскоре потянулось поодиночке на юг, чтобы вступить добровольцами в армию генералов Алексеева и Корнилова, начавших под лозунгом Учредительного собрания борьбу за свободу в России.

ГЛАВА X

ПЕРЕХОД К ОДНОПАРТИЙНОЙ ДИКТАТУРЕ

Сразу же после захвата власти в большевистской партии разразился кризис. Первым из новообразованного Совнаркома подал в отставку нарком просвещения Луначарский.

Витая в фантастическом мире идеи о том, что Россия с радостью готова приветствовать «чисто социалистическое правительство», он не выдержал при известии, что переход власти к большевикам в Москве оказался далеким от понятия о «триумфальном шествии».

«Я только что услышал от очевидцев то, — писал Луначарский в своем заявлении 2 ноября, — что произошло в Москве. Собор Василия Блаженного, Успенский собор разрушаются. Кремль, где собраны сейчас все важнейшие сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируется. Жертв тысячи. Борьба ожесточается до звериной злобы. Что еще будет. Куда идти дальше . . . Моя мера переполнена . . .»[113]).

Луначарский, человек слабый, взял вскоре свое заявление обратно. Гораздо серьезнее был раскол в ЦК и, в результате него, отставка большинства большевистских наркомов.

Вопрос шел о возможности существования однопартийного правительства. Оставшиеся после захвата власти во Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете советов рабочих и солдатских депутатов левые эсеры хотя и участвовали через своих представителей в Военно-революционном комитете, но в правительство войти отказались.

29 октября 1917 года Всероссийский исполнительный комитет Союза железнодорожников («Викжель») выпустил ультиматум, требуя создания коалиционного правительства из всех социалистических партий — от большевиков до народных социалистов, угрожая в противном случае всероссийской железнодорожной забастовкой. ЦК партии послал на переговоры с Викжелем Л. Каменева и Рязанова.

Переговоры (в Москве еще не кончились бои и положе-

ние в Гатчине, куда могли подойти новые правительственные войска, было напряженным) затягивались большевиками умышленно, несмотря на то, что делегации многих заводов, в том числе Обуховского, поддерживая железнодорожников, требовали срочного составления коалиционного социалистического правительства.

Вскоре стало ясно, что вопрос упирается в нежелание других партий (левых и правых эсеров, меньшевиков) видеть в правительстве дуумвират Ленина и Троцкого. 4 ноября левый эсер Карелин охарактеризовал положение на заседании Викжеля:

«Либо Ленин и Троцкий решатся на свою диктатуру, либо инициатива целиком перейдет в руки умеренных большевиков, левых с. р., меньшевиков-интернационалистов»[114]).

Но Ленин предусмотрительно еще 1 ноября провел через ЦИК (II съезда советов, с которого ушли меньшевики и правые эсеры и где поэтому оставалось лишь 29 левых эсеров и 67 большевиков) резолюцию о том, что Ленин и Троцкий должны входить в состав любого правительства.

Почти одновременно Ленин провел голосование в ЦК в форме подписания декларации против коалиции. Ее подписали Ленин, Троцкий, Свердлов, Сталин, Дзержинский, Бубнов, Муралов и, конечно, личные друзья Троцкого — Иоффе, Сокольников, Урицкий.

Зиновьев, Каменев, Рыков, Ногин и Милютин не подписали декларации. Более того, они подписали заявление, где утверждали, что отказ от образования коалиционного правительства угрожает голодом, новым пролитием крови и невозможностью созвать Учредительное собрание, — выполнить обещание, данное Лениным на II съезде советов.

Заявляя о своем выходе из ЦК, они писали:

«Мы не можем нести ответственность за эту губительную политику ЦК, проводимую вопреки воле громадной части пролетариата и солдат»[115]).

4 ноября, после ожесточенных дебатов в ЦИК между левым эсером Карелиным, защищавшим свободу прессы, и Лениным, требовавшим права закрытия «буржуазных» газет, первое советское правительство распалось[116]).

Из правительства вышли нарком торговли и промышленности Ногин, нарком внутренних дел Рыков, нарком земледелия Милютин, нарком продовольствия Теодорович, а также комиссар по печати Дербышов, комиссар по нацио-

нализированным типографиям Арбузов, комиссар Красной гвардии Юренев и др. Шляпников — нарком труда — заявил, что разделяет взгляды уходящих, но не считает себя вправе уйти с поста наркома.

«Мы полагаем, — писали они в своем заявлении, требуя образования коалиционного социалистического правительства, — что вне этого есть только один путь сохранения чисто большевистского правительства — средство политического террора. На этот путь вступил Совет народных комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступить» (выделено авторами заявления. — Н. Р.)[117]).

Заявление подписал также видный деятель профсоюзного движения Рязанов, позже к нему присоединился секретарь от большевиков во Всероссийском совете профсоюзов Лозовский.

Письмо Лозовского было опубликовано в «Новой жизни» у Горького. (Лозовский надолго вышел из партии, но, как и все другие, позже склонился перед тоталитаризмом Ленина ради соучастия во власти). Оно — наиболее яркий документ тех дней, и мы его приведем:

«Я не считаю возможным во имя партийной дисциплины — писал Лозовский — молчать, когда я сознаю, когда я чувствую всеми фибрами моей души, что тактика ЦК ведет к изоляции авангарда пролетариата, к гражданской войне внутри рабочего класса... Я не могу... замалчивать административный восторг представителей ВРК, вроде подполковника Муравьева, издавшего приказ о самосудах и конфискации предприятий — приказ, достойный щедринских генералов. Я не могу молчать... перед лицом уничтожения инакомыслящей прессы, обысков, произвольных арестов, гонений и преследований, которые пробуждают глухой ропот во всем населении и вызывают представление у трудящихся масс, что режим штыка и сабли и есть та самая диктатура пролетариата, о которой социалисты проповедовали в течение долгих десятилетий. Я не могу... молчать, когда один из народных комиссаров угрожает бастующим чиновникам, что их... отправит на фронт и требует от почтово-телеграфных служащих и рабочих подчинения под угрозой лишения хлебных карточек... Я не могу... затушевывать глухое недовольство рабочих масс, боровшихся за советскую власть, которая по недоступной их пониманию комбинации оказалась властью чисто большевистской... Я не могу...

предаваться культу личности и ставить политическое соглашение . . . в зависимость от пребывания того или иного лица в министерстве и затягивать из-за этого хотя бы на одну минуту кровопролитие . . .»[118]).

Власть Совнаркома фактически свелась к дуумвирату Ленина-Троцкого. Ленин поспешил провести председателем ЦИК'а Свердлова на место ушедшего Л. Каменева. Но в то же время он делал все возможное, вплоть до долгих личных уговоров, чтобы вернуть отколовшихся лидеров обратно в ЦК — он понимал, что его власть слишком шатка, чтобы требовать их исключения.

С другой стороны, Ленин был готов на видимость коалиции, дабы формально удовлетворить требование ушедших. После развала викжелевской коалиции, Ленин воспользовался II Всероссийским съездом крестьянских депутатов, собравшимся в конце ноября, чтобы каким-либо способом привлечь на свою сторону левых эсеров. Лидер эсеров Чернов не сумел сохранить единство своей партии. Свердлов на том же крестьянском съезде открыто выступал с левоэсеровскими лозунгами. (Сам Ленин выступал неудачно, опрометчиво пообещав выйти в отставку, если за большевиками не будет большинства. Этим воспользовался Чернов и провел тут же голосование, по которому Ленин оказался в меньшинстве, что, конечно, не помешало ему тут же «забыть» свое обещание — см. В. Чернов «Перед бурей»). В самом конце ноября собрался съезд левых эсеров, как уже отдельной партии.

В этот период левые эсеры, чувствуя уходящую из-под ног почву и, быть может, поверив обещаниям большевиков проводить их программу в земельном вопросе, согласились войти в Совнарком. 8 декабря 1917 года ряд левых эсеров вошел в состав правительства, в том числе Штейнберг, как нарком юстиции, Прошьян как нарком почты и телеграфа и Калегаев как нарком земледелия.

Формальным условием вступления в коалицию левые эсеры выставили созыв Учредительного собрания, но их лидер Натансон был первым, кто открыто предложил Ленину разогнать Учредительное собрание, а Спиридонова — человек совершенно лишенный понимания действительности, но считавшаяся чуть ли не вождем левых эсеров из-за своего революционного прошлого — уже на съезде своей партии в ноябре проповедовала, что нет ничего лучше советов.

Вскоре левые эсеры вступили также в организованную

7 декабря Чрезвычайную комиссию, и левый эсер Александрович сделался впоследствии первым заместителем главы ЧК Ф. Дзержинского.

Наибольшую роль левые эсеры играли в Красной гвардии — подполковник Муравьев был сначала командующим на Украине, а потом на Волге. Среди эсеровски настроенных офицеров можно указать на полковника Махова и перешедшего в Народную армию летом 1918 года полковника А. И. Егорова — будущего маршала СССР, командовавшего в 1918 году 10-ой армией, после Ворошилова, а потом Юго-Западным фронтом, — как и на многих других.

Вступление в коалицию эсеров было золотым мостом для возвращения отколовшихся от Ленина большевистских лидеров. Впрочем, Зиновьев вернулся в лоно своего учителя еще раньше, оправдывая себя тем, что никакого раскола быть не должно.

В связи с новой коалицией, продержавшейся до заключения Брест-Литовского мирного договора и окончательно взорвавшейся во время V съезда советов в июле, необходимо кратко остановиться на политике партии в крестьянском вопросе в период 1917-1918 гг.

Земельная политика партии большевиков с самого первого дня ее прихода к власти основывалась на сознательном обмане российского крестьянства, обмане, подчиненном единственной цели — удержаться у власти.

«Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительской норме» — цитировал 26 октября 1917 года в своем докладе о земле Ленин эсеровский «крестьянский наказ», опубликованный еще 19 августа 1917 года[119]).

Это было осуществление эсеровской, основанной на народническом мировоззрении, программы «социализации земли».

«Почему — спрашивает Ярославский — мы согласились на социализацию земли? — Ведь социализации земли вовсе не было в программе большевиков».

И отвечает:

«Значительная часть крестьянства шла за левыми эсерами»[120]).

Уже на III съезде советов левый эсер А. Калегаев констатировал в декрете «О земле» полное «тождество» декрета с

эсеровскими идеями, а товарищ министра земледелия Временного правительства эсер Ракитников писал, что лежавший в основе декрета «наказ» «есть не что иное, как почти дословное изложение нашей аграрной программы»[121]).

Ленина это нисколько не смущало. «Пусть так», — говорил он на съезде. И вскоре, в своих тезисах о мире объяснил, что «в основе нашей тактики» должен лежать «... тот принцип, как вернее и надежнее можно обеспечить социалистической революции (читай диктатуре партии. — Н. Р.) возможность укрепиться или хотя бы продержаться в одной стране до тех пор, пока присоединятся другие страны»[122]).

Принятая на III съезде советов, в январе 1918 года, так называемая «Декларация прав трудящегося ...» уточнила очень важный вопрос, еще раз дав указание о переделе земли «на началах уравнительного землепользования». Этим самым не только сводились на нет все достижения столыпинской реформы, более того, русская деревня отбрасывалась назад, в условия общины 1861 года.

Посмотрим, к чему привел этот передел. Введение передела «на уравнительно-трудовом принципе по едокам», по данным Наркомзема на 1 ноября 1918 года, в результате отчуждения всех помещичьих и монастырских земель дало «на одного едока в среднем ничтожную долю земли, выражающуюся в десятых и сотых долях десятины», — писал наркомзем Середа[123]).

Конфискованная помещичья земля, таким образом, не пошла на укрепление крестьянской собственности и даже не явилась в целом фондом для создания новых хозяйств для безземельного или малоземельного крестьянства, а была прирезана к общинным землям, в том числе и там, где община уже распалась или распадалась. Трудно представить себе весь вред такого способа распределения земельного фонда для народного хозяйства. Оно могло быть проведено лишь благодаря демагогии партии, ставящей свое стремление удержать власть выше интересов нации и государства, и, конечно, мало заботившейся о подлинных интересах и стремлениях российского крестьянства. Позже, на XIV съезде партии, Рязанов назвал ленинский декрет о земле «уравнительным допингом»[124]).

Создание к лету 1918 года в деревне комбедов (комитетов бедноты) было типичным приемом разжигания ненависти и разложения в крестьянской среде, приемом для вербов-

ки сторонников из среды тех, кто не успел или не мог, в силу запоздания реформы Столыпина, выйти из общины и был лишен, в отличие от вышедших, возможности поднять свое хозяйство. Здесь не имеет смысла останавливаться на психологическом расчете, построенном на чувстве зависти, на стремлении к легкому обогащению, желании свести счеты и т. д., тем более, что большинство комбедов не избиралось, а назначалось местными советами. Эти органы диктатуры партии в деревне преимущественно состояли не из местных крестьян. В частности, это не только не отрицает, но даже признает вышедший недавно III том Истории гражданской войны[125]).

Что значило практически для сельского хозяйства России проведение уравнительного землепользования и возвращение к постоянным переделам земли по едокам, можно иллюстрировать следующим весьма типичным примером. Крестьянин Новодеревенской волости Курской губернии В. Д. Мухин купил через Крестьянский поземельный банк в 1913 году у помещика 32 десятины земли и завел отрубное хозяйство на хуторе Черная Грязь[126]). Семья Мухина состояла из 7 душ и к 1917 году у Мухина было 9 лошадей, 3 дойных коровы и 4 нетели. Во время войны Мухин нанимал одного работника, так как старший сын воевал на фронте. Хозяйство, уже сильное, продолжало расти и становилось все более и более товарным. Мухин арендовал у помещика еще 16 десятин. Несмотря на войну хозяйство велось передовыми методами и к 1917 году Мухин имел культиватор, молотилку, сеялку, косилку, 8 плугов и другие машины.

Весь этот удивительно быстрый рост хозяйства и огромный труд, вложенный Мухиным и его семьей, был уничтожен в 1918 году. Земля у Мухина была отобрана и он был загнан обратно в общину. В порядке уравнительной нормы по едокам, он получил на 7 душ 9 десятин передельной земли. Весь его инвентарь стал, естественно, мертвым.

В связи с тем, что семья Мухина уменьшилась до 5 душ (видимо, старшие сыновья погибли на фронте), в следующем 1919 году Мухину было выделено всего лишь $6^1/_2$ десятин. Кроме того, комбед отобрал у него большую часть скота. К началу нэпа у Мухина осталось лишь 2 лошади, 2 коровы и 1 нетель. Мертвый инвентарь продолжал стоять. Никакой возможности снова поднять хозяйство, при ежегодном пере-

деле земель в общине и поравнении земель между волостями и селениями, у Мухина, конечно, не было.

Таким образом, партийная политика, ради разжигания классовой борьбы и удобства ограбления всего крестьянства через продразверстку (наделение на душу принималось за «разверсточную единицу»), ликвидировала возможность вести товарное крестьянское хозяйство. Производитель товарного хлеба, мяса, молока, Мухин при наделе в 6 десятин мог лишь с грехом пополам прокормить свою семью и полуголодал после каждой сдачи «излишков хлеба».

Все демократические партии, включая кадетов, признавали необходимой передачу помещичьей земли крестьянам. Но ни одна партия, кроме большевиков и отчасти левых эсеров, не собиралась разрушать те становящиеся на ноги крестьянские хозяйства, которые с таким трудом, с таким судьбоносным историческим запозданием, вырвались благодаря Столыпинской реформе из нищеты и бесперспективности сельской общины. Начав с провозглашения захвата помещичьих земель в октябре 1917 года, большевики уже через 6-8 месяцев показали свое подлинное лицо, загоняя крестьянство обратно в общину, оставшуюся в России еще с крепостнических времен. И, делая это, Ленин не мог не знать, что он обрекает страну на голод, вводит постоянный режим голода, прежде всего, для рабочих больших индустриальных центров. Петроградские забастовки и Кронштадтское восстание весной 1921 года ярко обнаружили неизбежные следствия этой политики.

Почему же такая политика понадобилась Ленину в 1918 году? Ответ на этот вопрос он неоднократно давал в достаточно откровенной форме. Если крестьянство на выборах в Учредительное собрание почти целиком отдало свои голоса эсерам, то к лету 1918 года крестьяне Поволжья, Сибири, Урала и ряда районов Центральной России открыто поднялись против большевиков. В июне 1918 года огромная территория от Волги до Сибири вырвалась из-под власти Совнаркома и объединилась под знаменем Учредительного собрания, представленным самарским «Комучем» (Комитетом членов Учредительного собрания).

На базе крестьянских отрядов Поволжья и рабочих Ижевско-Воткинского района, была создана Народная армия, предпринявшая наступление на Казань. Так создался Восточный фронт антибольшевистской борьбы. Чехословацкий кор-

пус, растянутый по Сибирской магистрали, вовсе не играл той решающей роли в создании Народной армии, какую ему приписывают официальные советские историки.

Введение комбедов и разжигание ненависти между беднейшим крестьянством, еще остававшимся в общине, и крестьянами, уже до революции вышедшими из общины, вызывали бурные волнения в деревне, отразившиеся на Балтийском флоте и вылившиеся в поддержку ряда восстаний, организованных Союзом Защиты Родины и Свободы (Ярославское, Рыбинское, Муромское).

«Волна кулацких восстаний перекидывается по России», — писал Ленин в одном из своих наиболее истерических произведений, провозглашая: «Беспощадная война против этих кулаков! Смерть им! Ненависть и презрение к защищающим их партиям: правым эсерам, меньшевикам и теперешним левым эсерам!» И далее: « . . . беспощадное подавление кулаков, этих кровопийцев, вампиров . . .»[127]).

Сколько же было этих «вампиров» в России? В той же статье Ленин считает, что из 15 миллионов крестьянских семей, «кулацких» было около 2 миллионов, а середняцких около 3 миллионов. Но ни Ленин, ни позже Сталин не могли определить при «раскулачивании», где же проходит граница между так называемыми кулаками и середняками? Ведь в 1918 году очень немногие в деревне, и то на периферии, пользовались наемным трудом и вопрос данного экономического положения не был, конечно, определяющим (что видно хотя бы на примере сокращения хозяйства того же Мухина).

Вопрос практически шел об отношении к той части крестьян, которые вырвались из общины, стали самостоятельными мелкими собственниками земли и стремились восстановить или сохранить свое положение. Ленин это знал и не случайно он извратил цифры — он не хотел признавать, что из 16 миллионов крестьянских хозяйств свыше 6 миллионов перешли уже до революции на частное землевладение. Как мы уже указывали выше, это составляло 38% общего количества хозяйств, а если учесть, что Сибирь не знала общины, учесть казачьи земли и т. д., то оказывается, что в России около половины всего крестьянства состояло из «кровопийцев» по Ленину.

Призывая к войне против так называемых кулаков, Ленин фактически призывал к вооруженному подавлению поч-

ти половины крестьянства. Весной и летом 1918 года крестьянство в подавляющем большинстве готово было выступить против большевиков. И на этот раз отсутствие реальных, организованных политических сил, способных опереться на крестьянство, спасло коммунистическую диктатуру. Ибо, крики Ленина об эсерах и меньшевиках, как мы увидим ниже, основывались на свойственном ему преувеличении опасности. Остатки партий революционной демократии в большинстве своем в гораздо большей степени стремились к миру с большевиками, чем к вооруженной борьбе с ними в опоре на «реакционное» крестьянство. Ибо большевики казались им все еще меньшим злом, чем неизбежная, по их мнению, «реакция» в случае успеха антибольшевистской вооруженной борьбы.

Криками же о реакции большевики, в то же время, маскировали свое собственное, глубоко реакционное, основанное на принятой ими идее социальной несправедливости, отношение к крестьянству.

Одной из лучших иллюстраций этого отношения может служить первая советская конституция.

Конституция, принятая 10 июля 1918 года V съездом советов, удивительно напоминает трехклассную избирательную систему, введенную в прусской монархии в эпоху Бисмарка. Достаточно указать, что по этой первой советской Конституции в городах один депутат приходится на двадцать пять тысяч избирателей, в то время, как в деревнях — на сто двадцать пять тысяч. Выборы были не прямые. Делегаты на Всероссийский съезд избирались не прямо избирателями по округам, а советами больших городов и губернскими съездами советов. Губернские съезды, в свою очередь, избирались городскими советами и окружными советами. Таким образом городские советы, в дополнение к указанному выше неравенству, имели еще право двойного делегирования. Окружные советы выбирались советами мелких городов и уездными советами. Последние избирались в свою очередь волостными советами, которые также не избирались прямо: их избирали сельсоветы.

В стране с подавляющим большинством крестьянского населения, для крестьянства, таким образом, было поставлено столько отсеивающих плотин, что пройти по выборам во Всероссийский съезд советов не коммунисту или не коммунистическому выдвиженцу было почти невозможно.

Не равные, не прямые и, конечно, не всеобщие избирательные права дополнялись гонениями на все другие партии и произволом в порядке выборов. Параграф 70 новой Конституции гласил:

«Точный порядок выборов, равно как порядок участия профсоюзов и прочих рабочих организаций в выборах определяется местными советами согласно инструкции Всероссийского Центрального Исполнительного комитета».

Установление процедуры выборов, снятие неугодных кандидатур, лишение избирательных прав, определение тех лиц, которые добывая «средства к жизни непроизводительным трудом» не имеют избирательных прав, все это предоставлялось решению местных советов, практически органов диктатуры партии.

В дополнение ко всему, за месяц до введения конституции, 17 июня 1918 года по декрету Совнаркома были созданы революционные трибуналы «ничем не связанные в выборе средств борьбы с контрреволюцией, саботажем и т. д. . .»

Таким образом, избирательные права первой советской конституции были для населения России огромным шагом назад по сравнению с теми избирательными правами, на основании которых избиралась Государственная Дума по закону от 3 июля 1907 года.

Поэтому все социалистические партии, выставляя требования «свободных и тайных выборов в советы», сознательно шли на ущемление демократических прав, ибо опускали всеобщее и равное право на участие в выборах. И у меньшевиков, и у эсеров, и у анархистов в этом вопросе отражалось то «классовое сознание», которое сближало их с большевиками и мешало им поднять действительно всенародную борьбу с большевистской диктатурой.

В природе этих партий доминировал «классовый» принцип. Как на Западе, так и в России первой четверти XX века социалистические движения упорно не желали видеть врагов слева и готовы были принять самые тоталитарные методы Ленина, постольку поскольку последние были направлены против «контрреволюции», мираж которой был главным политическим стимулом, двигавшим их решениями.

Вот почему в конце 1918 года партия меньшевиков отказалась от лозунга Учредительного собрания и заменила его лозунгом «свободных и тайных выборов в советы».

Земельная политика большевистской партии 1917-1918

годов сказалась на разрастании гражданской войны. Она была причиной, прежде всего, того положения, что к концу лета под властью партии осталось лишь небольшое пространство Центральной России от Казани до Смоленска и от Вологды до Курска и Царицына.

Лишь отсутствие среди других партий людей, защищавших интересы крестьянства и обладавших государственным, а не узко-классовым сознанием, допустило полууспех маневра Ленина в следующем 1919 году. Видя, что он зашел слишком далеко, Ленин попытался наспех исправить свою ошибку путем поворота «лицом к середняку».

В заключение заметим, что восстание левых эсеров 6 июля 1918 года в Москве не носило характера борьбы за восстановление социальной справедливости. Оно носило гораздо скорее характер антинемецкого путча. Уже в главной речи на V съезде советов, где левые эсеры составляли около одной трети делегатов, лидер левых эсеров Камков заявил, что диктатура пролетариата превратилась в диктатуру Мирбаха.

Александровичу временно удалось арестовать Дзержинского, а Блюмкину — с помощью документов ЧК — войти в германское посольство и убить посла. Прошьян захватил на несколько часов центральный телеграф. Но у левых эсеров было лишь около 300 стойких черноморских моряков, а остальные, их поддерживавшие части не выдержали удара двух латышских полков под командованием полковника Вацетиса. Все кончилось в несколько часов. Левый эсер Муравьев, бывший главкомом на востоке, выступил отдельно, но был сразу убит, оказав сопротивление при аресте.

Впрочем, большевики расстреляли только Александровича, Блюмкин продолжал служить в ЧК до 1929 года. Работали в советских учреждениях и Прошьян, Калегаев, Камков и другие. Лишь Спиридонова отбывала бесконечное тюремное заключение.

ГЛАВА XI

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Со времен декабристов поколения российской интеллигенции мечтали, боролись, жертвовали жизнью за осуществление для всего народа равного права во всеобщих выборах. После 1905 года, в думский период, когда частично осуществилась идея народного представительства, к этим требованиям присоединился лозунг «тайного и прямого голосования».

Февральская революция 1917 года провозгласила идею Учредительного собрания. Требование осуществления этой идеи было написано на знаменах всей демократии — всех русских либеральных и социалистических партий.

Временное правительство сразу же после своего возникновения объявило, что считает своим долгом не только созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, но и передачу ему своей власти немедленно после его созыва.

Выборы в Учредительное собрание затянулись, главным образом, потому, что Временное правительство стремилось выработать по тому времени наиболее совершенный и демократический закон о выборах. Закон этот был одобрен Демократическим совещанием, избравшим свой временный «Предпарламент», и выборы были назначены на 12 ноября 1917 года.

Вплоть до Октября и в самой своей декларации, в ночь на 26 октября перед II съездом советов, Ленин и другие большевики на словах поддерживали лозунг о созыве Учредительного собрания. Больше того, поводом для одной из главных демагогических нападок на Временное правительство со стороны большевиков было то обстоятельство, что Временное правительство отсрочило выборы. Ленин под предлогом, что только большевики могут своевременно обеспечить со-

зыв Учредительного собрания, отозвал большевистскую фракцию из «Предпарламента».

Однако на деле, как пишет лучший знаток того времени, интимно знавший Ленина Суханов, Ленин еще в Швейцарии предполагал в случае успешного захвата власти распустить Учредительное собрание и не заниматься «либеральной болтовней».

Основной тактической идеей Ленина при форсировании Октябрьского переворота было стремление упредить вооруженным восстанием выборы в Учредительное собрание и создать орган власти, который сможет бороться с законно возникающим после созыва Учредительного собрания конституционным правительством. И после Октября Ленин все еще боится выборов. Накануне выборов он пишет проект декрета, гласящий о праве выборщиков отзывать своих депутатов из Учредительного собрания.

13 декабря 1917 года Ленин публикует свои «Тезисы об Учредительном собрании». Здесь он окончательно формулирует свою точку зрения о непризнании народного представительства и с обычным произвольным толкованием «дела пролетариата», как дела небольшой партийной группы, пишет:

«Всякая попытка, прямая или косвенная, рассматривать вопрос об Учредительном собрании с формальной, юридической стороны . . . является изменой делу пролетариата. . .»[128]).

В тех же тезисах Ленин точно предопределяет судьбу Учредительного собрания, если оно не подчинится безусловно воле большевистской партии:

«. . . Учредительное собрание, если бы оно разошлось с Советской властью, было бы неминуемо осуждено на политическую смерть»[129]).

Как свидетельствует Троцкий, Ленин одно время хотел затянуть выборы до того момента, пока партия кадетов не будет объявлена вне закона, но отказался от этой мысли позже, когда по сообщениям с мест стало очевидно, что главным противником большевиков становятся не кадеты, а эсеры. Тем не менее, многие лидеры партии Народной свободы (кадеты) были арестованы. Кадеты были объявлены «врагами народа», а их печать подверглась разгрому.

Уже после выборов А. И. Шингарев и Ф. Ф. Кокошкин, два кадетских депутата в Учредительное собрание, переведенные по болезни в госпиталь из Петропавловской крепости,

где они сидели вместе со многими другими, были зверски убиты группой матросов. Эта группа принадлежала к тому же анархическому течению, одним из лидеров которого был и матрос Железняков и которое в этот период охотно использовал в своих целях Ленин, угрожая даже своим единомышленникам в случае партийных разногласий «уйти к матросам».

Несмотря на применение методов террора и насилия против отдельных партий и депутатов во время выборов в Учредительное собрание, большевики, однако, не успели еще достаточно укрепить свою власть, чтобы пойти на риск отмены самих выборов.

Выборы состоялись по разным округам 12, 15 и 25 ноября 1917 года. Из общего количества примерно 80-ти избирательных округов выборы прошли в 54-х. В остальных выборам помешал фронт и анархия, местами охватившая провинцию в результате Октябрьского переворота. Но и в этих 54-х округах около 35% выборщиков уклонились от голосования, будучи в подавляющем большинстве сторонниками правых и умеренных направлений, которые среди общей демагогии партий революционной демократии и начинающегося террора большевиков не могли выставить своих кандидатов. Необходимо отметить, что при нормальных условиях выборов в Учредительное собрание прошло бы не 64 умеренных и правых лидеров (стоявших правее кадетов), но, учитывая число уклонившихся, быть может, не менее 200. По всей вероятности и число кадетов было бы значительно большим, если бы на них не был направлен террор большевиков, левых эсеров и анархистов.

Но и в условиях ноября 1917 года результаты выборов оказались неблагоприятными для большевиков. По данным эсера Святицкого, подтвержденным лично Лениным, социалисты-революционеры получили около 21 миллиона голосов (58%), большевики — около 9 миллионов голосов (25%), кадеты — 4,6 миллионов (13%), меньшевики — 1,7 миллионов (4%).

Большевики потерпели полное поражение в таких рабочих районах, как Урал, Донбасс, и собрали большинство главным образом, в армии. Не следует забывать, что в это время на фронте и в тылу было еще свыше 10 миллионов солдат и переговоры о мире, начатые большевиками, были также и средством большевистской предвыборной агитации.

Другими центрами, где большевики набрали значительное количество голосов, были Петроград и Москва: в обеих столицах вместе большевики получили несколько более 800 тысяч голосов. Однако, в Москве и Петрограде, несмотря на террор, кадеты получили свыше 500 тысяч голосов, а если присоединить к ним 200 тысяч голосов, поданных за другие, более правые группы, то этот блок по количеству собранных голосов почти равнялся большевикам. С включением же 218 тысяч голосов, полученных эсерами в обеих столицах, и здесь антибольшевистский блок имел большинство. Таковы были результаты в Петрограде и Москве, несмотря на Октябрь, несмотря на террор и несмотря, наконец, на то, что, спекулируя вопросом о мире, большевики имели на своей стороне при голосовании 170-тысячный Петроградский гарнизон.

После того, как перспектива победить на выборах в Учредительное собрание окончательно рухнула, перед большевиками и разделившими с ними власть левыми эсерами особенно остро встал вопрос о дальнейшем удержании власти. Демократический акт передачи власти всенародно и законно избранному Учредительному собранию означал теперь передачу власти в руки эсеровского правительства, получившего подавляющее (58%) большинство голосов. Иначе говоря, меньшинству — большевикам и левым эсерам — угрожала ответственность за Октябрьский переворот перед парламентским большинством страны. Этот страх перед ответственностью за переворот заставил и таких большевиков, которые стояли ранее за сохранение конституционной легальности, пересмотреть свои позиции.

Так Бухарин, Рязанов, Лозовский, выступавшие ранее за поддержку авторитета Учредительного собрания, скатились на ленинскую позицию «разгона» его. 29 ноября Бухарин внес предложение в ЦК, что большевистские делегаты Учредительного собрания и их сторонники должны изгнать из Собрания всех правых депутатов и объявить, по образцу якобинцев, левое крыло Учредительного собрания «Революционным конвентом».

Положение в стране, рабочие демонстрации в Петрограде, приветствовавшие Учредительное собрание, не позволяли Ленину запретить его созыв. По первоначальному плану Учредительное собрание должно было собраться 12 декабря. Ленин и его сторонники стремились всячески оттянуть со-

зыв его и решили повторить тактику Октябрьского переворота, приурочив созыв Учредительного собрания к III съезду советов, делегаты которого практически не выбирались, а посылались местными большевистскими, лево-эсеровскими и меньшевистскими организациями. III съезд советов Ленин пытался представить как легальную опору и юридический источник власти Совета народных комиссаров — органа партийной диктатуры.

Но после многочисленных протестов общественности Совнарком вынужден был все же назначить открытие Учредительного собрания на 5 января 1918 года или когда соберется не меньше 400 депутатов.

Ленинская тактика нашла поддержку у левых эсеров, у которых тоже нарастало ощущение страха перед Учредительным собранием. Накануне созыва Мария Спиридонова заявила, что никогда не было ничего лучше советов и что не надо колебаться в вопросе роспуска Учредительного собрания. Ее поддержал другой старейший лидер левых эсеров Натансон, приехавший тем же путем, что и Ленин, из Швейцарии и связанный с теми же немецкими посредниками. Попутно укажем, что один из них, швейцарец Фриц Платтен, находился почти все время при Ленине в дни предшествующие созыву Учредительного собрания и выступал на III съезде советов.

Для того, чтобы выяснить, на что опиралась тактика большевиков в вопросе задуманного ими разгона Учредительного собрания, следует, несколько забегая вперед, остановиться на большевистском понимании основных положений демократии.

Еще долгое время после разгона большевики были вынуждены заниматься вопросом Учредительного собрания, всячески доказывая массам народа, что они не являются узурпаторами власти.

В качестве примера процитируем выдержку из лекции, прочитанной Л. Троцким 21 апреля 1918 года:

«Я возвращаюсь к этому важному соображению... Много говорят про Учредительное собрание... Что такое вообще всеобщее, прямое, равное и тайное голосование? Это есть только опрос, перекличка (подчеркнуто нами. — Н. Р.). Если мы попробуем здесь эту перекличку произвести? — Одна часть решила бы в одну сторону, а другая часть — в другую сторону. А раз так, то, очевидно, что эти две части ра-

зошлись бы; одна интересовалась бы одним делом, а другая другим делом. А для революционной творческой работы это не годится ... И чем было бы Учредительное собрание, если бы его труп оживить, хотя нет такого в мире медикамента и такого чародея, который мог бы это сделать. Но допустим, что мы Учредительное собрание созвали, что же это значит? Это значит, что в одном, левом углу сидел бы рабочий класс, его представители, которые сказали бы: мы хотели бы, чтобы власть, наконец, стала орудием господства рабочего класса ... С другой стороны сидели бы представители буржуазии, которые требовали бы, чтобы власть по-прежнему была передана буржуазному классу.

А посредине стояли бы политики, которые обращаются налево и направо. Это представители меньшевиков и правых эсеров; они сказали бы: «надо власть поделить пополам».

Власть есть инструмент, при помощи которого известный класс утверждает свое господство. Либо этот инструмент служит рабочему классу, либо он служит против рабочего класса, тут нет выбора ... Ведь не может быть, чтобы винтовка или пушка служили одновременно и одной армии и другой»[130]).

В этой публичной лекции Троцкий последовательно излагает мысли Ленина о том, что государство есть аппарат классового насилия (см. лекцию о государстве Ленина). Не отвечая на вопрос, каким образом диктатура партии большевиков действительно является диктатурой рабочего класса, Троцкий таким образом отрицает необходимость связанности между обществом и государством. Для этого, однако, и существуют правовые и демократические нормы, степенью осуществления которых определяется свобода в каждом государстве. Эти нормы, в частности всеобщее, прямое, равное и тайное голосование, Троцкий цинично называет «перекличкой». Не нужно доказывать, что лицо или партия, относящиеся таким образом к демократическим правам граждан, могут лишь думать об узурпации власти, маскируя эту узурпацию доктриной о классовом происхождении власти на базе устарелых и давно опровергнутых историками положений работы Энгельса[131]).

Помимо всего, выборы в Учредительное собрание показали, что подавляющее большинство населения России отнюдь не разделяло ни большевистской программы, ни доктрины. Хорошо зная это, Троцкий и большевики направляли

на большинство народа ту винтовку или пушку, о которой говорит Троцкий, как о марксистском символе власти. Отсюда совершенно отчетливо вытекает враждебность большевиков не только к понятиям свободы и справедливости, но и к сущности всех демократических идей.

Троцкий и Ленин, выступая как марксисты, на примере разгона Учредительного собрания, явно проявили не только свою антидемократичность, но и полное игнорирование интересов российской нации, как органического объединения людей, сознающих свое единство не только на основе общей культуры и исторического прошлого, но и на основе общих государственных и экономических интересов.

Тактика большевиков на Учредительном собрании, к которой присоединились и левые эсеры, была крайне проста: ультимативно, под угрозой разгона, Свердлов предлагает Собранию принять так называемую «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», написанную Лениным. В Декларации повторяется старый тезис о том, что Учредительное собрание, будучи выбрано на основании партийных списков, составленных до Октября, якобы, не имеет полномочий от избирателей. Эта демагогическая мысль Ленина повторяется в Декларации несколько раз с целью доказать, что расстановка сил в стране уже иная. Однако Ленин в этой Декларации отнюдь не предлагает назначить новые выборы, он, наоборот, строит всю свою тактику на противопоставлении Учредительному собранию Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Троцкий, как всегда, чуть-чуть откровеннее Ленина. Он доводит эту мысль до конца и утверждает вообще ненужность народного представительства, называя его, как мы видели, «перекличкой».

«Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», прочитанная Свердловым, не требовала от Учредительного собрания ничего иного, как самоотречения, полной капитуляции перед Совнаркомом. Учредительному собранию предлагалось принять, что оно «считало бы в корне неправильным, даже с формальной точки зрения, противопоставлять себя советской власти». И далее: «По существу же Учредительное собрание полагает . . .», что «власть должна принадлежать целиком и исключительно . . . — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[132]).

Матросы и подобранные Урицким красногвардейцы, си-

дящие на хорах и в зале, пытаются, угрожая оружием, остановить на этом первое заседание Учредительного собрания. Но эсеры, обходя вопрос Декларации, поставленный Свердловым, предлагают выбрать президиум, и большинством голосов (244 против 151) председателем проходит Чернов. Большевики голосуют за кандидатку левых эсеров М. Спиридонову, получившую, несмотря на их поддержку, почти вдвое меньше голосов, чем Чернов. От имени большинства Чернов произносит речь, где он указывает на то, что победа эсеров на выборах в Учредительное собрание предопределила вопрос о земле — «она станет общим достоянием, на равных правах открытым для всех трудящихся и желающих трудиться». Чернов противопоставил ленинской Декларации готовность большинства Учредительного собрания передать все основные решения на проверочное всеобщее голосование народа, на плебисцит. Он довел эту мысль до логического конца:

«При таких условиях всякий, кто против него (плебисцита. — Н. Р.), тот стремится к захвату власти, к деспотической опеке над народом».

Но в то же время Чернов косвенно высказался против Временного правительства, плохо ли, хорошо ли, но обеспечившего выборы в Учредительное собрание и не желавшего ничего больше, как передать ему свою власть, очень неясно повторил нежизненную формулу «о всеобщем демократическом мире без победителей и побежденных» и, наконец, даже высказался за воссоздание на территории России отмершего во время войны Социалистического интернационала.

Двойственную, слабую позицию он занял также и по отношению к советам, ставшим к январю 1918 года бутафорским прикрытием большевистской диктатуры:

«Советы, как орган общественного контроля, должны быть не соперниками, а союзниками и сотрудниками Учредительного собрания . . .»[133]).

Эсер Скобелев протестует против расстрела большевиками демонстрации, шедшей приветствовать Учредительное собрание, но ограничивается требованием «расследования и наказания виновных». Эсеры, не поставившие сразу на Учредительном собрании вопроса о власти, о правительстве России, как ни странно, очевидно, не понимали, что без решения этого вопроса подобные требования оставались пла-

тоническими пожеланиями, обращенными к тем же большевикам.

Собрание перешло к вопросам о войне и мире, о земле и о форме правления. Большевики и левые эсеры собрались на фракционное совещание. Они поняли, что решения Учредительного собрания по этим вопросам могут в глазах народа аннулировать всю деятельность Совнаркома и что, хотя вопрос о законном правительстве и не был поставлен, он может быть поднят и решен на базе Учредительного собрания.

После совещания на трибуну поднялся левый эсер Штейнберг — «народный комиссар юстиции» — и объявил, что левые эсеры и большевики уходят из Учредительного собрания.

Собрание успело принять, кроме решения о земле, еще одно важное решение — Россия была объявлена демократической республикой. Однако представители «революционной демократии», эсеровское большинство, оставались верными самим себе — в поисках единого социалистического фронта, в поисках соглашения с большевиками на базе советов, они упустили возможность создания законного, конституционного правительства. Это упущение, как мы увидим ниже, носило судьбоносный характер и было главнейшей причиной того, почему в народе и интеллигенции постепенно укоренилось глубокое разочарование Учредительным собранием. Отсутствие законных представителей правительства республиканской России чрезвычайно пагубно отразилось на многих фронтах гражданской войны. Взявшиеся за оружие во имя Свободы и России поволжские крестьяне, ижевские и воткинские рабочие, донские, кубанские, уральские и другие казаки, военная молодежь и интеллигенция, собранная Корниловым, и многие, многие другие оказались в положении, когда, выступая под знаменем Учредительного собрания, они не имели законной власти, которая опиралась бы на всенародный авторитет, безотносительно места ее нахождения.

Еще большее значение, быть может, имело это упущение в роковую ночь 5 января для всех тех, кто, не сочувствуя большевикам, был мобилизован ими или пошел в силу обстоятельств к ним на службу, так как не видел в России другого, основанного на праве и народном избрании правительства.

Как при Октябрьском перевороте, так и при разгоне

Учредительного собрания, Ленин опирался на те бунтарско-анархические элементы, которые, будучи в принципе против всякой государственной власти, особенно резко враждебно были настроены к Учредительному собранию, явно несшему в себе основы государственности и правопорядка.

К этим анархическим элементам принадлежал и матросский отряд Железнякова, которому Урицким было поручено разогнать Учредительное собрание. Угрожая оружием «по распоряжению народного комиссара», Железняков 5 января в 5 часов утра выгнал народных представителей из Таврического дворца.

Ленин распорядился запечатать двери Таврического дворца и выставить перед ним полевые орудия и пулеметы. Рабочие с Семянниковского завода предложили большинству Учредительного собрания продолжать свои заседания в одном из цехов завода. Но в эсеровской фракции произошли разногласия и это предложение, к сожалению, не было принято. Было и другое предложение — продолжать работу на Дону под прикрытием Донского казачьего круга. Это предложение было отвергнуто потому, что эсеровскому большинству казачий атаман Каледин казался недостаточно демократичным. В то же время хорошо известно, что генерал Каледин принял Февральскую революцию и относился к числу тех генералов, которые были готовы полностью подчиниться правительству, образованному на основе Учредительного собрания. Как показали дальнейшие события на Урале, значительная часть правых эсеров предпочитала соглашение с большевиками принятию помощи от умеренно либеральной части военных.

Разгон Учредительного собрания — последний акт большевистского переворота. Насилие над всенародным представительством в январе 1918 года сделало самую власть советов незаконной и послужило основанием для всех тех, кто не хотел примириться с большевиками — небольшим меньшинством, представленным в Учредительном собрании, бороться с ними силою оружия. Разгоном Учредительного собрания Ленин и большевики предопределили гражданскую войну. Более того, акт разгона Учредительного собрания исторически предопределил в истории России новую революцию за свободу, право и демократию. Новая освободительная революция сделалась исторически неизбежной. Страх перед этой революцией психологически висит над больше-

вистским руководством уже с 1918 года. Этот страх и сознание неизбежности революции, в частности, выразились в том, что большевики, начиная с этого времени, не делали различия между своими противниками и зачисляли в «контрреволюционеры» постепенно все больше и больше людей — крестьян, рабочих, молодежь, всех, кто когда-либо выступал против них — подлинных контрреволюционеров, разогнавших единственное в истории России демократическое представительство.

ГЛАВА XII

БРЕСТ

Созыв Учредительного собрания совпал с мирными переговорами в Брест-Литовске. После того, как главнокомандующий, генерал Духонин, отказался выполнить требование Совнаркома о немедленном обращении к немцам с просьбой о перемирии, Ленин обратился прямо к солдатам по радио с заявлением, что дело мира в их руках и только контрреволюционные генералы и офицерство стоят на пути к достижению мира. Обращение преследовало цель внесения в армию еще большей деморализации.

Переговоры о перемирии были начаты новым главкомом, прапорщиком Крыленко, прибывшим с анархическим отрядом моряков, после убийства ими генерала Духонина. И немцы согласились на перемирие 15 декабря (нового стиля) 1917 года.

Мирная делегация, возглавленная Иоффе и Каменевым, защищала принцип самоопределения в отношении Украины и народов Прибалтики, что было только на руку немцам, которые видели в этой позиции большевиков удобную форму для своих захватнических планов. Кроме того, генерал Гофман потребовал, чтобы этот принцип не распространялся ни на Польшу, ни на оккупированную часть Прибалтики, рассматривавшихся немцами в качестве уже отделенных от России.

На этом переговоры оборвались. Немцы согласились лишь продлить перемирие на месяц, до 15 января.

9 января переговоры возобновились. Всем было ясно, что немцы решительно будут настаивать на своих условиях — захват Прибалтики, Белоруссии и Украины под видом «волеизъявления их правительств», что по словам генерала Гофмана и понималось германским правительством как «политика самоопределения».

Возглавивший новую советскую делегацию Троцкий с

согласия Ленина затягивал переговоры в Бресте. В то же время секретно велись спешные переговоры о помощи с английским представителем Брусом Локхартом и американским полковником Робинсом. Б. Локхарт уже сообщил даже своему правительству, что возобновление войны на германском фронте неизбежно.

Не только Б. Локхарт, но и многие большевики не видели двух основных моментов, почему Ленин во что бы то ни стало, на любых условиях, хотел заключить с немцами мирный договор. Во-первых, он знал, что немцы никогда не простят ему нарушения тайного соглашения и легко могут найти другого, более удобного ставленника, хотя бы типа левого эсера Камкова, тоже сотрудничавшего с ними во время войны, еще в Швейцарии. С немецкой же поддержкой было связано получение значительных денежных субсидий, без которых, при полном развале старого государственного организма, едва ли можно было содержать партийный и новый советский аппараты власти. Во-вторых, возобновление войны с Германией, ради хотя бы «социалистического отечества», в условиях начала 1918 года означало неизбежную утрату власти в стране большевиками и переход ее в руки национально-демократических партий, прежде всего, в руки правых эсеров и кадетов. Но об этом ниже.

После того, как стали известны германские условия мира, в партии поднялось открытое возмущение. Образовалось большинство, считавшее невозможным подписать мирный договор, приводивший к полному расчленению России, — больше того, впредь ставивший страну в полную зависимость от Германии. Это большинство, ставшее известным под названием «левых коммунистов», выкинуло лозунг о «защите социалистического отечества», доказывая, что с тех пор как пролетариат захватил власть, он должен защищать свое государство от германского империализма.

10 января пленарное заседание Московского областного бюро партии высказалось за прекращение мирных переговоров с Германией. Здесь выступили в качестве «левых коммунистов» Бухарин, Ломов, Осинский (Оболенский), Ю. Пятаков, Преображенский, Бубнов, Муралов и В. М. Смирнов.

Московское областное бюро, потребовав созыва съезда партии, высказало тем самым недоверие ЦК. Уральский партийный комитет стал на сторону «левых коммунистов». Петроградский комитет раскололся. Члены ЦК Урицкий и Спун-

де стали на сторону противников «мира любой ценой», а журнал «Коммунист», издававшийся в Петрограде не только как орган Петроградского комитета, но и как теоретический орган ЦК, сделался органом «левых коммунистов». «Левые коммунисты» фактически имели большинство в партии. В своих тезисах, составленных Радеком, они утверждали, что ленинская точка зрения есть отражение крестьянской народнической идеологии, «скатывание на мелкобуржуазные рельсы»[134]). ... Невозможно строить социализм на базе крестьянства, утверждали тезисы, пролетариат есть главная опора, и он не должен делать уступок германскому империализму...

Эти упреки «левых коммунистов» в адрес Ленина отражали действительность, ибо он в качестве главного аргумента за необходимость заключения мира в своих тезисах от 20 января выдвигал на первый план мысль, что подавляющая масса крестьянства, без сомнения, проголосует даже «за захватнический мир». И больше того, если война будет возобновлена, крестьянство сбросит социалистическое правительство[135]). Ленин отрицал, что он когда-либо говорил о «революционной войне», и, как всегда в острых моментах, с удивительным хладнокровием, «не держался за букву», как он выражался, ранее им сказанного.

Левые эсеры, входившие в Совнарком, считали, что немцы не посмеют перейти в наступление, а если перейдут, то вызовут сильный революционный подъем в стране на защиту отечества.

Троцкий и Ленин с этим соглашались и опасались продолжения войны даже не столько в плане глубокого продвижения немцев, сколько в силу невозможности в условиях войны воспрепятствовать мобилизации национальных, патриотических сил. Они предвидели неизбежное сплочение этих сил вокруг правых эсеров и кадет, вокруг идеи Учредительного собрания и, как следствие, свержение коммунистической диктатуры и установление в России национально-демократического правительства, опирающегося на большинство населения.

Этот аргумент, ставивший вопрос не о войне или мире, а о сохранении власти, Ленин выдвинул позже, 24 февраля, когда он прямо писал, что «рисковать войной» означает дать возможность сбросить советскую власть[136]).

Пока Троцкий затягивал переговоры (он вернулся в Петроград 18 января), было подготовлено совещание виднейших

партийных работников, созванное на 21 января. Оно с гораздо большим основанием могло бы назвать себя партийным съездом, чем собранный впопыхах в марте 1918 года VII съезд[137]).

На совещании присутствовало 65 делегатов, включая членов ЦК. С докладами о мире и войне выступили Бухарин, Троцкий и Ленин. Каждый со своей точкой зрения. Троцкий, как и Ленин, понимал опасность лозунга «левых коммунистов» о «революционной войне» (с точки зрения удержания власти в тот момент) и в то же время, стремясь отгородиться от сепаратного мира с немцами, выдвинул формулу «ни мира, ни войны!» Эта формула, направленная, прежде всего, против сторонников войны, помогла Ленину на том этапе бороться за мир, ибо решение о войне, на котором стояло большинство, будучи принятым, нанесло бы ленинской политике и самому Ленину смертельный удар. На первый взгляд несколько анархическая формула Троцкого была не чем иным, как временным мостом между Лениным и его противниками, имевшими за собой большинство.

Результаты голосования совещания, согласно Ярославскому, были следующие: против мира (левые коммунисты) 30 голосов; ни мира, ни войны (за формулу Троцкого) 16 голосов; за мир (на ленинской позиции) 15 голосов[138]).

Несколько человек воздержалось от голосования вообще. На следующий день в ЦК 9 голосами против 7 победило предложение Троцкого — «Войны не вести, переговоры затягивать»[139]).

25 января в Совнаркоме при участии левых эсеров подавляющим большинством также прошла формула Троцкого — «Ни мира, ни войны».

Поэтому столь шумные позже обвинения Троцкого, что он «предательски», действуя якобы против большинства ЦК, «самовольно» разорвал 10 февраля переговоры с немцами, лишены всякого основания. В данном случае Троцкий действовал на основании решения большинства и в ЦК, и в Совнаркоме. Эти обвинения, выдвинутые в 1924-1925 гг., главным образом, Зиновьевым и Сталиным в ходе внутрипартийной борьбы против Троцкого, уже тогда мало считались с исторической действительностью.

Напряженная неделя после разрыва переговоров прошла в почти непрерывных заседаниях ЦК. Ленин, оставшись в меньшинстве, всячески стремился найти «такую постановку

вопроса» о «революционной войне», которая показала бы ее невозможность, — ставя, например, 17 февраля, еще до немецкого наступления, на голосование вопрос — «должна ли быть объявлена революционная война Германии?» Бухарин и Ломов отказались голосовать по такому «неквалифицированно поставленному» вопросу, ибо суть революционного оборончества заключалась в ответе на немецкое наступление, а не в собственной инициативе, гибельность которой не вызывала сомнений.

18 февраля немцы перешли в наступление. Остатки деморализованной и, после убийства генерала Духонина, лишенной возглавления армии («главковерх» Крыленко посвятил себя ликвидации еще сохранившихся на отдельных участках фронта штабов и командования) не могли оказать никакого сопротивления, и очень скоро Двинск, с его огромными складами вооружения и снабжения, а вслед за ним и Псков, были заняты немцами. В центре и особенно на юге немцы быстро продвигались вперед, встречая разрозненное сопротивление остатков кадра некоторых частей и добровольцев Чехословацкого корпуса.

18 февраля вечером Ленин добился большинства 7 против 6 в вопросе посылки радиотелеграммы немцам с предложением мира. Своему успеху Ленин был целиком обязан Троцкому. Буферная позиция Троцкого раскрылась в минуту непосредственной угрозы самой власти: он перешел в лагерь Ленина, и его голос дал большинство. (За предложение немцам мира голосовали: Ленин, Смилга, Зиновьев, Сталин, Сокольников, Свердлов, Троцкий; против — Урицкий, Бухарин, Дзержинский, Крестинский, Ломов и Иоффе).

Предложение мира должно было быть послано от имени Совнаркома, где 7 народных комиссаров были левыми эсерами. Вероятно, решение левых эсеров было бы иным, если бы они знали, что Ленин получил большинство всего одним голосом и притом голосом автора формулы «ни мира, ни войны». Но не зная результатов голосования в большевистском ЦК и также боясь утерять власть, левоэсеровские народные комиссары проголосовали за предложение мира 4 голосами против 3.

Немецкое командование видело, что оно может быстро продвинуться вглубь России и без труда занять Петроград и даже Москву. Однако оно не пошло на этот шаг, ограничившись занятием Украины, где было создано бутафорское «гет-

манское» правительство. Как указывает Людендорф, германское командование больше всего опасалось взрыва патриотизма в России. Еще во время Тарнопольского прорыва в июле 1917 года Людендорф отдал приказ не развивать наступления, дабы не вызвать угрозой глубокого немецкого вторжения оздоровления русской армии. Глубокое вторжение теперь, в 1918 году, занятие Петрограда и выход к Москве могли привести к свержению большевистского правительства, могли оправдать усилия генералов Алексеева и Корнилова, собиравших добровольческую армию в Ростове-на-Дону.

Таким образом немецкая стратегия и политика по отношению к России вполне совпадала с ленинской политикой мира во что бы то ни стало.

Интересно отметить, что в своем докладе о мире и войне на VII съезде в марте 1918 года Ленин доказывал необходимость мира развалом армии, посвятив значительную часть своего доклада характеристике армии как «больной части организма»[140]), способной только на «бегство», «панику», «продажу собственных орудий немцам за гроши» и т. д. Ленин нигде теперь не говорит, что основная вина за разложение армии под лозунгом немедленного мира «без аннексий и контрибуций» лежала на самой большевистской партии. Обманув солдат химерой возможности такого мира, Ленин теперь перекладывал на них вину за позорные для России условия германского мира.

Ленин, говоря об армии, умышленно скрывал факты: демобилизационная конференция в декабре показала, что те части, которые сохранили наилучшую боеспособность, были наиболее антибольшевистски настроены. Именно поэтому Крыленко в течение двух месяцев ровно ничего не сделал, не хотел, да и не мог делать, несмотря на решение Совнаркома о мерах организации и укрепления армии[141]). В дни февральского кризиса полковой комитет Преображенского полка предложил от имени полка, стоявшего уже в Петрограде, выступить на Псковский фронт, но после переговоров со Смольным получил не только отказ в этом, но и приказ о демобилизации[142]).

По вызову Ленина, Крыленко и Раскольников делали доклады в ЦИК'е о состоянии армии и флота, произведя на левого эсера Штейнберга впечатление, что оба умышленно преувеличивают и драматизируют положение в армии и на

флоте. Был издан декрет об организации Красной армии, однако эта армия не предназначалась Лениным для борьбы с немцами: уже 22 февраля был получен немецкий ответ о согласии подписать мир, но на еще более тяжелых условиях. Границы России отбрасывались к Пскову и Смоленску. Украина, Дон, Закавказье отделялись. Огромная, многомиллионная контрибуция, выплачиваемая хлебом, рудой, сырьем, накладывалась немцами на Россию.

Когда условия мира стали известны, Бухарин, Ломов, В. М. Смирнов, Ю. Пятаков и Бубнов в Москве, а Урицкий в Петрограде подали в отставку со всех занимаемых ими ответственных постов и потребовали права свободной агитации в партии и вне ее против мира с немцами (Ломов, Бухарин, Урицкий, Бубнов были членами ЦК). 23 февраля, после обсуждения немецких условий, произошло решительное голосование. Ленин победил снова лишь благодаря Троцкому и его сторонникам, которые воздержались, — это были Троцкий, Дзержинский, Иоффе, Крестинский. Против голосовали: Бухарин, Урицкий, Бубнов, Ломов. За немедленное подписание мира: Ленин, Зиновьев, Свердлов, Сталин, Смилга, Сокольников и Стасова, которая была секретарем. Таким образом, Ленин имел 7 голосов за (в действительности, если не считать голоса Стасовой, — 6) против 4 при 4 воздержавшихся.

Во время обсуждения Сталин попытался предложить не подписывать мира, затягивая переговоры, за что был оборван Лениным:

«Сталин не прав, говоря, что мы можем не подписывать. Эти условия должны быть подписаны. Если они не будут подписаны — это означает смертный приговор советскому правительству» . . .[143]).

Снова решающую роль сыграл Троцкий, разбив пополам большинство, которое было против подписания договора.

Уступкой Ленина было решение созвать VII съезд партии, так как, согласно постановлению ЦК о созыве съезда, «единогласия в ЦК по вопросу подписания мира не было».

На следующий день, узнав о решении ЦК, Московское областное бюро партии объявило, что оно считает решение ЦК о мире «абсолютно неприемлемым». Резолюция Московского областного бюро, принятая единогласно 24 февраля, гласила:

«Обсудив деятельность ЦК, Московское областное бю-

ро РСДРП выражает свое недоверие ЦК, ввиду его политической линии и состава, и будет при первой возможности настаивать на его перевыборах. Сверх того, Московское областное бюро не считает себя обязанным подчиняться во что бы то ни стало тем постановлениям ЦК, которые будут связаны с проведением в жизнь условий мирного договора с Австро-Германией»[144]).

Эта резолюция была принята единогласно. Члены Московского областного бюро — Ломов, Бухарин, Осинский, Стуков, Максимовский, Сафонов, Сапронов, Соловьев и другие считали, что раскол в партии «едва ли устраним в ближайшее время». Но в то же время они избегали того, что ставит им в вину сталинский «Краткий курс ВКП(б)», — сговора «левых коммунистов» с левыми эсерами. Если бы такой сговор состоялся, то, без сомнения, блок левых эсеров с «левыми коммунистами» имел все шансы победить. «Левыми коммунистами» руководила вера в германскую революцию, без которой они не видели возможности для продолжительного существования социалистической России. Ленин разделял этот взгляд, что неоднократно повторял в своем докладе на VII съезде, и лишь не связывал вопрос удержания власти, как это делала, например, Коллонтай, с немецкой революцией в течение ближайших трех месяцев. Он рассматривал время до революции лишь как период, во время которого необходимо всемерно укреплять власть, использовать передышку. Эта направленность «левых коммунистов» на революцию на Западе, игнорирование национальных проблем России и были их главной слабостью. Ленин оставался для них, при всех с ним несогласиях, единственным возможным союзником. Они не искали опоры в силах национальной демократии, более того, отталкивались от нее, и потому в реальном соотношении сил за рамками партии не являлись сколько-нибудь весомым фактором.

В ту же ночь (с 23 на 24 февраля) ЦИК принял немецкие условия мира 116 голосами против 84 при 26 воздержавшихся.

3 марта был подписан мирный договор, отбросивший Россию к границам Смутного времени и поставивший ее в полную зависимость от Германии.

6 марта был созван VII съезд партии. В данном случае аппарат Свердлова сумел сделать все необходимое, чтобы противники мира не смогли оказаться в большинстве.

Почти во всех изданиях истории партии цифры о количестве делегатов на этом съезде расходятся. Наиболее правдоподобные цифры дает, по нашему мнению, Ярославский в своей «Краткой истории» 1929 года. Согласно Ярославскому и Бубнову[145]), на съезд прибыло 29 делегатов с решающим голосом, 32 с «неустановленным представительством» и 8 с совещательным. Делегаты с «неустановленным представительством» голосовали, однако, наравне с делегатами, имевшими решающий голос.

Все эти делегаты представляли якобы около 135 тысяч членов партии из общего количества около 260 тысяч. Достаточно напомнить, что на VI съезде было 264 делегата, а на VIII — 403, чтобы убедиться, что VII съезд был собственно таким же совещанием, лишь более подобранным чем то, которое имело место 21 января, где присутствовало 65 делегатов.

За мир голосовало 29 делегатов (так и осталось пока неясным, с каким правом голоса) против 9, воздержался 1.

VII съезд быстро закончился, переименовав партию в Российскую коммунистическую партию и еще раз (в четвертый после октября 1917 года) выбрав комиссию по составлению новой партийной программы в составе: Ленина, Троцкого, Бухарина, Зиновьева, Сталина и В. М. Смирнова.

Оба эти незначительные решения были уступкой «левым коммунистам», так же как и признание Ленина, что главной ставкой, без которой в конечном итоге невозможно выжить, является революция на Западе.

Новый ЦК был выбран на примиренческой базе (были избраны: Ленин, Троцкий, Свердлов, Бухарин, Зиновьев, Сокольников, Сталин, Крестинский, Смилга, Лашевич, Дзержинский, Сергеев (Артём), В. Шмидт, М. Владимирский; среди кандидатов были: Урицкий, Ломов, Иоффе, Шляпников и другие).

Ленин, стремившийся во что бы то ни стало избежать раскола, предложил нежелавшим входить в ЦК (например, Ломов) не отказываться, а помнить, что член ЦК «соответственным заявлением может и должен каждый снимать с себя ответственность за шаги ЦК, им не разделяемые»[146]). Эта либеральная формула была совсем не в духе Ленина (ср. ее с резолюцией X съезда «О единстве партии»), но обстановка была такова, что, как он говорил, возможность сломать себе

шею была совсем близка[147]). А в таких случаях Ленин умел уступать.

Однако легкая победа Ленина на этом своеобразном съезде вовсе не пресекла борьбы в партии, продолжавшей бушевать еще весь март. Ленин вынужден был, по рекомендации Свердлова, снять кандидатуру преданного ему Зиновьева, как делегата для подписания мира, ибо Зиновьев оказался категорически необходим для защиты точки зрения съездовского большинства в Москве. Уральская организация, во главе которой стояли Сафаров, Преображенский, Г. Мясников, открыто выступила против съезда. Уральская областная партийная конференция приняла подавляющим большинством голосов резолюцию о созыве нового съезда партии.

Внутрипартийная борьба затихла лишь к маю месяцу, когда выступление Чехословацкого корпуса создало первый большой кризис в гражданской войне и когда, одновременно, отношения с левыми эсерами начали принимать всё более и более напряженный характер.

ГЛАВА XIII

ПОСЛЕ БРЕСТА

Заключение Брест-Литовского мирного договора, связанного с небывалыми в истории России территориальными уступками, дало Ленину не только «передышку», но и значительные финансовые ресурсы, столь необходимые ему для укрепления власти партии в стране.

В предыдущей части (глава IV) мы останавливались на том, что сразу после Октябрьского переворота германское министерство иностранных дел повысило общую сумму кредитов для большевиков до 15 миллионов марок . . .

Уже сразу после переворота, 15 (28) ноября 1917 года, помощник государственного секретаря Бусше сообщал, что «. . . правительство в Петрограде борется с большими финансовыми трудностями. Поэтому крайне желательно, чтобы ему были посланы деньги»[148]).

Сумма в 15 миллионов марок быстро разошлась. Вскоре после прибытия в Москву первого немецкого посла графа Мирбаха, 18 мая 1918 года государственный секретарь Кюльман, известный нам творец Брест-Литовского договора, писал Мирбаху в ответ на запрос о новых кредитах для большевиков: «Прошу, пожалуйста, использовать большие суммы, так как сохранение большевиков (у власти. — Н. Р.) в высшей степени в наших интересах. Фонды Рицпера (уже отпущенные. — Н. Р.) в Вашем распоряжении»[149]).

Оценивая ряд российских партий, в частности кадетов, как антинемецкие партии и опасаясь, что «они будут стремиться восстановить единство России», Кюльман писал Мирбаху:

«Не в наших интересах поддерживать эти партии . . . Наоборот, мы должны пытаться, насколько возможно, предупредить консолидацию России и поэтому, с этой точки зрения, мы должны поддерживать партии гораздо более левые»[150]).

3 июня 1918 года Мирбах потребовал как минимум 3 миллиона марок в месяц, предупреждая, что вряд ли возможно будет ограничиться этой суммой. Кюльман через 5 дней запросил от германского министерства финансов новых кредитов в 40 миллионов[151]) марок. Как мы теперь видим, Бернштейн был совсем недалеко от истины, несмотря на все проклятия, которые посыпались по его адресу на XI съезде партии.

Убийство Мирбаха в Москве 6 июля 1918 года левым эсером Блюмкиным отнюдь не помешало финансовым взаимоотношениям немцев и большевиков. 10 июля один из помощников убитого посла — Зицлер уже требовал от своего министерства обещанные 3 миллиона на июль, а вернувшийся вскоре в Берлин заместитель Мирбаха Гельферих распорядился, чтобы сумма эквивалентная 3-м миллионам марок была в рублях переведена в генеральные консульства Германии в Москве и Петрограде[152]).

Эти немецкие кредиты большевикам, разумеется, были связаны не только с главной целью немецкой политики, сформулированной Кюльманом, — недопустить восстановления единства России. После Бреста и за пределами захваченной немцами территории стояло много вопросов, в том числе в первую очередь вопрос уточнения демаркационной линии, судьба вооружения, доставленного для русской армии союзниками в районах Мурманска и Архангельска, судьба чешских, сербских и других добровольческих формирований на территории России и, наконец, судьба Балтийского и Черноморского военных флотов.

По договору большевиков с немцами, последние занимали Финляндию и Прибалтику. В условиях скованного льдом Финского залива, судьба русского Балтийского флота казалась решенной и немцы считали его своим трофеем. 5 марта германская эскадра заняла Аландские острова. Через месяц была занята передовая база русского флота в Ганге.

Еще раньше немцы начали наступление на Ревель и теперь быстро достигли того, что им не удалось во время Моонзундской операции в августе-сентябре 1917 года. 25 февраля ими был занят Ревель. Угроза флоту заставила Центробалт пойти навстречу командующему флотом контр-адмиралу Щастному, и он сумел вывести отряд крейсеров с транспортом из Ревеля в тот момент, когда немцы уже устанавливали свои орудия на набережной.

По собственной инициативе, следуя традициям русского флота, адмирал Щастный приказал взорвать береговые батареи на островах Норген и Вульф, закрывавшие подступы к Ревелю с моря.

Но сосредоточенному в Гельсингфорсе флоту теперь начали угрожать высадившиеся в Ганге немцы. Уже после подписания Брест-Литовского договора, Щастный телеграфировал в Москву: «... необходимо срочное вмешательство Центральной власти в действия немцев и получение указаний, как быть с флотом в Гельсингфорсе»[153]).

Но «центральная власть» не сумела дать никаких указаний, ибо, только что получив «передышку», она готова была пожертвовать и Балтийским флотом ради собственного спасения. Только через три дня, 6 марта, после настойчивых требований командующего, Центробалт, видя безвыходность положения, окончательно согласился вести флот в Кронштадт. За исключением подводных лодок передовой базы и нескольких судов, не имевших ни хода, ни полных команд, адмиралу Щастному с огромными трудностями удалось провести весь, немалый тогда, Балтийский флот в Кронштадт. Всего было спасено 211 кораблей и транспортов.

Колоссальной заслуги контр-адмирала Щастного не мог отрицать и Троцкий. На заседании революционного трибунала 18 июня 1918 года, выступая в качестве «свидетеля» по делу судимого командующего Балтийским флотом, председатель Высшего военного совета показал:

«Я впервые увидел гражданина Щастного на заседании ВВС в конце апреля после искусного и энергичного проведения Щастным нашего флота из Гельсингфорса в Кронштадт»[154]).

Контр-адмирал Щастный был большой русский патриот, глубоко переживавший позор Брестской капитуляции перед немцами. И после спасения флота из занимаемых немцами без боя Ревеля и Гельсингфорса он не мог, как не мог раньше генерал Духонин, вступить в переговоры с немцами. Он отказался от навязываемой ему партией роли, ибо ему было заранее известно, что он должен будет сдавать русские форты вокруг Кронштадта и, весьма вероятно, также корабли только что спасенного им Балтийского флота.

Из объяснений Троцкого на заседании ревтрибунала, становится совершенно ясным, что Щастный насколько мог уклонялся от предписываемых ему капитулянских перегово-

ров с немцами. Троцкий очень глухо, однако достаточно ясно, говорит о заранее известных ему немецких условиях, подписать которые предписывалось Щастному. Описывая то же заседание ВВС в конце апреля, на которое был вызван Щастный, Троцкий обвиняет командующего флотом в том, что «когда на заседании ВВС выдвигались определенные предложения с целью упорядочить международные отношения Балтийского флота (подчеркнуто нами. — Н. Р.), выяснив прежде всего вопрос демаркационной линии, Щастный отбрасывал эти предложения»[155]).

Что же могло скрываться за словами «международные отношения Балтийского флота»? Эта в высшей степени странная формулировка Троцкого о флоте дополняется упорным требованием Щастному установить какую-то «демаркационную линию», которая явно не соответствовала официальным границам, проведенным немцами в Бресте.

В действительности, вопрос о так называемой демаркационной линии был, в частности, вопросом о сдаче немцам и финнам форта «Ино», являвшегося вместе с фортами «Красная горка» и «Серая лошадь» узлом последней оборонительной позиции на непосредственных подступах к Кронштадту и Петрограду. Сдать форт Ино — ключевой пункт этой последней позиции немцам, после сдачи Гангута, Ревеля и портландской позиции, было для Щастного слишком много.

«На вопрос Щастного о судьбе этого форта, — рассказывает дальше Троцкий о дискуссии по поводу судьбы форта Ино на Высшем военном совете, — я ответил Щастному, что в этом частном вопросе морское командование должно согласовываться с нашей общей политикой»[156]).

Иначе говоря Троцкий требовал, чтобы и в вопросе последней оборонительной линии, защищавшей Петроград, морское командование исполнило капитулянтские обязательства большевиков перед немцами.

Когда финны совместно с немцами подошли к форту, Щастный пытался его защищать и послал к Ино отряд адмирала Зеленого в составе крейсера «Олег» и др. судов. Убедившись, что на суше со стороны Петрограда никакой обороны не ведется, Щастный на свой страх и риск приказал взорвать этот форт, могущий стать теперь базой для удара со стороны Карельского перешейка по Кронштадту и Петрограду. 14 мая 1918 года форт был взорван контр-адмиралом

Зеленым. Этот шаг, в связи с переговорами с немцами, Троцкий назвал «несвоевременным»[157]).

Актом взрыва Щастный нарушил требование Высшего военного совета от 25 апреля 1918 года о вступлении в переговоры с немцами о «демаркационной линии», — формула, которая прикрывала требования о сдаче форта.

Но нежелание вступать в переговоры с немцами о передаче им форта Ино и, видимо, о разоружении флота была только половиной вины контр-адмирала Щастного. Вызванный в Москву Щастный вез с собой разоблачающие большевиков документы о соглашении с немцами относительно Балтийского флота. Троцкий не сообщает содержания этих бумаг, но по его словам вина Щастного заключалась и в том, что он «не обмолвился о лежащих в его портфеле документах, которые должны были свидетельствовать о тайной связи советской власти с немецким штабом»[158]).

После ознакомления с материалами германского министерства иностранных дел не кажется невероятным, что отношения большевиков с немецким штабом и в этом вопросе соответствовали получаемым субсидиям. Документы, попавшие в руки Щастного, видимо через левых эсеров, а быть может и просто предъявленные немецким командованием в качестве прав на форт Ино, не были никогда опубликованы и о них известно лишь со слов Троцкого. Но то обстоятельство, что тайна отношений с немцами была раскрыта контр-адмиралом Щастным, послужила главной причиной его гибели. Он был расстрелян 21 июня 1918 года. Характерно, что 9 июня 1918 года генерал Людендорф отправил резкий меморандум германскому государственному секретарю, где, касаясь вопросов военных складов на Мурманской ж. д., чешских, сербских и др. добровольцев, а также судов флота, потребовал «строгого и беспощадного обращения» с большевистским правительством, которое по словам немецкого генерала «существует по нашей милости»[159]).

Несколько иначе сложилась судьба Черноморского флота. Севастополь, порты Кавказского побережья — все базы флота Ленин уступил немцам. Лучшая часть флота ушла в конце апреля из Севастополя в Новороссийск. На юг был послан один из видных кронштадтцев, мичман Ильин (Раскольников), который вел, вероятно на свой страх, двойную игру. На требование немцев, ссылавшихся на § 5 Брест-Литовского договора, возвратить ушедшую часть флота в Севастополь,

Раскольников официально соглашался, но на деле поощрял эсеровское большинство черноморских моряков в их намерении лучше утопить флот в Новороссийске, чем сдать его немцам. Ленин через Чичерина («Известия» от 22 июня 1918 года) соглашался с возвращением флота немцам, но в то же время секретным шифром послал телеграмму Раскольникову, где выражал свое согласие с требованием эсеров. Эта двойственная политика и сказалась на судьбе флота: часть его — один новейший линкор и 9 современных эсминцев были потоплены своими, в основном эсеровскими, командами, а другая часть — один новейший линкор и 6 эсминцев вернулась в Севастополь, уже занятый немцами, и присоединилась к остававшимся там кораблям.

27 августа 1918 года, при обмене секретными нотами между германским и советским правительствами относительно оставшихся кораблей, было признано, что корабли могут быть использованы немцами «для военных целей . . . в случае необходимости»[160]).

Так, после четырехлетней бесплодной борьбы Германия и Турция, благодаря поддержке большевистской власти, получили абсолютное господство на Черном море.

В непосредственной связи с Брестом были сделаны и первые шаги партии в новой для нее сфере — в иностранной политике. Необходимо, прежде всего, отметить деятельность двух старых большевиков В. В. Воровского и М. М. Литвинова.

«Дипломатическая деятельность» Вацлава Вацлавовича Воровского, вошедшего по поручению Ленина с апреля 1917 года в состав Заграничного бюро в Стокгольме вместе с К. Радеком и Я. Ганецким, началась с неприятных телеграмм, где приходилось, как мы видели, просить у немцев обещанных ими денег.

9 ноября (22 н. ст.) 1917 года советник германского посольства в Стокгольме Вухерпфенниг сообщил, что «его люди» вошли в контакт с Воровским, назначенным теперь представителем советского правительства и ведущим переговоры, так сказать по открытой линии, через германского депутата Эрцбергера[161]). 25 ноября (8 дек.) Воровский выходит, наконец, из специфической сферы деятельности германского военного агента Нассе и его принимает германский посол в Стокгольме Люциус, к которому Воровский обращается с

предложением начать переговоры о мире на нейтральной почве в Стокгольме[162]).

Но германский государственный секретарь Кюльман категорически восстал против мирной конференции в Стокгольме — вступать в переговоры с теми, кого он считал обязанными Германии в приходе к власти, на нейтральной почве и соблюдать с ними «бесконечные вопросы интернационального этикета» он считал не только излишним, но и вредным. Место переговоров было уже определено — они должны были состояться при немецком штабе Восточного фронта («Оберост» — как проще выражались немцы) в Бресте. В награду за послушание большевиков Кюльман все же решил позолотить им пилюли и 26 ноября (9 декабря) 1917 года распорядился о давлении на шведское правительство (тогда более близкое Германии чем Антанте) о признании Воровского посланником, сообщив Люциусу в Стокгольм, чтобы он «рекомендовал признать большевистского представителя как можно скорее»[163]).

Уже 1 (13) декабря германский посол в Стокгольме докладывал в своем министерстве, что шведский министр иностранных дел вполне готов принять Воровского и обсуждать с ним текущие дела. «Я поставил последнего в известность об этом . . . Министр (шведский министр иностранных дел.— Н. Р.) полностью разделяет мнение Вашего Высокопревосходительства, что положение правительства будет усилено признанием и он, наконец, вполне готов признать Воровского как посланника»[164]).

В то время как дела Воровского в Стокгольме под крылышком Кюльмана и Люциуса быстро продвигались вперед, дела другого советского посла — М. М. Литвинова, назначенного Троцким и Лениным представителем в Англии, стояли на точке замерзания. Лишь в самые последние дни 1917 года (11 января 1918 г. по новому стилю) в скромном ресторане лондонского Странда — „Lyons shop" завязался первый контакт с английским правительством.

В плохо освещенном, отдельном кабинете этого посредственного ресторана молодой английский дипломат (ему тогда только что исполнилось 30 лет) встретился с уже 40-летним Литвиновым. Посредником был Ротштейн, будущий советский посол в Иране, а тогда эмигрант, как и Литвинов, и скромный переводчик при одном из отделов английского военного министерства.

Литвинов, назначенный представителем в Англии, нигде не был принят. Он не только не допускался в русское посольство в Лочдоне, но и не мог пользоваться никакими правами, присвоенными дипломатам; не имея даже дипломатического кода и шифра, он посылал свои письма и телеграммы обычной почтой и не получал на них никаких ответов от Троцкого.

На этом, хотя и неофициальном, завтраке с молодым английским консулом Б. Локхартом первый советский посол в Лондоне решил компенсировать себя за все невзгоды значившимся в меню сладким пудингом «а ля дипломат». Но пудинга не оказалось — он был уже весь съеден. «Даже у «Lyons» меня не признают» — пожаловался Литвинов[165]).

Вместо сладкого пудинга поворот в английской политике на рубеже 1917-1918 гг. принес жившему на эмигрантском положении послу неожиданный сюрприз: 21 декабря по новому стилю английский кабинет под председательством Ллойд Джорджа принял решение послать на место отозванного британского посла специальную миссию для установления прямого контакта с Лениным и Троцким[166]).

Главой новой миссии был назначен бывший английский консул в Москве Локхарт, который, являясь неофициальным английским представителем, должен был втянуть новое советское правительство в орбиту Антанты.

В обмен на дипломатические права для миссии Локхарта, Литвинову предлагалось такое же неясное, полупризнанное положение в Лондоне.

Литвинов поспешил воспользоваться первой оказией и отправил с Локхартом свое первое донесение наркому иностранных дел Троцкому. Фактически же он оставался заложником и был обменен на своего собеседника у «Lyons», когда тот был арестован в Москве в конце августа 1918 года после высадки английского десанта в Архангельске.

Быстрое продвижение немцев, ранней весной 1918 года занявших в несколько недель огромную территорию, дало им возможность захватить колоссальное количество вооружения, боеприпасов и снаряжения русской армии, почти целиком брошенных в прифронтовой полосе. Не следует забывать, что после тяжелого кризиса со снаряжением и боеприпасами в 1915 году к 1917 году российская армия благодаря мобилизации промышленности и поставкам из-за границы была по тому времени весьма обильно снабжена всем необ-

ходимым настолько, что и белые и красные армии почти три года вели гражданскую войну, в основном питаясь оставшимися от старой армии запасами.

Борьба за материальное наследство (запасы вооружения, базы и корабли Черноморского и Балтийского флотов) русской армии и флота очень скоро разгорелась между продолжавшими войну немцами и союзниками. Немцы, как мы уже писали, заняв Ревель, высадили значительные силы генерала фон дер Гольца в Финляндии и угрожали оттуда захватить только что построенную Мурманскую железную дорогу. На ней и особенно на линии Архангельск—Вологда—Рыбинск оставались колоссальные запасы вооружения, прибывшего в Россию в 1917 году и не вывезенного с тех пор на фронт. Эти запасы, а также страх, что Мурманск сможет стать базой для немецких подводных лодок, побудили англичан высадить в апреле 1918 года 150 человек морской пехоты в Мурманске[167]).

В конце июня союзники высадили в Мурманске еще около 1000 человек, а в начале августа немногим больше высадилось в Архангельске, где уже раньше произошло антибольшевистское восстание под руководством капитана Чаплина.

Совет союзных послов в Вологде, равно как и их правительства в Вашингтоне, Лондоне и Париже очень мало интересовались вопросом борьбы с большевиками ради освобождения России. Их заботы сводились, во-первых, к воспрепятствованию немцам захватить вооружение и русские корабли на Балтике и в Черном море и, во-вторых, что главное, к восстановлению Восточного фронта против Германии, хотя бы за счет сил и средств тех же большевиков. Именно эта идея побудила английское правительство еще в конце декабря 1917 года направить для переговоров с Лениным и Троцким своего представителя Б. Локхарта.

С этой же целью представители Франции и Америки также стремились войти в переговоры с советским правительством; и уже лишь в результате этих переговоров, убедившись, что большевики ни в коем случае не хотят выступать против немцев, начали строить планы восстановления Восточного фронта за счет антибольшевистских и других сил. Прежде всего, внимание союзников привлекал корпус чехословацких добровольцев, сформированный из пленных еще дореволюционным русским правительством. Первоначальный проект Антанты заключался в высадке большой

американской армии на Дальнем Востоке, которая должна была совместно с русскими восстановить Восточный фронт, в связи с чем задачей Чехословацкого корпуса было удерживать Сибирскую магистраль. Однако этот план, в силу категорического отказа от него президента Вильсона, вообще не сочувствовавшего какому-либо вмешательству в «русские дела», вскоре провалился. Как осколок плана осталось намерение временно держать Чехословацким корпусом Сибирскую магистраль с тем, чтобы перебросить его потом на Западный фронт.

ГЛАВА XIV

НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ПЕРЕХОД ОТ КРАСНОЙ ГВАРДИИ К КРАСНОЙ АРМИИ

Глубоко ошибочно представлять, как это делает советская официальная история, что Белое движение при своем возникновении было чисто контрреволюционным движением, поднятым «помещиками и капиталистами» ради реставрации старого режима.

Мы уже бегло останавливались на характеристике генералов Алексеева, Деникина, Корнилова, Каледина. Ни один из этих талантливых русских генералов не мог желать реставрации старого режима уже хотя бы потому, что все они полностью приняли Февральскую революцию. Будучи либерально настроенными людьми, но в то же время горячими патриотами России, стремившимися, прежде всего, сохранить российскую государственность, генералы Алексеев и Корнилов привлекли к своей работе кадетов П. Б. Струве, Парамонова, Степанова и других. Именно эти люди и составили Донской гражданский совет, явившийся политической базой для создания Добровольческой армии.

Непосредственным лозунгом Донского гражданского совета была борьба против Брест-Литовского договора, о заключении которого велись тогда еще переговоры. Иначе говоря, борьба против обеих сил, стоявших на платформе «Бреста», — большевиков и немцев.

Безволие и преступное отношение к армии со стороны большинства в партиях «революционной демократии» в течение всего 1917 года не могли, конечно, не оттолкнуть от нее руководство Добровольческой армии. Однако это отталкивание вовсе не означало враждебности к левому сектору демократического лагеря вообще. Б. В. Савинков, прибыв на Дон, в своих беседах с генералами Алексеевым, Калединым и Корниловым, как он пишет, «старался убедить их, что в Донской гражданский совет необходимо включить демо-

кратические элементы . . . причем наибольшее сочувствие я встретил у генерала Корнилова»[168]).

В конце декабря 1917 года в Донской гражданский совет, как свидетельствует Савинков, вошли четыре социалиста и демократа: сам Б. В. Савинков, в прошлом видный эсер, считавший себя в это время независимым социалистом, председатель Крестьянского союза Мазуренко, бывший комиссар VIII армии Вендзягольский и независимый социалист Агеев. «Тогда же, — пишет Савинков, — была напечатана декларация о необходимости созыва Учредительного собрания и утверждавшая право народа на землю»[169]).

2 ноября 1917 года сразу после конца боев в Москве генерал Алексеев обратился к офицерству с призывом встать на защиту родины и свободы.

Призыв генерала Алексеева не нашел большого отклика среди бывшей бюрократии и буржуазии. Генерал Алексеев смог собрать лишь ничтожные денежные средства. Никакой помощи семьям прибывающих в Ростов добровольцев генерал Алексеев обеспечить не мог. В условиях голода и разрухи это был один из тормозов добровольческого движения. Другим тормозом было то обстоятельство, что резко монархически настроенная часть офицерства относилась к инициативе генерала Алексеева выжидательно, а иногда и прямо враждебно (генерал Келлер).

К концу года, когда отдан был приказ о Добровольческой армии, ее небольшим силам пришлось взять на себя оборону Ростова от наступающих отрядов Красной гвардии, общей численностью свыше 20 тысяч человек. 27 декабря 1917 года в воззвании Добровольческой армии было сказано, что армия ставит своей целью дать «возможность русским гражданам осуществить дело государственного строительства Свободной России . . .; стоять на страже гражданской свободы, в условиях которой . . . народ выявит через посредство избранного Учредительного собрания державную волю свою».

В сжатый Красной гвардией Ростов собралась, главным образом, военная молодежь и небольшое количество кадрового офицерства. 22 февраля 1918 года Добровольческая армия в составе всего 3 700 человек под командованием генерала Корнилова ушла из Ростова.

Еще в декабре генерал Алексеев поручил Б. В. Савинкову войти в сношения с известными демократическими дея-

телями, в том числе с Чайковским. Снабженный полномочиями вождя Белой армии, Савинков выехал в Москву. Все это достаточно красноречиво говорит о том, что ни у генерала Корнилова, ни у генерала Алексеева не было никаких реставрационных замыслов и они вполне разделяли точку зрения на Учредительное собрание, как на единственный правомочный орган для решения всех проблем будущей России.

Прибыв в Москву, Савинков, продолжая сношения с генералом Алексеевым, организовал «Союз защиты Родины и Свободы». Этот Союз был создан на широкой политической базе с программой, состоящей из следующих основных пунктов: восстановление российской государственности, созыв Учредительного собрания — источника конституции и власти, борьба против немецких захватчиков, земля — народу.

В Союз вошли несколько эсеров, во главе с самим Савинковым, довольно большая группа социал-демократов — плехановцев, во главе с доктором Григорьевым, несколько республиканцев, виднейшими из которых были: латышский офицер полковник Бреде и бывший депутат первого съезда советов от армии Виленкин и, наконец, группа конституционных монархистов, признававших Учредительное собрание, во главе с полковником Перхуровым, будущим возглавителем Ярославского восстания. Несмотря на тяжелые условия подполья и частичные провалы (среди множества арестованных и расстрелянных большевиками был и Виленкин, отказавшийся сообщить на допросе в ЧК адрес подпольного штаба Союза), Союз выработал в июне месяце план вооруженного выступления и начал перебрасывать своих членов в Рыбинск, Ярославль, Кострому, Муром — где было решено начать вооруженное выступление. По плану эти восстания на верхней Волге должны были создать крупный плацдарм для соединения с силами «Народной армии» комитета членов Учредительного собрания и с обещавшими поддержку для борьбы с немцами западными союзниками из Архангельска.

План удалось осуществить лишь частично. В Рыбинске, где во главе восстания стал лично Савинков, оно не удалось из-за провокации. Муром был захвачен, но восставшие вынуждены были отступить к Казани, занятой уже «Народной армией» и чехами. Ярославское восстание удалось полностью. Успех его обеспечили невооруженные группы молоде-

жи, сумевшие ночью захватить склад вооружения, с одной стороны, и поддержка влиятельного ярославского социал-демократа — плехановца, рабочего Савинова, с другой.

Полковник Перхуров без артиллерии и без достаточного вооружения, семнадцать дней держался в осажденном, главным образом интернациональными большевистскими частями, Ярославле, напрасно ожидая помощи от союзников из Архангельска.

Главной слабостью, как Союза защиты Родины и Свободы, так и Добровольческой армии, была ставка на узкий, небольшой актив жертвенной молодежи и офицерства, при отсутствии широкой политической работы для привлечения народных масс. В то же время ярославский опыт, где организация Савинкова сблизилась с рабочими, и еще ярче — опыт восстания в Ижевске и Воткинске на Урале показывали, что на платформе Учредительного собрания борьба с большевиками имела все предпосылки для успеха.

Уже упомянутый нами Чехословацкий корпус, после боев на Украине с наступающими немцами, растянулся своими эшелонами от Волги до Владивостока. Необходимо отметить обычно забываемый советский историографией факт активного участия чехов в тех немногих боях, которые немцам пришлось выдержать во время своего февральско-мартовского наступления. Так, например, сравнительно упорную оборону станции Бахмач, обычно приписываемую Ворошилову, в действительности организовали чешские арьергарды, что было отмечено в приказе командукром Антоновым-Овсеенко.

О различных планах использования корпуса союзным командованием мы говорили выше, но нет никаких документов, подтверждающих какие-либо приказы или директивы союзного командования о выступлении чехов против большевиков, что бездоказательно утверждают почти все советские историки гражданской войны.

В действительности так называемое восстание чехословаков началось со столкновения чешских солдат с венгерскими военнопленными, сочувствовавшими большевикам, в Челябинске 14 мая 1918 года. Челябинский совет, расследуя инцидент, арестовал нескольких чешских солдат, в ответ на что чехи заняли станцию и, не встретив сопротивления, разоружили местный отряд Красной гвардии.

23 мая заместитель Троцкого Аралов, а 25 мая и сам

Троцкий потребовали от местных советов повсеместного разоружения чехословацких частей.

В ответ на этот приказ чехи начали быстро занимать главные центры в Сибири и в Среднем Поволжье.

Троцкий не учел, что со времени войны в Чехословацком корпусе, численность которого была немногим более 30 тысяч, в качестве старших начальников продолжали служить еще многие русские офицеры и генералы. Так, например, генерал Дидерихс командовал наиболее сильной группой чехов во Владивостоке, генерал Войцеховский в Челябинске.

Разъединенные чешские отряды стремились соединиться, поэтому первые бои развернулись в Западной Сибири и на Урале, что дало время советскому правительству организовать свой первый восточный фронт.

Но еще до прихода чехов многие города (Омск, Красноярск, Бийск) были захвачены восставшими, принадлежавшими, главным образом, к эсеровским и различным офицерским организациям.

Наличие в Чехословацком корпусе русского командного состава и местные восстания привели к быстрому созданию Сибирской армии на востоке и Народной армии на Волге.

В Сибири было образовано правительство, в составе нескольких депутатов Учредительного собрания и местных земств, в общем эсеровско-кадетского направления, декларировавшее право на землю и на восстановление местных демократических органов. Однако сибирское правительство чрезвычайно вяло и медленно создавало свои вооруженные силы, вызывая недовольство у офицерства и молодежи своей узкой политикой, направленной не на общую борьбу с большевиками, а на удовлетворение местных интересов. Естественно, что военные не хотели служить под бело-зеленым «сибирским знаменем». В армию с запозданием были призваны военнообязанные всего лишь двух возрастов.

Когда в начале июня чехи заняли Самару, там образовался комитет членов Учредительного собрания («Комуч», где руководящую роль играли эсеры — Вольский, Фортунатов, Климушкин, позже Ракитников и другие), начавший формировать «Народную армию». Эта армия, построенная на демократических началах, могла бы иметь гораздо большие успехи, чем те, которых она достигла в действительности, так как в нее влились и восставшие рабочие Ижевского

и Воткинского заводов, ее поддерживало крестьянство Поволжья. Но ни «Комуч», ни сменившая его позже Директория не сумели организовать борьбы с большевиками, несмотря на то, что Красная армия насчитывала летом 1918 года всего около 300 тысяч человек, из которых лишь 65 тысяч находились на Восточном фронте.

Народная армия до августа-сентября 1918 года не росла. Она продолжала состоять из нескольких добровольческих отрядов, как, например, отряд полковника Каппеля или отряд полковника Махина, эсера, перешедшего из Красной армии, которые хотя и проявляли высокие боевые качества, но были сравнительно немногочисленны. Ижевская рабочая дивизия была одной из лучших.

Народная армия не смогла использовать восстание, поднятое в Симбирске советским главнокомандующим Восточного фронта левым эсером подполковником Муравьевым, который после левоэсеровского восстания в Москве 6 июля 1918 года, хотел повернуть фронт против большевиков и немцев, но был убит в самом начале своего выступления.

Антибольшевистское движение в 1918 году началось под флагом Учредительного собрания и при участии демократических сил России. В отличие от следующего, 1919 года, реставрационно-правые течения еще не играли большой роли на стороне антибольшевистских сил. Но военные силы носили еще полупартизанский, добровольческий характер и, несмотря на всю свою доблесть, не могли победить регулярную, хотя еще мало стойкую Красную армию.

К тому же стратегически антибольшевистские силы были распылены по разным направлениям: Сибирская армия все еще была связана в Сибири и на Урале; Добровольческая армия дважды (зимой и летом 1918 г.) нацеливала свой удар не в северном направлении — на Москву, через Волгу, а на юг — на Кубань; Народная армия, достигнув Казани, внезапно оказалась лишенной поддержки чехов, отказавшихся продолжать борьбу тогда, когда стало ясно, что союзники (Антанта) вовсе не собираются открывать второй фронт в России против Германии, а лишь занимают морские базы (Мурманск, Архангельск, Владивосток).

Таким образом, благоприятная для антибольшевистских сил политическая обстановка — они находили поддержку не только среди казачества и крестьянства, но в значительной степени и среди рабочих — не была организационно исполь-

зована ни в области создания крупной регулярной вооруженной силы, ни в области координации стратегических решений.

В то же время, коммунистическое руководство мобилизовало все свои силы на создание регулярной армии, соответствующей масштабам большой войны, и нашло в лице Троцкого талантливого организатора, сумевшего в этих вопросах выйти за рамки партийной доктрины.

На другой день после подписания Брест-Литовского договора — 4 марта 1918 года был создан Высший военный совет, председателем которого стал Троцкий, а членами Склянский, Данишевский и Подвойский.

Формально Троцкий получил диктаторские полномочия в военных вопросах после утверждения его также и народным комиссаром военных и морских дел на IV съезде советов 15-17 марта 1918 года.

Это было естественно. С одной стороны, Троцкий и его тогдашние сторонники в ЦК (Дзержинский, Крестинский, Иоффе) были противниками мира, но, с другой, они, воздержавшись при голосовании, обеспечили Ленину его скромное большинство над Бухариным и другими «левыми коммунистами».

Результатом этого компромисса между Ленинынм и Троцким и было выдвижение Троцкого на роль военного вождя партии. С августа 1917 года, когда Троцкий на VI съезде формально вошел в партию (фактически же в июне), не прошло и года, и это доверие Ленина к своему многолетнему противнику, возбудившее немало ненависти у старых большевиков, еще раз доказывает, что ради сохранения власти Ленин легко забывал свои «принципиальные позиции».

Личность Троцкого, как военного вождя партии, во многом предопределила ход событий во время гражданской войны. Ибо Троцкий, в отличие от большинства деятелей партии того времени, с удивительным для профессионального революционера пониманием сущности армии, сразу отказался в военных вопросах от господствовавших тогда в партии и Красной гвардии взглядов.

Но, прежде чем перейти к военной реформе Троцкого, необходимо кратко остановиться на результатах военной политики партии первого периода существования Красной гвардии.

При организации Красной гвардии была сделана попыт-

ка осуществить идею чисто партийной, а не классовой армии, как это утверждают большевистские лидеры. Заводская партийная ячейка по замыслу создателей Красной гвардии должна была давать целиком и командный состав и элементы штаба для красногвардейской части. Особые, «чистые» или в подавляющем большинстве партийные части (таковыми были некоторые матросские части Балтийского и Черноморского флотов, хотя преобладающим партийным элементом в них были не большевики, а левые эсеры и анархисты) были немногочисленны, и к ним можно причислить лишь несколько латышских полков (практически, батальонов) и некоторые партизанские отряды на юге, обычно все же с прослойкой матросов.

Красная гвардия не оправдала надежд, возложенных на нее. Троцкий, теснее всего связанный с военными вопросами во время Октябрьского переворота и последующих событий, сразу отметил бессилие Красной гвардии при столкновениях даже с небольшими, но хорошо организованными частями. Уже Октябрьский переворот показал, как в Москве, так и в Петрограде, что рабочая часть Красной гвардии не играла той решающей роли, которая была отведена ей по замыслу. Пришлось, особенно после наступления нескольких сотен казаков генерала Краснова из Гатчины на Петроград, срочно вызывать латышские части и переформировывать матросские отряды. Это и была единственная настоящая опора советской власти в первые недели ее существования.

Естественно, что в Красной гвардии, равно как и в первых отрядах матросов, военных комиссаров не было. Их командование, видные члены партии, как, например, Дыбенко, Антонов-Овсеенко, Подвойский и другие, являлись одновременно и военными комиссарами.

Наступление немцев, переговоры с союзниками о возобновлении войны на Восточном фронте и начинающаяся гражданская война способствовали победе взглядов Троцкого в ЦК.

Ко времени решения о создании регулярной Красной армии налицо были чрезвычайно пестрые по своему составу отряды Красной гвардии, общей численности которых никто не знал, ибо зачастую они распадались после нескольких недель существования или самовольно возвращались с театра военных действий на место своего формирования.

Выборность командного состава привела к тому, что во

главе более или менее прочных отрядов стояли «батьки» самого различного происхождения. Среди них было много левых эсеров в том числе подполковник Муравьев, оказавшийся к июню 1918 года командующим Восточного фронта, или фельдшер Сорокин, командовавший на Северном Кавказе; авантюристы типа прапорщика Сиверса, анархисты, возглавлявшие часто матросские отряды, как, например, Железняков и Матвеев («Таманская армия» на юге). Многие отряды носили чисто партизанский характер, выступая до середины 1918 года лишь в местном, локальном плане и будучи совершенно не связаны ни с командованием, ни с партией.

Впоследствии они примыкали или к Красной армии, как, например, отряд Буденного, или к белым, как, например, отряд Шкуро; порою они долго колебались и даже сделав выбор потом снова уходили в «партизанскую независимость», как, например, Махно, Григорьев, Думенко и многие другие.

Но было бы неверно рассматривать этот важный переходный период от Красной гвардии к Красной армии как время, когда власть партии опиралась только на все эти разношерстные отряды.

Характерной чертой как Красной гвардии, так и Красной армии первых месяцев ее существования был чрезвычайно высокий процент входивших в ее состав интернациональных частей и подразделений.

Троцкий подошел к этому вопросу в период союза с немцами со свойственными ему смелостью и беспринципностью. В особенности до первых призывов в Красную армию, летом 1918 года, формирование интернациональных частей шло весьма быстро. Если причислить к этим интернациональным формированиям латышские и польские части Красной армии, то надо полагать, что около половины ее состава было представлено интернациональными частями. Интернациональная часть Красной армии была крайне пестрой и подбиралась далеко не всегда по признаку идейного сочувствия советской власти.

Латышские и отчасти польские части оказались отрезанными немцами от своей родины и, первоначально, должны были выбирать между немцами и большевиками, в условиях оккупации Прибалтики и Польши германской армией. Оказавшиеся на стороне большевиков польские и латышские части в своем большинстве постепенно были втянуты в гражданскую войну и приобрели психологию профессиональ-

ных наемных частей, что усиленно поощрялось Троцким, поставившим их в привилегированное положение, как в смысле материального обеспечения, так и жалования. У некоторой части личного состава этих частей проявилась тяга, по карьерным соображениям, ко вступлению в партию и, особенно, к поступлению на службу в ЧК. Можно без преувеличения сказать, что латышские части, находившиеся как в Красной армии, так и в распоряжении ЧК, сделались вскоре типично преторианскими частями особого назначения и были главной военно-полицейской опорой нового режима.

Латышские полки были вызваны Лениным с фронта в Петроград еще до созыва Учредительного собрания. Они вместе с матросами участвовали в подавлении рабочих и части гарнизона города, выступивших против разгона Учредительного собрания.

С приездом в Москву советского правительства, латыши несли охрану Кремля и под командованием бывшего полковника генерального штаба Вацетиса совместно с Бела Куном подавили восстание левых эсеров во время IV съезда советов.

Польские интернациональные части были той ударной силой, которая подавила Ярославское восстание.

Кроме отдельных больших интернациональных соединений в составе Красной армии во многих вновь создаваемых частях ее были отдельные интернациональные роты и батальоны, игравшие одновременно роль и ударных подразделений и частей особого назначения, на случай политических колебаний в основной, русской массе войск.

Сколько их было? На этот вопрос без изучения архивов крайне трудно ответить, к тому же этот вопрос в течение последних десятилетий упорно замалчивался. Самые осторожные подсчеты говорят, что латышей в 1918 году было около 20 000, поляков не меньше 10 000, китайцев также около 10 000, венгров и немцев, во всяком случае, несколько тысяч. К этому перечислению надо прибавить еще некоторое количество югославов, чехов, корейцев, финнов. Всего интернационального состава в Красной армии было вначале около 50 000 человек. И если сравнить эту цифру с количественным составом Белой армии того же времени, то легко убедиться, что одни только интернациональные части Красной армии количественно значительно превосходили состав Белой армии.

Судьба этих войск весьма различна. Венгры и немцы большей частью вернулись на родину после революций 1919 года в Венгрии и Германии, где активно участвовали в попытках создания коммунистического режима (в качестве примера достаточно назвать, хотя бы, Бела Куна, Ракоши, Имре Надя, Ференца Мюнниха, появившихся в Венгрии в 1919 году, Тито и многих других). В отличие от них латыши и поляки в своем большинстве остались в России и до сталинских чисток играли значительную роль не только в армии и ЧК—ГПУ—НКВД, но и в партийном и в государственном аппаратах.

Иначе дело обстояло с китайцами. Они искали в России хороших заработков. Более 200 тысяч китайских рабочих было уже занято в промышленности и на рудниках к началу войны 1914 года. Около 100 тысяч дополнительно прибыли на тыловые работы в 1915-1917 гг. Китайцев можно было встретить везде: свыше 10 тысяч их было на строительстве Мурманской дороги, около 5 тысяч в Петрограде, свыше 10 тысяч на заводах Урала[170]) и т. д.

Потеряв работу и, главное, возможность хороших заработков после Октября, в связи с общим падением промышленного производства и прекращением строительства, китайцы охотно шли в интернациональные части, перенося в Россию давно сложившийся в Китае обычай наемничества, согласно которому военная служба рассматривалась как заработок.

Из материалов, собранных Н. А. Поповым, несмотря на все его стремления изобразить китайских добровольцев, как «сознательных революционных борцов», со всей очевидностью вытекает, что в 1918 году шла откровенная вербовка оказавшихся в безвыходном положении китайцев. Так, например, работавшие в тыловых районах Белоруссии китайцы, оставшиеся без работы, послали своего представителя в Донбасс, в поисках работы на шахтах. Последний, узнав, что в Бахмаче формируются отряды Красной гвардии, сообщил об этом в Белоруссию, и в Бахмач отправилось более тысячи китайцев. «Часть из них была принята в красногвардейский отряд, другая была направлена на Кавказ для борьбы с контрреволюцией»[171]).

В августе 1918 года военный комиссариат Петрограда издал приказ о формировании китайского интернационального отряда из китайских рабочих Мурманской ж. д. и Пет-

рограда. Политико-просветительный отдел Военного комиссариата в своей инструкции не стесняясь употреблял выражение: «из среды завербованных . . .»[172]).

Китайцы входили почти во все интернациональные части, без которых на первом году гражданской войны не обходилось почти ни одно крупное соединение Красной армии. Батальон китайцев сражался, например, в составе 2-го интернационального полка 16-ой стрелковой дивизии известного В. Киквидзе; были они и совместно с венграми, австрийцами и немцами в интернациональном полку 25 с. д., которой командовал В. И. Чапаев.

Недавно вышедший III том «Истории гражданской войны» старательно обходит вопрос использования большевиками китайских наемников. Так, например, упоминая 38-й Рогожско-Семеновский полк, поставленный осенью 1918 года на Царицынский фронт, авторы «Истории гражданской войны» пишут, что полк почти целиком состоял из рабочих московских заводов «Гужон» и «Динамо»[173]), не упоминая, однако, что в полку был целый батальон китайцев, о чем на базе архивных материалов говорит Н. А. Попов.

Во всяком случае, в течение первой половины 1918 года интернациональные части Красной армии находились на особом, обеспеченном материальном положении и получали специальное содержание, часто даже не в советских денежных знаках. Разумеется, до окончательной победы над «партизанщиной» в армии, т. е. до начала 1919 года, в этом вопросе существовал хаос и выяснить сколько было затрачено валюты на содержание интернациональных частей, сейчас не представляется еще возможным. Однако не подлежит сомнению, что приведенные нами выше денежные запросы графа Мирбаха были частично связаны с этим вопросом. Забегая вперед, следует обратить внимание на то, что с переходом Красной армии на мирное положение ни китайских частей, ни китайских военнослужащих в ней, в отличие от латышей и некоторой части поляков, не осталось. Китайский наемнический элемент после 1922 года был просто выброшен за ненадобностью.

Оглядываясь в 1920 году на опыт отстройки армии сразу после захвата власти большевиками в конце 1917 — начале 1918 года, Тухачевский определил основное качество тех вооруженных сил, которыми располагала тогда партия весьма точно:

«В первое время восстания и некоторое время после него вооруженная сила представляет собой лишь разрозненные отряды, которые скорее несут жандармскую службу внутри, чем выставляются как живая сила на фронт для противодействия врагу»[174]).

Эти слова Тухачевского вполне точно характеризуют качества всех тех латышских, интернациональных и красногвардейских отрядов, последних со значительной прослойкой матросской полуанархической вольницы, которые были единственной опорой власти партии до создания всеобъемлющего аппарата ЧК Дзержинским и первых регулярных частей Красной армии Троцким. Однако создание этих новых инструментов власти в полной мере относится лишь к середине и даже к концу 1918 года.

«Жандармский», по словам Тухачевского, характер первых вооруженных сил коммунизма в России сказался и на их дальнейшей судьбе — к 1920 году руководящий личный состав первых отрядов Красной гвардии оказался не на командных постах в Красной армии, а в аппаратах ЧК, в отрядах ЧОНА (части особого назначения — тогдашние внутренние войска МВД), на политработе в армии. Дыбенко и немногие другие исключения лишь подтверждают это правило.

Троцкий приступил весной 1918 года к строительству Красной армии не на добровольно-партизанской и не на «классовой» базе, а на регулярной основе.

Идею чисто партийной вооруженной силы, которая лежала в основе Красной гвардии, он сразу сдал в архив.

В основу комплектования армии Троцкий положил всеобщую воинскую повинность, которая и была введена 28 апреля 1918 года вместе со введением военных округов и штатов частей и подразделений. Эту дату с большим основанием можно считать датой создания Красной армии, чем принятую дату — 23 февраля — в память сомнительных успехов Красной гвардии против немцев под Псковом.

Троцкий решительно покончил с остатками «демократизации армии», которую большевики так старательно защищали и проводили в 1917 году. Солдатские советы в частях, выборное командование, все еще процветавшие в Красной гвардии, старательно искоренялись. Снова была введена строгая дисциплина и смертная казнь.

Главные трудности встретил Троцкий в вопросе подбора командного состава. Он был едва ли не единственным боль-

шевиком, который с самого начала понимал, что строить армию и руководить боевыми действиями большой регулярной армии может лишь обладающий профессиональной подготовкой командный состав.

Таковой имелся в 1918 году только в лице офицерства старой русской армии, в громадном большинстве настроенного антибольшевистски. Естественно, это настроение офицерства было хорошо известно в партии, да и все знали, что российское офицерство дало первые добровольческие кадры как для Народной армии на Волге, так и для Добровольческой армии на Дону. Правда, вначале делались попытки обойтись в Красной армии с командным составом из членов партии. Эти попытки как в организационном плане, так и в практике командования потерпели полное фиаско. Лишь очень небольшая часть партийцев плохо ли, хорошо ли справлялась со своими обязанностями. Их можно почти всех перечислить. К ним относятся, например, Фрунзе, Ворошилов вскоре расстрелянный за бегство с фронта Пантелеев и не многие другие. Оказалось необходимым призвать офицеров старой армии в качестве «военных специалистов», сначала полудобровольно, путем прельщения военной карьерой, но вскоре насильно, путем всеобщей мобилизации.

Здесь уместно будет указать, что через год после VIII съезда в Красной армии числилось 48 409 офицеров от прапорщика и выше, а всего «военных специалистов», включая и бывший унтер-офицерский состав старой армии и первые выпуски советских курсантов — 214 770. И это на 15 августа 1920 года, когда сама армия насчитывала свыше 5 миллионов человек.

В связи с этим был решен и важнейший вопрос о дуализме в Красной армии: 6 апреля 1918 года Троцкий, как народный комиссар по военным и морским делам, издал приказ, учреждавший военных комиссаров. Приказ определял, в частности: «Военный комиссар есть непосредственный политический орган Советской власти при армии. Военный комиссар блюдет за тем, ... чтобы отдельные военные учреждения не становились очагами заговора ... руководство в специальной военной области принадлежит не комиссару, а работающему с ним рука об руку военному специалисту ...». Однако ни один приказ, ни одного командира не имел силы без подписи комиссара, «в распоряжение которого для этой

цели предоставляется авторитет и все средства Советской власти»[175]).

Этот приказ был первым из многих, создавших существующий и поныне дуализм в армии коммунистического государства. Из этого дуализма выросло противоречие, носящее неснимаемый характер, и осознание носителями партийной диктатуры этого противоречия как постоянной угрозы режиму, объясняет ту особую нервность, чувствительность, недоверчивость, с которой власть всегда относится к военным руководителям сколько-нибудь крупного масштаба.

Это можно было наблюдать по отношению к ряду крупных военных, создавших себе имя во время гражданской войны и погибших в 1937-1938 гг.; это можно было видеть в начале войны 1941-1945 годов, когда из-за недоверия к крупным военным специалистам главные командные посты получили Буденный, Ворошилов, Кулик и другие; это отражалось на резких переменах в личной судьбе двух крупнейших полководцев Советской армии — Жукова и Рокоссовского.

Осознание невозможности выйти из противоречия, созданного дуализмом управления армией, упирается в конечном итоге не в личные качества того или иного полководца, а в понимание, что на базе «пролетарской культуры» и марксистской доктрины невозможно вырастить кадры военных специалистов, полностью владеющих военным искусством и способных самостоятельно решать стратегические проблемы.

В 1920 году, подводя итоги гражданской войны, бесспорно самый крупный советский полководец, член партии с 1918 года М. Н. Тухачевский писал:

«Командный состав армии монархического или буржуазного государства бывает обыкновенно настроен явно враждебно к пролетарской власти . . . за неимением своих специалистов приходится все-таки использовать старых, а это вызывает необходимость разделения власти путем создания института комиссаров. Конечно такая система вредно отражается на качестве армии . . . можно утверждать, что окончательная стройность и дисциплина в армии устанавливаются лишь по введении принципа единоличного командования»[176]).

В другом месте Тухачевский признает, что у «пролетариата не может быть своего родного командного состава», а «назначение военспецов, связанных по рукам и ногам, пользы не приносит.

Ревсоветы — это бельмо на глазу нашей стратегии — са-

ми себя изживают, в доказательство того, что существование их противоречит сути дела»[177]).

«Выгоднее всего, — сознается Тухачевский, — достигается гармония между политикой и стратегией, когда руководство ими принадлежит одному лицу»[178]).

Таким образом, разбирая партийную политику в армии, Тухачевский приходит к выводу, что у партии («пролетариата») «не может быть своего родного командного состава», и, видя весь вред дуализма как на низших, так и на высших ступенях командования, призывает к передоверию армии и стратегии специалистам с правом единоличного командования, требуя тем самым отказа партии от вмешательства в дела армии.

М. Н. Тухачевский, как известно, сам стал жертвой противоречия, которое он ясно видел в 1920 году, но из которого не смог лично выйти до самой своей гибели.

Завершением начального этапа строительства Красной армии следует считать создание главного штаба в мае 1918 года и должности главнокомандующего, на которую первым был назначен 8 июля 1918 года полковник прежнего генерального штаба И. И. Вацетис, только что перед этим успешно подавивший восстание левых эсеров в Москве.

Однако главком был строго ограничен в своих решениях, ибо он сам был лишь членом Революционного Военного совета («Реввоенсовета»), созданного 2 сентября 1918 года под председательством Троцкого.

До самого конца гражданской войны предреввоенсовета Троцкий стоит в глазах большинства членов партии хотя и на втором месте, но рядом с предсовнаркома Лениным.

Кроме главкома первыми членами Реввоенсовета были неизбежный доктор Склянский — правая рука Троцкого, Муралов, Юренев, Розенгольц, И. Н. Смирнов и Раскольников (Ильин).

В июле 1919 года решено было для большей оперативности в работе сократить состав Реввоенсовета. В него вместе с новым командующим — подполковником С. С. Каменевым, вошел и Рыков — начальником снабжения армии. В разные периоды кроме Склянского в Реввоенсовет входили Гусев, Смилга, Данишевский и другие.

ГЛАВА XV

«ВОЕННАЯ ОППОЗИЦИЯ» И УСТУПКИ 1919 ГОДА

18 марта 1919 года собрался VIII съезд партии. Главнейшим вопросом, поставленным на решение на этом съезде, был вопрос о дальнейшем строительстве Красной армии. По этому вопросу на съезде выступила, так называемая, военная оппозиция, от имени которой В. М. Смирнов противопоставил свои тезисы официальному докладчику Сокольникову. Смирнов и активно поддерживавший его Ворошилов, Рухимович и ряд других, близких к Сталину людей, выступили, главным образом, против военных специалистов, иначе говоря, против офицеров старой армии, как командующих подавляющим большинством частей Красной армии. Вопрос приобрел особую остроту в связи с расстрелом Пантелеева, командира 2-го Петроградского полка, одного из немногих командиров партийного происхождения. Особенное возбуждение на съезде вызвало то обстоятельство, что бежавший вместе с полком с боевого участка Пантелеев был предан трибуналу и расстрелян по приказу командующего армией, офицера старой русской армии Славина.

Ленин неоднократно колебался в вопросе использования «военспецов» — офицеров старой армии, не будучи порой в силах скрыть своей ненависти к ним.

Уже в самом начале операций на Волге, в августе 1918 года Ленин запросил мнение Троцкого относительно предложения Ларина, настаивавшего на замене всех офицеров генерального штаба коммунистами.

Троцкий, возражая против этого неосуществимого проекта, не без гордости объяснял Ленину в телеграмме от 23 августа 1918 года тот выбор, перед которым он ставит офицеров, призываемых на службу в Красную армию: «. . . с одной стороны, концлагерь, а с другой — служба на Восточном фронте»[179]).

В марте 1919 года Ленин снова возвращается к этой теме

и на заседании Совнаркома посылает Троцкому записку, вспоминая, очевидно, июльские события 1917 года в I-ом пулеметном полку: — «Не лучше ли нам выбросить всех специалистов и назначить главкомом Лашевича?»[180]).

«Ребячество» — написал на другой стороне Троцкий, но явно обеспокоенный настроениями Ленина, пришел к нему, запасясь докладом главного штаба о количестве служащих в Красной армии офицеров.

«Знаете ли вы сколько царских офицеров у нас в армии?» — спросил он Ленина.

«Не знаю» — отвечал Ленин, отказываясь назвать даже примерную цифру.

«Не менее тридцати тысяч» — сообщил Троцкий на основании доклада, предлагая подсчитать какой ничтожный процент из этого числа занимают перебежчики к белым.

В результате Троцкий добился от Ленина постоянной поддержки в вопросе военспецов и был настолько уверен в поражении так называемой «военной оппозиции», что позволил себе уехать на фронт во время VIII съезда партии, где этот вопрос вызвал бурные столкновения.

Позиция Ленина и Троцкого заключалась в том, что армию необходимо строить на базе современных военных знаний и железной дисциплины. Старый офицерский корпус — единственный источник военных знаний — должен был контролироваться институтом комиссаров, но как Ленин (см. его выступление на VIII съезде), так и Троцкий хорошо понимали, что без передачи командирам частей и соединений полных прав командования добиться боеспособности от армии невозможно.

Чтобы выяснить сущность «военной оппозиции», необходимо коснуться некоторых моментов из истории гражданской войны.

В мае 1918 года ЦК во главе с Лениным решило послать ответственную делегацию на Северный Кавказ. В этот период в районе Северного Кавказа перед советской властью стояли три проблемы: 1. Судьба Черноморского флота, большая часть которого ушла из Севастополя в Новороссийск; 2. Организация советской Северо-Кавказской армии — тогда наиболее многочисленной в составе вооруженных сил Красной армии, вступивших в решающую стадию борьбы с Добровольческой армией; 3. Наконец, решение продовольственных проблем Москвы и центра страны за счет ресурсов Кубани и

Северного Кавказа, путем вывоза через Царицын. С этой целью на Северный Кавказ были посланы Раскольников (известный уже нам мичман Балтийского флота Ильин), миссия которого заключалась в потоплении главных сил Черноморского флота, Шляпников и Сталин, как комиссары по продовольствию. Вопреки советской историографии, рисующей отъезд Сталина в качестве чуть ли не всесильного главнокомандующего на юге, из подлинной телеграфной переписки с Лениным и из выступления Ленина на IV конференции профсоюзов от 28 июня 1918 года со всей очевидностью ясно, что Сталин отправился на Северный Кавказ лишь в качестве одного из трех продовольственных и военных комиссаров.

Сталин прибыл в Царицын в июне 1918 года и несмотря на то, что Северо-Кавказская Красная армия вела в это время напряженные бои против Деникина, он, в отличие от Раскольникова, предпочел остаться в Царицыне.

В это время в районе Царицына собрались (вытесненные из Украины и Донской области) различные отряды, руководимые или партийцами, как, например, Рухимовичем, Межлауком, Ворошиловым, или выдвинувшимися из унтерофицерского состава старой армии партизанскими вождями, как, например, Думенко и Буденный. Как Северный Кавказ, так и Царицын скоро потеряли регулярную связь с главным руководством Красной армии, и Сталин, привезший с собой авторитет власти, попытался набрать себе удобных подчиненных, независимо от их способностей. В той атмосфере местного командования, где бывший военный фельдшер Сорокин, командовавший 11-ой армией, а Ворошилов — 10-ой, ревниво оберегали свой авторитет и создавали партизанскую обособленность, Сталин, защищая их от подчинения центральному аппарату, стремился подготовить себе преданных сторонников. Он усиленно нападал на военных специалистов, посылая Ленину телеграммы подобного рода: «Если бы наши военные специалисты (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия не была бы прорвана; и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им» (телеграмма от 17 июля 1918 года)[181]).

Подбирая и поощряя таких работников, как, например, Щаденко (бывший портной), Думенко (бывший казачий урядник, боевой командир, вскоре поднявший восстание с своей казачьей дивизией против большевиков), Жлоба (без-

дарный, но лихой казачий урядник, потерпевший позже со своим корпусом небывалый, даже в истории гражданской войны, разгром на Южном фронте), известный впоследствии Ока Иванович Городовиков и другие в этом роде, Ворошилов и Сталин стремились всячески оградить себя от вмешательства военных специалистов.

11 июля 1918 года Сталин снова телеграфировал Ленину:

«Дело не только в том, что наши специалисты психологически не способны к решительной борьбе с контрреволюцией, но также в том, что они, как «штабные» работники, умеющие лишь «чертить чертежи» и давать планы переформировки, абсолютно равнодушны к оперативным действиям . . . и вообще чувствуют себя как посторонние люди, гости»[182]).

Результаты сталинского руководства военными операциями на юге свелись к тому, что огромная одиннадцатая армия была разгромлена сравнительно небольшими силами Деникина, а сам ее командующий, фельдшер Сорокин, поднял в последний момент восстание. Десятая же армия Ворошилова была сжата легкими отрядами Краснова у Царицына, и в решающее время, осенью 1918 года, положение на юге было спасено лишь прямым вмешательством Ленина и Троцкого, подчинившими десятую армию командующему Южным фронтом, бывшему царскому генералу Сытину.

Приведем по этому поводу две телеграммы Ленину и ЦК, которые были посланы 5 и 6 октября 1918 года Троцким, находившимся в это время в Козлове, и главнокомандующим Вацетисом.

«Я категорически настаиваю на отзыве Сталина. На Царицынском фронте дела идут плохо, несмотря на наше огромное превосходство. Ворошилов способен командовать полком, а не армией в 50000 . . .»[183]) — телеграфировал в Москву Троцкий. На следующий день Вацетис телеграфировал прямо Ленину: «Военный приказ Сталина №118 должен быть отменен. Я передал все инструкции командующему Южным фронтом Сытину. Действия Сталина подрывают все мои планы . . . Главком Вацетис, член Реввоенсовета Данишевский»[184]).

Ленин через 10 дней телеграммой отозвал Сталина в Москву, Ворошилов был поставлен первоначально на равную ногу с прибывшим из центра Окуловым, но и этот ком-

промисс окончился неудачно: в декабре 1918 года он был окончательно отрешен от командования и переброшен, уже в качестве комиссара, на Украинский фронт. Шляпников, назначенный в октябре членом Военного совета 10-ой армии на место Сталина, вместе с новым командующим А. И. Егоровым, восстановил положение и постепенно помог командованию придать этой армии стройную военную организацию.

Лишенные права командования партийные вожди, из числа открытых и скрытых сторонников «военной оппозиции», стремились навязать командованию стиль работы партийных бюрократов.

Выполняя различные комиссарские должности, они естественно, видели свое место в тылу, в штабах, откуда им было удобнее вести свою партийно-полицейскую работу.

Долгие годы молчавший С. М. Буденный теперь не выдержал и в своих, недавно вышедших, мемуарах довольно ясно передает свои отношения с приданным ему осенью 1919 года в качестве члена Реввоенсовета 1-ой Конной армии К. Ворошиловым.

Во время успешного наступления против Деникина в декабре 1919 года, рассказывает Буденный — «Я приказал подать лошадей, собираясь вместе с Ворошиловым и Щаденко отправиться в передовые части, чтобы непосредственно руководить операцией по овладению Валуйками.

Когда лошади были поданы, я пригласил членов Реввоенсовета отправиться в действующие части. Однако мое предложение сначала было встречено отрицательно. — Семен Михайлович! — как всегда горячо заговорил Климент Ефремович, — Вы же командующий армией, а не командир партизанского отряда . . . Нет совершенно никакой нужды Вам и нам лично рубить шашкой. Мы имеем в своем распоряжении штаб армии, через который и давайте осуществлять руководство действующими частями . . .

— Нет, Климент Ефремович, вы как хотите, а я поеду, и не шашкой рубить, а руководить дивизиями на месте . . . Руководить Конармией сидя в штабе, по-моему, вообще значит не руководить»[185]).

В этом разговоре со всей ясностью выяснилось еще раз противоречие между военными и партийными взглядами на руководство армией. Противоречие это многогранно, и оно

проходит красной нитью через всю историю Красной, а потом Советской армии.

Эти и многие другие эпизоды из первого периода гражданской войны, были причиной многочисленных обид и недоразумений. Глубокая зависть партийного и партизанского командования к успехам таких бесспорно крупных полководцев из старого офицерского корпуса, как С. С. Каменев (б. командир 30-го Полтавского полка старой армии, полковник генерального штаба), А. И. Егоров (полковник генерального штаба), Корк (генерал-майор генерального штаба), Тухачевский (поручик Л. гв. Семеновского полка) и многие другие, вызывала не только политическую, но и личную оппозицию со стороны таких партийцев, неудачно попытавших военное счастье, как Сталин, Ворошилов, Рухимович, Каганович, Щаденко, Дыбенко, Межлаук, Орджоникидзе[186]).

Считаясь с действительностью, они не все посмели выступить на VIII съезде против Ленина и Троцкого, но их точка зрения впоследствии была сформулирована в так называемой «военной доктрине» Гусева и Фрунзе, представленной на X съезде.

Выступавшие на VIII съезде лидеры военной оппозиции — Смирнов, Сафронов, Е. Ярославский предлагали восстановить те отношения, которые имели место в Красной гвардии. Подробности подлинной дискуссии до сих пор неизвестны, ибо она была вынесена на особую секретную сессию съезда, материалы которой до сих пор не опубликованы. Известно лишь по ссылке, которую делает в своих «очерках» Е. Ярославский, что Ленин на этой секретной сессии заявил — без железной дисциплины, навязанной пролетариатом крестьянству, ничего не может быть достигнуто.

С другой стороны, Ленин, Троцкий и докладчик на съезде Сокольников всячески продолжали настаивать на сохранении дуализма в Красной армии. В составленных для съезда тезисах Троцкий повторял свою мысль, высказанную еще в речи в ЦИКе в июле 1918 года: «каждый военный специалист должен иметь и слева и справа по комиссару с револьвером в руке».

Таким образом, на съезде победила ленинская идея, что партия в качестве жандарма использует старый офицерский состав, который, в свою очередь под пистолетом комиссара, путем создания «железной дисциплины», гонит на фронт в основном крестьянскую Красную армию.

Со свойственной ему интуицией Троцкий во время гражданской войны схватил (или послушался своих военных советников) военные взгляды на руководство армией. Он всегда лично появлялся после поражения или во время кризисной обстановки на месте событий и, вникая в положение дел самостоятельно или с помощью своих советников, стремился найти правильное решение. То, что его выезды на фронт носили, по выражению члена Реввоенсовета Гусева, характер «великокняжеских поездок», относится уже к личному характеру Троцкого, но в то же время у него никак нельзя отнять, что в ряде случаев он действительно был организатором побед.

В отличие от Троцкого, Ленин за три года гражданской войны ни разу не выезжал на фронт, ни разу не наблюдал частей Красной армии в боевой обстановке. Правда, как мы знаем по событиям 1917 года ему не хватало личного мужества Троцкого. Ленин вносил в армию типичные приемы и методы партийного аппарата, методы, с которыми Сталин начинал войну 1941 года, а Гитлер кончал.

В гражданской войне Сталин в своем маленьком, сравнительно, масштабе — в 10-ой армии 1918 года и в Реввоенсовете Южного, а потом Юго-Западного фронтов в 1919—1920 гг., придерживался методов Ленина и чувствуя, конечно, свою неполноценность, накапливал в себе зависть и ненависть к предреввоенсовета Троцкому и к ряду таких комиссаров, которые следовали примеру последнего — Пятакову, Смилге, Муралову и др.

Разрастание гражданской войны и необходимость создавать многомиллионную армию заставило Ленина снова пересмотреть свою политику в отношении крестьянства.

Политика комбедов, рассматривавшая едва ли не половину крестьянства как «вампиров», была теперь отменена. «Смешивать средних крестьян с кулачеством, распространять на них в той или иной степени меры, направленные против кулачества — объявляла резолюция съезда «Об отношении к среднему крестьянству»[187]) — значит нарушать самым грубым образом не только все декреты Советской власти. . .» Комбеды были упразднены еще раньше.

Казалось бы, что Вешенское восстание на Дону зимой 1919 года и другие восстания в тылу Красной армии, равно как и переходы красноармейцев на сторону белых, принявшие массовый характер, подсказывали Деникину и Колчаку

(сменившему в ноябре 1918 года правительство «Директории», сформировавшееся на основе Комуча и сибирского правительства) необходимость выступить по крестьянскому вопросу. Деникин, которого лично никак нельзя упрекнуть в «реакционности», всегда был либерально настроен и его радикализм был настолько известен, что еще Временное правительство поспешило назначить его начальником штаба Верховного главнокомандующего в 1917 году. Он соглашался, что «надо закрепить за крестьянами земли, полученные в ходе революции»[188]). Но апрельская декларация 1917 года возглавляемого им Особого совещания была противоречива и говорила о выкупе по добровольному соглашению крестьянами земли у помещиков, хотя в принципе и признавала создание сильного класса крестьян-собственников.

Не справляясь со своим собственным тылом, а также не сумев обуздать реставраторские элементы, влившиеся в «вооруженные силы юга России» особенно после побед весной 1919 года, Деникин вынужден был констатировать в своем приказе от 22 июня 1919 года следующее положение на занимаемой его войсками территории:

«По дошедшим сведениям вслед за войсками при наступлении в очищенные от большевиков места являются владельцы, насильственно восстанавливающие, нередко при прямой поддержке воинских команд, свои нарушенные в разное время права, прибегая при этом к действиям, имеющим характер сведения счетов и мести . . . население, — писал Деникин, — будет видеть в войсках добровольческой армии не избавителей от произвола, а пристроенных заступников за интересы одного класса в ущерб другим»[189]).

Но слова генерала Деникина не сопровождались решительными действиями и крестьянство на юге быстро разочаровалось в добровольцах.

Адмирал Колчак тоже выпустил в апреле 1919 года декларацию о земле, где соглашался пока на право собирать урожай на обрабатываемой крестьянами земле, кому бы она раньше ни принадлежала, передавая общее решение по вопросу о земле будущему Учредительному собранию.

Несмотря на неумение использовать политически выгодную для них обстановку, армии Деникина и Колчака весной и летом 1919 года продолжали наступать. Их сила заключалась в той жертвенной, национально настроенной молодежи, которая составляла ядро их армий.

В партии это хорошо знали и понимали, хотя и продолжали по пропагандным причинам говорить о «помещиках и капиталистах».

«Из проходимцев армии строить нельзя, — писал в 1920 году К. Радек, — Деникин, Колчак, Юденич держались тем, что вокруг них собралось значительное количество искренно патриотически настроенной, честной молодежи, которая боролась против и верила, что хорошее дело защищает»[190]).

Ленин решил использовать в трудный для партии момент даже своих врагов из революционной демократии 1917 года в лице правых эсеров и меньшевиков, сохранивших, особенно среди рабочих, еще кое-где свое влияние.

Зимой 1919 года большевики предлагают легализацию и сотрудничество в советах правым эсерам, указывая на ликвидацию Брест-Литовского договора и опасность «реакции» справа.

Ленин знал достаточно хорошо представителей революционной демократии и умел играть на их ослепленном классовой идеологией сознании. Вожди Комуча действительно прибывают в Москву ради борьбы с Колчаком, в том числе такие видные эсеры, как — Вольский, Ракитников, Буревой, Светицкий. Только немногие, как, например, Зензинов и Авксентьев предпочитают эмигрировать за границу.

На VII съезде советов Ленин с триумфом говорил о Вольском — председателе Самарского комитета Учредительного собрания, которому большевики предоставили слово на этом съезде[191]).

Восстанавливается ненадолго и орган правых эсеров «Дело народа».

Такую же позицию, при поощрении Ленина, занимают и меньшевики. В «Социалистическом вестнике» от 12 марта 1936 года Ф. Дан писал об этом периоде: «... наша партия не только беспощадно исключала из своих рядов всех так или иначе прикосновенных к поддержке интервенции и вооруженной борьбы против большевиков (пример нынешний советский посол в Англии Майский), но мобилизовала своих членов для борьбы в рядах Красной армии против армии белой контрреволюции..., и что заявлению нашей партии в гражданской войне, сделанному на VII съезде советов в 1919 году товарищем Даном аплодировал, как специально отмечала тогдашняя большевистская пресса, «сам Ленин».

Ленин всегда в критические минуты умел отказы-

ваться от своих «принципиальных позиций» и в опасные месяцы 1919 года лишил белые армии значительной части общественной поддержки, создав иллюзию «единого фронта» против них. Впрочем этот «единый фронт» продержался недолго — с одержанием побед Красной армией союзники из революционной демократии (допущенные с правом «совещательного голоса» в советы) были снова загнаны в подполье.

К косвенным союзникам большевиков присоединился позже, осенью 1919 года, один из вождей той пресловутой Антанты, которая, согласно Ленину, осуществляла в этом своем втором походе интервенцию руками белых генералов.

«Адмирал Колчак и генерал Деникин, — говорил в своей речи в парламенте 17 ноября 1919 года английский премьер-министр Ллойд Джордж, — ведут борьбу не только за уничтожение большевиков и восстановление законности и порядка, но и за единую Россию . . . Не мне указывать соответствует ли этот лозунг политике Великобритании . . . Один из наших великих государственных людей, лорд Бьюконсфильд видел в огромной, великой и могучей России, катящейся подобно глетчеру по направлению Персии, Афганистана и Индии, самую грозную опасность для Великобританской империи».

Уже в самом начале 1920 года английское правительство предупредило генерала Деникина о прекращении своей поддержки.

ГЛАВА XVI

ПАРТИЙНАЯ СТРАТЕГИЯ МЕЖДУ ВНУТРЕННИМ ФРОНТОМ И ФРОНТОМ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Еще зимой 1919 года перед партией, казалось, открывались большие революционные перспективы: крушение блока центральных держав в мировой войне создало революционную ситуацию в Германии, Австрии, Венгрии.

Первая попытка коммунистического «Спартака» захватить власть в Берлине окончилась неудачей и гибелью его вождей — К. Либкнехта и Р. Люксембург.

Но после капитуляции Германии перед Красной армией открылась перспектива соединения с «будущей советской Германией»[192]). Следуя за уходящими немецкими войсками, Красная армия заняла в январе 1919 года Ригу и продвинулась в Белоруссию.

Еще важнее было провозглашение Советской республики в Венгрии 21 марта 1919 года. Во главе венгерского правительства оказался занимавший в Москве пост председателя «Федерации иностранных групп при ЦК РКП» (т. е. групп коммунистов, принятых преимущественно из состава интернациональных отрядов, о которых мы говорили выше) — бывший венгерский военнопленный Бела Кун.

Учитывая благоприятность обстановки, Ленин поспешил созвать I конгресс Коммунистического интернационала. 2 марта 1919 года в маленьком зале собралось несколько человек, свободно разместившихся за несколькими столами. Из видных иностранных коммунистов едва ли можно назвать кого-либо кроме поляка Мархлевского. Зато советская делегация состояла из Ленина, Троцкого, Зиновьева, Бухарина, Сталина, Воровского и Оболенского (Осинского).

I конгресс ограничился выбором председателя — Зиновьева и принятием ленинских тезисов в форме обращения «К трудящимся всего мира», где установление советской власти в Европе предсказывалось в самое ближайшее время. На

короткий период в стратегических планах Ленина и ЦК европейская перспектива затмила вопросы внутренней, гражданской войны.

Однако для выяснения причин провала новой революционной стратегии, нацеленной на Запад, необходимо вернуться к действительному положению Красной армии на Украине весной 1919 года.

Немцы уходили из Украины довольно беспрепятственно, если не считать столкновения с партизанскими соединениями, главным образом, Григорьева, Махно и Щорса.

Переименованные в регулярные соединения Украинской Красной армии части этих партизан и были первоначально главными силами назначенного командующим Украинским фронтом В. А. Антонова-Овсеенко. Банды Махно получили название «бригады Махно» и составили правый фланг советской группы войск Кожевникова, боровшейся с Добровольческой армией Деникина за Донбасс.

С отходом группы (особенно XIII советской армии) на север в июне, Махно самовольно остался у Деникина в тылу, чем оказал серьезную поддержку наступлению Красной армии осенью 1919 года.

III том «Истории гражданской войны», опубликованный Институтом марксизма-ленинизма в 1957 году, подробно описывает разгром греческих и французских войск, высадившихся весной 1919 года в южных портах, но упорно умалчивает, какие именно части взяли в марте Херсон и Николаев, а 6 апреля Одессу. Это была так называемая «2-ая Украинская армия» бывшего штабс-капитана и в то время партизана Григорьева. Уже в мае того же года Григорьев и его армия выступили против коммунистического режима, захватили большую территорию, главным образом на правой стороне Днепра, и повсеместно начали раздачу крестьянам совхозной (бывшие поместья) земли.

Выступление Григорьева и борьба с ним сорвала планы Ленина о вторжении в Румынию и Венгрию.

Наконец, необходимо отметить, что прославленная партийной пропагандой I-ая Украинская дивизия Щорса со своими «легендарными» героями — самим Щорсом и командиром Таращанского отряда (потом полка) Боженко, вовсе не являлась преданным партии соединением и в одном случае едва-едва была удержана от расправы с киевской Чека и украинской комунистической головкой. Случай этот, имевший ме-

сто в апреле 1919 года приводит сам командующий Антонов-Овсеенко, согласно полученной им телеграмме:

«Получена телеграмма от Щорса. Щорс, в свою очередь, получил ее от Боженко. Телеграмма говорит следующее: жена моя социалистка 23 лет. Убила ее Чека города Киева. Срочно телеграфируйте расследовать (так в подлиннике. — Н. Р.) о ее смерти, дайте ответ через три дня (иначе. — Н. Р.) выступим для расправы с Чекой. — Щорс добавил от себя «Прошу Вас сейчас же запросить председателя Чеки т. Лациса рассмотреть убийство жены т. Боженко и сообщить нам до 10 часов утра». Боженко, — пишет далее от себя Антонов-Овсеенко, — батька таращанцев, грозил походом с фронта на Киев, чтобы отомстить за свою кем-то подловато убитую жену. Затонский (член ЦК украинской компартии. — Н. Р.) с большим трудом успокоил «разбушевавшегося батьку», — пренебрежительно заканчивает свой рассказ командукр[193]).

Таким образом Украинская Красная армия состояла из частей, хотя и разгромивших сепаратистов Петлюры, но вовсе не сочувствовавших интернациональным коммунистическим проектам ни своего, ни центрального ЦК. Порой сама коммунистическая власть в Киеве, казалось, готова была рухнуть от малейшего нажима. Так, например, 10 апреля 1919 года, когда малоорганизованные крестьянские повстанцы ворвались было в Киев, как свидетельствует тот же командующий — Антонов-Овсеенко, «коммунистический полк» разбежался, члены его Военного совета — Бубнов и Ворошилов струсили и только Лацис и Пятаков бросились с отрядом особого назначения (той же Чека) на Подол и спасли положение[194]).

Этого положения на Украине не видели или не хотели видеть ни Троцкий, ни Ленин.

Революция на Западе оставалась главной целью в их глазах. Насколько этот мираж прочно владел их сознанием, видно хотя бы из того, что в самый критический для большевиков момент гражданской войны, когда Колчак еще не был разбит, а угроза со стороны Деникина надвинулась вплотную, важнейшим стратегическим направлением была признана Венгрия, где в это время, весной 1919 года, Бела Кун и Ракоши со своей группой удерживали власть.

В книгах по истории гражданской войны, опубликованных в тридцатых годах и позже, нигде нельзя найти прямого указания на то, что решение ленинского ЦК о направлении

удара Красной армии на Венгрию было отдано в качестве прямого приказа главнокомандующему Красной армией и командующему Украинского фронта.

В приложениях к книге одного из лучших историков гражданской войны, бывшего офицера генерального штаба Н. Какурина, приведены отрывки из материалов бывшего главкома Вацетиса, оказавшиеся доступными Какурину.

Какурин приводит секретную телеграмму главкома Вацетиса на имя Ленина и Троцкого, датированную 7 мая 1919 года и подписанную в Серпухове самим Вацетисом и членом Реввоенсовета Араловым. В этой телеграмме речь бесспорно идет о данной ранее директиве Ленина и Троцкого о наступлении на Будапешт и указывается на трудности, возникающие в связи с этим решением ЦК.

«В настоящее время, — гласит телеграмма, — Украинскому фронту поставлена задача продвижения через Буковину в сторону Будапешта, но эту задачу Украинский фронт решить не может за отсутствием таких войск, которым была бы по силам такая задача. Мои указания о необходимости создать стратегический резерв встретили заявление со стороны командующего Украинским фронтом Антонова-Овсеенко, что для создания такого резерва он должен будет очистить всю Украину . . .»

И далее:

«Ввиду того, что на Украинском фронте командование вряд ли в состоянии справиться с задачей продвижения к Будапешту . . . я предлагал бы необходимым назначить командующему Украинским фронтом помощника, дать ему для этой цели опытного и во всех отношениях подготовленного для широкой стратегической, организационной и мобилизационной работы гражданина генерального штаба» . . .[195]).

«Гражданин» генерального штаба для организации наступления на Будапешт и разжигания мировой революции на Западе был найден в лице офицера царской армии Озерова, ставшего начальником штаба Антонова-Овсеенко.

Сам командующий Украинским фронтом В. А. Антонов-Овсеенко в своих воспоминаниях вполне подтверждает сообщение Н. Какурина.

«В начале мая, — пишет он, — перед Украинским фронтом встали две основные задачи: помощь Донбасу и помощь советской Венгрии. Обе задачи были поставлены нам центром (о них имелось указание и от Ильича)»[196]).

В распоряжение наркомвоен. Украины Подвойского и командукра Антонова-Овсеенко были посланы части 3-ей интернациональной дивизии (отряд Фекете), которые должны были быть развернуты в 3-ю и 4-ю украинские дивизии.

«Части эти — свидетельствует Антонов-Овсеенко — были сформированы из румын и мадьяров для похода в помощь Венгрии»[197]).

Их, преимущественно венгерский, личный состав (из бывших военнопленных) был недоволен, что вместо того, чтобы попасть в Венгрию, отряд Фекете был брошен на подавление восстания Григорьева. Венгры из интернациональной дивизии буйствовали на Украине и восстанавливали против себя население.

«К этому прибавляется — как стыдливо замечает Антонов-Овсеенко — избыток революционной энергии у таких командиров, как Фекете»[198]).

Весеннее наступление Добровольческой армии генерала Деникина на Донбасс сорвало стратегические замыслы ленинского Центрального Комитета о походе на Будапешт и тем самым, объективно, избавило румынский, польский и венгерский народы от порабощения их в данный период коммунистической диктатурой.

После летних неудач Южного фронта Красной армии он был разделен на Южный и Юго-Западный, и новым главнокомандующим Юго-Западного фронта в августе месяце 1919 года был назначен А. И. Егоров, который совместно с новым главнокомандующим С. С. Каменевым разработал и провел орловско-курскую операцию в октябре 1919 года.

Срыв стратегических замыслов Ленина и Троцкого в отношении Румынии, Польши и Венгрии в 1919 году не был ни в коей мере оценен ни генеральными штабами, ни правительствами этих стран.

В решающие октябрьские дни, во время ожесточенной борьбы под Орлом, когда командование Юго-Западным фронтом в лице А. И. Егорова снимало одну за другой дивизии с Западного фронта, а именно с обращенного против поляков фаса 12-ой Советской армии (45-ая и 46-ая дивизии, кроме того Латышская дивизия и другие части Западного фронта), бросая их на решающем Орловско-Севском направлении, польское командование не проявило никакой активности.

А в то же время, как пишет Какурин, общая обстановка

именно в этот момент предоставляла полякам возможность легко достигнуть той цели, ради которой они с таким упорством воевали в течение 1920 года. Как указывает Какурин, «полякам для этого необходимо было сделать осенью 1919 года маленькое усилие, и тем не менее польская стратегия не сделала этого усилия . . .

Предоставляя бело-польским военным историкам с исчерпывающей полнотой осветить этот вопрос, мы лично полагаем, — пишет Какурин, — что диаметральная противоположность целей внешней политики правительства генерала Деникина и маршала Пилсудского была главной причиной такого бездействия бело-польской стратегии»[199]).

Таким образом, один из лучших советских знатоков истории гражданской войны, пользовавшийся всеми советскими военными архивами, фактически опровергает партийный тезис о том, что как белые армии, так и польское правительство были лишь орудием в руках Англии и Франции, осуществляя якобы единый стратегический план под названием Второго похода Антанты[200]).

Много знавший Карл Радек в своем откровенном докладе 8 мая 1920 года полностью подтвердил эти выводы:

«Само собой понятно, — заявил он, — что если бы поляки двинулись против нас, когда Юденич стоял в шести верстах от Петрограда, а Деникин у Орла, если бы в тот момент поляки захватили бы Смоленск, Полоцк, Витебск и двинулись бы по направлению к Москве, то, может быть, мы были бы побеждены».

«Почему же, — спрашивает Радек, — поляки не двинулись против Советской России, когда Деникин стоял у Орла?»

«Они не пошли потому, — отвечает он, — что белые генералы, очутившись у власти . . . должны были бы начать войну со всех сторон, чтобы оглушить народ великими победами. И поляки, стоя с оружием в руках, начали с нами тайные переговоры и заявили нам линию, через которую они не перейдут»[201]).

Радек не сомневается в патриотизме Деникина. Но в 1920 году партия видела в патриотизме скорее вредное и опасное для ее существования и стратегических планов явление. Внешнеполитические причины неудачи наступления Деникина и вся искусственность построения пропагандных заявлений о «Втором походе Антанты» видна из изложения

событий генералом Деникиным, в общем полностью совпадающим с фактами, которые приводит Какурин, Антонов-Овсеенко и Радек.

В 1937 году генерал Деникин выпустил специальную брошюру, посвященную вопросу политики Пилсудского в решающий момент борьбы на Южном фронте.

«Предпринимая наступление на Киев, — пишет генерал Деникин, — я предлагал польскому командованию, чтобы оно продвинуло войска только до Верхнего Днепра, в общем направлении на Мозырь . . .»[202]).

Целью предложения Деникина было окружение находившейся в районе Житомир—Киев 12-ой Советской армии, что в свою очередь выводило киевскую группировку Добровольческой армии на Брянское направление, где сосредоточивалась ударная группа советского Южного фронта.

В то время, как польский генерал Карницкий заверял в ставке Деникина в Таганроге в стремлении своего правительства и командования сговориться по военным вопросам с генералом Деникиным, Пилсудский послал своего неофициального представителя к находившемуся во главе «миссии Красного креста» «непременному члену Коминтерна» Мархлевскому, которого хорошо знал по совместной революционной работе в довоенные годы.

Заявление Пилсудского, сообщенное через Мархлевского советскому правительству — «содействие Деникину в его борьбе против большевиков не соответствует польским государственным интересам . . .» — позволило советскому командованию начать переброску частей с Западного фронта под Орел.

Позже заслугу победы над Деникиным приписывали себе в ходе внутрипартийной борьбы и Троцкий и Сталин.

Дискуссия о стратегических решениях на Восточном и Южном фронтах, превращенная сталинскими апологетами в борьбу «с троцкистской гидрой», была в действительности спором главкома Иакима Иакимовича Вацетиса с командующим Восточным фронтом Сергеем Сергеевичем Каменевым. Вацетис и Каменев, оба полковники генерального штаба старой армии, отличились в мировой войне. С. С. Каменев командовал в старой армии 30-м Полтавским полком, Вацетис — одним из латышских батальонов на рижских позициях. Каждый из полковников, оба бесспорно одаренные в области стратегии, как отмечает Троцкий, вовлекли в конфликт

между собой окружающих их комиссаров и высших представителей партии . Если за Вацетисом стояли Троцкий, Склянский и другие члены Реввоенсовета, то Каменев обладал полной поддержкой членов Революционного совета Восточного фронта — Лашевича, Смилги и Гусева, находившихся под его явным влиянием. После весенних побед 1919 года эти представители партии торжественно пили со своим командующим на «ты» и писали восторженные рапорты в ЦК, предлагая С. С. Каменева в главнокомандующие. Как сообщает Троцкий, Реввоенсовет Восточного фронта энергично поддерживал Сталин, конечно, не забывший своего позорного удаления из Царицына в предыдущем году, в чем он, не без основания, мог обвинять не только Троцкого, но и Вацетиса.

Среди командующих армиями, подчиненных С. С. Каменеву, были вступившие в 1918 году в партию поручик Л. Гв. Семеновского полка М. Н. Тухачевский, бесспорно самый талантливый из всех командующих армиями, командующий 2-й армией бывший полковник генерального штаба Шорин и лишь позже здесь начал выдвигаться посланный на южный участок Восточного фронта Фрунзе.

Вацетис сумел в значительной степени подчинить своему влиянию в области стратегических вопросов члена Реввоенсовета Аралова, самого Троцкого и в особенности решающую за кулисами личность — Склянского. Ленин тоже предпочитал Вацетиса и, как свидетельствует Троцкий, характеризовал доклады Каменева «более чем остро», в одном случае назвав его стратегические рекомендации «глупыми и местами безграмотными»[203]).

Интриги вокруг поста главнокомандующего внезапно кончились тем, что Вацетис был арестован по обвинению в соучастии в заговоре офицеров главного штаба против советской власти. Неосновательность этого обвинения вскоре была доказана и бывшего главнокомандующего поспешили сделать профессором Академии генерального штаба, но весьма вероятно, что этот ход, осуществленный через Дзержинского, был направлен против Троцкого Сталиным и его сторонниками.

Каменев, приняв главное командование, в июле 1919 года начал переброску частей с Восточного фронта на Южный и в силу удобства транспорта и быстроты перевозок сосредоточивал их на восточном фланге Южного фронта в соста-

ве группы Шорина. Наступление этой группы в направлении Царицын—Дон было упреждено Деникиным и успеха не имело. Каменев настаивал на продолжении выполнения своего плана, в то время как наступление Деникина на Орел—Курск вызывало все большую и большую тревогу в партийном центре — Москве.

Разумеется Сталин тоже посылал истерические телеграммы о подкреплениях, но никакого плана «разгрома Деникина» отнюдь не вырабатывал.

На заседании 14 сентября 1919 года Политбюро в составе Ленина, Троцкого, Каменева и Крестинского решило поручить Троцкому передать Каменеву директиву взять Курск.

К этому времени Каменев начал сосредоточивать ударную группу к западу от Орла из прибывающих частей с Западного фронта (Юго-Западный фронт под командованием Егорова), а силы, сосредоточенные ранее у Шорина, в том числе I-й Конный корпус Буденного и 8-ю армию, нацелил во фланг Добровольческой армии — на Воронеж и Касторную. Таким образом сложился «план разгрома Деникина». Троцкий лично участвовал в сосредоточении этих групп на фронте и накануне наступления, когда все было подготовлено, уехал на Петроградский фронт. Сталин, находившийся в штабе Юго-Западного фронта при Егорове, не мог охватить весь этот план, так как знал его подготовку лишь в своем местном масштабе.

Позже стремление использовать события на фронте, развивавшиеся независимо от Сталина, в интересах внутрипартийной борьбы, привело к грандиозной фальсификации истории.

Еще до неудачи московского наступления генерала Деникина, потерпели полное поражение армии адмирала Колчака. К марту 1920 года армия Деникина перестала существовать и только небольшая ее часть, главным образом состоявшая из добровольческих соединений, закрепилась в Крыму. Внимание Ленина и большинства ЦК снова перенеслось на запад — туда, где, как им казалось, находятся главные силы социализма (в лице германских рабочих) и видны наибольшие перспективы в деле создания европейских советских правительств, без которых они не мыслили еще прочного построения однопартийного коммунистического режима в России.

ГЛАВА XVII

ВОЙНА С ПОЛЬШЕЙ И ДОКТРИНА ВНЕСЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ ИЗВНЕ

Какие планы подготовлялись Лениным и большинством ЦК в связи с польской войной, как понимались дальнейшие стратегические цели на практике, можно видеть из письма командующего Западным фронтом М. Н. Тухачевского, написанного 18 июля 1920 года в Смоленске в связи со II Конгрессом Коминтерна. В разгар продвижения армий Западного фронта на Варшаву, Тухачевский обратился к председателю Коминтерна Зиновьеву с предложением «... теперь же создать генеральный штаб III коммунистического Интернационала..., учитывая неминуемость мировой гражданской войны в ближайшее время»[204]).

Не следует забывать, что членом Военного совета Западного фронта был близкий к идеям Троцкого кандидат в тогдашнее «узкое» ЦК Смилга, а сам Троцкий сразу после (цитированного нами) доклада в Москве выехал в начале мая на Западный фронт и, разумеется, обращение Тухачевского не могло не быть согласовано с ним, хотя Троцкий впоследствии, уже в 1921 году, высказывал сожаление, что письмо Тухачевского поторопились опубликовать.

Но кто в июле 1920 года мог предполагать, что через месяц произойдет «Чудо на Висле»... Ведь в конце августа Западный фронт должен был выйти со своими армиями в Польский коридор, т. е. на границу Германии, и Тухачевский имел все основания торопить Зиновьева, когда писал ему по поводу генерального штаба III Интернационала:

«Обстановка не позволяет затягивать этого дела. Мы стоим накануне мировой гражданской войны, руководитель которой со стороны пролетариата будет коммунистический интернационал. Органы Военного управления нелегко подготовить, а поэтому надо теперь же усиленно взяться за их создание»[205]).

Идея создания генерального штаба III Интернационала вытекала из доктрины «внесения революции извне», путем вторжения Красной армии в страны, где захват власти коммунистической партией должен был быть осуществлен в первую очередь. В связи с польской войной, явившейся первым большим опытом осуществления этой доктрины, следует остановиться на ее основных положениях, разработанных М. Н. Тухачевским летом 1920 года в специальной работе, так прямо и названной им — «Революция извне»[206]).

«В общем захват государственной власти в буржуазной стране — писал Тухачевский — может идти двумя путями: во-первых, путем вооруженного восстания и... — во-вторых, вооруженного действия со стороны пролетарского государства... Оба эти случая имеют одинаковую задачу — спешит прибавить командующий Западным фронтом — произвести социальную революцию, а поэтому должны быть равноценны...»[207]).

Тухачевский, подчеркивая равноценность обоих путей захвата государственной власти, по своему положению, конечно, выдвигает вариант вторжения извне (указывая, что в этом случае снимаются громадные трудности подготовки революционного восстания), а также справедливо отмечает растущую силу современных государственных аппаратов, с их полицией, армией и т. д., преодоление которых становится для восставших все труднее и труднее. Он подчеркивает преимущество военного наступления Красной армии — «в пределы соседнего буржуазного государства, которое может низложить там власть буржуазии и передать диктатуру в руки пролетариата»[208]).

Вторжение «в пределы соседнего буржуазного государства» Тухачевский называет «наступательной социалистической войной»[209]).

Конечно, он надеется, что «по самому своему смыслу, как революция извне, социалистическое наступление должно сопровождаться непрерывным и прогрессивным увеличением своих сил за счет местных революционных средств», ибо «в общем ведение социалистической войны должно явиться продолжением революционной работы коммунистов другого государства, если сложившиеся там условия не позволяют развиваться революции самостоятельно»[210]).

Тухачевский достаточно осторожен и признает, что «наступательная социалистическая война осложняется нацио-

нальным вопросом»[211]) и, кроме того, она требует выяснения ряда вопросов как-то: «определение военных средств для наступления . . , учет средств как людских, так и материальных, которые наступающий сможет впитать в себя из освобожденных районов». Тухачевский отмечает, что это уже чисто военная работа коммунистического Интернационала или «лучше сказать его генерального штаба»[212]).

В заключение изложения своей доктрины «внесения революции извне», Тухачевский старается доказать, что она является прямым продолжением учения Маркса о диктатуре пролетариата и «исследует военные формы и средства, которыми восставший пролетариат защищает и распространяет свою диктатуру . . .»[213]).

Главные же положения «классовой стратегии» автор доктрины бесспорно берет от своего партийного начальства, формулируя их так:

«Война может быть окончена лишь завоеванием всемирной диктатуры пролетариата, так как социалистическому острову мировая буржуазия не дает существовать спокойно».

«Из первого положения следует, что государство . . . ставит себе политическую цель в войне не сообразно со своими вооруженными силами и средствами, а, наоборот, должно создать себе достаточные силы для завоевания буржуазных государств всего мира». (Из этой формулировки со всей очевидностью ясно, что Тухачевский хорошо сознавал противоречие между коммунистической стратегией и стратегией, отвечающей национальным интересам России. — Н. Р.).

«Социалистический остров никогда не будет иметь с буржуазным государством мирных границ. Это всегда будет фронт, хотя и в скрытом виде»[214]).

Мы остановились на малоизвестной ныне работе Тухачевского, не только потому, что он был назначен весной 1920 года командующим Западным фронтом, но и потому, что он ярче и точнее других высказал те идеи, которые в 1920 году безусловно разделялись большинством ЦК во главе с Лениным.

Троцкий не расставался до самого конца своей партийной деятельности с этими идеями. Второй тезис Тухачевского — о соответствии вооруженных сил — всплыл в иной форме, когда правые боролись с Троцким, а потом со Сталиным против темпов сверхиндустриализации.

Наконец, нетрудно увидеть, что все эти тезисы Туха-

чевского были положены в основу политики Сталина с приходом его к единоличной диктатуре.

Доктрина внесения революции извне, разработанная М. Н. Тухачевским в связи с планами 1920 года, осталась на вооружении коммунистической партии, несмотря на расстрел ее автора. В связи с утратой коммунистическими партиями во всем мире революционного, динамического духа, она сделалась при Сталине основным методом расширения политического господства коммунистической системы, как на восток, так и на запад от Советского Союза.

Классическим примером ее неудачного применения служит советско-финская война 1939-1940 гг., когда было сформировано финское коммунистическое правительство О. Кусинена и бутафорская, наряженная в свою форму «Народная финская армия». Характерно, что несмотря на неудачу 1939-1940 гг., Карельская АССР с подавляющим русским населением была переименована в Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику и тем самым были декларированы претензии на «неизбежное объединение» с «белофиннами».

Вторая мировая война создала исключительно выгодные предпосылки для создания коммунистических государственных систем в странах, оказавшихся на стратегических путях наступления Советской армии. Можно смело утверждать, что установление коммунистической власти в Польше, Румынии, Болгарии, Венгрии и др. странах Европы было проведено по рецептам, впервые сформулированным Тухачевским.

Влияние идей М. Тухачевского (высказанных в его письме к Зиновьеву) явно сказалось уже на вышедшей тогда же брошюре Л. Каменева, где Л. Каменев определил наступающий период:

«. . . когда наряду со всеми официальными правительствами Европы существует еще одно правительство, правительство восставшего рабочего класса. Оно называется III-й, Коммунистический Интернационал. Его задача заключается в непосредственном низвержении всех буржуазных правительств Европы. Его метод — метод боевых действий. Он есть генеральный штаб армии пролетариата, которая идет в наступление . . .

III-й Интернационал противопоставляет себя не только теориям буржуазных экономистов и политиков, но он про-

тивопоставляет себя вооруженной силе буржуазной Европы. Поэтому существует такая тесная связь между первым пролетарским государством — Советской Россией — и III-м, Коммунистическим Интернационалом. Один без другого существовать не может. Советская Россия в III-м Интернационале имеет своего защитника, тот боевой щит, которым она прикрывается от удара, III-й Интернационал имеет в Советской России свою первую крепость, из бойниц которой он обстреливает весь капиталистический мир»[215]).

Подобных высказываний есть немало у Ленина, Троцкого, Зиновьева, Сталина и других.

Стратегические цели польской войны исходили совершенно очевидно из доктрины внесения революции извне, как бы этого ни отрицали впоследствии и Ленин и Троцкий (последний, впрочем, утверждал лишь позже, что он с самого начала считал их недостижимыми, что опровергают приводимые нами ниже материалы). Главным инициатором кампании был бесспорно Ленин. Как сообщает Троцкий, его поддерживали Зиновьев, Сталин, Каменев и другие[216]). Против наступательной войны в Польше был лишь Рыков, поддержанный Томским, но они оба не были тогда членами Политбюро.

До сих пор не опубликованы материалы и протоколы заседаний Политбюро и ЦК, касавшиеся польской войны. До сих пор не опубликованы протоколы того заседания X съезда партии, где обсуждались результаты польского похода[217]).

Большинство в Политбюро видело в качестве основной стратегической задачи — продвижение главных сил Красной армии вплотную к немецким и венгерским границам. Вторжение в польский коридор, отделивший от Германии Восточную Пруссию и предоставлявший идеальные возможности для непосредственного давления на Берлин, являлось существенной частью стратегического плана для Западного фронта под командованием Тухачевского.

В руководстве ЦК подавляющее большинство верило, что в случае непосредственного контакта германских и венгерских коммунистов с главными силами Красной армии революция в Германии и повторная революция в Венгрии совершенно неизбежны.

На пути разрешения этих главнейших задач, стоявших перед коммунистической диктатурой, была Польша. К. Радек, в то время официальный выразитель взглядов и реше-

ний Политбюро, недвусмысленно формулировал эти главные задачи коммунистической стратегии следующим образом: после польской войны, войны первого этапа, «исторической необходимостью» станут «национальные войны» второго этапа. Эти войны против стран Антанты «будут иметь целью освобождение территории, на которой живет германский пролетариат или венгерский пролетариат, подготовленный уже ходом событий к рабочей диктатуре»[218]).

В брошюре, изданной на основе доклада Радека перед агитаторами Московской организации РКП(б) 8 мая 1920 года, говорится, что после достижения главной политической цели — «победы пролетариата в Германии и Венгрии», во втором этапе войны «соединяются национальные и социальные цели», так как после Версальского мира война «за собирание всей территории германской или венгерской нации в руках диктатуры германского или венгерского пролетариата» ставит себе национальные цели.

Едва ли можно после этих приведенных нами формулировок Радека оспаривать, что политические цели войны первого этапа против Польши преследовали установление в Польше коммунистического режима. В той же речи, носившей явно инструктивный характер, Радек следующим образом формулирует ближайшие цели.

«Товарищи, теперь в начале войны ... мы не выдвигаем никакого официального лозунга, не говорим, что мы будем заключать мир только с советской Польшей, с рабоче-крестьянской Польшей ... Но если польское белогвардейское правительство навяжет нам эту войну до конца ... и польские рабочие скажут: «надо устранить преступную клику польских помещиков и капиталистов, которые не хотели быть соседями Советской России», то нет места для белогвардейской Польши»[219]).

После всех этих достаточно прозрачных намеков, Радек закончил свой доклад совершенно ясным тезисом: «Лозунг Советской Польши, Рабоче-крестьянской Польши будет лозунгом .., который встретит Красную армию на границе Польши, встретит как лозунг широчайших народных масс в самой Польше» (подчеркнуто К. Радеком. — Н. Р.)[220]).

Таким образом превращение Польши в коммунистический сателлит, подчинение ее коммунистической диктатуре являлось первой промежуточной задачей наступившей войны.

Что именно эти две задачи — революция в Германии и Венгрии, как главная, и превращение Польши в коммунистический сателлит, как промежуточная — Политбюро и ЦК ставили в первых числах мая 1920 года, со всей очевидностью доказывает официозный доклад Л. Троцкого на объединенном заседании ЦИКа, Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов и правлений профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов 5 мая 1920 года.

В этом докладе Троцкий с предельной ясностью формулирует обе задачи:

«Белогвардейская Польша, угнетающая польский пролетариат, который связан с петроградским и московским пролетариатом десятилетиями совместной революционной борьбы, — эта белогвардейская Польша стремится между нами и Европой воздвигнуть барьер... А мы стремимся на Запад, навстречу европейскому пролетариату, который знает, что мы можем с ним встретиться не иначе, как только над трупом белогвардейской Польши, в свободной и независимой рабоче-крестьянской Польше» (бурные аплодисменты)[221]).

«Если бы Польша стала советской, — писал позже Ленин с сожалением, — если бы варшавские рабочие получили помощь от Советской России, которую они ждали и которую приветствовали, Версальский мир был бы разрушен и вся международная система, которая завоевана победами над Германией, разрушилась. Франция не имела бы тогда буфера, ограждающего Германию от Советской России»[222]).

Стратегическое развертывание Западного фронта и общий план войны с Польшей, даже при самом беглом ознакомлении, полностью подтверждают, что приведенные выше высказывания Ленина, Радека и Троцкого были не их личным мнением, а решением ЦК. На Западном фронте ударная группировка в составе 4-ой, 3-ей и 15-ой армий и Конного корпуса Гая была сосредоточена Тухачевским на узком фронте Глубокое—Докшица, откуда и бросилась отнюдь не на Варшаву, а севернее, к устью Вислы. Осуществленный уже стратегический прорыв (авангарды Гая переправились через Вислу ниже Плоцка) в Польский коридор мог дать одновременно, как результат второго порядка, и тактическое окружение главных польских сил в районе Варшавы. Однако совершенно очевидно, что в ущерб этой главной задаче — выход в пространство к Данцигу—Шнайдемюль — были ослаб-

лены силы, наступавшие на средней Висле, — 16-ая армия и Мозырьская группа, против которых и обрушился контрудар Пилсудского.

Командующий Юго-Западным фронтом Егоров в своей стратегии также преследовал основную политическую задачу и поэтому 14-я армия и 1-я Конная Буденного были нацелены на Львов с последующим выходом к венгерской границе. Только тогда, когда обнаружился польский контрудар, главное командование Красной армии в лице С. С. Каменева попыталось организовать взаимодействие обоих фронтов, направив 1-ю Конную на фронт Замостье—Томашев и объединив их под общим командованием Тухачевского. Реввоенсовет Юго-Западного фронта в лице Сталина и Ворошилова всячески препятствовал исполнению этого приказа, упорно преследуя главную стратегическую задачу своего фронта — Львов.

В этом отсутствии взаимодействия и в политическом давлении на командующих фронтами и следует искать причину катастрофы Красной армии на Висле 1920 года: если Смилга и Уншлихт, члены совета Западного фронта, давили на Тухачевского, с целью как можно скорее разрешить главную стратегическую задачу — выход к германской границе, в ущерб второстепенной — окружению и взятию Варшавы, то Сталин давил на Егорова, стремясь как можно скорее, в ущерб даже общему положению на фронте, выйти на подступы к венгерской границе.

В своей книге, вышедшей в 1929 году, Егоров осторожно замечает, что он выполнял задачи, поставленные перед го фронтом, и не мог по собственной инициативе направить свои главные силы на разгром поляков к югу от Варшавы.

В неопубликованной речи на закрытом заседании X съезда Сталин обвинил Смилгу, что последний обманул ЦК, «обещав взять Варшаву к определенному сроку». Сталин оправдывал свои действия, и особенно роковую для всей кампании задержку 1-ой Конной армии на Львовском направлении, тем, что Смилга своим обещанием определил общее положение, как позволяющее продолжать выполнение поставленных ранее стратегических задач[223]).

Троцкий и Смилга возражали Сталину, указывая, что в сложившейся обстановке Юго-Западный фронт должен был, прежде всего, выполнять директивы главкома и, судя по Троцкому, Ленин, знавший, что обе стороны в какой-то сте-

пени правы, выступил с примирительных позиций, указав, что ЦК не возлагает ни на кого персональной ответственности за катастрофу[224]).

Только этот краткий обзор стратегических планов польской кампании может показать причину, почему Вейган (французский генерал), фактически управлявший штабом Пилсудского, смог использовать обстановку в августе 1920 года, нанеся удар по второстепенным силам Красной армии от Люблина, и выйти во фланг и тыл далеко зашедшей на запад ударной группе армий Тухачевского.

Основная причина неудачи вторжения крылась в неосновательности коммунистической классовой стратегической доктрины, недооценившей национального подъема в Польше, хотя Ленин упрямо повторял, что «мы не сумели добраться до промышленного пролетариата Польши (и в этом одна из главных причин нашего поражения) . . .»[225]).

В действительности была еще одна причина, быть может, имевшая решающее значение из-за наступления армии генерала Врангеля, — командование Красной армии не смогло сосредоточить на Западном фронте всех намеченных войск и даже не смогло перебросить на польский фронт особых польских соединений, которые, по выражению Тухачевского, должны были нести «жандармскую службу» при намеченном правительстве Ф. Э. Дзержинского.

Как мы уже упоминали в предыдущей главе, в Москве, а также на Южном фронте, находились польские части со значительной интернациональной прослойкой (состоявшей, главным образом, из китайцев, но также из немцев, венгров и чехов). На базе этих частей, в особенности на основе 1-го Варшавского революционного полка, осенью 1918 года была сформирована польская «Западная дивизия» трехбригадного состава со штабом в Москве. К зиме 1918-1919 гг. эта дивизия, следуя за уходящими немцами, продвинулась в составе Литовской (позже переименованной в XVI-ю) армии в район Барановичи—Лида.

Имея в виду развязывание революции на Западе, Троцкий от имени Реввоенсовета республики предложил весной 1919 года польской компартии начать формирование польской армии на территории России. В этот период в Минске были созданы особые польские курсы красных командиров. Но обстановка, сложившаяся весной 1919 года, не дала возможности Реввоенсовету осуществить свои планы как в от-

ношении Венгрии, так и Польши. Польские войска генерала Галлера не только остановили наступление XVI-ой армии, но и сумели оттеснить «Западную дивизию» в глубину Белоруссии. Уже 8 августа 1919 года ими был занят Минск.

Это наступление поляков обнаружило несостоятельность ставки на «пролетарскую польскую армию», без поддержки достаточных сил Красной армии, на которые она могла бы опереться. Таковых, в связи с наступлением армий Колчака и Деникина весной 1919 года, не было.

В июне 1919 года «Западная дивизия», польская, была переименована в 52-ю дивизию Красной армии. В результате занятия поляками выжидательного положения во время наступления под Орлом, она была, как и многие другие части Западного фронта, переброшена на Южный фронт, где в составе XIII-ой армии участвовала в операциях против Деникина, а потом Врангеля.

Как известно, в 1920 году эта дивизия под командованием Германовича, совместно с 51-ой дивизией Блюхера и Латышской дивизией, форсировала Днепр и создала знаменитый Каховский плацдарм, а в ноябре того же года, совместно с 15-ой дивизией, перешла через Сиваш, чем была решена участь Крыма.

Таким образом, 52-ая дивизия, как и многие другие части, предназначенные на Западный фронт, завязла на Южном фронте и этот пример еще раз показывает, какое значение имел Врангель в деле спасения Польши от разгрома летом 1920 года.

В то же время, в конце июня, под эгидой Реввоенсовета Западного фронта в Белостоке был организован «Временный польский революционный комитет» или «Польревком» под председательством одного из основателей Коминтерна Ю. Мархлевского. Этот зародыш будущего польского правительства начал формирование 1-ой Польской Красной армии, в которую и должна была войти, как ядро, 52-я дивизия[226]).

Сталин и Егоров, не передав дивизию из состава Юго-Западного фронта, нарушили планы Тухачевского и Смилги, как мы видим, не только тем, что не выполнили приказ главкома С. С. Каменева о нацеливании 1-ой Конной армии на Люблин, но и тем, что сорвали формирование 1-ой Польской армии.

Подобно тому, как Добровольческая армия генерала Де-

никина опрокинула планы Ленина о вторжении в Румынию и Венгрию весной 1919 года, так наступление армии генерала Врангеля было важнейшим фактором в срыве планов о «внесении революции извне в Польшу и Германию» летом 1920 года.

Только осенью 1920 года, когда с Польшей велись уже переговоры о мире, Ленин и ЦК оценили значение этого, как им казалось, второстепенного внутреннего фронта и партия поспешила выкинуть лозунг — «все на Врангеля». Однако, если коммунистическая историография предпочитает молчать о значении гражданской войны в России, как основного фактора, спасшего на долгий период европейские народы от навязывания им коммунистического режима, то и западные историки предпочитают не видеть главной причины многолетней «передышки».

В октябре 1920 года, перебросив свежие силы с Западного фронта, в том числе 14-ую армию, Красная армия перешла в наступление и Крым вскоре пал. Пятимиллионная регулярная Красная армия выполнила свои главные задачи на внутреннем фронте. Белые армии не сумели использовать благоприятной для них политической обстановки 1918 — начала 1919 года, а в 1920 году их силы сравнительно с силами Красной армии были ничтожны. Генерал Врангель, предприняв летом 1920 года наступление в северную Таврию, расстратил в непрерывных боях свои лучшие кадры и лишил себя тем самым, быть может, еще возможного последнего шанса — выждать в Крыму до 1921 года, когда политическая обстановка (Кронштадт, восстание Антонова, восстание в Сибири и др.) могла снова сложиться благоприятно для национальных сил, если бы они, конечно, более решительно отбросили надежду на реставрацию и частичное восстановление социальных и имущественных привилегий старого господствующего слоя.

Гражданская война закончилась небывалыми зверствами, учиненными прибывшей вслед за армией в Крым ЧК под начальством Бела Куна, неудачливого главы кратковременной коммунистической диктатуры в Венгрии.

Необходимо отметить, что части Красной армии, занявшие Крым, не участвовали в происходившей кровавой вакханалии и даже мало знали о ней. Даже в частях 1-ой Конной армии замечалась тенденция укрывать от ЧК сдавшихся противников. Так, например, весной 1919 года, после заня-

тия Новороссийска, 1-ая Конная вобрала в свой состав немало белых офицеров и солдат, оставшихся на Кубани после хаотической эвакуации остатков армии генерала Деникина. Даже французский генерал Вейган не без удивления отмечает, что в составе вторгшейся в Польшу Красной армии было немало бывших белых офицеров и солдат. Теперь в Крыму, накануне демобилизации, прием в части бывших противников, как широко распространенный способ сохранения им жизни, был не только затруднен, но и строжайше запрещен.

Бела Кун совместно с начальником политотдела VI армии Землячкой (С. Залкинд), назначенной после занятия Крыма секретарем Крымского областного бюро партии, организовали массовые расстрелы тысяч представителей российской интеллигенции, десятков тысяч солдат и офицеров Белой армии, предпочитавших добровольную сдачу уходу в эмиграцию и поверивших многократным заявлениям советского правительства об амнистии.

В одном Симферополе сразу после его занятия в ноябре 1920 года было расстреляно 8 000 военнослужащих, добровольно явившихся на объявленную Землячкой так называемую «регистрацию».

Террор, к которому много раз призывал Ленин, не брезгавший и в своей публицистической деятельности, в качестве аргумента, угрозами расстрела, начался сразу после Октябрьского переворота и применялся во время выборов в Учредительное собрание, прежде всего, против кадетов. Уже тогда многие члены кадетской партии были посажены в тюрьму в качестве заложников и частично погибли впоследствии. Зверски были убиты в госпитале, выбранные депутатами в Учредительное собрание, видные члены кадетской партии Шингарев и Кокошкин.

С особой силой вспыхнул коммунистический террор в России после восстания левых эсеров в июле 1918 года. С этого времени и до конца гражданской войны вакханалия убийств, часто сопряженных с различными пытками и зверствами, идет непрерывными волнами. «Можно быть различных мнений о красном терроре, — писал в феврале 1919 года известный большевик Ольминский, открывший VI съезд партии, — но то, что сейчас творится в провинции, это не красный террор, а сплошная уголовщина»[227]).

Террор отнюдь не был направлен лишь против правых

партий и представителей высших сословий старой России. Он в гораздо большей степени распространялся на ту половину российского крестьянства, которую Ленин назвал «вампирами», и на рабочих, иногда еще пытавшихся протестовать на митингах и устраивать забастовки, законность и легальность которых ни у кого не вызывала сомнений в период между февралем и октябрем 1917 года.

Жестокие репрессии, аресты и расстрелы имели место на Тульских заводах весной 1919 года, где рабочий день фактически дошел до 10 часов и где в связи с голодом была объявлена забастовка.

В марте 1919 года в Астрахани началась забастовка, которая вскоре охватила весь город. 10-тысячный рабочий митинг был расстрелян из винтовок и пулеметов. Троцкий распорядился «расправляться беспощадно», и в дни 12, 13, 14 марта несколько тысяч рабочих было расстреляно. Руководили этой кровавой бойней Чугунов и С. М. Киров. На событиях в Петрограде и Кронштадте мы остановимся ниже.

Коммунистическая печать всегда стремилась представить свои карательные органы в качестве некоего непогрешимого ордена. Не говоря уже о провинции, в самой Москве в ЧК подвизались элементы с темным прошлым и часто психически не нормальные. Неоднократно арестовываемый в годы гражданской войны известный историк С. П. Мельгунов, близко наблюдавший органы ЧК в Москве, писал:

«Несмотря на заявления Дзержинского о «кристальной чистоте органов ЧК», там оказалось много бандитов, темных людей и особенно из того особого прикрывающегося лозунгами анархизма полууголовного мира, который всплыл на поверхность в 1917 году, хотя бы в случае с дачей Дурново. Бесспорно большую роль играли латыши. В московской ЧК из 2000 сотрудников $^{2}/_{3}$ в 1919 году были латышами»[228]).

Часть третья

ГЛАВА XVIII

КРИЗИС В ПАРТИИ

В 1920-1921 гг. не только верхушка партии, но и ее вождь переживали тяжелый кризис. Встречи с западноевропейским пролетариатом «над трупом белогвардейской Польши» не произошло.

Посылка в Берлин в марте 1921 года вернувшегося из Венгрии Бела Куна (с целым штабом и с директивой Зиновьева, что, исходя из революционной ситуации в Германии, германская коммунистическая партия должна захватить власть) напоминала скорее жест отчаяния.

Несмотря на призывы газеты «Rote Fahne» («Красное знамя») к революции и захват 24 марта заводов Leuna, а также нескольких административных центров в Лейпциге, Гамбурге и других городах, подавляющее большинство немецких рабочих даже не отозвалось на призыв ко всеобщей забастовке.

Политический анализ положения в Германии, сделанный Зиновьевым, себя не оправдал. Он исходил из чаемого, а не действительного. Вождь германской компартии Пауль Леви назвал мартовские решения ИККИ авантюризмом «дешевых политиков» из Коминтерна и был за это исключен из партии.

Коммунистический Робин Гуд Германии — Макс Гельц — оказался в тюрьме, и Зиновьев поспешил назвать его именем один из заводов Петрограда.

События в Германии не нашли никакого отклика в стране. На юге и в Сибири ширились крестьянские восстания и целые области выходили из-под контроля партии.

Деревня, ограбленная продразверсткой, голодала почти так же, как и города, и не могла кормить пятимиллионную Красную армию, переведенную частично на положение «трудармии».

Промышленность, кроме некоторых военных заводов,

почти не работала, транспорт был в самом катастрофическом состоянии, — больше половины паровозов вышли из строя.

Первоначально, еще в 1920 году, Ленин надеялся поправить положение путем введения в промышленности и на транспорте централизованных, военных методов руководства, с перенесением на всех рабочих и служащих правил военной дисциплины по образцу «трудармии».

Для проведения этого замысла, завершающего, в сущности, «военный коммунизм», Ленин намечал Троцкого. Ведь недаром Троцкий именно в это время (см. его брошюру «Терроризм и коммунизм») увлекался идеей единого экономического плана, введением повсюду в промышленности и сельском хозяйстве единоначалия, переводом на военную ногу не только рабочих, но и профсоюзов.

Троцкий не терял надежды на «перманентное» развитие революции на Западе, не терял надежды (по крайней мере, до катастрофы на Висле в августе-сентябре 1920 года) на «внесение революции извне», и поэтому идея концентрации всех усилий, мобилизации всех ресурсов страны, не считаясь с ее состоянием, была ему особенно близка.

В 1920 году Троцкий в дополнение к своим военным функциям получает пост наркома транспорта и через Главполитпуть и железнодорожные политотделы начинает насаждать военные методы управления на транспорте. Вскоре ему подчиняют и водный транспорт. И уже на IX съезде Оболенский высказывает опасение, что Троцкий готовит план распространения своих методов на всю промышленность, тем самым становясь не только военным, но и экономическим диктатором страны.

Сосредоточение в руках Троцкого огромной власти, как в области военной, так и хозяйственной, вызвало серьезные опасения, прежде всего, у его собственных коллег по ЦК партии. Не следует забывать также, что Оргбюро, избранное сразу после IX съезда, состояло из Сталина, Рыкова, Крестинского, Серебрякова и Преображенского. Сталин, будучи членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта, фактически в работе Оргбюро не участвовал, а Рыков целиком ушел в работу по снабжению армии. Таким образом, вопросами перемещений и назначений в партии (причем, независимо от Политбюро) ведали ближайшие друзья Троцкого — Крестинский,

Серебряков и Преображенский[229]). Все они — члены ЦК и его секретариата.

Когда в августе 1920 года Троцкий, в дополнение ко всем своим должностям, сделался и главой Цектрана (Центральный комитет работников транспорта), где он начал не только смещать и перемещать, под угрозой ареста, партийных работников, но и «перетирать их с песочком», старый профсоюзный работник Томский, от имени ЦК профсоюзов, открыто выступил против методов Троцкого.

В то же время Зиновьев и его петроградская клика, опасаясь слишком большого влияния Троцкого, начала кампанию против предреввоенсовета Республики в Петрограде и Кронштадте. Они нашли готовую почву для нападения на Троцкого в недовольстве моряков политуправлением Балтфлота и потребовали подчинения его Петроградскому губкому партии.

Зиновьев знал, что он всегда сможет рассчитывать на поддержку Сталина и его, обиженных Троцким, друзей из военной оппозиции, равно как и многих других военных работников партии, накопивших немало обид на бестактного и порой весьма резкого предреввоенсовета.

Так зародились два блока, фактически уже в 1920 году начавшие борьбу за ленинское наследство. Зиновьев умело использовал в своей кампании против Троцкого лозунги о демократизации внутрипартийной жизни, свободе внутрипартийной критики, обосновывая свои требования тем, что гражданская война окончилась. Этим он еще раз подчеркивал несвоевременность «военных методов» Троцкого.

Кризис в партии разразился со всей силой, когда 2 ноября 1920 года Троцкий выступил на Всероссийской конференции профсоюзов, резко настаивая на своей точке зрения. Если сразу после IX съезда партии — весной-летом 1920 года — Ленин готов был поддерживать Троцкого, то теперь он стал склоняться к Зиновьеву, за которым, казалось, было большинство. Он предпочитал свалить на Троцкого вину в том, в чем его сам раньше поддерживал.

Ленин, вероятно, имел скорее всего в виду именно выступление Троцкого на Всероссийском съезде профсоюзов, когда два года спустя, 25 декабря 1922 года, писал в своем завещании:

«... тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только вы-

дающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела»[230]).

2 ноября перед профсоюзными работниками Троцкий заявил о необходимости перестроить работу профсоюзов, подчинить ее задачам данного момента и, прежде всего, подобрать, т. е. назначить, новый руководящий состав.

Троцкий «хватил» через край; сразу после его речи в партии началась лихорадочная дискуссия по вопросу о взаимоотношениях с профсоюзами и о роли последних.

Ленин не на шутку испугался, почуяв в дискуссии опасность не только для партии как таковой, но и для ее диктатуры в стране. Он готов был видеть в дискуссии чуть ли не «конец советской власти»[231]).

Попытка остановить дискуссию путем нахождения компромисса в ЦК не удалась. 8-9 ноября 1920 года на заседаниях ЦК по вопросу Цектрана 7 членов ЦК голосовало за линию Троцкого, 8, в том числе и Ленин, — за линию Зиновьева. Пришлось искать нового компромисса, и в ЦК была выбрана комиссия в составе Зиновьева, Томского, Рыкова, Рудзутака и Троцкого для выработки резолюции по вопросам, связанным с профсоюзами. Троцкий, видя, что он остался в комиссии один против четырех, отказался от участия в ее работах.

В то же время Ленин, исправив тезисы Рудзутака, предложенные им комиссии, лишь умело спрятал в них доминирующую роль партии, с которой он, как и Троцкий, вовсе не хотел расставаться. Он наполнил тезисы мало что практически значащими словами вроде «профсоюзы — школа управления . . . школа коммунизма». Отказываясь от «военных» методов «голого командования»[232]), Ленин признавал, что «партия .. . безусловно направляет» всю работу профсоюзов.

Троцкий несколько смягчил свои требования в плане «огосударствления» профсоюзов, а то, что профсоюзы должны были оставаться послушным инструментом в руках партии, было совершенно ясно и из тезисов Рудзутака-Ленина. С помощью Бухарина точки зрения, в сущности, настолько сблизились, что на X съезде бывшие противники выступили уже единым фронтом против «рабочей оппозиции».

В то же время, Ленин, приняв тезисы Рудзутака, выки-

нул, однако, из них положение о том, что профсоюзам должен быть частично передан контроль над промышленностью. Он признавал выборы, но, конечно, под полным контролем партии. В остальном тезисы Рудзутака-Ленина, принятые на X съезде, лишь по форме отличались от тезисов Троцкого. Говоря о воспитательной роли профсоюзов, связывающей их с партией, они ничего не говорили о таких правах (пусть даже под контролем партии выбранных) профсоюзов, как право контроля и управления промышленностью, право защищать социальные и материальные интересы рабочих, право выдвижения кандидатов на административно-хозяйственные должности и т. д.

Обходя все эти вопросы и сводя роль профсоюзов к неопределенной формуле — «приводной ремень партии к массам», Ленин был озабочен лишь одной мыслью — сохранить и в этой области, области, где возможна инициатива рабочих, полное господство своей партии.

Он проводил свою мысль «тактично», маскируя словами о выборах откровенные требования Троцкого о полном переводе профсоюзов на службу партии, их «огосударствление» в условиях диктатуры партии в стране.

В ходе дискуссии Зиновьев, использовавший ее в своей личной борьбе с Троцким, привлек к комиссии ЦК наиболее последовательных противников Троцкого — Шляпникова и Лутовинова.

Шляпников, Лутовинов, Киселев были теми немногими старыми партийными работниками, которые действительно имели связи с рабочими еще до революции. Теперь они возглавляли главнейшие профессиональные союзы, такие как Союз металлистов — Шляпников, Союз горнорабочих — Киселев, и другие.

Они опубликовали 25 января 1921 года свои тезисы, существенно отличавшиеся от тезисов Рудзутака-Ленина, Троцкого и других. В этих тезисах, сразу примиривших на X съезде Троцкого с Лениным, они писали, в частности:

«Переход от существующей теперь системы бюрократического управления хозяйством, оторванным от самодеятельности трудовых масс, необходимо совершать организованно и начать с укрепления низших ячеек профессиональных и производительных союзов, как фабричные, заводские рабочие комитеты и выше, ставя целью подготовку их к непосредственному управлению хозяйством . . .»[233]).

Рассчитывая действительно передать профсоюзам хозяйственные функции управления промышленностью, резолюция требовала:

«Ни одно лицо не должно быть назначаемо на административно-хозяйственный пост помимо Союза . . .»[234]).

Что же касается высшего органа управления, то тезисы выдвигали идею, которая больше всего испугала Ленина:

«Организация управления всем народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей, объединенных в профессиональные и производительные союзы, который избирает органы, управляющие народным хозяйством республики»[235]).

Вопросы, поднятые Шляпниковым и его единомышленниками из рабочей оппозиции, можно свести к попытке разрешить следующую основную проблему: как, сохраняя диктатуру партии, обеспечить ей реальную, подлинную поддержку со стороны рабочих и отчасти крестьян, оставаясь в целом в рамках советского государства. Рассматривая взгляды рабочей оппозиции и ее лидера Шляпникова, не следует упускать из виду, что Шляпников видел еще в это время в диктатуре партии действительно «коммунистическую политику рабочих». Требования демократизации и восстановления выборного начала рабочей оппозицией относятся лишь к внутрипартийной демократии и к объединенным в профсоюзы рабочим.

Еще в 1919 году на IX съезде Шляпников представил тезисы о «Взаимоотношениях РКП с Советами и производственными союзами», где он старался доказать, что «мелкий деревенский товаропроизводитель, т. е. бедняк и середняк, а также и городской ремесленник поддерживали пролетариат в его борьбе против помещика и крупного капиталиста»[236]). Иначе говоря, Шляпников напоминает, что поддержка части населения, полученная во время гражданской войны, была оказана не под влиянием программы коммунистической партии, а из страха перед реставрацией.

«Поддержка — пишет далее Шляпников — находилась, находится и теперь, в состоянии постоянных колебаний. Только непосредственная угроза возврата к прошлому удерживала и удерживает эти массы от прямой измены делу пролетарской революции»[237]).

Шляпников оказался прав. Угроза «изменить» партийной диктатуре обнаружилась полностью в конце 1920 — на-

чале 1921 года в многочисленных крестьянских восстаниях, в рабочих забастовках, в кронштадтских событиях.

Предвидя нэп, Шляпников в тезисах рабочей оппозиции, опубликованных в «Правде» от 25 января 1918 года, писал:

«Приспособление (подчеркнуто Шляпниковым. — Н. Р.) партии к противоречивым социальным интересам влечет за собой неустойчивость и уступки то одной, то другой социальной группе населения...» Эта неустойчивость, продолжает он, «усиливается по мере отожествления партии с исполнительными советскими аппаратами»[238]).

Другими словами Шляпников говорит, что большевистская партия, став правящей партией, осуществив свою диктатуру в стране, превратилась в аппарат этой диктатуры и отошла от своей догматической, классовой, по замыслу, сущности, начала приспособляться к обстановке в стране, главным образом ради удержания своего господства над ней. Это положение верно, но Шляпников, продолжая жить в мире марксистской догматики, принимает претензию партии на монопольное представительство пролетариата за действительность и оперирует ею, как историческим фактом.

Основанием для тезисов Шляпникова служило положение, создавшееся в советах и в профсоюзах. Если на положении профсоюзов мы уже останавливались, говоря о дискуссии, то положение советов было не лучше. К 1921 году последние, еще остававшиеся в качестве эпигонов, представители других социалистических партий окончательно исчезли из советов. Общее положение, в целом мало менявшееся после разгрома левых эсеров в 1918 году, можно охарактеризовать словами Е. Ярославского, хотя они и относятся к 1929 году:

«Погоня за тем, чтобы в Советах во что бы то ни стало было возможно больше коммунистов... создало такое положение, когда... участие крестьян на выборах в советы выражалось в самых ничтожных цифрах. Большинство населения в выборах не участвовало» (подчеркнуто Ярославским. — Н. Р.)[239]).

Коллонтай, выпустившая накануне X съезда брошюру «Рабочая оппозиция» лишь признавала факты, когда писала, что в РСФСР «рабочий класс является единственным классом, который влачит каторжное, позорно-жалкое существование»...[240]).

Рабочая оппозиция в своих выступлениях в печати и на собраниях требовала прекращения практики «назначенчества» в профсоюзы, ликвидации бюрократического «завинчивания гаек» и «перетряхивания» отдельных профсоюзов, чем занимался не один только Троцкий (в «Профсоюзе транспортных рабочих»).

С другой стороны, рабочая оппозиция требовала изменить государственный аппарат, выдвигая, в сущности, корпоративную идею «осоюзивания государства», со всероссийским съездом производителей во главе.

Рабочая оппозиция, говоря о партии, отбрасывает теперь оправдывающие партийную диктатуру демагогические термины и понятия как «авангард рабочего класса», «передовой отряд», которые так любил употреблять Ленин. Она устами Коллонтай заявила, что «только профсоюзы, производственные организации представляют наиболее четкое и рельефное выражение интересов рабочего класса»[241]).

Коллонтай предлагала, чтобы рабочие через профсоюзы взяли из рук партийных бюрократов управление промышленностью и государственным аппаратом.

«Партийных страх — писала она — перед критикой, свободой мнений убивает всякую возможность свободной дискуссии и вместе с ней всякую инициативу и самодеятельность в партии»[242]).

То же самое говорил на собрании 30 декабря 1920 года Шляпников:

«Организованные производители заинтересованы не в том, чтобы подчинить себя бюрократии, а как раз обратно — в использовании хозяйственного и всякого иного государственного аппарата в интересах трудящихся»[243]).

Главным аргументом Ленина и большинства ЦК против рабочей оппозиции было требование единства в партии, требование пожертвовать всем ради «максимума сплочения».

Шляпников, Коллонтай, Медведев и другие представители рабочей оппозиции не отрицали необходимости «сплочения», но настаивали на осуществлении его путем свободной дискуссии, усиления связи между верхушкой и ее массами, говорили о восстановлении в партии того единства действий, которое было до прихода ее к власти. Эти методы они противопоставляли централистическим, бюрократическим, как тогда любили выражаться «военным» методам, которыми пользовался ЦК в отношении рядовых членов партии. От-

вечая Ленину, Шляпников на утреннем заседании 9 марта 1921 года (X съезд) заявил:

«Товарищ Ленин нам, представителям рабочей оппозиции, вчера бросил с этой трибуны вопрос, все ли товарищи из рабочей оппозиции разделяют мнение некоторых рабочих о том, что сейчас нам необходим максимум сплочения? Я думаю, что среди нас нет ни одного, который отрицал бы необходимость этой сплоченности . . , но как мало, товарищи, только признания этой формальной необходимости. Мы должны констатировать, что несмотря на существующее единство у нас в партии нет органической связи между членами этой партии и руководящими органами ее. Мы, Владимир Ильич, не имеем в нашей партии той былой спайки, которая у нас имелась в прошлом . . . И странно, товарищи, что эта оторванность происходит в тот момент, когда партия располагает всеми техническими средствами — и радио, и почтой, и телеграфом, и тысячами партийных работников, советским аппаратом и все же внутри-то партии нет той былой спайки, которая наблюдалась нами, скажем, не так давно, и в 1914 году и в 1917 году. Помните вы, Владимир Ильич, когда вы не были даже в России, каждая нотка, каждая написанная нелегальная маленькая бумажка приносилась тогда в наши партийные организации . . . и спайка, единство мысли и чувств, все это было у нас налицо. Теперь этого нет»[244]).

На X съезде в марте 1921 года Ленину под гром кронштадтских пушек удается провести одновременно со знаменитой резолюцией «О единстве партии», резолюцию «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии».

Характерно, что резолюция была проведена, когда около 200 делегатов уже уехало в Петроград и на Волгу в связи с Кронштадтским восстанием и волнениями в Поволжье. Накануне, 15 марта, были проведены выборы в ЦК, причем членами были выбраны также лидеры рабочей оппозиции Шляпников и Кутузов, а кандидатом в ЦК Киселев.

Шляпников понял, что после принятия обеих резолюций он оказался пленником в ЦК. Но было уже поздно, — его отставка не была принята съездом.

Надо сказать, что и после съезда Шляпников не сразу сдал свои позиции. В мае 1921 года коммунистическая «фракция» Союза металлистов проголосовала 120 голосами против (40 «за») кандидатов ЦК на руководство Союзом.

Но это была последняя «победа» рабочей оппозиции. Вопреки голосованию новое руководство пришло к власти в Союзе металлистов, а Шляпников был послан за границу.

В августе Шляпников позволил себе резкую критику по поводу декрета о передаче в концессию иностранным капиталистам ряда промышленных предприятий. Ленин не мог этого вытерпеть и поставил вопрос об исключении Шляпникова не только из ЦК, но и вообще из партии. Из доклада председателя Центральной контрольной комиссии Сольца на XI съезде РКП(б) видно, что судьба Шляпникова была решена на пленуме ЦК одним голосом. 17 из 27 присутствовавших членов ЦК голосовало за предложение Ленина исключить Шляпникова из партии, а 10 было против; таким образом не хватало всего лишь 1 голоса для необходимых, согласно резолюции X съезда, $^2/_3$ для исключения Шляпникова[245]).

Шляпников, Медведев, Коллонтай и другие члены рабочей оппозиции — всего 22 — подписали заявление и обратились с жалобой на бюрократический зажим в профсоюзах, падение рабочей инициативы в партии и на отношение ЦК к представителям рабочей оппозиции . . . в Коминтерн.

Там дело было передано комиссии во главе с Кораловым, но и эта комиссия после Шляпникова поспешила выслушать председателя Коминтерна Зиновьева, Троцкого и др. Затем дело перешло снова к Сольцу, который поспешил начать настоящее следствие над «22».

В результате, Шляпников был еще раз предупрежден, что «малейшее выступление в раскольническом духе вызовет исключение его из партии»[246]).

Рабочая оппозиция распалась, на XI съезде партии ее представителям уже не дали выступить.

Чтобы яснее представить себе положение рабочей оппозиции после X съезда обратимся кратко к истории входившей в нее «рабочей группы» Г. Мясникова. Формально эта группа возникла несколько позже, уже после исключения из партии Г. Мясникова и Кузнецова, в 1922-1923 гг., главным образом на Урале и в Петрограде. Во время X съезда и после него эта группа состояла из членов партии, представлявших рабочую оппозицию на ряде петроградских и уральских заводов. Взгляды «рабочей группы» Мясникова сводились к требованию восстановления советов «такими, какими они были в 1917-1918 гг.», т. е. выборными, но не на основании всеобщего и равного для всех избирательного права, а по

производственному признаку в городах и территориальному в деревне и в армии. Практически выборы в советы происходили бы в двух степенях, т. е. избранные местные советы выбирали бы своих делегатов в центральные. Эта система выборов, по сравнению с практикой, установившейся во время военного коммунизма, казалась верхом демократии. Группа Мясникова требовала, таким образом, частичной свободы для всех тех, кто имел право выбирать советы. Группа выступала и против «добровольно-принудительной» организации коммун, артелей, кооперативов в деревне и против всевозможных (жилых, промышленных, ремесленных) коммун в городе, указывая, что она не против них в принципе, а лишь против практики их бюрократического осуществления, выражавшегося, по словам Мясникова, в «надевании хомута с хвоста»[247]).

В своем письме в ЦК, вскоре после конца X съезда, Мясников писал:

«После того, как мы подавили сопротивление эксплуататоров и конституировались как единственная власть в стране, мы должны: провозгласить свободу слова и печати, которой не имел в мире еще никто — от монархистов до анархистов включительно»[248]).

Ленин и ЦК обсуждали письмо Мясникова и вынесли постановление:

«Признать тезисы т. Мясникова несовместимыми с интересами партии. Вменить в обязанность т. Мясникову на официальных партийных собраниях со своими тезисами не выступать»[249]).

Видимо в связи с этим решением, Ленин, ценивший Мясникова за его свирепую расправу со всеми противниками большевизма в Перми в 1918-1919 гг. и, быть может, опасавшийся разоблачений роли ЦК в организации зверского убийства вел. кн. Михаила Александровича, написал Мясникову письмо (август 1921 года), где, между прочим, писал: «Вы дали себя подавить известному числу печальных и горьких фактов и потеряли способность трезво учесть силы . . .»[250]).

Мясников совершил «непозволительную бестактность» по отношению к вождю: — «Писать вам сейчас ответ — ответил он — нет времени. Поеду на завод Мотовилиху (Пермь. — Н. Р.) и оттуда пришлю ответ».

Мясников все-таки выступал со своими тезисами на Мо-

товилиховском и других заводах в Перми. К сожалению, подлинник его ответа Ленину никогда не был опубликован. Из отрывков, цитируемых Ярославским, видно, как он, вслед за Шляпниковым, прямо указывал Ленину на то, что партийная диктатура ничего не имеет общего с русскими рабочими 1921 года. В частности, в этом письме он писал: «Не верите вы в силу рабочего класса. Не верите вы в его классовую логику, а верите в чиновников. Это ваша беда»[251]).

Ленин после этого письма немедленно исключил Мясникова из партии. Тогда Мясников совместно с Кузнецовым организовали «рабочую группу», поставив своей главной целью борьбу не против партии, а против диктатуры в ней чиновников-бюрократов. «Рабочая группа» пыталась призвать рабочих на Урале ко всеобщей забастовке и рассылала свой манифест по заводам и партийным организациям. Большого успеха она не имела и ее руководство было арестовано ГПУ в конце 1923 года.

Быть может, «рабочая группа», как и рабочая оппозиция в целом, могла бы иметь больший успех, если бы не личные качества ее руководителей. Моральный облик Мясникова ярко обрисовывается его деятельностью в бытность его председателем Пермского областного комитета совета рабочих депутатов в 1918 году. Исполнитель убийства вел. кн. Михаила Александровича, по придуманному в Москве плану инсценировки «побега», Мясников, по характеристике одного из секретарей Пермского комитета партии Карнаухова, был «человек кровожадный, озлобленный, вряд ли нормальный»[252]).

Характерно, что впоследствии Мясников и не думал скрывать совершенного под его руководством убийства великого князя. В своей оппозиционной брошюре, изданной в 1921 году, он писал: «если я хожу на воле, то потому, что я коммунист пятнадцать лет ... и ко всему тому меня знает рабочая масса, а если бы этого не было ... где бы я был? — в ЧК или больше того: меня бы «бежали», как некогда я «бежал» Михаила Романова, как «бежали» Розу Люксембург и К. Либкнехта»[253]).

Естественно, что рабочие массы активно выступавшие в период 1921-1923 гг. (забастовки в Одессе, Петрограде и других городах) и недовольные ленинской политикой не могли быть увлечены «рабочей группой», во главе которой стояли люди мясниковского морального облика.

В тот же период, в начале 1922 года, под несомненным влиянием рабочей оппозиции, в Москве образовалась группа «Рабочая правда». Эта группа, целиком партийная, состояла, главным образом, из откомандированных на «партийную учебу» молодых членов партии, отличившихся в гражданской войне. Группа «Рабочей правды» тоже хотела встать на «классовые позиции» рабочих, обосновывая свою платформу марксистским пониманием развития капиталистической «формации». Исходя из этих позиций, группа видела в нэпе, кроме частного сектора, главным образом, сектор государственного капитализма. Отсюда она рассматривала диктатуру партии как носителя и выразителя государственного капитализма и считала необходимым призывать рабочих на защиту своих «классовых интересов». Группа была вскоре арестована органами ОГПУ.

Мясников, исключенный из партии, оказался в 1928 году за границей и вернулся в СССР из Парижа в 1945 году при маловыясненных обстоятельствах. О нем ничего с тех пор неизвестно.

В конечном же счете нельзя забывать, что рабочая оппозиция и ее эпигоны требовали не социальной справедливости для всего народа, а свободы в рамках партии, свободы лишь для самих себя. Рабочие не могли этого не почувствовать и их симпатии в тот период склонялись больше к лозунгам кронштадтцев, чем к Шляпникову, Мясникову и их последователям.

ГЛАВА XIX

КРОНШТАДТ

Прошло ровно четыре года со времени Февральской революции. Измученные голодом и холодом петроградские рабочие, продолжали работать почти исключительно на вооружение, хотя гражданская война уже закончилась. Многие фабрики и заводы или вообще были закрыты, или были пущены в ход, а затем снова остановили производство из-за недостатка топлива. В громадном городе, где четыре года назад насчитывалось почти 3 миллиона населения, к весне 1921 года осталось едва 800 тысяч.

Для оставшегося населения единственным средством избегнуть голода были поездки в деревню, и ряд заводов организованно посылал группы своих рабочих в ближайшие и дальние деревни для меновой торговли на хлеб. Но такие группы и отдельных рабочих арестовывали специальные «кордонные» отряды ЧК как в самих деревнях, так и, главным образом, на железных дорогах.

Теперь особенно бросалась в глаза разница между февралем 1917 года и февралем 1921 года. Стояние в хвостах за хлебом и сахаром перед Февральской революцией было ничтожным испытанием по сравнению с голодной зимой 1920-1921 гг. Но никакая критика власти, даже едва напоминающая ту, которая раздавалась с Думской трибуны, больше не допускалась. Аресты, расстрелы без суда — под общим штампом «за контрреволюционную деятельность» — были ежедневной практикой Чрезвычайной комиссии Петрограда, где под руководством Бакаева, а потом Н. Комарова орудовали такие маньяки и садисты, как, например, Дулкисс, Константинов и другие.

Но несмотря на все испытания, память о тогда еще недавних событиях Февральской революции, была сильна среди рабочих Петрограда. Естественно, что существовавшие трудности концентрировали внимание рабочих и всего на-

селения на деятельности Петроградского совета. А в то же время, к 1921 году, Петроградский совет под эгидой Зиновьева окончательно перестал быть органом рабочего представительства, сделавшись частью исполнительного аппарата партии, органом диктатуры партии над рабочими.

В частности, Петроградский совет издал драконовский приказ об арестах и карах для всех выезжающих из города для обмена личных вещей на продукты. В ответ на это распоряжение на ряде заводов возникли стихийные митинги, на которых рабочие требовали, наряду с урегулированием продовольственного вопроса, восстановления той относительной свободы, которая была у них отнята за предшествующие 2-3 года. Были выставлены требования о прекращении террора, о свободе слова и печати и о свободном переизбрании советов, т. е. о возвращении советам всех прав, которые они имели после Февральской революции.

В одной из листовок, расклеенных на стенах домов 27 февраля, выставлялись требования «полной смены политики правительства», «отмены осадного положения», «свободы слова, печати и собраний для всех трудящихся», освобождения всех арестованных социалистов и беспартийных работников».

Еще раньше, 24 февраля, началась забастовка на Трубочном и Балтийском заводах. Большой митинг, собранный забастовщиками на Васильевском острове, был разогнан курсантами военных училищ. Но на следующий день забастовка не прекратилась и забастовщики послали своих делегатов в Адмиралтейские доки, около Галерной улицы, и на соседний судостроительный завод (потом им. Марти). Делегаты призывали организовать совместную демонстрацию. Эта демонстрация, однако, была разогнана теми же курсантами в самом ее начале.

Харктерно, что, в отличие от 1917 года, в 1921 году большевики уже больше не рассматривают моряков как свою главную силу. В борьбе с рабочим движением 1921 года партия опирается на отряды ЧК и на воинскую силу курсантов — тогдашнее название офицерских училищ, силу, крепкую отнюдь не своей приверженностью к партии, а железной воинской дисциплиной. Организованные Троцким курсы строились по образцам прежних военных училищ и имели в своем составе много преподавателей и командиров из той части старого кадрового офицерства, которое подоб-

но М. Тухачевскому, С. Каменеву и многим другим твердо решило связать свою военную карьеру с большевистской диктатурой.

После разгона демонстрации курсантами, ЧК произвела многочисленные аресты. Несмотря на это Трубочный завод продолжал забастовку. 26 февраля на собрании Петроградского совета, член Реввоенсовета и фактически глава военных сил Петроградского округа, Лашевич объявил рабочих Трубочного завода «шкурниками и контрреволюционерами» и совместно с Зиновьевым (как всегда перепугавшимся) огласил решение о локауте на Трубочном заводе. В условиях 1921 года локаут означал лишение всех рабочих этого завода не только работы, но и продовольственных карточек, — иначе говоря, главари Петроградского совета вынесли рабочим приговор равнозначный голодной смерти.

События в Петрограде и жестокая расправа с рабочими не остались незамеченными в Кронштадте. Вернувшиеся из города моряки линейного корабля «Петропавловск» созвали 28 февраля митинг, на котором приняли участие моряки других кораблей линейной бригады. На митинге была принята резолюция. Главнейшие пункты ее были следующие:

— Немедленное переизбрание советов на основе тайного голосования со свободной предвыборной агитацией, — «имея в виду факт, что настоящие советы не представляют воли рабочих и крестьян».

— Свобода слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистических партий.

— Свобода собраний, профсоюзов и т. д.

— Освобождение всех политических заключенных, принадлежащих к социалистическим партиям, а также всех рабочих, крестьян, солдат и моряков, арестованных в связи с рабочим движением.

— Ликвидация политотделов на основании того, что единственная партия не может одна заниматься пропагандой своих идей и получать на это средства от государства.

— Ликвидация всех и всякого рода коммунистических особых отрядов и воинских частей особого назначения.

Резолюция призывает также немедленно собрать беспартийную конференцию рабочих, солдат и моряков Петроградского совета, Кронштадта и Петроградской губернии, для решения вопросов о труде и установления свободно избранной власти.

По инициативе моряков бригады линейных кораблей на следующий день в Кронштадте на Якорной площади, по традиции 1917 года, собрался общий митинг, где участвовали, помимо моряков, солдаты Кронштадтского гарнизона и рабочие кронштадтских верфей. На этот митинг прибыл председатель ЦИК РСФСР Калинин и комиссар Балтийского флота Кузьмин. Несмотря на призывы представителей власти, общекронштадтский митинг принял приведенную выше резолюцию моряков «Петропавловска» и постановил собрать на следующий день конференцию депутатов, избранных от военных судов, частей гарнизона и рабочих.

На этой конференции, 2 марта, Кузьмин выступил с угрозами по адресу моряков, и с обычным уже для представителей диктатуры цинизмом отрицал факты рабочего движения в соседнем Петрограде.

Конференция единогласно выразила недоверие как Кузьмину, так и председателю Кронштадтского совета Васильеву, и избрала Временный Революционный комитет для поддержания революционного порядка в Кронштадте. Временный Революционный комитет начал издавать с 3 марта свою ежедневную газету «Известия» и обратился по радио ко «всем», где указывал, что Кронштадт стоит за власть советов, но не за власть партии. Кронштадт призывает к свободному переизбранию советов. Он выступает против коммунистической бюрократии и навязывания коммунистической партией своей воли советам. Кронштадтский Временный Революционный комитет призывал всю Россию, — сохраняя порядок, продолжая работу, не проливая крови, — выступить за переизбрание советов на базе свободных выборов для всех трудящихся.

Отдельные резолюции ряда судов и фортов шли дальше и требовали активной борьбы «за освобождение от трехлетнего коммунистического ига и террора» (резолюция форта «Красноармеец» — «Известия» от 7 марта 1921 года).

Передовая кронштадтских «Известий» от 8 марта указывала, что постоянный террор, установленный ЧК, превзошел всё, что Россия знала в этом отношении за предшествующие 300 лет.

«Духовная кабала», в которую коммунисты загнали народ, является по мнению передовой «Известий» «наиболее преступным» результатом власти коммунистических узурпаторов. Революционный комитет призывал всех трудящихся

стать под знамена восстания против коммунистической автократии и начать Третью Революцию, которая должна сорвать последние цепи с рабочего класса.

Ближайшие гарнизоны — форт Красная Горка и Ораниенбаумская авиационная школа — поддержали кронштадтский Революционный комитет, но последний, несмотря на советы военных специалистов, не захотел начинать первым военные действия, подчеркивая, что Третья Революция, начавшаяся бескровно, должна идти дальше по стране без единого выстрела. Эта вера в правоту своего дела, охватившая всех моряков (многие матросы — члены партии, публично отказывались от своего партийного билета или публиковали об этом заявления в тех же «Известиях»), питала иллюзии о том, что борьба с коммунистической властью может быть бескровной. Некоторое количество сохранившихся еще в Кронштадте анархистов и левых эсеров не могло расстаться с традициями совместной работы с организациями коммунистической партии 1917 года и до 1921 года они не заметили установления строгой олигархии в коммунистической диктатуре. Антиправовое сознание, заложенное партиями революционной демократии в 1917 году, создавшее лозунг о легальности только социалистических партий, не могло не сказаться пагубно и на вопросах дальнейшей тактики кронштадтского Временного Революционного комитета. Это сознание, как в случае с «Викжелем», во время вооруженной борьбы в Москве и в других случаях, толкало не на активную борьбу с коммунистическими диктаторами, а на переговоры, что в конечном счете и предопределяло неудачу.

В то же время, возможности у восставших моряков были большие. Паника, охватившая Ленина, видна хотя бы из первого объявления по радио, в котором сообщалось о «мятеже бывшего генерала Козловского». Отлично зная действительность из сообщения хотя бы того же М. Калинина, присутствовавшего на митинге на Якорной площади, Ленин и его ближайшее окружение в эти первые дни восстания побоялись сказать правду, и 2 марта Лениным, как председателем Совнаркома, и Троцким, как председателем Реввоенсовета, было подписано официальное сообщение под заглавием: «Подробности мятежа генерала Козловского», которое появилось в «Правде» от 3 марта 1921 года. Приведем это сообщение:

«Уже 13 февраля 1921 года в парижской газете «Утро»

(Матэн) появилась телеграмма о том, что будто бы в Кронштадте произошло восстание моряков против советов. Французская контрразведка только несколько опередила события. Через несколько дней после указанного срока действительно начались события, ожидавшиеся и, несомненно, подготовляемые французской контрразведкой.

В Кронштадте и Петрограде появились белогвардейские листовки.

Во время арестов задержаны заведомые шпионы . . .»

Далее, излагая события на «Петропавловске», сообщение говорит о появлении в качестве руководителя группы «бывшего генерала Козловского». «Таким образом, — заканчивается в сообщении, — смысл последних событий объяснился вполне. За спиной эсеров и на этот раз стоял царский генерал».

Итак, по Ленину, никаких рабочих волнений, забастовок и демонстраций в Петрограде не было. Арестованные бастовавшие рабочие оказались «заведомыми шпионами». А в Кронштадте подняли восстание не моряки, четыре года сражавшиеся за Революцию и теперь поднявшие знамя Третьей Революции против коммунистических узурпаторов, а французская контрразведка и ее шпионы во главе якобы с бывшим генералом Козловским . . .

Метод лжи и извращения действительности, столь широко применявшийся Сталиным, отнюдь не был открыт последним. В этой области Сталин лишь следовал за Лениным и развивал его методы.

То, что в открытой печати Ленин не хотел признавать, пользуясь дешевым приемом сваливания причин Кронштадтского восстания и рабочих волнений на французскую разведку, позже полностью подтвердили ведущие работники Петроградского губкома, в том числе такие видные усмирители Кронштадта, как последовательно возглавлявшие Петроградскую губчека Бакаев, Комаров, секретарь губкома Угланов и другие. Занавес с действительного положения во время событий в Кронштадте и Петрограде был приподнят позже, во время разгоревшейся на XIV съезде внутрипартийной борьбы. К концу 1925 года Угланов, первый секретарь Петроградского губкома, избранный сразу после подавления Кронштадтского восстания, успел сделаться одним из самых ожесточенных врагов Зиновьева и Каменева и, находясь во главе Московской организации, играл роль застрельщика в борь-

бе с «ленинградской оппозицией». Его ближайший друг Н. Л. Комаров, возглавлявший в бытность Угланова в Петрограде местную ЧК, играл роль троянского коня в Ленинградской организации 1925 года и вызывал своим поведением ненависть всего зиновьевского актива, сплоченно выступавшего в качестве «ленинградской оппозиции» на XIV съезде.

В напряженной атмосфере этого съезда несколько видных делегатов, в том числе таких, как Лашевич, бывший в 1921 году заместителем Зиновьева по Петросовету, Бакаев, член губкома, одно время председатель петроградской ЧК, возглавитель ленинградского комсомола Наумов и ряд других подали в президиум съезда заявление с очевидной целью нанести удар по Угланову и Комарову.

В этом, подписанном 29 декабря 1925 года, заявлении они писали: «Общее критическое положение в стране (восстание в Сибири, Тамбове и т. д.) в начале 1921 года сказалось особенно остро в Ленинграде . . . Мы вынуждены были закрывать те фабрики и заводы, цехи, которые только были пущены в ход. Доверие было подорвано. Начались массовые забастовки, началось восстание в Кронштадте.

Растерянность отдельных товарищей начала действовать на гущу партийных масс. Даже в таком органе, как ЧК, которым руководил Комаров, по выражению членов комиссии ЧК, выявились «дановские» настроения. Эта растерянность сказалась на одном заседании губкома, где тт. Комаров и Угланов обвинили руководящую верхушку губкома (т. е. Зиновьева и его окружение. — Н. Р.) в том, что эта верхушка настаивает на аресте руководителей забастовки»[254]).

Заявление подписали: Бакаев, Наумов, Николаева, Федорова, Лашевич, Зорин.

На это заявление членов «ленинградской оппозиции» XIV съезду 31 декабря 1925 года последовал ответ Угланова, заслуживающий того, чтобы его привести:

«Это неправда. В кронштадтские дни Петроградская Чрезвычайная комиссия стояла геройски на своем посту. Она выполнила такую работу, о которой на бумаге писать не положено (подчеркнуто нами. — Н. Р.) и авторам заявления следовало бы не дотрагиваться до чести Петроградской Чрезвычайной комиссии.

Что касается «растерянности» тт. Комарова и Угланова при арестах руководителей забастовки (подчеркнуто нами. — Н. Р.), то товарищи и тут говорят неправду. Мно-

гим товарищам известно, как тт. Комаров и Угланов принимали участие в ликвидации Кронштадтского мятежа на фронте и в Чрезвычайной комиссии». Подписано: Угланов»[255]).

Признания, сделанные в этом обмене заявлениями участниками подавления петроградских рабочих и кронштадтских моряков, говорят сами за себя. Они исчерпывающе разоблачают ленинские заявления о событиях в Кронштадте и показывают, что стоили его демагогические приемы в глазах его собственной гвардии из числа непосредственных участников подавления, когда последние, в пылу внутрипартийной борьбы, начали говорить языком фактов.

События в Петрограде и Кронштадте развивались совсем не так, как рисовал их Ленин.

Созданный в Петрограде «Совет обороны» объявил осадное положение и ЧК учинила такую расправу, «о которой на бумаге писать не положено», как признавался в пылу полемики, защищая себя, член ЦК и первый секретарь Московского обкома Угланов в 1925 году.

Помимо ареста участников и руководителей рабочих забастовок, в Петрограде было арестовано в качестве заложников множество моряков-балтийцев, находившихся в городе, и все семьи кронштадцев. О последних в Кронштадте было сообщено листовками, сброшенными авиацией, что «они заплатят своей жизнью», если какой-нибудь вред будет нанесен комиссару флота Кузьмину и председателю Кронштадтского совета Васильеву.

Ряд частей Красной армии из состава Петроградского гарнизона был срочно выведен из города из-за политической неблагонадежности. Большевики не забыли истории создания ВРК в 1917 году.

Прибывший в ночь с 4 на 5 марта Троцкий послал ультиматум Кронштадту, где требовал разоружения «мятежников» и безусловной сдачи. В Петрограде быстро сосредоточивали особые части, составленные из полков курсантов, отрядов ЧК, чисто коммунистических и интернациональных частей. Более 200 делегатов X съезда были брошены для укрепления этих войск. Назначенный командующим лучший советский «военный специалист» того времени М. Тухачевский поспешил занять оба берега Финского залива и жестоко расправился с поддержавшими Кронштадтское восстание частями в Ораниенбауме. К 7 марта окружение

Кронштадта было закончено и рано утром тяжелые батареи открыли огонь по флоту из Сестрорецка и с Лисьего носа.

Кронштадт ответил воззванием «ко всему миру», где подчеркивалось, что, борясь за подлинную власть советов против коммунистического насилия, кронштадтский Временный Революционный комитет избегал кровопролития и что «фельдмаршал Троцкий, стоящий по колено в крови рабочих, приказал первый открыть огонь» (кронштадтские «Известия» от 8 марта 1921 г.).

Дальнейшие события известны и их подробное описание не входит в нашу задачу. 14 тысяч кронштадтцев не могли долго выдержать натиск во много раз превосходящего противника, атаковавшего со всех сторон. Несколько атак по льду были отбиты. Особенно большие потери понесли войска Тухачевского в ночь с 12 на 13 марта. Тухачевский торопился, ибо ледяной покров Финского залива мог вскрыться каждый день. Будучи изолированным, не получая поддержки ниоткуда, Кронштадт был взят после двухдневного кровопролитного штурма 16-17 марта. Освобожденный из-под ареста комиссар флота Кузьмин и вновь назначенный командующим флота бывший балтийский моряк Дыбенко учинили по свидетельству анархиста Александра Берксона оргию расстрела. Можно сказать с уверенностью, что никого из восставших кронштадтцев, кроме небольшой группы ушедших по льду, не осталось в живых.

Все тюрьмы Петрограда были наполнены моряками, рассказывает тот же Берксон, бывший близким знакомым Зиновьева и ряда чекистов. В течение месяца они все были выведены по ночам на расстрел.

Решение X съезда и кронштадтские события хронологически совпали в истории КПСС. Если решения съезда окончательно фиксировали не только отрыв партии от профсоюзов и рабочих масс, но и установили диктатуру ленинского большинства ЦК над партией, то кронштадтские события продемонстрировали эти решения в жизни. В марте 1921 года закончился второй период, второй этап развития партии. Он начался в июле 1918 года после ликвидации коалиционного правительства, в которое входили левые эсеры, и охватил период, когда система строжайшей централизации, железной дисциплины и военных методов насилия, столь успешно насаждаемых Троцким при содействии Ленина, была в основном отстроена.

ГЛАВА XX

СОЗДАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ОСНОВЫ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ ДИКТАТУРЫ

«Неудача похода на Варшаву, победа буржуазии в Италии, временный отлив в Германии, — писал Троцкий вскоре после X съезда, — заставили нас проделать крутое отступление, которое началось с рижского договора (мир с Польшей. — Н. Р.) и остановилось на условном признании царских долгов»[256]).

Тяжело было Троцкому и его сторонникам пойти после планов «военизации» промышленности и транспорта 1920 года после создания «трудовых армий» на те огромные уступки крестьянству, которые были провозглашены в резолюции X съезда — «О замене продразверстки натуральным налогом».

Ленин, инициатор новой экономической политики, хорошо понимал, что не сделав далеко идущих уступок, не предоставив большей экономической свободы населению страны, и прежде всего крестьянству, невозможно будет удержать диктатуру партии над страной.

Теперь начинается не только поощрение расширенной запашке, но во многих местах возвращается отобранная комбедами у хуторян земля. Со введением твердой валюты парализованная экономика страны начала оживать. Хозяйства типа Мухина, о котором мы писали в главе X, делаются снова товарными; хозяйственная инициатива и частная торговля (60% розничной и 20% оптовой в 1923 году) делают быстро свое дело и страна выходит из страшного голода, от которого в 1921-1922 гг. умерло несколько миллионов человек. 90% производства изделий легкой промышленности падает вскоре на ремесленников, кустарей и другие мелкие частные предприятия.

Уже летом 1921 года Ленин ставит вопрос о частных концессиях для заграничного капитала, а 16 марта 1921 года

заключается первое англо-советское торговое соглашение, за которым следуют другие.

В апреле 1922 года на Генуэзской конференции советская делегация готова признать царские долги при условии получения широких кредитов, а 16 апреля в Рапалло, предместье Генуи, — Чичерин и германский министр Ратенау заключают договор, по которому Германия открывает для коммунистического правительства широкие торговые кредиты.

Не лишено пикантности, что первым германским послом в Москву, после графа Мирбаха, назначается тот самый граф Брокдорф-Ранцау, который посвятил так много времени организации финансирования партии большевиков в 1917-1918 гг. Вскоре он заключает с большевистским правительством новое секретное соглашение, по которому германская армия, лишенная по Версальскому договору права иметь воздушные и танковые части, кадры для них обучает на секретных военных полигонах и аэродромах в СССР.

Слова Рязанова на X съезде о том, что мы «заключили крестьянский Брест»[257]), помимо воли их автора приняли двусмысленное значение. Но не только Рязанов, сам Ленин в статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» сравнивает нэп с «брестской передышкой», говоря: «Мы отступили к государственному капитализму»[258]).

Давая объяснение о государственном капитализме в своем политическом отчете на XI съезде партии 27 марта 1922 года (одна из самых сумбурных и резких его речей, полная раздражения), Ленин прибег к самой тривиальной демагогии о «пролетарском государстве».

Но несмотря на всю демагогию, к которой прибегает Ленин, чтобы иметь возможность поставить знак равенства между русскими рабочими и своей партией, содержание его объяснений дает картину того строя, который он стремился ввести в стране:

«Государственный капитализм . . , — объяснял Ленин, — это тот капитализм, который бывает при капиталистическом строе, когда государственная власть прямо подчиняет себе те или иные капиталистические предприятия. А у нас государство пролетарское . . .»[259]).

Но от названия, отвечает оно марксистской доктрине или нет, сущность современного предприятия, принадлежащего государству, не меняется. Сущность меняется лишь от того — участвуют ли рабочие в управлении предприятиями

или нет, участвуют ли они в распределении дохода, какова их реальная заработная плата. А самое важное — какие права они имеют на основе демократических норм влиять на судьбу и условия работы государственных предприятий.

Слова «пролетарское государство» сами по себе ничего не говорят. Сущность же государственных предприятий в России и при Ленине, и тем более после него, была и осталась такой, что русские рабочие не имели и не имеют прав, позволяющих им менять положение в государственной промышленности или влиять на уровень реальной заработной платы, приравнивая ее хоть сколько-нибудь к уровню заработной платы рабочих, занятых на государственных предприятиях так называемых капиталистических стран.

Но кто же, по Ленину, представляет государство, определяющее сущность и условия работы на государственных предприятиях СССР?

«... когда мы говорим «государство», — объясняет Ленин, — то государство это — мы, это — пролетариат, это — авангард рабочего класса»[260]). Что такое авангард рабочего класса, Ленин много раз объяснял, — это партия. Следовательно, партия и определяет сущность и условия работы на государственном предприятии. И по логике Ленина государственный капитализм в СССР следовало бы назвать «однопартийным коммунистическим капитализмом».

Разбавляя демагогией и перефразируя эту мысль, Ленин повторяет: «... государство это — рабочие, это — передовая часть рабочих, это — авангард, это — мы...»[261]). Форма этого государства хорошо известна, — диктатура партии, — обычно называемая «диктатурой пролетариата» (по той же вышеприведенной ленинской схеме) и определяемая Лениным как «власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами»[262]).

И на XI съезде Ленин досадует лишь на недостаток «уменья» у партии: «... от нас зависит, каков будет этот государственный капитализм. Политической власти у нас достаточно, совершенно достаточно («власть — не связанная никакими законами». — Н. Р.); экономических средств в нашем распоряжении тоже достаточно, но недостаточно уменья у того авангарда рабочего класса...»[263]), т. е. у партии.

Такова сущность экономического и политического режима, который был введен Лениным и партией и в своей основе продолжает существовать в России и поныне.

Ибо, с ликвидацией мелкой частной собственности в городе и с насильственным переводом крестьянства с частного землепользования на колхозное, этот режим не изменился в своей сущности, о которой мы говорили выше. И если распространение этого режима на все население Сталин в тридцатых годах назвал построенным в одной стране социализмом, то сущность отношения к рабочим и крестьянам и их права ни в чем не изменились. В период власти Сталина режим лишь стал по форме еще более жестоким, эксплуататорским, свирепым.

Октябрьский переворот установил диктатуру большевистской партии над страной. Но понадобилось три с половиной года ожесточенной гражданской войны и террора ЧК, чтобы осуществить диктатуру партии согласно приведенной формуле Ленина.

Эта формула вскоре была закреплена официальной резолюцией XII съезда (17-25 апреля 1923 года), где прямо говорится: «Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т. е. компартии»[264]).

Если партия, опираясь на «непосредственное насилие», осуществляла теперь свою диктатуру над страной, не будучи связанной никакими законами, то в ней самой в значительной степени сохранялось известное право на свободу мнений, хотя и в очень узких рамках доктрины. В партии были еще возможны такие кризисы и разногласия, как послеоктябрьский кризис по вопросу однопартийного или коалиционного правительства, брестский кризис и, наконец, кризис, возникший в связи с отношением к профсоюзам, но фактически являвшийся спором о степени распространения ленинской формулы власти на рабочих.

После «дискуссии о профсоюзах», но, конечно, в гораздо большей степени в связи с Кронштадтским восстанием и введением нэпа, перед Лениным остро встал вопрос о дальнейших судьбах носителя власти — партии.

Решение, им предложенное, заключалось в знаменитой резолюции «О единстве партии», принятой наспех X съездом, когда больше 200 делегатов уже уехало, главным образом, на фронт против Кронштадта и в Поволжье. Поэтому только 35 голосов было подано против этой резолюции.

Приведем пункты 6 и 7 (последний не был опубликован

вплоть до решения XIII партконференции) этой важнейшей в истории партии резолюции:

«6. Съезд предписывает немедленно распустить все без изъятия, образовавшиеся на той или иной платформе, группы и поручает всем организациям строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений. Неисполнение этого постановления съезда должно вести за собой безусловное и немедленное исключение из партии.

7. Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и во всей советской работе и добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности, съезд дает ЦК полномочия применять в случае (- ях) нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии»[265]).

Для решения о применении этой меры требовалось большинство в $^2/_3$ голосов пленума ЦК. Эта резолюция сделалась главным оружием победившей в партии фракции для борьбы не только со всеми инакомыслящими, но и для подчинения каждого члена партии партийному аппарату, — той секретарской «политической бюрократии», которая с этого времени начинает фактически делаться носителем партийной диктатуры.

Подбирая работников партийного аппарата, Ленин и его сторонники организовывали большинство на съездах, расправлялись со своими противниками в партии. Ленинское отношение к Шляпникову, Мясникову и др. представителям рабочей оппозиции разрушает возникшую позже легенду о том, что в начале двадцатых годов Ленин пытался сохранить и защитить в партии право свободного высказывания. Разумеется, борьба фракций, начавшаяся в двадцатых годах и окончившаяся лишь с победой Сталина, не дала возможности сразу дополнить диктатуру в партии «идеологическим единством», совершенно необходимым не только для ликвидации фракций и различных оппозиций, но и для поддержания единства в партии в том виде, какой хотел придать ей Ленин на X съезде.

Резолюция «О единстве партии» запрещала выступления с любым коллективным мнением, расходящимся с данным большинством в ЦК, практически, с господствующей политической комбинацией в Политбюро.

Иначе говоря олигархическая группа нескольких лиц, располагающая партийным аппаратом, после X съезда получила диктаторские права в партии. Разумеется, новое положение вошло в силу не сразу, как мы уже видели в случае со Шляпниковым. Но это был последний случай, когда в ЦК не было собрано нужного Политбюро большинства. После прекращения работы Лениным, по болезни, прошло еще 6 лет борьбы, после чего вся полнота власти оказалась в руках единоличного диктатора.

Ленин перед концом своей жизни постарался создать в партии режим жестокой дисциплины, сковать ее насилием, ибо он не верил ни в движущие свободные силы партии, ни во «внутрипартийную демократию».

Ближайшее окружение Ленина голосовало за резолюцию «О единстве партии». На нее эти люди потом неизменно ссылались в борьбе друг с другом. Ее жертвой (с формальной точки зрения) последовательно стали Троцкий и его друзья, Каменев, Зиновьев и их сторонники, Рыков, Томский, Бухарин и многие другие, кто голосовал за эту резолюцию на X съезде.

Один Радек на X съезде говорил, что «голосуя за эту резолюцию, я чувствую, что она может быть обращена против нас . . .»[266]). Но и он, как позже другие, выдвигал в оправдание этой резолюции в качестве главного довода то, что устойчивость диктатуры партии в стране — есть высшая ценность.

Этим же доводом пользовался Сталин лично или через следователя, требуя признания от своих коллег по Политбюро и ЦК во всем, что ему казалось выгодным, во время процессов тридцатых годов, когда шла кровавая чистка среди ленинской гвардии.

Почему же все-таки столь легко пошла эта «ленинская гвардия» на новый режим в партии, введенный ее вождем на основании резолюции «О единстве партии»? — В конечном итоге, большевики сознавали и понимали, что они узурпировали власть в стране против воли народа. Они жили в постоянном психологическом страхе перед революцией против установленного партией режима, хотя называли, обычно, своих противников «белогвардейцами», «кулаками», «шпионами французской разведки» и т. д. как это мы видели на примере Кронштадта.

Кронштадт обострил этот постоянно живущий в комму-

нистической верхушке страх, вызывая порой панику среди ее отдельных представителей. Ленин умело использовал это положение 16 марта 1921 года.

Символично, что в состав ЦК на X съезде впервые попадают в большом количестве подобранные Сталиным люди. Не принимая серьезного участия в дискуссии о профсоюзах, Сталин посвятил свое время подбору своих сторонников, находя обильное поле деятельности среди «обиженных» своими конкурентами. Из сторонников Сталина впервые избираются членами ЦК Ворошилов, Ярославский, Молотов, Орджоникидзе, Н. Комаров (последний вместе с новым кандидатом в члены ЦК Углановым — оба ленинградцы, являлись противниками Зиновьева). Среди кандидатов в члены ЦК впервые оказываются Куйбышев, Чубарь, Киров и уже выбиравшийся ранее ожесточенный противник Троцкого — Гусев.

В то же время количество сторонников Троцкого по отношению к составу ЦК избранному на VIII и IX съездах не увеличивается. Радек и Раковский еще попадают в ЦК, но Серебрякова, Преображенского и Крестинского больше нет даже в числе кандидатов в члены ЦК. Из членов в кандидаты превращается И. Смирнов, выбывают вовсе такие видные фигуры как Смилга, Белобородов и член ЦК Лашевич, избранный на VII и VIII съездах. Один лишь Ю. Пятаков попадает впервые в кандидаты ЦК.

Таким образом, если Троцкий резко теряет свои позиции, то Сталин, наоборот, выигрывает, в чем сказывается его положение единственного члена Политбюро, входящего одновременно и в Оргбюро.

Зиновьев тоже несколько усиливает свои позиции: среди кандидатов в ЦК находятся члены его будущей петроградской клики — Залуцкий и Сафаров. Кроме того его самого выбирают в Политбюро на место Бухарина, остальные члены которого — Ленин, Сталин, Троцкий, Каменев остаются на своем месте.

Общий же список членов ЦК, выбранных на X съезде, следующий: Артем (Ф. А. Сергеев), Н. Бухарин, К. Ворошилов, Ф. Дзержинский, Г. Зиновьев, М. Калинин, Л. Каменев, Н. Комаров, И. Кутузов, В. Ленин, В. Михайлов, В. Молотов, Г. К. Орджоникидзе, Г. Петровский, К. Радек, Х. Раковский, Я. Рудзутак, А. Рыков, И. Сталин, М. Томский, Л. Троцкий, Л. Тунтул, М. Фрунзе, А. Шляпников, Е. Ярославский.

Кандидаты в члены ЦК: В. Чубарь, С. Киров, В. Шмидт, И. Зеленский, Н. Угланов, Ю. Пятаков, Т. Сафаров, П. Залуцкий, В. Милютин, В. Куйбышев, С. Гусев, В. Оболенский (Осинский), И. Смирнов, А. Киселев, Д. Сулимов.

Введение нэпа породило новые надежды у той части меньшевиков и эсеров, которая стояла на позициях не борьбы с большевизмом, а легальной оппозиции к коммунистической партии.

Эти надежды, казалось, должны были иметь основания, после того, как часть партий «революционной демократии» выступила в 1919 году на поддержку коммунистической партии в ее борьбе против Колчака и Деникина. Больше того, меньшевики много раньше предлагали экономические мероприятия, которые Ленин провел в марте 1921 года под названием нэпа.

Хотя в Кронштадте сколько-нибудь заметного влияния меньшевиков не было, их популярность среди профсоюзов была в 1920-1921 гг. все еще довольно значительной.

На Всероссийском конгрессе профсоюзов в Москве в апреле 1920 года было еще 70 меньшевистских делегатов. Меньшевики имели большинство в московских союзах печатников, рабочих химической промышленности[267]); многие забастовки в частности в Одессе в 1922 г. шли под меньшевистскими лозунгами.

Но Ленин не пошел на легализацию партий «революционной демократии». Наоборот, вслед за введением в самой коммунистической партии режима диктатуры, начинается быстрая ликвидация остатков меньшевиков, эсеров и анархистов.

На XI съезде, 27 марта 1922 года, он заявил: «За публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать . . .»[268]).

В период нэповского отступления Ленин во что бы то ни стало хотел сохранить монополию власти для своей партии. В то же время он не противился многочисленным переходам отдельных меньшевиков в свою партию. Примеры Вышинского, долголетнего посла в Лондоне Майского, посла в Берлине Химчука и многих других хорошо известны.

На том же XI съезде, где Ленин грозил меньшевикам пулеметами, несмотря на только что проведенную чистку, несмотря на то, что по докладу Шкирятова (мандатная комиссия) меньшевики и эсеры «. . . выходили отдельными

группами»[269]), а «на Украине даже целыми организациями», в особенности Бунд, который вышел не поодиночке, а целой организацией, несмотря на все это — из 520 делегатов съезда с решающим голосом 87 принадлежало к бывшим членам партий революционной демократии. Бывших меньшевиков было 46, бывших бундовцев 10, бывших эсеров 18, бывших анархистов 3 и прочих 10.

Из 154 делегатов с совещательным голосом было 19 бывших меньшевиков, 3 бундовца, 3 эсера и ряд других[270]).

Революционная демократия, так боявшаяся в 1917 году «врагов справа» и объективно содействовавшая захвату большевиками власти, теперь в своей значительной части растворилась в коммунистической партии, пожертвовав идеями и идеалами Февральской революции.

В то же время первая большая чистка партии, начатая в 1921 году, уменьшила количество членов партии с 576 тысяч в 1921 году, до 410 тысяч в 1922 году, 381 тысячи в 1923 году и, наконец, до 350 тысяч (при 122 тысячах новых кандидатов) в 1924 году[271]).

ГЛАВА XXI

ПОСЛЕДНИЙ ЗАМЫСЕЛ ЛЕНИНА

Укрепление аппарата партии и, прежде всего, аппарата ЦК особенно занимало Ленина после его неудачи с изгнанием главы рабочей оппозиции Шляпникова из ЦК, когда он, признанный вождь партии, недобрал 1 голоса до $^2/_3$, необходимых, согласно резолюции X съезда, для исключения.

Политбюро ЦК партии, после недолгого и эфемерного существования в дни переворота, было создано вновь на VIII съезде партии в 1919 году, когда гражданская война разбросала членов ЦК по фронтам и в то же время требовала быстроты решений.

В ходе гражданской войны Ленин создал из Политбюро подобие директории, где он председательствовал. Первыми членами этого Политбюро были Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев и Крестинский, исполнявший должность секретаря. Очень часто, как показывают немногие протоколы Политбюро, опубликованные Троцким, Ленин за отсутствием Троцкого и Сталина фактически принимал решения один или вдвоем с Каменевым, привлекая для проформы кого-либо из членов ЦК, вроде Елены Стасовой.

На опасность развития этой диктаторской тенденции указывал еще в то время Осинский (Оболенский), но ни он, ни вся группа «демократического централизма» большого значения во время гражданской войны не имели.

Пока ЦК — вплоть до XI съезда — был сравнительно немногочислен, его члены могли быть в курсе дел Политбюро и частично участвовать в обсуждении решений не только на пленумах ЦК.

Ленин не сразу пришел к идее сужения круга высшего руководства партии до состава членов и кандидатов Политбюро. XI съезд партии (27 марта — 2 апреля 1922 года) еще выбрал (но в последний раз) сравнительно небольшой состав ЦК.

Выбранными были: А. Андреев, Н. Бухарин, К. Ворошилов, Ф. Дзержинский, И. Зеленский, Г. Зиновьев, М. Калинин, Л. Каменев, И. Кротков, В. Куйбышев, В. Ленин, В. Молотов, Г. Орджоникидзе, Г. Петровский, К. Радек, Х. Раковский, Я. Рудзутак, А. Рыков, Т. Сапронов, А. Смирнов, Г. Сокольников, И. Сталин, М. Томский, М. Фрунзе, В. Чубарь и Е. Ярославский.

Кандидатами в ЦК были выбраны: А. Бубнов, А. Бадаев, С. Гусев, С. Киров, Н. Комаров, А. Киселев, Т. Кривой, Н. Лебедев, И. Пепсе, С. Лобов, Д. Мануильский, В. Михайлов, А. Микоян, А. Рахимбаев, Ю. Пятаков, Г. Сафаров, И. Смилга, Д. Смирнов, В. Шмидт.

Но Ленин стремился укрепить, главным образом, секретариат. На X съезде он предложил не выбирать в ЦК бывшего секретаря ЦК Крестинского, выступившего в профсоюзной дискуссии на стороне Троцкого против «платформы 10» и неугодного ему.

Секретариат составили Молотов («ответственный секретарь»), Ярославский и Михайлов. Но и они не удовлетворили Ленина. При них не была даже закончена картотека всех членов партии, а на «учете» всегда настаивал Ленин.

Главной же причиной недовольства была недостаточно активная работа созданного в качестве отдела при секретариате в 1920 году Учраспреда, занимавшегося мобилизацией и перестановкой членов партии. Через этот отдел секретариата шли все назначения в партии и мало-помалу он начал заранее определять кандидатов при выборах секретарей районных, губернских и уездных комитетов, а потом и выше. Это фактическое назначение резолюция декабрьской конференции РКП «По вопросу об укреплении партии . . .», утвержденная XI съездом, назвала «выделением на работу»[272]).

На съезде была введена для руководства секретариатом новая должность — «генерального секретаря». На первом же пленуме ЦК (4 апреля 1922 года, по другим данным в начале мая) генеральным секретарем партии был выбран Сталин. В качестве его помощников были избраны Куйбышев и Молотов.

Избрание Сталина на ключевую должность, связанную по словам Ленина с «необъятной властью»[273]), произошло в силу существовавшей тогда ситуации на верхах партии: Сталин в глазах подавляющего большинства не был кандидатом

на место Ленина, на место вождя в партии. Такими кандидатами были в первую очередь Троцкий и Зиновьев, уже давно ожесточенно боровшиеся друг с другом. Каменев был неразлучен с Зиновьевым и отдать ему секретариат означало передать власть партии в руки Зиновьева. Из состава Политбюро, таким образом, Сталин казался самым нейтральным, и единственным кандидатом, не втянутым открыто в шумную внутрипартийную борьбу.

26 мая, через несколько недель после избрания Сталина генеральным секретарем, с Лениным случился первый удар, после которого он уже больше не мог руководить партией.

Тем не менее, он не расставался с мыслями ограничить значение ЦК, вынести за его рамки все ответственные решения, которые ЦК мог лишь обсуждать на пленумах и утверждать в форме готовых решений.

В своем «Письме к съезду»[274]), обычно упоминаемом как «завещание», (23-31 декабря 1922 года) Ленин рекомендует XII съезду увеличить количество членов ЦК сначала до 50, а потом до 100 человек. Такое увеличение количества членов ЦК, естественно, превращало это учреждение из рабочего органа в послушную избирательную коллегию для Политбюро.

Отношение Ленина к членам нового, составленного по его проекту, ЦК носит снисходительно-наставнический характер — в основном их занятия должны по его мысли проходить в учении — «... они будут год от году проходить курс государственного управления при помощи таких высококвалифицированных специалистов и высокоавторитетных во всех отраслях членов Рабоче-крестьянской инспекции ...[275]).

Кто же эти новые члены ЦК по Ленину? После ханжеской фразы о том, что 50-100 новых членов ЦК «... партия вправе требовать от рабочего класса и может получить от него без чрезмерного напряжения его сил»[276]), Ленин определяет: «В число рабочих членов ЦК должны войти преимущественно рабочие, стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих...»[277]).

Введением в ЦК молодых, неискушенных членов партии достигались две цели — роль старых партийцев, имеющих на основе опыта свое собственное мнение, роль таких людей как Шляпников в ЦК резко снижалась. В то же время в ЦК

вводились «декоративные рабочие», готовые совершенно послушно следовать за Политбюро.

Таковы были пути и методы, которыми Ленин надеялся сохранить единство в партии, укрепить диктаторский режим в ней, введенный им весной 1921 года.

К концу 1922 года Ленин начал поправляться и снова входить в дела. Каменев, председательствовавший в Политбюро, конечно, не был «нейтрален» — с болезнью Ленина на место последнего выдвигалась фигура Троцкого, прочно утвердившего за собой во время гражданской войны репутацию второго вождя после Ленина. Троцкий сохранял в 1922 году, среди прочих, обе ключевые должности, дававшие ему господство в армии — наркомвоенмора и председателя все еще не распущенного, на всякий случай, Революционного Военного совета республики.

В связи с болезнью Ленина и отходом его от работы Каменев и Зиновьев поспешили войти в соглашение со Сталиным, который, как и они, но еще со времен Царицына, находился в состоянии подпольной войны с Троцким. Так сразу после фактического выхода Ленина из Политбюро в этом органе на месте вождя образовался триумвират из Зиновьева, Каменева и Сталина, противопоставивший себя Троцкому.

В этих условиях, условиях недоверия и страха перед Троцким в случае семрти Ленина, Сталин получил полную поддержку от своих коллег по триумвирату в подготовке аппарата партии к выступлению на стороне триумвирата, фактически однако продолжая создавать, но теперь в чрезвычайно выгодных для себя условиях, преданный себе лично каркас из партийного аппарата на местах. Андреев и Куйбышев, проведенные им на XI съезде в ЦК, вместе с Молотовым, Ярославским, Орджоникидзе, Ворошиловым и некоторыми новыми кандидатами в ЦК (например, Микояном) делаются его активными помощниками.

Картина открывшаяся перед Лениным осенью 1922 года была сценой подготовки генерального сражения между Троцким и триумвиратом, где, однако, главные позиции уже держал Сталин. Партии грозил неизбежный раскол, «коллективное» руководство 1922 года оказалось фикцией.

Ленинское письмо съезду 23-29 декабря 1922 года написано под впечатлением неизбежного раскола, все его помыслы в этом письме сосредоточены на искании путей, как избежать взрыва грозящего партии расколом.

Говоря о Троцком и Сталине, он пишет:

«Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут . . .»[278]).

Теперь Ленин круто меняет свое мнение о Сталине, вручению которому «необъятной власти» он не препятствовал еще в апреле. Теперь Ленин «не уверен, сумеет ли он (Сталин. — Н. Р.) всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью»[279]).

Через несколько дней, 4 января 1923 года, Ленин, очевидно под влиянием конфликта между Сталиным и Крупской[280]), считает необходимым дополнить свою характеристику Сталина и прямо рекомендовать ближайшему съезду сместить его:

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека . . .»[281]).

Это был удар, который собирался нанести Ленин на следующем XII съезде. Политической карьере Сталина в Политбюро должен был быть положен конец.

Накануне съезда в марте 1923 года Ленин обратился к Сталину с письмом, в котором явно чувствуется ультиматум:

«Вы разрешили себе грубо вызвать мою жену к телефону и грубо отчитать ее. Несмотря на тот факт, что она сказала Вам, что она согласна забыть о сказанных Вами словах, тем не менее она рассказала о случившемся Каменеву и Зиновьеву. Я не намерен забывать так легко о том, что делается против меня, и мне кажется, что мне здесь не нужно подчеркивать тот факт, что все, что делается против моей жены, я рассматриваю, как бы если это делалось лично против меня. Поэтому я прошу Вас тщательно взвесить, предпочитаете ли Вы взять Ваши слова обратно и извиниться, или же Вы предпочитаете разрыв между нами взаимоотношений. Искренне Ваш Ленин».

Это письмо, оглашенное Хрущевым на XX съезде[282]), вполне подтверждает сообщение Троцкого[283]) о том, что 5 марта Ленин предложил ему защищать в ЦК и на XII съезде его точку зрения в грузинском инциденте. Он не доверял

комис- и из Сталина и Дзержинского, и в особоенности Сталину («. . . тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина»)[284]), расследовавших деятельность Орджоникидзе, под руководством которого дела партии в Грузии дошли до того, «что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического насилия»[285]).

7 марта, как сообщает Троцкий[286]), одна из секретарш Ленина Глиассер сообщила Троцкому, что, как ей передал Каменев, Ленин только что послал письмо Сталину о разрыве с ним личных отношений.

Таким образом, оглашенное Хрущевым последнее письмо Ленина следует датировать 7 марта 1923 года, и в этой части сведения, сообщенные Троцким, полностью подтвердились материалами, оглашенными на XX съезде.

Учитывая эти соображения, можно доверять передаче Троцкого содержания его разговора с Лениным в начале 1923 года.

Ленин предложил Троцкому войти в особую комиссию ЦК по борьбе с бюрократизмом в советском аппарате.

На это предложение Троцкий ответил, что борьба с бюрократизмом в советском аппарате упирается в сопротивление местного руководящего партийного состава, тесно связанного с представителями советского аппарата. Подбор же работников советского аппарата зависит от их личной лояльности к некоторым руководящим партийным работникам в центре и к правящей группе в ЦК.

— Каждый раз, когда вы нападаете на рядового служащего, вы натыкаетесь на крупного партийного работника — закончил Троцкий.

— Иными словами, я предлагаю кампанию в советском аппарате, а вы предлагаете распространить борьбу с бюрократизмом вплоть до Оргбюро партии — сказал Ленин и, получив утвердительный ответ, предложил Троцкому блок.

Очевидно, что готовя удар по Сталину, Ленин хотел провести его под лозунгом борьбы с бюрократизмом в аппарате партии и намечал тактически осуществить свои замыслы через особую комиссию. Будучи уверен в поддержке Каменева и Зиновьева, он привлекал Троцкого, дабы изолировать Сталина.

Последнему плану Ленина не суждено было осуществиться — 9 марта третий удар свалил его, и в апреле 1923 года на XII съезде не было поднято вопроса не только о Ста-

лине, но и об Орджоникидзе, занимавшемся рукоприкладством на Кавказе, за что Ленин считал нужным его «примерно наказать»[287]).

Случай — обострение болезни вождя — спас Сталина и его ближайших помощников. Они сделали из этого надлежащий вывод — использовали предоставленное им время для дальнейшей подготовки аппарата партии к XIII съезду, для проведения своих сторонников на ключевые позиции во время разгоревшейся в конце 1923 года борьбы с Троцким. Опасность надолго сплотила их.

Каменеву и Зиновьеву положение Сталина после двух записок Ленина казалось безнадежным. Сталин вынужден был занять очень трудную позицию. С одной стороны, он, признавая свою «грубость», заявил о своей готовности подать в отставку; с другой, оставаясь в должности генерального секретаря, он демонстративно уклонился от занятия первой роли на XII съезде и, прячась за спины Каменева и Зиновьева, уступил последнему право читать отчетный доклад ЦК.

Два обстоятельства помогли Сталину удержаться на занятой им позиции. Во-первых, страх перед Троцким и остатками его аппарата в армии, охвативший большинство партийной бюрократии. Троцкий отчасти был и во всяком случае казался большинству возможным кандидатом на место Ленина. Будучи самым способным человеком в настоящем ЦК[288]), по характеристике последнего, Троцкий сохранил свое влияние в военном аппарате и больше всего сторонников у него было среди военных работников партии. Оказавшиеся в результате гражданской войны на высоких и ответственных постах военные специалисты не могли в своем большинстве также забыть, что в лице Троцкого они всегда имели самого последовательного своего защитника.

Таким образом, армия была еще в его руках. Были известны, однако, крутой нрав и чрезмерное увлечение Троцкого «чисто административной стороной дела»[289]). Этот кандидат на место Ленина казался многим, если не партийным Бонапартом, то во всяком случае Кромвелем, умевшим не только «завинчивать гайки», но и рубить головы. Ведь даже Сталина и Ворошилова председатель Реввоенсовета во время войны беспощадно снимал с постов, невзирая на защиту их Лениным. Страх перед диктатурой Троцкого был одной из главных причин спасения Сталина. Сталин же сумел велико-

лепно использовать страх перед Троцким как слишком волевым человеком и как главным представителем направления, которое считало необходимым как можно скорее ликвидировать нэп.

Во-вторых, Сталину помогла поддержка Зиновьева и Каменева. И на заседании ЦК, где читалось «Письмо к съезду» Ленина, и на XII съезде, где оно было прочтено по делегациям, они могли поднять вопрос о смене генерального секретаря. Но увлеченные борьбой с Троцким они не только не сделали этого предложения, но постарались замять «завещание» Ленина — оно не только не было опубликовано, но даже не было роздано делегатам съезда. Сталин по предложению Зиновьева и Каменева был подтвержден XIII съездом в должности генерального секретаря.

Ленин умер, не приходя в сознание после долгой болезни, 21 января 1924 года. У него никогда не было друзей. Всех близких ему людей, которых он сам выдвигал, таких, например, как неразлучный с ним в предвоенные годы и позже в Швейцарии Зиновьев и особенно ценимый им Каменев[290]), рано или поздно он смешивал с грязью при малейшем несогласии с вождем. За официальной декорацией «принципиальной непримиримости» сквозила бешеная нетерпимость вождя к малейшему несогласию с ним. Опубликованная после XX съезда переписка Ленина со Сталиным в последние дни его жизни, когда он находился еще в сознании, говорит, по сути дела, о том же, что и «завещание» — он не признавал сколько-нибудь серьезно ни одного авторитета во всей созданной им партии.

Доведя контроль и проверку в последние годы своей жизни до уровня мании преследования, Ленин бесконечное количество раз показывал, что он не верил никому, не верил в людей вообще. Нельзя отбрасывать это его отношение к человеку, как к таковому, наблюдая в последние годы его жизни и власти спешную отстройку партии в централизованный аппарат в руках внутрипартийной диктатуры, где выборы, дискуссии, свобода мнений и другие элементы, формально оставшиеся в партии от демократии принесенной Февральской революцией, постепенно заменяются запрещением серьезной критики, созданием послушного Политбюро и секретариата ЦК, и нетерпимостью к несогласным по тем или иным вопросам даже в ЦК.

ГЛАВА XXII

ТРОЦКИЗМ

Потеря большинства ключевых позиций Троцким и его сторонниками в 1921-1922 гг. и совершенно очевидное господство триумвирата в партии со времени начала болезни Ленина толкнули Троцкого на решающую борьбу за власть в первый, показавшийся ему подходящим момент.

Троцкий вынужден был торопиться, ибо мартовский удар 1923 года окончательно лишил Ленина способности речи и движения. Надежды на «блок» с вождем, предложенный, по свидетельству Троцкого[291]), ему Лениным для борьбы с партийной бюрократией, вплоть до Оргбюро, больше не оставалось. Уже в феврале 1923 года, как сообщает сам Троцкий[292]), Ленин требовал себе яда через Сталина и этот вопрос обсуждался в Политбюро.

Удобным моментом оказалась осень 1923 года, когда новые попытки разжечь революцию в Германии, несмотря на тайную миссию Бухарина, Пятакова, Радека и др. окончилась неудачным гамбургским восстанием. Ответственность за несвоевременность этого восстания, равно как и за все неудачи политики Коминтерна 1921-1923 гг., ложилась, главным образом, на Зиновьева. Троцкий видел, в первую очередь, в Зиновьеве конкурента на первое место в области «интернационального марксизма», а удар по нему был в то же время ударом по триумвирату.

Наконец, тяжелый экономический кризис, острая безработица в стране, ярко бросались в глаза осенью 1923 года на фоне жизни хорошо устроенной и живущей порой «понэпмански» партийной бюрократии.

Троцкий, всегда подчеркивавший свою «революционную готовность» в вопросах «пролетарского интернационализма», рассчитывал не только на близкую ему часть партийного аппарата, признававшую в нем военного вождя гражданской войны, но и на многочисленную партийную мо-

лодежь, приехавшую или посланную теперь, после гражданской войны, учиться в вузах и партийных школах Москвы и Петрограда.

Будучи, однако, осторожным, опасаясь обвинения в организации фракции, этого дамоклова меча, повешенного ленинской резолюцией над серьезной критикой политики большинства в ЦК, Троцкий обращается в ЦК с письмом сначала один. В этом письме (от 8 октября 1923 года) он утверждал, что практика назначений в партии даже в самые острые периоды гражданской войны не достигала и десятой части того, что делается теперь. Назначение секретарей областных (губернских) комитетов стало правилом.

15 октября, вслед за письмом Троцкого, в ЦК было подано «заявление 46». Его подписали: Преображенский, Серебряков, Пятаков, Антонов-Овсеенко, Н. Муралов, В. Косиор, В. Смирнов, Н. И. Смирнов, А. Белобородов, Дробнис, Осинский (Оболенский), Сапронов и другие.

«Заявление 46» можно разделить на две части. Первая часть посвящена экономическому положению в стране. Забастовки, нарастающая безработица, остановка многих заводов, нерентабельность большинства заводов тяжелой промышленности, огромные наценки на производимые промышленностью товары — все это говорило о кризисе, который охватил еще далеко не восстановленную промышленность и грозил ей полным параличом. Заявление признавало тот факт, что частичная свобода в области экономики и инициатива частного сектора создали заметное улучшение жизненного уровня в первые годы нэпа, но эти успехи, как подчеркивает «заявление 46», были достигнуты «стихийно, не благодаря руководству, а несмотря на неудовлетворительное руководство, или, вернее, на отсутствие всякого руководства»[293]).

Заявление констатировало неспособность партии справиться с управлением промышленности, направлять ее согласно плану. То, что делалось в этой области фракцией большинства Политбюро — говорится в заявлении — служит лишь иллюстрацией «случайности, необдуманности, бессистемности решений ЦК, не сводящего концов с концами в области хозяйства». Говоря далее о продолжении политики большинства Политбюро (речь идет о блоке Зиновьева—Сталина—Каменева, хотя «заявление 46» не раскрывает личного состава «большинства». — Н. Р.), заявление указывало на не-

избежность «необычайно острого хозяйственного потрясения, связанного с внутренними политическими осложнениями и полным параличом нашей внешней активности и дееспособности»[294]).

Вторая часть заявления была посвящена положению в партии. В силу важности для дальнейшего изложения, приведем главнейшие положения, высказанные 46-ю:

«Партия в значительной степени перестает быть тем живым, самодеятельным коллективом, который чутко улавливает живую действительность, будучи тысячами нитей связанным с этой действительностью. Вместо этого мы наблюдаем все более прогрессирующее, уже ничем неприкрытое разделение партии на секретарскую иерархию и «мирян», на профессиональных партийных функционеров, выбираемых сверху, и на партийную массу, не участвующую в партийной жизни . . .

В наше время не партия, не широкая ее масса выдвигает и выбирает губкомы и ЦК РКП; наоборот, секретарская иерархия партии все в большей степени подбирает состав конференций и съездов, которые все в большей степени становятся распорядительными совещаниями этой иерархии. Режим, установившийся внутри партии, совершенно нетерпим, он убивает самодеятельность партии[295]). Он подменяет партию политической машиной»[296]).

Самое замечательное в «заявлении 46» это, однако, признание того, что «настоящее положение, создавшееся благодаря режиму фракционной диктатуры, объективно развилось после X съезда . . .»[297]). Иными словами, заявление с опозданием на два с половиной года констатирует, что ленинский режим внутрипартийной диктатуры был окончательно установлен на X съезде. Желая снять с себя ответственность за установление этого режима, голосовавшие в своем большинстве за него в марте 1921 года, 46 партийных лидеров в 1923 году заявляли, что этот режим теперь «пережил свою необходимость»[298]), т. е. поставили вопрос об отмене пресловутой резолюции «О единстве партии».

В заключение, «заявление 46» характеризовало положение в партии как «кризис фракционной диктатуры» и предлагало изменить положение путем создания дискуссионного клуба, где большинство ЦК могло бы встречаться с активными и «видными» деятелями партии для того, чтобы обсуждать создавшееся положение.

Уже через год после того, как Ленин практически перестал руководить ЦК, все основные недостатки созданной им системы были обнаружены и указаны. Однако нашедшие эти недостатки оппозиционеры видели беду не в диктатуре партии над народом, а лишь «во фракционной диктатуре» большинства Политбюро над партией.

Особую тревогу внушали триумвирату армейские партийные организации. В лице этих организаций Троцкий и его сторонники располагали, если и не полностью, то во всяком случае в значительной степени, собственным аппаратом, подобно тому, как Зиновьев мог распоряжаться аппаратом Петроградской партийной организации, а Сталин и его помощники секретарской бюрократией по всей стране.

Такие видные партийные работники, как Муралов, командовавший в то время Московским военным округом, не будучи профессиональным военным, Смилга, Антонов-Овсеенко были верными помощниками Троцкого, и уже в начале дискуссии в партийных организациях Московского военного округа и управлений Наркомвоенмора троцкисты оказались в большинстве.

Троцкий пользовался аппаратом политорганов армии (о чем он предпочитает не вспоминать в своих поздних работах) в своих целях, совершенно так же, как это делали Зиновьев и Сталин в тех частях партийного аппарата, где доминировали они.

Один из главных троцкистов 1923 года — тогдашний начальник ПУРа — Антонов-Овсеенко 24 декабря издал своей властью циркуляр, где указывал на необходимость перестройки работы политорганов и на развертывание внутрипартийной демократии в партийных организациях армии.

Влияние Троцкого в армейском аппарате и страх перед возможностью использования им армии в своих целях были настоящим кошмаром как для его коллег по Политбюро, так и для их сторонников.

Позже, во время открытого столкновения Зиновьева с правыми — Рыковым, Бухариным, Томским — и Сталиным, когда многое вылилось наружу, одному из главных помощников Зиновьева в Петрограде — Евдокимову — приписывались слова, относящиеся к началу 1924 года: «если мы оставим Троцкого в том же положении, или, вернее, в правах члена Политбюро и председателя Реввоенсовета, то он нам отвинтит башку», причем выступавший ленинградец Голо-

вешко прибавил: «а мы знаем, что т. Евдокимов очень часто говорил то, что думал т. Зиновьев»[299]).

На верхах партии помнили об угрозе Троцкого, в 1917 году, рубить головы своим противникам. Кроме того, он в своей, направленной, главным образом, против Зиновьева и Каменева, брошюре «Уроки Октября» приводит в назидание «выродившимся» партийным бюрократам, «термидорианцам», как он называл их позже, пример якобинской тактики по отношению к инакомыслящим:

«Робеспьер, который не успел ознакомиться с плехановской идеей, — писал он, — нарушал все законы социологии, и, вместо того, чтобы обмениваться с жирондистами рукопожатиями, рубил им головы»[300]).

Страх перед Троцким продиктовал резолюцию созванного накануне XIII конференции пленума ЦКК, где по докладу Е. Ярославского она была принята большинством сторонников триумвирата: «Пленум ЦКК считает особенно опасной эту работу оппозиции в Красной армии, так как эта работа создает враждебное настроение у части военных коммунистов против руководящего органа — ЦК»[301]).

XIII партконференция была первой в ряде последующих конференций, решения которых зачастую были важнее резолюций последующих съездов. Решения, принятые представителями аппарата партии, собираемыми в качестве делегатов с решающим голосом на конференции секретариатом ЦК, неизменно потом «одобрялись» съездами, которые, таким образом, ставились как бы перед совершившимся фактом. Отмена решений партконференции означала бы вступление в борьбу с руководящим аппаратом.

XIII конференция была созвана 16 января 1924 года и приняла две главные резолюции: «О партстроительстве» и «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии».

Первая резолюция, как и резолюция Политбюро от 5 декабря 1923 года, признавала необходимым сделать несколько шагов навстречу требованиям Троцкого, в силу того, что эти требования были со всей очевидностью также и требованиями молодой части партии, с которой, в силу положения и авторитета Троцкого в 1924 году, еще нельзя было не считаться.

Прежде всего, были повторены принятые под давлением заявления 46-ти решения октябрьского пленума ЦК и

ЦКК 1923 года о курсе «на внутрипартийную демократию, а также предложенное Политбюро усиление борьбы с излишествами . . .» была подтверждена «наблюдающаяся бюрократизация партийных аппаратов и возникающая отсюда угроза отрыва партии от масс»[302]).

Однако в отличие от утверждений Троцкого и его сторонников в резолюции, когда речь идет об «излишествах» и «бюрократизации», имеется ввиду не весь высший партийный аппарат, а лишь неясные «отдельные элементы партии»[303]).

Резолюция также предлагала «проверить целесообразность . . . права утверждения секретарей вышестоящими инстанциями. Во всяком случае нельзя допускать — ханжески заявила резолюция — превращения права утверждения секретарей в фактическое их назначение»[304]).

Формально это была уступка Троцкому, протестовавшему против назначенчества уже в своем письме от 8 октября. Фактически составители резолюции прекрасно знали, что эта фраза была пустым звуком, постольку, поскольку выдвижение кандидатур в секретари шло сверху и, если, несмотря на соответствующую обработку, собрание позволяло себе выбрать другого кандидата, то он заведомо мог быть и не утвержден.

Сталин мог так сравнительно быстро и легко отстроить свой аппарат только потому, что «право утверждения вышестоящей инстанцией» означало его личное утверждение всех секретарей областных, краевых и крупных городских партийных организаций. При соответственной же технике подготовки выборов и праве кооптации в составы бюро обкомов, райкомов, горкомов и т. д. выборы секретаря составляли лишь формальную процедуру для партийца, направленного на эту работу высшей инстанцией.

Сделав ряд формальных уступок под давлением популярности критики Троцкого, главным образом, среди молодежи, его объединившиеся противники выдвинули со своей стороны в обеих резолюциях вопрос о свободе существования фракций и группировок по тем или иным вопросам.

Резолюция обвиняет Троцкого в том, что он посмел открыто выступить со своим мнением в «Новом курсе» «через два дня после опубликования единогласно принятой резолюции Политбюро . . .». Это его выступление названо «фракционным манифестом», главным образом, потому, что

триумвират провел в ЦК и ЦКК постановление «не выносить поднятые Троцким и 46-ью споры за пределы ЦК, не оглашать писем Троцкого и 46-ти, равно как и ответа Политбюро . . .»[305]). Под «ответом Политбюро» собственно и скрывается триумвират, поддержанный Рыковым и Томским.

В резолюции говорится, что Троцкий, требуя свободы группировок для коллективного высказывания своего мнения, не возражал против запрещения фракций. В этой противоречивой позиции Троцкого, принявшего на X съезде ленинскую норму фактического запрета «внутрипартийной демократии», и заключалась вся слабость его позиции. Будучи врагами демократии как таковой, Троцкий и его сторонники хотя и требовали пересмотра решений X съезда, но ограничивали свое требование узкими рамками своей партии, боясь и не желая перенести его не только на весь народ, но даже на всех рабочих.

Этим противоречием в позиции Троцкого широко воспользовались его противники в Политбюро, проведя в резолюции положение о том, что «Рабочая демократия . . . вовсе не предполагает свободы фракционных группировок, которые для правящей партии крайне опасны, ибо всегда грозят раздвоением или расщеплением правительства и государственного аппарата в целом»[306]).

В первый период нэпа перед партией стояла основная проблема: откуда взять средства на восстановление и реконструкцию промышленности.

Если отбросить пропагандную методику почти всех партийных выступлений, особенно ярко представленных речью Сталина на XVI партсъезде, пытающихся доказать, что дореволюционная Россия была «пустым» местом или по меньшей мере крайне отсталой страной, то приходится убедиться, что восстановление промышленности шло крайне медленно.

Достаточно напомнить, что только к 1928 году добыча угля, а также производство стали и чугуна достигли уровня 1913 года. Только тогда начали осуществляться первые крупные дореволюционные проекты и уже начатые, но остановленные революцией строительства как, например, Днепрогесс или Турксиб.

В то же время, если коммунистическая статистика постоянно исходит в своих сравнениях из показателей остановившегося в 1913-1914 гг. в связи с войной промышленного

производства дореволюционной России, то промышленное производство как в Западной Европе, так и особенно в Америке, нельзя было статистически остановить на 1913 годе. Оно развивалось дальше. К 1929 году Западная Европа и Америка сделали большой скачок вперед по отношению к 1913 году и это не могло не пугать особенно ту часть партии, которая мечтала о близкой мировой революции.

Здесь необходимо лишь напомнить, что за 25-летие 1887—1912 темп развития русской промышленности был таков, что Россия, если бы не Октябрьский переворот, стала бы на первое место в Европе к 1928 году, оставив, конечно, далеко позади свои показатели 1913 года. Достаточно напомнить, что добывающая промышленность выросла за предвоенное двадцатипятилетие на 520%, металлургическая на 388%, химическая на 600% и т. д.[307]).

Исходя из этих цифр, легко заключить, что к 1928 году мог быть достигнут тот уровень, к которому с таким колоссальным напряжением всех сил и с такими жертвами пришли лишь к 1937 году.

Замедление роста видели, конечно, на верхах партии, и вопрос о капиталовложениях в промышленность был, особенно для сторонников форсирования революции на Западе, вопросом жизни и смерти.

Троцкий, Пятаков, Смилга, Муралов, Преображенский, Розенгольц и другие внутренне не воспринимали нэпа «всерьез и надолго». Они надеялись снова вернуться к военным методам управления хозяйством, мирились с нэпом лишь как с крайней необходимостью в связи с политическим положением в стране и голодом 1921-1922 гг.

Когда в 1923 году сельское хозяйство начало становиться на ноги, Преображенский выдвинул свой знаменитый «закон первоначального социалистического накопления»[308]).

Исходя из того, что согласно Марксу (в чем Маркс был лишь отчасти прав) Европа накопила первоначальный фонд капиталов для индустриализации XIX века за счет колониальных войн и торговли в XVI—XVIII вв., Преображенский считал, что социализм, подобно первоначальному капитализму, должен строиться за счет предшествующих форм хозяйства.

Иначе говоря, индустриализация должна быть проведена за счет «эксплуатации досоциалистических форм хозяйства». Применяя эту надуманную схему к положению в

СССР, Преображенский рассматривал крестьянство и мелкого городского производителя в качестве «колоний» социалистической индустрии, предлагал попросту их максимальное ограбление ради накопления ресурсов для капиталовложений в промышленность.

Это отношение к крестьянству вообще, к середняку в частности, как к потенциальному кулачеству вполне совпадало с ленинскими взглядами 1918 года. Принимая нэп как временную необходимость, Преображенский и разделявшие его взгляды Троцкий, Пятаков, Иоффе и другие считали необходимым «нажать на деревню» ради форсирования индустриализации.

Начиная с 1923-1924 гг. и особенно в 1926-1927 гг. они настаивали на увеличении налоговых платежей до 30% дохода со всех хозяйств ставших на ноги или, как они их называли, с «верхушечных слоев середняков, смыкающихся с кулаками». Одновременно предлагалось, по образцу 1918 года, освобождение от налогов всех бедняцких хозяйств.

Под эксплуатацией «досоциалистических форм хозяйства» понимались также высокие наценки на промышленные товары, еще более раздвигавшие знаменитые ножницы между ценами сельскохозяйственной и промышленной продукции.

Троцкий видел в крестьянстве опасную мелкобуржуазную стихию, не верил в «союз с крестьянством», осуществить который хотели правые, надеялся, что рано или поздно можно будет вернуться к «военным методам» в отношении деревенской верхушки.

Обвинение Троцкого Пятакова, Розенгольца, Преображенского, Смилги и др. в «мелкобуржуазном уклоне» казалось им перенесением беды с больной головы на здоровую теми, кого позже Троцкий стал называть «термидорианцами».

На XIII партконференции было решено, наконец, предать гласности 7 пункт резолюции «О единстве партии», проведенной Лениным на X съезде.

Резолюция, естественно, не добавляет того, что следовало бы, говоря о «правящей партии» в условиях однопартийной коммунистической диктатуры.

Троцкому была приклеена этикетка «мелкобуржуазного уклона». Согласно разделу резолюции «Идейная сущность оппозиции», его «мелкобуржуазность» заключалась в том, что вместо того, чтобы видеть в партии «монолитное целое»,

он и оппозиция делают механическую попытку осуществить идеологическое и политическое единство «взглядом на партию, как на сумму всевозможных течений и фракций»[309]). Троцкий требовал равноправия в партии, т. е. хотел осуществить единство в партии не механическим путем «партийной дисциплины», а средствами дискуссии и взаимного убеждения.

Другой стороной «мелкобуржуазности» Троцкого была, согласно резолюции, попытка «перенести центр тяжести борьбы против бюрократизма в госаппарате на «бюрократизм» в аппарате партии». Иными словами, попытка атаковать аппарат властвования своих противников.

Для Троцкого, яркого сторонника форсирования революции на Западе и одного из самых горячих ненавистников нэпа, едва ли подходит даже условная характеристика «мелкобуржуазный» — так была выражена месть Зиновьева и Сталина, спешивших наклеить на спину самого опасного конкурента на власть наиболее позорный, с точки зрения коммунистической доктрины, бубновый туз.

На XIII конференции было решено предать гласности 7-ой пункт резолюции «О единстве партии», проведенной Лениным на X съезде.

Эту важнейшую норму внутрипартийной диктатуры Ленин, хорошо понимавший ее смысл, стеснялся публиковать.

Введя диктатуру в партии, он пытался скрыть это положение от рядовой массы ее членов. Решение об опубликовании, вынужденное кризисом в партии 1923-1924 гг., было принято за три дня до его смерти.

XIII съезд, собравшийся 23 мая 1924 года, как и следовало ожидать, одобрил решения январской конференции. Важнейшим событием на съезде было выступление Троцкого со знаменательной речью.

Он не только полностью признал правильность резолюции от 5 декабря 1923 года, но и провозгласил незыблемость ленинских идей о партии, заключенных в резолюции «О единстве партии» 1921 года.

«Я никогда не признавал и не признаю свободы партийных группировок, — заявил Троцкий на съезде, — ибо группировка есть в данных исторических условиях только другое наименование фракции»[310]).

Троцкому, несмотря на все его заявления о внутрипартийной демократии, несмотря на его борьбу с «назначенче-

ством», «секретарской бюрократией», дороже всего оставалась партия, как инструмент диктатуры над народом, как инструмент мировой революции. С предельной ясностью он подчеркнул эту мысль на съезде.

«Партия в последнем счете всегда права, потому что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату . . . Я знаю, что быть правым против партии нельзя. Правым можно быть только с партией и через партию, ибо других путей для реализации правоты история не создала»[311]).

Тем, что Троцкий не видел «других путей для реализации правоты», хотя он и знал историю, он вынес приговор как самому себе, так и тому течению коммунистического интернационализма, которое он возглавлял. Оказалось, что властвование на основе «насилия, не связанного никакими законами», неизбежно приводит не только к тотальному подчинению личности насилию, но и к отказу от собственных взглядов.

Случилось так, что приведенные слова Троцкого были произнесены в последнем его выступлении на съездах партии. На XIV съезде он предпочел молчаливо созерцать разгром группы Каменева и Зиновьева и голосовал против них вместе со Сталиным, а на XV съезде его уже не было — он был исключен из партии незадолго до съезда.

ГЛАВА XXIII

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА

Если требования и отношение к коммунистическому режиму были высказаны и продемонстрированы петроградскими рабочими в дни Кронштадта, то политические требования крестьянства видны из секретного доклада ОГПУ 1925 года Орграспреду ЦК партии.

Согласно этому докладу «на различных крестьянских собраниях было зарегистрировано органами ОГПУ 1533 выступления за организацию «Крестьянского союза», в том числе 377 середняцких, 314 кулацких, 88 бедняцких и др.». К сожалению, что скрывается под «другими» в советской печати не раскрыто[312]).

Требования интеллигенции были ясно сформулированы на Ленинградском съезде инженеров. Одно из выступлений, прозвучавшее особенно смело, цитировал Зиновьев в своем отчетном докладе на XIII съезде:

«У нас чувствуется какая-то вялость в нашей работе ... причина заключается в том, что у нас нет видов на будущее ... если нас собрали на этот съезд, то для того, чтобы выяснить, почему наша работа не вяжется с работой коммунистов. Я беру на себя сказать это слово: вопрос простой. Коммунисты, как материалисты, считают необходимым и нужным дать людям предметы первой необходимости, а мы, интеллигенты, говорим, что в первую очередь нужны права человека (подчеркнуто нами. — Н. Р.). Вот наша основная программа ... сейчас мы этих прав человека не имеем и пока мы их не получим, мы будем инертны. Интеллигенты! Кто же такой интеллигент? Неужели человек имеющий диплом? Интеллигент — это всякий человек, будь то крестьянин, будь то рабочий, будь то человек с дипломом, это человек, который ставит выше всего права человека, считает, что человек — высшая ценность в государстве. Этого у нас нет и поэтому интеллигенция работает вяло ... Кто ошибается?

Мы или коммунисты? Этот вопрос надо выяснить. Я считаю, что ошибаются коммунисты. Они говорят: коммунистический строй вечен. Это — роковая ошибка . . .

Лозунг — «Владыкой мира будет труд» — неправильный. Он связывает руки. Владыкой мира будет свободная мысль свободного человека. И пока мы не имеем прав человека наша работа всегда будет связана, всегда будет инертна»[313]).

Зиновьев по существу не дискутирует. Он отвечает ленинградскому инженеру знакомой издевкой: «Каждый инженер, если он состоит в секции инженеров при профсоюзе, имеет у нас избирательные права . . .[314]). Каких еще «прав человека» хотят они . . ?»

Зиновьев хорошо понимает, что интеллигенция требует не избирательные «права» в советский профсоюз. Но Зиновьеву нечего возразить против тезиса, что человек — высшая ценность в государстве и обществе, и он вместо ответа демагогически ссылается почему-то на французский парламент, говоря, что там «буржуазная интеллигенция (ленинградский инженер как раз подчеркивал, что речь идет не о дипломе) имеет монополию политического представительства народа».

Съезд отнесся равнодушно к этим примерам Зиновьева о настроениях в стране и среди интеллигенции в особенности. Всех интересовал вопрос лишь о том, кто окажется во главе аппарата власти. Подавляющее большинство делегатов съезда давно уже привыкло к тому, что дискуссиями в борьбе с высказываниями, подобными выступлению инженера, не поможешь — для борьбы с ними существует ЧК—ОГПУ.

Для этого большинства, представлявшего высшую партийную бюрократию, подобранную большинством Политбюро, однако, при непосредственном и решающем участии генерального секретаря, вопросы, поднятые ленинградским инженером, не укладывались в ту форму «идеологического единства», которая еще до «клятвы Сталина над гробом Ленина» расцвела в партии. На месте собственного мнения, пусть построенного на основе марксистской доктрины, появилось начетническое цитатничество, при каждом удобном и неудобном случае, из произведений Ленина, как будто в его сочинениях должен содержаться ответ на любой вопрос, поставленный жизнью.

Мы уже отмечали, что Ленин часто противоречит себе. Особенно бросаются в глаза своей диаметральной противо-

положностью некоторые его высказывания до и после 1921 года.

И напрасно было бы думать, что цитирование Ленина («из Ветхого завета», как выражались некоторые в партии уже в двадцатых годах) на верхах партаппарата рассматривалось, как поиски некой неопровержимой истины. Захватившая власть данная комбинация из состава высшего руководства и оппозиция к ней с успехом опирались каждая в своей аргументации на более или менее удачно подобранные цитаты из Ленина.

Общим, действительно ленинским, отношением к решающим политическим проблемам можно считать на всех съездах партии уже двадцатых годов то отношение, которое видно хотя бы из приведенных нами комментариев Зиновьева к высказываниям ленинградского инженера. Это отношение можно назвать первой ступенью так называемого «идеологического единства» партии. В нем, как и во всех работах Ленина, действительно отсутствует понятие демократии для народа, понятие свободы, прав человека, прав на свободную, не связанную ни с какой обязательной догмой мысль.

Узурпация нормальных человеческих прав, казавшаяся необходимой для осуществления диктатуры одной партии, и была основной, главной предпосылкой того «идеологического единства», которое в полной мере было достигнуто позже, когда с открытой борьбой фракций и групп в партии было покончено.

Но когда при Сталине нормы «идеологического единства» вошли полностью в силу не только для партии, но и для народа, осуществителю этих норм пришлось пойти и дальше — наложить запрет не только на то, что выходит за рамки официальной доктрины, но и на высказывания Ленина и Маркса, которые не соответствуют текущим политическим интересам вождя партии.

Мы уже останавливались на «завещании» Ленина и ряде его статей и писем, опубликованных впервые лишь в 1957 году[315]). Такие примеры можно привести и для ряда высказываний Маркса — их либо запрещали, либо замалчивали.

Так, например, сближение Маркса с русскими народниками в конце его жизни и его признание в письме к В. Засулич, что в России путь к социализму не обязательно должен пройти через полное развитие капитализма, долгое время замалчивались. Это письмо Маркса, как и его замечание об

«азиатском способе производства»[316]) в III томе «Капитала», опровергает универсальность марксистской системы, ибо, таким образом, Марксу, в конце своей жизни, пришлось ограничить распространение законов общественного развития, на открытие которых он претендовал, лишь на индустриально развитые страны Западной Европы. Напомним также, что Маркс остановился в работе над III томом «Капитала» на главе «Классы», которую он так никогда и не написал. Сторонники марксизма, в частности Плеханов и Ленин, тщательно выискивали различные места из отдельных произведений Маркса, главным образом из предисловия «К критике политической экономии», дабы заполнить «этот пробел» в марксизме, т. е. отсутствие развернутой характеристики классов в истории человечества[317]).

Подобно тому, как Маркс оборвал свою главную работу на проблеме «классов» в истории человечества, колеблясь, в частности, куда отнести крестьянство в таких странах как Россия, так и Ленин остановился в характеристике диктатуры пролетариата на проблеме культуры и не смог дать законченного определения понятию «пролетарской культуры»[318]).

Самый внимательный просмотр сочинений Ленина ничего не может дать кроме обрывков, часто противоречивых, на тему о пролетарской культуре. Больше того, в своих последних произведениях и Ленин проникается глубочайшим скептицизмом по отношению к той культуре, которая согласно догме марксизма должна произрасти на базе пролетарской революции.

Остановимся на главнейших высказываниях Ленина по вопросу культуры. В заметках публициста, в 1910 году, он еще уверенно писал — «Мы знаем только одну пролетарскую науку — марксизм».

В своей, все еще дышавшей оптимизмом, знаменитой речи на III Всероссийском съезде комсомола 2 октября 1920 года он объявил:

«Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре... Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием всех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества...»[319]).

Наконец, в ноябре 1920 года, Ленин лично составляет проект резолюции ЦК на съезде «Пролеткульта», где он еще раз повторяет:

«Только мировоззрение марксизма является правильным выражением интересов, точки зрения и культуры революционного пролетариата»[320]).

Во всех этих определениях отсутствует развернутая характеристика «пролетарской культуры», в противовес «буржуазной», возникающей, по Ленину и согласно марксизму, на базе капиталистических отношений. Какая же культура должна возникнуть на базе социалистических отношений на базе пролетарской революции?

Начиная с 1921 года Ленин собирается заняться работой на тему «Пролетарская революция и культура», но чувствуя, видимо, противоречие в самом понятии «классовой культуры», так и не смог ничего написать.

Следы попыток Ленина в этом направлении можно видеть в его заметках по поводу статьи Плетнева[321]), появившейся в «Правде» в 1922 году.

Ленину особо понравилась и он одобрил следующую формулировку Плетнева: «Тезис — буржуазная классовая культура; ее антитезис — классовая культура пролетариата; и лишь за порогом классового общества их синтез — культура общечеловеческая».

Называть российскую культуру «буржуазной», «помещичьей» или «феодальной» означает касаться лишь весьма незначительной части ее формы, ее проявления, означает подменять огромную историческую реальность теорией. Еще Герцен говорил, что «Россия факт, а не теория». Грандиозные события последней мировой войны еще раз подтвердили существование этого огромного «исторического фактора» и никакие фразы о культуре «социалистической по содержанию» не смогли заменить российского сознания, как доминирующего основного движущего стимула народной воли. Российская культура раскрывает и определяет народное сознание и по сегодняшний день, и то, что она живет, развивается, несмотря на отсутствие воздуха свободы, показывает лишь ее силу, ее огромные потенциальные возможности.

Так опыт сорока лет еще раз продемонстрировал бессодержательность диалектической триады, так понравившейся Ленину, на которой и останавливаются попытки Ленина в определении «пролетарской культуры»[322]).

Подобно принятой Лениным диалектической триаде, где тезис лишь незначительная часть целого, антитезиса не существует вовсе, а синтез остается еще теорией далекого исторического будущего, Сталин, несмотря на известный опыт «советского строительства», накопленный с годами, все еще повторял: «Разве не говорил Ленин еще до войны, что культуры у нас две — буржуазная и социалистическая». Здесь Сталин, помимо повторения сомнительных положений о двух культурах, навязывает Ленину мнение о том, что он якобы признавал существование социалистической культуры до революции. Как мы видели, Ленин до 1917 года никакой культуры этого рода нигде, кроме как в сочинениях Маркса и Энгельса, не находил. И далее, Сталин, идя вслед за той же диалектикой, провозгласил свою формулу:

«Лозунг национальной культуры (т. е., по Ленину, культуры буржуазной. — Н. Р.) стал лозунгом пролетарским, когда у власти стал пролетариат, а консолидация нации стала протекать под эгидой советской власти»[323]).

По Сталину все происходит еще проще, даже без диалектики: достаточно установить диктатуру партии («у власти стал пролетариат»), чтобы объявить все творчество полезное диктатуре (наука, техника) — или восхваляющее ее или служащее ее интересам — «социалистическим по содержанию».

Сталин хорошо запомнил, однако, ленинское отношение к интеллигенции и вся его утилитарно-эклектическая формулировка, бесспорно, происходит из этого отношения. Еще в 1899 году в рецензии на книгу Каутского Ленин писал: «Интеллигенция занимает своеобразное положение среди других классов, примыкая отчасти к буржуазии по своим связям, воззваниям и проч., отчасти к наемным рабочим. Переходное, неустойчивое, противоречивое положение, рассматриваемого общественного слоя, отражается в том, что среди него особенно широко распространяются половинчатые эклектические воззрения . . . По мере того, как капитализм все более и более занимает самостоятельное положение у интеллигента, он превращает его в зависимого наемника . . .»[324]).

Сталин воспринял это примитивно-утилитарное отношение к наиболее культурному слою и предпочел путем террора снимать вопросы, поставленные жизнью, — в каком сознании, в каком мировоззрении живет и творит новая совет-

ская интеллигенция. Он не поставил вопроса еще более важного для будущего партийной диктатуры, каково будет творчество этого нового культурного слоя, ибо от ответа на этот вопрос зависит в конечном итоге вся историческая перспектива дальнейшего развития партийной диктатуры.

Как ни странно, на этот вопрос ответил Ленин в своей последней статье «Лучше меньше, да лучше» много лет спустя. От этого последнего произведения Ленина веет глубочайшим пессимизмом, в нем нет ничего больше от бравурного оптимизма речи на III съезде комсомола.

В эти последние годы своей жизни Ленин признавал отступление, признавал, что построить социализм путем штурма в эпоху военного коммунизма не удалось. Ленин был озабочен в это время лишь сохранением аппарата властвования, а для создания государственного аппарата «... необходима именно культура. Тут ничего нельзя поделать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией ...». В то же время он констатирует, что партийные кадры не выработали в себе «той культуры, которая необходима для этого»[325]).

Возражая, собственно (ибо речь идет, конечно, не о пролеткультовцах), самому себе, Ленин писал 2 марта 1923 года, одновременно со своим завещанием:

«Нам первое пятилетие порядочно-таки набило голову недоверием и скептицизмом. Мы невольно склонны проникаться этим качеством по отношению к тем, кто слишком много и слишком легко разглагольствует, например, о «пролетарской культуре»: нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры ...»[326]) (подчеркнуто нами. — Н. Р.).

Таков прискорбный итог первого пятилетия и таковы перспективы «пролетарской диктатуры» в области культурного творчества. Признание Ленина вырвалось, конечно, не случайно, ибо, как он сам ниже пишет: «Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны ...»[327]), что ближайшей задачей является сохранение власти, а не построение социализма или европейская революция.

Тем не менее, соратникам Ленина от его пессимизма и вынужденных признаний было не легче. Партия в начале нэпа не могла не заботиться о росте и воспитании новых кадров, о своей «смене», которой рано или поздно надо будет вручать судьбы коммунизма.

Новое положение членов партии и сама жизнь в условиях нэпа выдвинули перед партией ряд проблем, временно отошедших на второй план в период военного коммунизма.

Главнейшая проблема, ставшая теперь, в новых условиях, сводилась к определению развития общества в условиях партийной диктатуры. В комплексе вопросов этой проблемы, прежде всего, встал вопрос о кадрах, о подготовке молодой интеллигенции. Вопросы кадров и коммунистического воспитания, естественно, ставили проблему о культуре на первое место. Тема «О пролетарской революции и культуре» уже тогда открыла в перспективе наличие неснимаемых противоречий между партийной диктатурой и культурой, как основным средством воспитания и базы для роста кадров.

Надо отдать справедливость Н. И. Бухарину в том, что он уже в начале двадцатых годов поставил вопрос об этих противоречиях, назвав их «опасностями», возможности преодоления которых он тогда еще видел.

Остановимся подробнее на этих проблемах. Почти одновременно с выходом последней статьи Ленина, в феврале 1923 года, Бухарин прочел в Петрограде доклад на тему «Пролетарская революция и культура», развернутый им в небольшую книжку, бесспорно, одно из самых выдающихся его произведений[328]).

Уже резолюция XII съезда признавала, что так называемая «пролетарская культура» имеет для коммунистической партии решающее значение, не только с точки зрения творчества, — хотя творчество рассматривалось, прежде всего, в области техники, — но еще больше с точки зрения формирования кадров. Кадры новой интеллигенции, в широком смысле слова, специалистов, начиная от военных и кончая писателями и журналистами, нужны были не только для хозяйственного и культурного подъема страны, но и как новая главная опора коммунистической власти. Трудности и вытекающее из них противоречие заключалось в том, что эта новая интеллигенция должна была обладать «пролетарской культурой», которой, как таковой, в 1923 году еще не было. Рассматривая высказывания Ленина и Бухарина по этим вопросам, необходимо прибавить, что и тот и другой, видимо, искренне верили в возможность создания последующими поколениями «пролетарской интеллигенции» — новой, особенной, социалистической «пролетарской культуры». Опыт сорокалетнего властвования коммунистической власти пока-

зал, что такой культуры создать не удалось, и во всех случаях острой необходимости коммунистические вожди вынуждены были обращаться к российской национальной культуре, ибо только она оказалась живой, только она могла поднимать людей на творчество, на защиту отечества, на искренний подвиг, необходимый для победы на фронтах 1941-1945 гг.

В своем докладе 1923 года Бухарин рисовал положение и перспективы следующим образом: «Когда мы пришли к власти, мы неизбежно должны были быть универсалистами, которые решительно все должны делать: «прикажут, акушором буду», сегодня на фронте, завтра в другом месте и т. д. ... Весь кадровый состав наш напоминал бродячее население эпохи удельно-вечевого времени в России»[329]).

Новое положение (после введения нэпа) Бухарин определял в следующих задачах:

«Нам нужно перейти сейчас на оседлый образ жизни. И сейчас нужно понять, что разговоры о том, что всякий все может, нужно покончить раз и навсегда. Нам нужен собственный специалист, который, может быть, других отраслей не знает, но то дело, которому учится — знает и совершенно добросовестно, как знали старые буржуазные типы, которые работали в этой области, или лучше их. Это нужно до зарезу»[330]).

Бухарин разбирает известное положение Маркса, что никакая новая форма не заступает места старой общественной формы до тех пор пока на лоне старых отношений, в недрах старого общества, не созрели элементы нового. Однако он достаточно откровенен, чтобы признать, что русские большевики, согласно Марксу, «постарались вытолкнуть не созревший плод», благодаря наличию партии — «авангарда» класса. Однако непосредственно вслед за тем, Бухарин признает, что этот «авангард» в своей верхушке вовсе не является представителем рабочего класса: «... в нашей коммунистической партии, это нечего скрывать от себя, есть определенная верхушка руководящая, которая в значительной степени состоит из выходимцев другого класса»[331]).

Естественно, что после этого признания встает вопрос, — могла ли эта руководящая верхушка партии быть носительницей «пролетарской культуры»? На этот вопрос Бухарин отвечает совершенно определенно:

«Рабочий класс вызревает в недрах буржуазного общества как класс, который в состоянии расшибить машину буржуазного господства, но рабочий класс не может вызреть в рамках капиталистического общества как класс, который целиком способен выполнять функции организации нового общества один».

Иначе говоря, по Бухарину, рабочий класс может быть использован как ударная революционная сила, но не как организующий, творческий элемент. Что создала — спрашивает Бухарин — «пролетарская культура» до прихода к власти? — «Только в области общественных наук, он (пролетариат. — Н. Р.), в лице Маркса и Энгельса и их учеников, дал контуры того нового, что несет с собой «пролетарская революция». А в других областях? — В других областях, ничего»[332]).

После этого признания, Бухарин, вслед за Лениным, определяет роль диктатуры, которая «заключается именно в том, что рабочий класс вызрел как класс . . , дозрел до класса, который способен управлять обществом, и потом, на тормозах, растворился бы в общекоммунистическом обществе, когда пролетарская диктатура будет неизбежно отменена и когда исчезнут остатки старых классовых делений»[333]).

Итак, «пролетарская культура», по Бухарину, кроме Маркса, Энгельса и их учеников, ничего не дала. В сущности этого признания содержится самоотрицание понятия так называемой «классовой культуры». Одной из главнейших причин неизбежного кризиса коммунистической системы является невозможность путем исторического исследования, или на опыте культурного строительства при советской власти доказать возможность создания «пролетарской культуры». Культура, будучи всегда, прежде всего, проявлением, творчеством человеческого духа, не может, конечно, быть заключена в узкие рамки «рабовладельческой», «феодальной», «буржуазной» формации. Как мы указывали выше, резолюция XII съезда партии дважды повторяет положение, что советское государство является, прежде всего, государством, в котором во всех областях, в том числе в области культуры, проводится политика не диктатуры пролетариата, а диктатуры партии. Иначе, собственно, и быть не могло даже согласно ленинскому определению понятия диктатуры пролетариата как понятия весьма условного и лишь прикрывающего действительность — диктатуру партии.

Каутский и Бернштейн говорили, что партийная диктатура неизбежно вырождается, и единственным путем предотвратить это вырождение является создание пролетарской культуры в период, предшествующий политической революции. Иначе говоря, они, будучи марксистами, не отрицая возможности создания пролетарской культуры, видели необходимость выявления ее в эволюционном процессе, происходящем при системе капитализма. Бухарин же вслед за Лениным, в 1923 году, пытается найти пути создания пролетарской культуры в условиях партийной диктатуры.

Он вводит, например (заимствую эту идею у известного социолога Питирима Сорокина), понятие «духоподъемности», трактуя это понятие как планирование, управление, целевое подчинение творчества ради создания новых культурных ценностей. Однако уже в самом понятии «духоподъемности», что и подчеркивает Сорокин, лежит не только волевое усиление, но и творческая свобода. Мысль Бухарина сводится к использованию свободно мыслящей интеллигенции для целей партийной диктатуры. Но в то же время Бухарин достаточно глубокий аналитик, чтобы не заметить на предлагаемом им пути две опасности, на которых нам необходимо остановиться. Формулировки Бухарина являются первыми, исходящими из рядов КПСС, определениями возможного социального развития СССР, бесспорно послужившими указанием для многих последующих теоретиков. Милован Джилас, который, видимо, не знал этих забытых формул Бухарина, повторил и развил их в своей книге «Новый класс».

Бухарин еще достаточно осторожен и в то же время достаточно оптимистичен, чтобы после пятилетнего опыта и внешних побед назвать эти возможные пути лишь «опасностями».

В качестве первой опасности он видит развитие, при котором «из социальных слоев, нам враждебных или полувраждебных, может возникнуть «новый класс, стоящий на верху горы (Н. Бухарин стесняется сказать прямо — пирамиды, хотя явно подразумевает ее. — Н. Р.), у которого рабочий класс превратится в класс эксплуатируемый». Это возникновение, предполагаемое Бухариным в процессе индустриализации, требующей неизбежного привлечения культурных технических кадров, произойдет тогда, когда «мы из технической интеллигенции, из части новой . . . плюс некоторая часть да-

же нашей партии, в силу необходимости разрешения стоящих перед нами экономических задач, превратились бы в некоторый новый класс»[334]).

Говоря об этой опасности, говоря о борьбе за новый кадровый технический состав, Бухарин предлагает в плане преодоления ее решать всю проблему «не механическим путем, не путем добавочного вышибания зубов, а путем обработки нашего человеческого материала в качестве нашего кадрового состава»[335]).

Здесь Бухарин очень осторожен, он говорит о культурной обработке, но понимает, возможно, и всякую другую, к которой широко прибегал впоследствии Сталин: сочетание жесточайшего террора и запугивания с материальным подкупом части интеллигенции, как рекомендовал еще до революции Ленин.

Идейное завоевание новой интеллигенции, нового ведущего кадра, однако, требует культурных средств и сил, и кончая свой доклад Бухарин жалуется на непонимание со стороны некоторых его коллег по ЦК партии, которые видят под пропагандой «пролетарской культуры», по его образному выражению, «мытье рук три раза в день». «— Но не могу же я — патетически восклицает Бухарин — перед аудиторией профессоров четыре часа говорить о мытье рук, а потом так просто взять шапку и уйти»[336]).

Бухарин правильно видит, что решение задачи упирается, в какой-то степени, в высшую школу, — «высшая школа, и решение культурной проблемы, сейчас для нас является одной из самых жгучих, самых злободневных задач ... от этого зависит исход революции»[337]).

Забегая вперед, укажем на опыт советской высшей школы, показавшей, что она, прежде всего, явилась и является до сегодняшнего дня школой преодоления марксизма. Попадая на университетскую скамью (и др. вузов, без различия), молодежь, даже склонная воспринимать доктрину коммунизма, постепенно — и каждый студент по-своему — начинает отталкиваться от нее, ибо в любой области науки — будь то история или физика — вырастает неизбежное противоречие между объективным изучением фактов и действительности, с одной стороны, и марксистской доктриной, с другой. Несмотря на продолжающуюся, вот уже 40 лет, борьбу с так называемым «объективизмом», коммунистическое руководство не может найти иного средства для выхода

из этого противоречия, кроме начетнического вдалбливания той или иной редакции (в зависимости от периода советской власти) марксистской доктрины. Это привязывание доктрины к науке у подавляющего большинства кончающих высшую школу не может не привести, и приводит, к исканию выхода из насильственной, механической связи двух взаимоисключающих факторов — науки и марксистской доктрины. И выход этот, обычно, в процессе подлинного изучения любой отрасли науки, находится в свободном творческом решении каждого представителя «нового кадра», кончившего высшую школу. Это решение закономерно делается антимарксистским. Невозможность, в системе тоталитарной диктатуры, широко делиться своими мыслями не дает яркого, открытого проявления новых школ российской общественной и научной жизни. Но достаточно просмотреть, хотя бы самым беглым образом, историю развития любой отрасли науки в СССР, как сразу можно констатировать непрерывную борьбу коммунистической власти с различными «враждебными школами», «извращениями», «вредительством», «антимарксистскими уклонами» самых различных направлений. Поколение молодой российской интеллигенции, продолжая черпать основу своих познаний из источников российской и общечеловеческой науки и общественной мысли, несмотря на часто обильное цитатничество «классиков марксизма-ленинизма», продолжает, и в ряде отраслей с большим успехом, развитие российской науки и культуры.

Этот процесс в поколениях молодой интеллигенции нашей страны, как показала вся история советского периода, неуклонно продолжается и по сегодняшний день, разумеется, независимо от «классового происхождения» того или иного студента. Ибо подлинное творчество, подлинное овладение наукой зависит, прежде всего, от способностей и силы духовной целеустремленности.

Не имея ничего общего с вопросом классового происхождения, этот процесс принимал несколько различные черты в зависимости от характера поколений. Можно найти характерные особенности в поколениях молодежи, вступивших в период формирования в двадцатых, тридцатых, в послевоенных годах, но это другая тема. Нам важно лишь заметить, что чем дальше отстояло молодое поколение от времен старого режима и революции, тем сильнее, тем более страстно стремилось оно к познанию и восприятию россий-

ской культуры. Исторически уже можно оценить поколение, вступившее в активную жизнь в тридцатых годах. Оно достаточно раскрыло себя в последней войне. Именно к нему, в первую очередь, были обращены призывы партии и Сталина о спасении России в 1941-1945 гг. «Пролетарский интернационализм» оказался чуждым этому поколению.

Бухарин, как марксист, не разглядел процесса отталкивания молодежи от марксизма и, оставаясь в сфере марксистских схем и классификаций, подошел к нему с другой стороны и увидел вторую опасность, — опасность перерождения партии. Об этой опасности, как о «еще быть может более существенной, — говорил Бухарин, — я считаю долгом точно так же сказать открыто, не замазывая никаким клейстером . . .: даже пролетарское происхождение и самые что ни есть мозолистые руки и прочие замечательные атрибуты пролетарского достоинства не есть гарантия против превращения в новый класс, потому что если мы представим такое положение вещей, что происходит отрыв от рабочей массы определенной части выходцев рабочего класса, которая захватывает монопольное положение в качестве этих выходцев (читай, которые делаются представителями диктатуры партии. — Н. Р.), они тоже могут превратиться в особую касту, которая . . . может превратиться в особый класс».

Далее Бухарин развертывает перспективу формирования господствующего слоя партийной диктатуры даже при условии, если этот господствующий слой широко пополняется рабочей молодежью:

«Первоначальные батальоны, которые рабочий класс бросил в высшие школы, замкнутся на этом, и потом через высшую школу будут проходить их сыновья, внуки, правнуки и праправнуки — тогда получится замкнутая каста, хотя и вышедшая из недр рабочего класса, но господствующая в качестве монополистов образования. Тогда есть величайшая опасность, что она превратится в выродившийся класс»[338]).

В 1923 году Н. Бухарин еще верил, что «отклонить эту более глубокую опасность» можно, если «обеспечен постоянный прилив из рабочих масс, постоянный поток в возрастающей степени . . . к этой новой рабочей интеллигенции добавочных слоев из рабочего класса»[339]).

Однако, рассчитывавший на спасение путем механического увеличения интеллигенции за счет рабочих, Бухарин забыл о неизбежном процессе противопоставления науки и

доктрины, на которую наталкивается молодая интеллигенция из каких бы слоев она ни происходила.

Таким образом, утверждение, сначала для партии, а потом и для всего народа, «идеологического единства», не формально, а по существу, наталкивается на вопрос о творчестве и, следовательно, на проблему культуры.

Развитие культуры в коммунистическом государстве, если не считать ею «мытье рук три раза в день», не пошло согласно доктрине по пути «пролетарской культуры» и этот факт должен был признать Бухарин. «Идеологическое единство» неизбежно становилось при таком развитии мифом, который можно было поддерживать лишь путем внушения страха, лишь путем насилия.

ГЛАВА XXIV

БОРЬБА ДВУХ АППАРАТОВ

31 мая 1924 года закончился XIII съезд, но не прошло и трех недель, как прозвучали первые выстрелы новой внутрипартийной борьбы. На этот раз ее начал Сталин, впервые открыто выступивший против своих коллег по коллективному руководству.

17 июня он, делая доклад об итогах XIII съезда на курсах секретарей укомов (райкомов) при ЦК, в еще осторожной, но для каждого партийца совершенно ясной форме, обвинил в «теоретической беззаботности» и в антиленинском подходе к важнейшим политическим вопросам своих союзников по борьбе с Троцким — Каменева и Зиновьева.

Сталин явно торопился. Смерть Ленина хотя и спасла его от политической деградации, но «завещание», прочитанное по делегациям на съезде, не могло не нанести ему тяжелого удара. Вот почему на самом съезде Сталин попал в положение человека, судьба которого зависит от отношения к нему его коллег по фракции. Каменев и Зиновьев явно доминировали, и опубликование ленинского завещания было в их руках тем пистолетом, дуло которого они держали за спиной Сталина. Когда Сталин был вынужден заговорить об отставке, Каменев и Зиновьев поддержали покачнувшегося третьего члена своего триумвирата; они считали, что после писем Ленина он уже никогда не сможет стать больше опасным противником. Зажатый между двумя более талантливыми людьми, что, как обнаружилось позже, Сталин переживал особенно болезненно, опасаясь не без основания, что Ленинград и Москва сделаются вскоре их окончательными цитаделями, партийными вотчинами, генеральный секретарь, благополучно выскочивший из-под нависшей над ним угрозы крушения, решил теперь торопиться. Он понимал, что для него наступил решающий период, ибо если Каменев и Зиновьев еще более укрепят свои позиции, то уже на сле-

дующем съезде ему достанется роль лишь послушного исполнителя их воли. Сталин придрался для начала к описке Каменева: «Недавно я читал в газете, — сначала еще осторожно, рассказывал генеральный секретарь укомовцам, — доклад одного из товарищей на XIII съезде (кажется, тов. Каменева), где черным по белому сказано, что очередным лозунгом нашей партии является будто бы превращение России нэпмановской (подчеркнуто Сталиным. — Н. Р.) в Россию социалистическую»[340]).

Превратив в теоретическую мудрость разницу в происхождении слов «нэпмановская» (от слова нэпман) и «нэповская» (нэп) и сославшись на Ленина, лозунг которого, внеся опечатку, цитировал Каменев, Сталин радостно, в качестве выдающегося теоретика, воскликнул: «Понимает ли эту принципиальную разницу тов. Каменев? Почему же он выпалил тогда этот странный лозунг?» И как всегда поспешил сам же ответить: «По обычной беззаботности на счет вопросов теории, на счет точных теоретических определений»[341]).

Не упоминая имени Зиновьева, Сталин выступил в этом же докладе с критикой зиновьевской постановки вопроса о диктатуре партии, являющейся безусловно ленинской, закрепленной в резолюции XII съезда и не вызвавшей тогда не только никаких возражений, но и никакой дискуссии.

Но аппарат партии понял это выступление очень хорошо. Не даром это было сделано на курсах секретарей укомов — выступление Сталина означало, что Зиновьев и Каменев не находятся больше в той фракции, которая занимается распределением постов, занимается непосредственно партийным аппаратом.

Сталин не решился выступить один, он еще не мог положиться на свои силы, несмотря на достаточно многочисленную группу зависящих от него людей в высшем партийном аппарате.

Ни он сам, ни Молотов, ни Каганович, ни Микоян не могли по своему уровню без поддержки выступить одни в области международной и внутренней политики против таких противников, какими были Каменев, Зиновьев и их сторонники.

В Политбюро после XIII съезда не было больше того неустойчивого равновесия, которое лежало в основе триумвирата. В Политбюро был избран Бухарин, и теперь группа правых была в наиболее сильном составе: Рыков, Томский, Бу-

харин. Первоначально Каменев, Зиновьев и Сталин вместе с правыми объединились против Троцкого, совершенно изолированного в Политбюро.

Уже сама новая комбинация подсказывала Сталину объединение с правыми. Среди кандидатов в Политбюро правые имели наиболее сильную поддержку в лице Калинина, Дзержинского и Фрунзе. Среди кандидатов в качестве вполне преданных Сталину людей были лишь Молотов и Рудзутак. Сокольников в этот период стоял на стороне Зиновьева.

Открытый конфликт в Политбюро разгорелся не сразу, его сдерживал все еще общий страх перед самым опасным противником — Троцким. Действительно, последний посвятил несколько месяцев работы книге «Уроки Октября», которую и выпустил к октябрю 1924 года.

Конечно, Троцкий выдвигает себя в своей работе на первое место в событиях 1917 года, но главное в книге — это раскрытие «штрейкбрехерской роли» Каменева и Зиновьева перед Октябрем и их оппозиции Ленину по вопросу однопартийного правительства.

Троцкий попытался еще раз мобилизовать капитал своего прошлого, дабы скомпрометировать и «раздеть», как выразился на XIV съезде Микоян, тех, кто, как он считал, были главными его противниками, помешавшими ему занять место Ленина в 1923 году. Но и на этот раз он столкнулся с единым фронтом Сталина, Зиновьева и Каменева, поддержанных правыми.

Январский пленум ЦК и ЦКК 1925 года снова занялся Троцким и его резолюция перечисляет все расхождения Троцкого с Лениным, начиная с Бреста, как бы беря исторический реванш за обвинения, брошенные Троцким Каменеву и Зиновьеву[342]).

Сталин поддерживает еще и защищает Зиновьева и Каменева, однако, боясь слишком большого их усиления, не соглашается с требованием Зиновьева после появления «Уроков Октября» об исключении Троцкого из партии или хотя бы о выводе его из ЦК.

Несмотря на то, что Троцкому приписывается резолюцией пленума «пспытка подменить ленинизм троцкизмом», этот «ревизионист» остается не только членом ЦК, но и членом Политбюро, причем через год — на XIV съезде — его еще раз переизбирают.

Но Сталин, спасая Троцкого от мести Зиновьева, в то же время стремится лишить его какой-либо реальной силы, лишить его той части аппарата партии, где Троцкий мог иметь личную опору. Еще в 1924 году Бубнов заменяет троцкиста Антонова-Овсеенко на должности начальника политуправления армии, а в апреле 1925 года и сам знаменитый предреввоенсовета времен гражданской войны смещается с поста наркомвоенмора.

Его преемником делается Фрунзе, личный противник Троцкого еще по гражданской войне, но сочувствовавший скорее правым, чем Сталину («Горелкой Бунзена не заменить «Осрам». После Троцкого Фрунзе — срам!» — провозгласил тогда Маяковский). Зиновьеву удается провести заместителем Фрунзе своего личного друга и сторонника Лашевича, который начинает подбирать в армии, особенно в Ленинградском военном округе и в центральных учреждениях, «свой» аппарат политработников.

С внезапной смертью Фрунзе во время операции в ноябре 1925 года, о которой ходило много слухов, как о произошедшей не без участия Сталина[343]), власть в Наркомвоенморе была разделена между всегда послушным спутником Сталина новым наркомом Ворошиловым и его заместителем Лашевичем, т. е. между Сталиным и Зиновьевым.

Скрытая, но ожесточенная борьба между членами триумвирата, не выливаясь наружу из-за их общего фронта против Троцкого, началась еще в 1923 году.

Зиновьев проявлял признаки беспокойства перед растущим влиянием Сталина еще до разгара борьбы с Троцким. В сентябре 1923 года в пещере под Кисловодском по его инициативе собрались на совещание Бухарин, Лашевич, Евдокимов, Ворошилов, чтобы обсудить два предложения Зиновьева, имеющих целью ослабить значение секретариата. Первое сводилось к превращению секретариата в техническую службу, без права назначения. Второе предлагало «политизировать» секретариат, поставив во главе его трех ответственных членов Политбюро. Орджоникидзе, присутствовавшему на «пещерном заседании», было поручено передать эти предложения Сталину, который ответил согласием на переговоры в грубоватой, но дружелюбной телеграмме. После переговоров с ним, решено было все же не трогать секретариата, а по предложению Сталина три члена Политбюро были включены в Оргбюро. Этими тремя членами были выбраны Зиновьев, Троцкий и Бухарин[344]).

События осени 1923 года в связи с письмами и заявлениями Троцкого и его сторонников в ЦК, а также последующей дискуссией превратили это «пещерное» решение в пустой звук — ни Троцкий, ни Бухарин, согласно Зиновьеву, ни разу не нашли времени явиться на заседания Оргбюро, а сам Зиновьев «присутствовал на одном или двух заседаниях».

Секретариат продолжал свою работу по распределению и перемещению кадров, а Оргбюро в лице Молотова послушно следовало за ним.

После разгрома Троцкого — первого претендента на ленинское наследство, борьба между Сталиным и правыми, с одной стороны, и Зиновьевым и Каменевым, с другой, вылилась, прежде всего, в стремление захвата ключевых позиций в аппарате партии.

Зиновьев полностью господствовал в Ленинградской организации — его сторонники Залуцкий, Евдокимов, Бадаев, Бакаев, Саркис занимали там все руководящие посты. Л. Каменев не сумел создать подобного положения в Москве, но они оба рассчитывали, переводя из Нижнего Новгорода на пост первого секретаря Московского губкома ленинградца Угланова, овладеть так же и Московской организацией. Однако, у них произошел просчет. Угланов не забыл своего удаления из Петрограда в 1921 году, когда он был переведен в Нижний Лениным, несмотря на то, что на губернской конференции партактива он получил большинство голосов по сравнению с Зиновьевым.

Сочувствуя правым, Угланов спокойно выдержал разговоры с Каменевым и Зиновьевым в 1923 году, а на XIV съезде рассказал с трибуны, что «когда т.т. Зиновьев и Каменев рядили меня в Москву на работу, они при этом вели со мной такие разговоры, из которых я понимал, что они прививают мне по пути свои разногласия со Сталиным»[345]).

Весной 1925 года, как и во все предшествующие годы, должен был собраться очередной, XIV съезд. Но он был отложен, в силу того, что к этому времени триумвират — это первое «коллективное руководство» — распался. Обеим сторонам нужно было время для мобилизации партаппарата в той его части, где каждая сторона уже захватила решающие позиции. Все понимали, что на съезде произойдет беспощадный бой. Вот почему вместо съезда в апреле 1925 года была созвана XIV партконференция.

Как XIII, так и XIV партконференция приняла резолюцию, которая по своему значению для партии была гораздо важнее, чем резолюции самого съезда.

В 1925 году на Западе закончился послевоенный экономический и политический кризис. Повсюду, и в особенности в Америке, начался бурный рост промышленности, оставивший к концу двадцатых годов далеко позади уровень 1913 года.

Становилось очевидным, что революционной перспективы в Западной Европе больше нет. Даже в побежденной Германии революционная ситуация 1919-1921-1923 гг. окончательно спала.

Ленин и все его окружение, рассматривали нэп с точки зрения мировых перспектив своей партии. Нэп был для них передышкой, необходимой для консолидации сил, для подготовки нового наступления «навстречу западноевропейскому пролетариату», без «смычки» с которым не представлялось возможным построить социализм.

Даже в одной из своих последних статей, вообще говоря, полных пессимизма, Ленин, оценивая положение на Западе, хотя и признавал, что в Европе произошло установление «некоторого подобия социального мира», но все еще повторял, что общее развитие «... не может не привести к кризису всего всемирного капитализма».

Оценивая собственные перспективы, Ленин оставил в наследство своей партии рекомендацию, сформулированную им как вопрос: «... удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разрозненности до тех пор, пока западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму?»[346]).

Признавая, что «... они завершают его не так, как мы ожидали раньше», Ленин 1923 года дает совет своей партии вплоть до «завершения» на Западе «проявлять в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства»[347]).

Если внимательно просмотреть статьи Ленина за 1922-1923 гг., то легко заметить, что он очень осторожно избегает прямо говорить о возможности построения социализма в одной стране. Он лишь утверждает необходимость строить его в расчете (как мы видели) на революцию на Западе.

Как в вопросе с «пролетарской» или «социалистической» культурой, так и в вопросе перехода к социализму, Ленин утверждает, что «не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму»[348]), причем под цивилизацией он понимает именно культуру[349]).

Иначе говоря, по Ленину перейти прямо к социализму в отдельно взятой стране невозможно, но для строительства есть две основные предпосылки — власть партии («рабочая власть») в России и перспектива мировой революции.

Обычно ищущие положительного решения вопроса о построении социализма в одной стране, ссылались на написанную тоже в последний год жизни статью Ленина «О нашей революции». Но в этой статье, написанной по поводу «Записок» меньшевика Н. Суханова, фактически давшего первую историю захвата власти большевиками, Ленин, полемизируя с Сухановым и оправдывая захват власти, приводит слова Наполеона—"On s'engage et, puis... on voit", и дает сам следующий перевод: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет»[350]). Иными словами, ввязавшись в бой, захватив власть в 1917 году, удержав ее во время Бреста и кризиса 1921 года, Ленин давал понять относительно возможности окончательного построения социализма в России: — «начнем, а там видно будет».

Суммируя эти высказывания Ленина, Бухарин несколько раз повторял, что «строить социализм можно, но достроить нельзя»[351]).

Говоря о времени XIV партконференции, Бухарин констатирует, что «среди крестьянства было большое недовольство пролетарской диктатурой»[352]), и опираясь на Ленина провозглашает ту политику, которую он, Рыков, Томский, Угланов и другие правые противопоставили сначала Каменеву и Зиновьеву, а потом и Троцкому с его сторонниками: «Смертельным грехом и преступлением было бы, если бы мы нарушили союз с середняком и поколебали бы его»[353]).

Правых поддерживал, прикрываясь их спинами, Сталин. «Нейтрализация среднего крестьянства, — писал он в «Правде» от 7 ноября 1925 года, — теперь уже недостаточна. Теперь задача состоит в том, чтобы установить прочный союз со средним крестьянством ... верны слова Ленина о том, чтобы «... двигаться теперь вперед несравненно более широкой и мощной массой, не иначе, как вместе с крестьянством»[354]).

Резолюция XIV партконференции, которую в сталинское время обычно приводили как решение о возможности победы социализма в одной стране, носит двойственный характер. Во-первых, она («О задачах Коминтерна и РКП в связи с расширенным пленумом ИККИ») ставит вопрос о революционной работе компартий в условиях «стабилизации капиталистического хозяйства» за границей, и, во-вторых, в связи с перспективами мировой революции, она определяет, что же в этот период должна делать партия в России.

Исходя из конечной перспективы победы революции в капиталистических странах Запада и восстания против колониального гнета на Востоке, резолюция говорит, что «партия пролетариата должна прилагать все усилия к тому, чтобы строить социалистическое общество, в уверенности, что это строительство может быть и наверняка будет победоносным»[355]).

Учитывая трактовку резолюцией задач Коминтерна и определение перспектив мировой революции, с которыми Зиновьев был согласен, он и его сторонники голосовали за эту резолюцию, считая что речь идет об общем с Западом «победоносном» завершении строительства социализма, а не о строительстве его лишь в отдельной, изолированной стране.

Резолюция была принята в этой форме, ибо она представляла собой компромисс, который должен был объединить две противоположные точки зрения на крестьянство.

Мы уже останавливались на точке зрения Преображенского—Троцкого о том, что российское крестьянство является колонией диктатуры партии, откуда она может выкачивать средства, необходимые для революционной работы на Западе и еще больше для внесения туда «революции извне».

Для Зиновьева и Каменева, исходивших из того, что последние статьи Ленина вовсе не определяют его отношения к этой «враждебной стихии», а является вынужденной уступкой, «отступлением», «крестьянским Брестом», новые уступки в сельхозналоге, отказ от экономического нажима на кулака, означали отказ от быстрой индустриализации, отказ от увеличения численности «рабочего класса», а следовательно, и от «орабочивания» партии, в которую Зиновьев демагогически требовал привлечь до 90% рабочих.

С другой стороны, отсутствие средств на развитие темпа индустриализации отодвигало в неопределенное будущее

перевооружения, модернизацию и усиление Красной армии, делая ее скорее инструментом обороны, чем наступления, без которого «внесение революции извне», исходя из опыта 1921-1923 гг. в Германии, оставалось весьма проблематичным.

В статье с громким названием «Философия эпохи» Зиновьев демагогически проповедовал равенство на производстве и в партии. В то же время он хорошо знал, что поднять жизненный уровень рабочих, занятых в основном в дефицитной госпромышленности можно лишь, встав на путь выкачивания дополнительных средств из крестьянства в деревне и частного мелкого производителя в городе.

Выступая на XIV съезде по содокладу Зиновьева, М. Калинин, стоявший тогда на явно «правых» позициях, говорил: «У нас тысячи безработных у заводских ворот, которые нуждаются не в равенстве с работающими, а хотя бы в небольшом пособии, которого им дать мы не можем»[356]).

Принадлежавший к группе Каменева—Зиновьева Сокольников, выступая на XIV съезде за усиленное, прогрессивное обложение крестьянства, подчеркивал, что «союз с середняком не означает союза с середняцкой верхушкой . . . Верхушка середняцких хозяйств начинает тяготеть и смыкаться с той группой, которую мы теперь называем кулацкой»[357]).

Зиновьев и Каменев унаследовали ленинскую ненависть к крестьянству, столь ярко проявленную ими в 1918 году, видели рост «буржуазных отношений» в деревне, склонны были зачислить всех становящихся на ноги крестьян в «кулаки».

В своем содокладе на XIV съезде, Зиновьев, требуя индустриализации за счет ограбления крестьянства, видел в будущем спасение путем государственной поддержки «западноевропейского пролетариата» и хотел подчинить экономику страны созданию этой западноевропейской пролетарской государственности.

Все эти вопросы, однако, лишь прикрывали борьбу за власть, ставшую неизбежной в силу распада триумвирата. Сталин блокировался с правыми, исходившими в своей политике не из Ленина вообще, а из Ленина 1922-1923 гг.

Образовав большинство в Политбюро, Бухарин, Рыков, Томский начали политическую кампанию против Зиновьева и Каменева, предоставив Сталину борьбу с ними в аппарате.

В то же время между XIV конференцией и XIV съездом развернулась гонка двух аппаратов в борьбе за ключевые позиции, за захват решающих партийных организаций. Как сталинский, так зиновьевско-каменевский аппараты с их возглавлением и «активами» показали, что пользуясь той же методикой они способны в равной степени захватывать и подчинять себе партийные организации.

К XIV съезду Зиновьеву и его друзьям — Евдокимову, Бакаеву, Залуцкому удалось подчинить себе Ленинградскую организацию почти целиком; им удалось вывести на съезд сплоченную, дисциплинированную и им послушную делегацию Ленинградской организации.

Освобожденные работники партии и ее «актив» с удивительной легкостью подчинялись местному возглавлению, местным вождям. С той же легкостью, в случае неподчинения, как это было с Комаровым в Ленинграде, руководство местной организации расправлялось с нежелавшим подчиниться, строптивым представителем партийной бюрократии, как правило, выталкивая его из сферы своего влияния. В качестве примера можно привести работу Угланова в Москве, который с чрезвычайной быстротой и удивительной легкостью заменил между XIII и XIV съездами всех сторонников Л. Б. Каменева. Последний потерял пост возглавителя Московской организации, но отказался от назначения послом в Японию, рассчитывая на свое личное влияние при проведении на XIV съезде своих сторонников. Однако аппарат оказался сильнее личности даже такой, бесспорно выдающейся, как Л. Б. Каменев, — ему не удалось провести от Московской организации ни одного из своих сторонников.

Если Зиновьев и Каменев на базе оставшихся у них позиций все еще пытались готовиться к «аппаратной» борьбе на XIV съезде, то Троцкий и его сторонники даже и этого не пытались. Разбитые и отброшенные, главным образом, усилиями Зиновьева и Каменева, они даже с некоторым злорадством наблюдали за разгромом «ленинградской оппозиции», начатой на XIV съезде. Все голосования на съезде показывают, что Троцкий и его сторонники, хотя в отдельных случаях и выступали против большинства ЦК, но всегда голосовали против «ленинградской оппозиции» вместе с ним.

Одной из характерных черт развернувшейся на XIV съезде борьбы аппаратов было, вошедшее тогда в моду, неудержимое цитатничество из Ленина. Занимательно, читая

протоколы съезда, наблюдать, как обе противные стороны, доказывая совершенно различные точки зрения, перенасыщали свои речи цитатами из Ленина.

В этой манере сказалась и еще одна их общая черта: формальный догматизм, начетничество, за которым и та и другая сторона неумело прятала свои действительные цели и намерения. В этом начетничестве еще при коллективном руководстве обнаружилась тяга к культивированию идеи непогрешимости вождя, к культу личности. Из культа Ленина вытекала совершенно открытая претензия одних, при молчаливом признании других, на захват места вождя, как конечный результат внутрипартийной борьбы враждующих аппаратов.

В силу своей самоуверенности, Троцкий не понял своевременно этой стороны борьбы на XIV съезде.

«Кризис внутри партии, вообще говоря, — писал он в «Уроках Октября», — возникает на каждом серьезном повороте партийного пути, как преддверие поворота или как его последствие . . .».

Троцкий полагал, что его личный авторитет и влияние его сторонников, в частности в армии, будут в момент кризиса вполне достаточны, чтобы за ним пошли ведущие слои партийной бюрократии. Он недоучел, что к XIV съезду вся партийная бюрократия уже вошла в состав того или иного аппарата и строила, в зависимости от своего нахождения в нем, планы на дальнейшую карьеру. Отсюда ставка на того или иного вождя, связывание себя лично и своей судьбы, прямо или косвенно, с победой или поражением возглавителя данного аппарата.

Небезынтересно отметить, что правые — Бухарин, Рыков, Томский и другие — в значительной степени повторяли ошибку своего главного политического противника Троцкого: имея колоссальные возможности, наибольшие по сравнению со всеми другими, они не воспользовались ими для отстройки своего аппарата, за редкими исключениями (Угланов, Сырцов, Рютин в Москве). Преувеличивая значение личности в партийной системе, они недооценивали фигуру Сталина и явно переоценивали самих себя. Впрочем, надо отдать должное правым — это была единственная группировка в партии, которая искренне, с подъемом пыталась отстроить наилучшим образом советский государственный аппарат, отдавала свои лучшие силы работе в области государствен-

ной экономики, не замечая при этом, что тем самым она ослабляла себя, теряла позиции в партийном аппарате.

У всех группировок, кроме сталинской, можно отметить переоценку своих сил, преувеличение роли и влияния вождей с дореволюционным «подпольным» прошлым или авторитета теоретика партии как Бухарин — в настоящем. Все группировки, кроме сталинской, недооценили стоящего непосредственно за вождями звена освобожденных партийных работников, которые как раз и составляли каркасы местных партийных аппаратов. Представители этого звена, как правило люди ничем не выделяющиеся, не имеющие никакой иной профессии, особенно цеплялись за свою работу в аппарате, за свои места. Это был тот податливый слой, которому была особенно доступна интрига, подсиживание, предательство по отношению товарищей — все те черты, на которых умело играл и которыми искусно пользовался секретариат Сталина.

Ради того, чтобы выслужиться, эта категория людей готова была устраивать обструкции на съезде, прерывать, по заранее разработанному плану, репликами и выкриками ораторов противной стороны, готова была по сигналу из президиума не давать говорить или голосовать, как этого хотелось генеральному секретарю.

И странно — Бухарин, Рыков, Томский, взявшие на себя всю тяжесть борьбы с Зиновьевым и Каменевым, казалось, совершенно не замечали этих свойств большинства делегатов XIV съезда, принимали их овации за чистую монету. Впрочем, даже Троцкому не приходила в голову мысль о глубоком различии между Сталиным и правыми. Вскоре после XIV съезда он даже назвал его большинство «бухаринско-сталинской фракцией», не учитывая и, видимо, не понимая того, что искренних, политически-последовательных сторонников Рыкова и Бухарина на съезде было уже не так много.

Насколько остро шла борьба аппаратов, показывает, например, инцидент с Залуцким, приведший его, одного из главнейших помощников Зиновьева по Ленинграду и тогдашнего первого секретаря Ленинградского губкома, к падению. На случай с Залуцким ссылались на XIV съезде в своих речах многочисленные представители обоих враждующих лагерей, выступал по «личному вопросу» и сам Залуцкий.

История с Залуцким сама по себе не столь уж важна, но она чрезвычайно показательна для методов Сталина этого периода и поэтому на ней стоит остановиться. Конечно, сам Сталин открыто в ней не участвовал. Формально все дело проводит Молотов. Он посылает одного из сотрудников секретариата ЦК, незадолго перед съездом, к Залуцкому в Ленинград, как к своему другу в прошлом, работавшему вместе с ним в годы войны и особенно сразу после февраля, когда Залуцкий и Молотов воссоздали совместно с Шляпниковым Петроградский комитет. В качестве молотовского делегата в Ленинград приехал Леонов. Залуцкий принял его в своем кабинете и с глазу на глаз заявил, что раз он приехал лично от Молотова, «приехал разузнать ... я буду с тобой разговаривать»[358]).

Залуцкий высказал откровенно посланцу Молотова то, что, видимо, было принято говорить лишь в узком кругу зиновьевских сторонников: он особенно остро нападал на лозунг «Обогащайтесь!», и приписывая этот лозунг не только Бухарину, но и Сталину, особенно много говорил о подтверждении «термидорианского перерождения партии», ссылаясь на профессоров Устрялова и Милюкова из эмиграции. Остальные упреки ЦК, очевидно, не носили столь резкого характера и лишь касались защиты Ленинградской организации от попыток раскассировать ее (понимая под этим руководство) за пределы Ленинграда. Однако сказанного оказалось вполне достаточно для намеченной цели: Леонов написал в ЦК подробное письмо обо всем том, что говорил Залуцкий, и Молотов получил «материал» для создания особой комиссии при ЦК для рассмотрения «дела» Залуцкого.

При помощи Сольца и других подобранных лиц в комиссии ЦК, несмотря на то, что Залуцкий оспаривал многие заявления Леонова, было не трудно снять первого секретаря Ленинградского губкома с работы и перевести его на другую должность вне Ленинграда.

В то время как Сталин почти полностью господствовал в центральном аппарате партии, Зиновьев чувствовал себя хозяином в аппарате Ленинградской организации. Подбирая на съезд делегатов, он ставил условием поддержку резолюций XXII Ленинградской губернской конференции.

Так, например, накануне съезда он заявил старому ленинградскому работнику Н. Комарову, что тот не будет выбран делегатом на съезд, если не подчинится решениям этой

резолюции. Комаров, старый сотрудник Угланова, отказался и не попал на съезд от своей организации. Узнав об этом секретариат Сталина поспешил делегировать его «от ЦК» с совещательным голосом.

Зиновьев утверждал на Ленгубконференции, что кулак — основной враг советской власти и что ЦК не борется достаточно с «кулацким уклоном», который он приписывал Бухарину.

Уже перед самым съездом Сталин предложил смягчить формулировки, по которым у большинства Политбюро были расхождения с Каменевым и Зиновьевым и заключить «мир» на съезде с условием пересмотра решений Ленинградской конференции[359]).

В заключительном слове по своему содокладу Зиновьев объясняет, почему он отказался от предложения Сталина — «дело не в том, чтобы смягчить ту или иную формулировку», — говорил он на съезде, — а в том, что «предложение свелось к тому, чтобы пересмотреть все постановления XXII Ленинградской партийной конференции ... другими словами, чтобы ленинградская организация была разгромлена с нашего согласия»[360]).

Зиновьев, как и его противники, был достаточно опытным учеником Ленина, чтобы не понимать обреченности борьбы в партии вне аппарата.

ГЛАВА XXV

XIV СЪЕЗД

XIII съезд партии постановил, что следующий, XIV съезд должен собраться в Ленинграде. В резолюциях XIII конференции и XIII съезда особое место отводилось «Петроградской организации РКП» — «первой», выступившей против Троцкого. Зиновьев торопился присвоить себе лавровый венок за победу над Троцким и вписать его в резолюцию высших органов партии[361]).

В связи с решением XIII съезда, на первом же заседании XIV съезда, 18 декабря 1925 года ленинградской делегацией был поставлен на голосование вопрос о месте заседания съезда. Лидеры «ленинградской оппозиции» предлагали перенести в Ленинград хотя бы одно-два заседания съезда. У Зиновьева в Ленинграде, без сомнения, был подготовлен актив для открытого выступления в его пользу. Учитывая такую возможность, представители противного лагеря упорно настаивали на проведении съезда в углановской Москве.

В то же время на съезде произошло нечто невиданное со времен прихода партии к власти: Зиновьев потребовал себе содоклада в противовес отчетному докладу ЦК, от имени которого выступал Сталин.

Такое начало съезда дало большинству делегатов (всего 641 с решающим голосом) возможность разобраться в обстановке и увидеть, в чьих руках находится действительная власть над партаппаратом.

Сплоченно до конца выступала на всех голосованиях ленинградская делегация, противопоставляя большинству свои 43 голоса. К ней присоединялись 15-20 голосов из других организаций, но большинство делегатов, подобранные аппаратом генерального секретаря, послушно голосовало по указке руководившей съездом большей части президиума. Это не значит, что все остальные были правые (у Сталина своей линии не было) или троцкисты. Какие бы мнения

внутренне ни разделяли делегаты, подавляющее большинство их принадлежало к аппарату партии и хорошо знало, от кого оно зависит.

Скрытые настроения многих делегатов съезда довольно точно передал один из руководителей ленинградских профсоюзов Глебов-Авилов, сторонник Зиновьева: «Масса членов съезда в душе согласна с нами ... очень многие середняки-делегаты подходили к нам, заявляя, что они с нами, и объясняя почему они не голосуют с нами ... «уж такова атмосфера на съезде ... сейчас живется сытно, а не всякий подымет руку против, чтобы за это попасть в Мурманск или Туркестан»[362]).

Спор между Зиновьевым и его сторонниками, с одной стороны, и Бухариным, Томским, Рыковым, Сталиным и их сторонниками — с другой, снова сопровождался бесконечным цитированием из Ленина и лишь ярко продемонстрировал на съезде глубокую противоречивость ленинского наследства.

Действительно, если взять уже цитированную нами ленинскую статью «Товарищи-рабочие, идем в последний решительный бой!»[363]) то по ней, при правильном подсчете сельского населения, чуть ли не одна треть крестьянства оказалась кулаками — «кровопийцами», «вампирами», «бешеными врагами» советской власти, которым нельзя давать никакой пощады. Ленин в 1918 году считал, что «никакие сомнения невозможны. Кулаки бешеный враг советской власти. Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие (читай партия. — Н. Р.) беспощадно раздавят восстания кулацкого, грабительского меньшинства народа ... Середины тут быть не может. Миру не бывать ...»[364]). Таких высказываний у пришедшего к власти Ленина, когда клокотали революции в Венгрии и Германии и впереди маячила европейская социалистическая перспектива, можно найти не мало. На них, по сути дела, опирались в своей позиции, при поддержке Н. К. Крупской, Зиновьев, Каменев, Сокольников, Лашевич и другие «ленинградцы».

Но если взять Ленина последних его статей, когда, как он выразился, «нам первое пятилетие порядочно-таки набило голову недоверием и скептицизмом»[365]), то оказывается, что со всем крестьянством нужен не только прочный мир, но «мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания

под ее (читай партии. — Н. Р.) авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства»[366]). Ленин признал факт, что партия держит власть в «мелкокрестьянской стране» и в своих последних статьях он не говорит больше о «кулаках», «середняках», «бедняках», а просто о крестьянстве в целом, в частности, и в таком важнейшем вопросе, как кооперация[367]).

Бухарин, прежде всего, но и Рыков, Томский, и все так называемые правые, а также повторявший их в этот период Сталин, были совершенно правы, когда они опирались на такие статьи, как «О кооперации», «Лучше меньше да лучше» и другие.

Наркомфин Сокольников, сторонник Зиновьева и Каменева, лучше своих коллег сформулировал на съезде отношение оппозиции к крестьянству: «Основным фактом нашей экономики — заявил он в своем докладе — является рост буржуазных отношений в деревне, и против этого мы должны сосредоточить огонь»[368]).

Он обвинял большинство ЦК в том, что весной 1924 года оно сняло вопрос о перестройке сельхозналога. Этот налог предусматривал прогрессивное обложение зажиточных хозяйств. В связи с этой тенденцией в ЦК Сокольников утверждал, что лозунг Бухарина — «Обогащайтесь!», — обращенный к крестьянству, был вызван враждебными партии силами.

Требуя нажима на только что вставшие на ноги крестьянские хозяйства, Сокольников оговаривался, что «никто не предлагает возвращаться к сниманию крыш у кулаков, ни к комбедам, ни к раскулачиванию»[369]).

Эту оговорку подчеркивала вся оппозиция. Н. К. Крупская, выступавшая на съезде дважды, как один из лидеров оппозиции, жаловалась, что на Московской партконференции, происходившей перед съездом, сторонники Угланова и правых утверждали, что «я призывала к погрому кулаков, что я вела агитацию против ЦК . . .»[370]).

Защищая позицию Зиновьева—Каменева—Сокольникова в вопросе крестьянства, Крупская давала понять, что это правильная интерпретация идей ее мужа, и горячо протестовала против заявления Бухарина, нашедшего после долгих споров довольно соответствующую природе ленинизма оценку, которую она передала так: «что вы, мол, большин-

ство (съезда. — Н. Р.), и то, что вы постановите, то и будет ленинизмом»[371]).

Крупская напоминала, что Ленин на IV Стокгольмском съезде в 1906 году защищавший тезис о национализации земли, оказался тогда в меньшинстве и давала этим понять, что оппозиция стоит на «подлинно ленинских» позициях.

Но Бухарин, отлично знавший Ленина и за пределами его последних статей, дал действительно верную оценку ленинизма как полному противоречий наследству, из которого господствующая в партии политическая комбинация («большинство съезда») берет необходимую ей в данный момент трактовку коммунистической догмы.

Это отношение к ленинизму, сложившееся на XIV съезде, было лишь началом, — уже через несколько лет единоличный диктатор в партии превращает сталинизм в «ленинизм сегодня», не стесняясь с изъятием и запрещением невыгодных ему высказываний своего «учителя». С возвращением к «коллективному руководству», т. е. к господству в партии той или иной политической комбинации, ленинизм вновь становится в партии объектом спора или трактуется на свой лад победившей в данный момент «комбинацией вождей».

В конечном итоге от противоречивой природы ленинизма мало что остается, кроме учения о партии как инструменте диктатуры над народом.

Вторым главным вопросом в дебатах XIV съезда была не проблема индустриализации, а положение в партии.

Из всех выступавших на XIV съезде наиболее верную оценку положения в руководящих органах партии дал Лашевич:

«... Я наблюдал работу в ЦК и Политбюро, я знаю, что коллективного руководства настоящего не было. Вместо коллективного руководства мы имеем целый ряд политических, что ли, если так можно выразиться, комбинаций»[372]).

В системе внутрипартийной диктатуры, где партия, осуществляющая диктатуру над страной, в свою очередь, скована «железной партийной дисциплиной» и обязательным «идеологическим единством», неизбежно образующиеся, несмотря на резолюцию X съезда, фракции носят весьма своеобразный характер, не соответствуя в точном смысле слова тому понятию, которое в нормальной политической жизни носит обычно название «фракции». В условиях демократии

под фракцией обычно понимается такая группа членов одной партии, которая, разделяя в целом программу и цели своей партии или данного политического объединения, в то же время имеет свою собственную позицию, отдельное мнение по одному или ряду вопросов.

В условиях коммунистической партии уже в начале двадцатых годов грань между фракцией и просто, как выразился Лашевич, «комбинацией» начинает стираться. Комбинации строются, главным образом, по партийно-иерархическим связям, по линии не столько политики, сколько аппарата, ради захвата власти в системе внутрипартийной диктатуры. Именно ради власти оказалось нужным строить комбинации из бюрократов партаппарата. Лашевич логично утверждал на съезде, что «если нужно строить различные комбинации, то нужно ошибки отдельных людей, входящих в эти комбинации прикрывать, затушевывать . . .»[373]), т. е. становиться на путь оппортунизма. Естественно, что для вхождения в ту или иную комбинацию совершенно не обязательно оказалось впоследствии разделять ту или иную платформу. Так постепенно, не сразу, произошло в партии вырождение политического явления — образования фракций.

Коллективное руководство, провозглашенное после смерти Ленина, превратилось в борющиеся друг с другом за власть «политические комбинации», которые по мере усиления партаппарата все меньше и меньше походили на настоящие фракции.

Действительно, блок правых — Рыкова, Бухарина, Томского, Угланова и их сторонников со Сталиным и его группой, подобранной им лишь по принципу личной поддержки, трудно назвать иначе, чем политической комбинацией. Сталин, как показали события 1928-1929 годов, понимал это превосходно, — для него «блок» являлся не чем иным, как временной комбинацией, необходимой для борьбы за власть.

Что же касается Рыкова, Томского и Бухарина, то они явно вначале не поняли смысла комбинации и, увлеченные борьбой с «левыми», до XV съезда наивно полагали, что Сталин будет и дальше идти в их политическом русле, в частности и потому, что не считали его способным на определение самостоятельной политической линии.

Иначе относились к Сталину искушенные совместной с ним работой члены распавшегося триумвирата. Они решили

теперь нанести тот удар, от которого сами уберегали генерального секретаря между XII и XIII съездами.

Этим ударом, решающей атакой «ленинградской оппозиции» было выступление Каменева, впервые ясно и до конца поставившего на съезде вопрос о Сталине.

Защищая идею «коллективного руководства» в Политбюро и явно намекая на завещание Ленина, Каменев говорил:

«Мы против того, чтобы создавать теорию «вождя», мы против того, чтобы делать «вождя», мы против того, чтобы секретариат, фактически объединяя политику и организацию, стоял над политическим органом . . .

Мы не можем считать нормальным и думаем, что это вредно для партии, если будет продолжаться такое положение, когда секретариат объединяет и политику и организацию и фактически предрешает политику (шум) . . .

. . . лично я полагаю, что наш генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб . . . именно потому, что я неоднократно говорил это т. Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил это группе товарищей ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба. (Голоса с мест: «Неверно!» . . . «Раскрыли карты». Шум. Аплодисменты ленинградской делегации. Крики «мы не дадим вам командных высот Сталина!»).

Евдокимов с места: «Да здравствует ЦК нашей партии! Ура!» (делегаты кричат ура) . . .

Председательствующий (Рыков. — Н. Р.): Товарищи, прошу успокоиться. Товарищ Каменев сейчас закончит свою речь.

Каменев: . . . мы против теории единоначалия, мы против того, чтобы создавать вождя»[374]).

Но фактически еще до съезда победившая комбинация правых со Сталиным хорошо подготовилась к оркестровке выступлений на съезде — сразу после Каменева на трибуну был выпущен один из лучших ораторов большинства, «ленинец» Томский. Освобожденный от регламента Томский притащил на трибуну съезда, конечно, заготовленный заранее, целый арсенал не только цитат из Ленина, но и его писем. Он обрушился на Каменева и Зиновьева за их «непонимание» ленинской политики союза с крестьянством и, счи-

тая Каменева самым опасным противником, не преминул вспомнить его штрейкбрехерство в 1917 году.

Выступая на съезде, другие сторонники комбинации правые-Сталин действовали совершенно так, как предсказал в самом начале съезда Лашевич — они «прикрывали», «затушевывали» ошибки руководителей, входящих в эту «комбинацию», ибо, как не постеснялся сказать тот же Лашевич, «отсюда (исходя из данной комбинации. — Н. Р.) шел в партии подбор работников по целому ряду крупных организаций»[375]). Особенно характерно в этом плане выступление Ворошилова. Но приведем сначала некоторые высказывания Калинина и Микояна. М. Калинин всячески оправдывал Бухарина, подчеркивая, что его призыв к крестьянству — «Обогащайтесь!» — вовсе не означает «кулацкого уклона», как настойчиво утверждали сторонники Каменева и Зиновьева, не без основания утверждая, что «этот лозунг у нас в Советской республике, при наших условиях, имеет не большее практическое значение, чем предположим выкрик «напивайтесь» в пустыне Сахаре!»[376]).

Калинин так же, как и Сталин, утверждал, что оппозиция хочет «крови бухаринской» и присоединился к заявлению Сталина, что «большинство ЦК находит, что тов. Бухарин ни в коем случае закланию подлежать не может»[377]).

Как и все противники Каменева и Зиновьева, выступавший на съезде Микоян клялся в сохранении «... союза с крестьянством. Об этом основном условии писал Ильич в своих предсмертных произведениях»[378]).

Отвечая на обвинения оппозиции в адрес Сталина и, в особенности, Бухарина, Микоян ловко сыграл на самолюбии делегатов съезда, по сути дела повторив лишь в скрытом виде идею Бухарина о том, что ортодоксальность в ленинизме определяется теперь не столько цитатами, сколько мнением подобранного большинства съезда.

«Съезд — заявил Микоян — не нуждается в напоминании о том, кто наши вожди, у кого какие недостатки. Ильич крепко написал об этом, это из нашей памяти не уйдет ... Вы думаете, мы не знаем, кто такие Сталин, Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев и другие? Мы очень хорошо это знаем. Ильич дал каждому из членов нашего руководящего коллектива справедливую оценку»[379]).

Характерно, что последняя фраза Микояна несколько выпадает из общего смысла речи и звучит, как это у него

часто бывает, двусмысленно. В ней прямой намек на «завещание» Ленина с его убийственной характеристикой Сталина. Микоян, на всякий случай, сохранял себе мост и в сторону противников генерального секретаря. Однако вскоре уже ему пришлось надолго, почти на 30 лет, забыть то, что написал Ильич, исключить до XX съезда из своей памяти слова его «завещания». Несмотря на свое двусмысленное заявление он получил награду — не будучи еще 30 лет, он вскоре стал наркомом внешней торговли, заменив Л. Б. Каменева.

Ворошилов ханжески начал свое выступление признанием, что «мы унаследовали (от кого, от Ленина? — Н. Р.) очень скверный обычай раздавать наши организации в чьелибо единоличное владение . . .»[380]). Однако все свое выступление о вреде «принципа удельных княжеств»[381]) в партии он свел к возмущению, как посмела Ленинградская организация все же выбрать делегатом съезда Залуцкого, еще до съезда снятого комиссией Куйбышева-Молотова с должности первого секретаря Петроградского губкома и переведенного из Ленинграда.

Выход из «скверного обычая» Ворошилов знает, и он крайне прост — достаточно поставить во главе организации своего человека из комбинации сталинцев и правых, как все будет хорошо. Он даже не стесняется и приводит в пример Москву: «Во главе организации поставили тов. Угланова. В результате к настоящему времени мы имеем в Москве организацию, которая представляет из себя образец ленинского единства, образец лучшей организации нашей партии»[382]).

Но К. Е. Ворошилов не был так наивен, чтобы не понимать, как он выразился, что «весь вопрос (разногласий с оппозицией. — Н. Р.) заключается в организационном строительстве наших центров», а беззастенчивое выступление на съезде было ему необходимо, как оплата Сталину за свое назначение (за месяц до съезда) наркомвоенмором на место умершего Фрунзе — пост, о котором он не мог и мечтать, пока во главе военных дел стоял Троцкий.

Состав съезда предрешил принятие заранее намеченных решений и резолюций. Теперь уже говорилось прямо, что в СССР имеется «все необходимое для построения социалистического общества», хотя, конечно, и здесь привлекались подходящие цитаты из Ленина.

Окончательное голосование дало Каменеву и Зиновьеву 65 голосов, 41 делегат все же воздержался. Большинство блока правых и Сталина собрало 459 голосов . . .

Резолюция о превращении страны из аграрной в промышленную, принятая XIV съездом, отчего в сталинское время его начали называть съездом индустриализации, «повисла в воздухе». Троцкисты и оппозиция, больше всех всегда ратовавшие за индустриализацию, требовали дополнительного обложения крестьянства, в первую очередь той «середняцкой верхушки», о которой говорил Сокольников, а также получения займов за границей, ибо это были бы, по их мнению, реальные мероприятия для увеличения капиталовложений в промышленность.

Однако осторожная, с опорой на прочный союз с крестьянством, политика Рыкова в Совнаркоме и Дзержинского в ВСНХ была подтверждена на XIV съезде и, не отказываясь от индустриализации, правые предпочитали проводить ее за счет объявленного «режима экономии», а не за счет ограбления крестьянства.

Нормальное развитие народного хозяйства, если отбросить тормозящее влияние бюрократического управления промышленности партией, продолжалось еще почти 3 года — ровно столько, сколько продержалась победившая на съезде комбинация правых со Сталиным. Ибо в итоге XIV съезда эта комбинация получила уже явно доминирующее положение с легким перевесом скорее в пользу правых, чем в пользу Сталина.

В Политбюро оказались избранными Бухарин, Рыков, Томский, Калинин, Сталин, Молотов, Ворошилов, Троцкий и Зиновьев.

Каменев спустился в кандидаты Политбюро. Среди кандидатов господствовали правые — Угланов, Дзержинский, Петровский. К сталинцам, и то с оговоркой для этого времени, из кандидатов в члены Политбюро можно отнести только Рудзутака.

ГЛАВА XXVI

«ОБЪЕДИНЕННАЯ ОППОЗИЦИЯ»

Еще за три дня до конца работ XIV съезда, 28 декабря 1925 года, был созван экстренный пленум ЦК[383]), где было решено сменить редактора «Ленинградской правды» Заксa-Гладнева и послать в Ленинград в качестве будущего возглавителя Ленинградской организации С. М. Кирова. Кроме того, было решено бросить на борьбу с зиновьевским аппаратом в Ленинграде А. Андреева, Бухарина, Ворошилова, Калинина, Томского и других.

«Ленинградская правда» и во время съезда продолжала защищать зиновьевско-каменевскую позицию. Когда на место Закса примчался посланный со съезда И. И. Скворцов-Степанов, он натолкнулся на хорошо организованное сопротивление.

«Срочно передать президиуму XIV съезда, копия Сталину, — телеграфировал он в Москву, — делегации приходят одна за другой ... кабинет Скворцова заполнен делегациями, в самой недопустимой форме, с угрозами, требующими помещения резолюций (ленинградских организаций. — Н. Р.). «Если и завтра газета будет с московским уклоном, — заявляет делегат Третьей табачной фабрики, — мы все придем и вас завтра здесь не будет; мы сами будем выпускать газету». «Мы приведем больше тысячи рабочих и вышвырнем вас отсюда, — угрожает делегат от «Красного треугольника». Аппарат редакции не только саботирует работу, но и разжигает настроение делегаций, призывая к более решительным действиям ... можно ожидать завтра демонстраций. Скворцов-Степанов»[384]).

После съезда в Ленинграде развернулась борьба со вновь назначенной и прибывшей сразу туда непосредственно после XIV съезда группой во главе с С. М. Кировым. Кирову не удалось сразу сломить сопротивление. Особенно в ленинградском комсомоле его ставленники потерпели же-

стокое поражение: 14 января 1926 года Ленинградский губком комсомола большинством 16 голосов против 8 признал решения XIV съезда неправильными. Один из лидеров ленинградского комсомола и член ЦК комсомола Тарханов, выступая на этом собрании, заявил: «Нельзя думать, что руководящая роль пролетарского ядра может быть обеспечена фактом наличия партийного руководства»[385]).

Тарханов, таким образом, противопоставлял партийному руководству комсомола «пролетарскую» молодежь, обеспечивающую правильную линию комсомола.

Несмотря на то, что Центральный Комитет комсомола вскоре распустил в административном порядке Ленинградский губком, самостоятельная работа комсомола зиновьевской фракции продолжалась. Была создана программа кружков, которые, судя по свидетельству секретаря партийной организации Балтийского завода Богачева, достаточно активно работали. В своей речи на XV съезде Богачев приводит некоторые материалы о работе этих кружков[386]). Так, например, говоря о невозможности окончательного построения социализма в одной стране, эта программа, делая многочисленные ссылки на Маркса и Ленина, писала: «Сталины, бухарины, шацкины, чаплины оплевывают это программное положение, отрекаются от этого основного положения Маркса и Ленина и заменяют его сталинской националистической отсебятиной на счет «социализма в одной стране» . . .» Характеризуя положение в партии, та же программа говорила: «Зажим, угодничество и подхалимство — вот три принципа, на которых зиждется все здание казенного благополучия»[387]).

Киров, отличившийся, как мы упоминали, во время гражданской войны расстрелами рабочих в Астрахани, был потом долгие годы секретарем в Баку. Он был лично смелый человек, умевший себя держать открыто и доступно, не подчеркивая своей власти, чем он выгодно отличался от всегда несколько напыщенного Зиновьева.

Впоследствии он пытался привлечь к себе низовую часть партаппарата, приглашая многих к себе на квартиру, часто посещая заводы и учреждения. Но сразу после XIV съезда Киров, спешно подготавливая XXIII Чрезвычайную ленинградскую губернскую партийную конференцию, данной ему властью нового Политбюро круто снимал с работы представителей зиновьевского аппарата, не стеснялся замал-

чивать или считать недействительными принятые большинством резолюции местных организаций, направленные против большинства в ЦК.

В феврале 1926 года, когда эта конференция была созвана, чистка зиновьевского аппарата наверху была закончена и Киров был избран назначенными им новыми секретарями местных организаций первым секретарем Ленинградского губкома. (Секретарем вышестоящего Севзапбюро ЦК он уже был по назначению.)

Характер деятельности Кирова и его приспешников отчасти помогал оппозиции в Ленинграде сравнительно долго удерживать свои позиции. Еще через год, 14 января 1927 года, Киров, приехавший из Москвы Калинин и ряд других членов большинства полностью провалились на общем собрании завода «Треугольник». Большинство отвергло предложенную резолюцию с осуждением оппозиции и было еще больше возмущено, когда на следующий день, как сообщает Минин[388]), «Ленинградская правда» напечатала эту резолюцию, «отвергнутую большинством и не проверенную голосованием», объявив, что она принята «подавляющим большинством».

Рабочие, и отчасти население Ленинграда, хорошо знавшие Зиновьева, отнюдь не склонны были его поддерживать, но в ряде мест рабочие пользовались внутрипартийной борьбой для того, чтобы продемонстрировать свое отношение к советской власти. Так, например, на Путиловском заводе, где оппозиция имела большинство лишь в одной из ячеек, часто срывались партийные лозунги и плакаты; по свидетельству секретаря партийного комитета Путиловского завода Газа: «Мы имеем случаи на заводе, когда лозунги с заветами Ленина срываются не кем-нибудь, а членами партии. Если наверху говорят о термидоре, то внизу уже кричат «долой ЦК!»[389]).

Естественно, что при таких настроениях среди рядовых членов партии и среди рабочих вообще первый помощник Зиновьева — Евдокимов, пытавшийся два дня подряд выступать у ворот, не имел никакого успеха. Для рабочих речи Евдокимова, который еще год назад ожесточенно защищал ЦК, ничем принципиально не отличались от тех лозунгов и плакатов «с ленинскими заветами», которые они срывали.

Оппозиция психологически не могла понять своего положения, не могла понять того, что ленинградские рабочие

видели в ней одну из клик, представляющих все ту же партийную диктатуру над народом. Требуя свободы слова вовсе не для народа, а лишь для себя, оппозиция в одной из листовок 1927 года писала:

«Мы просим заглянуть в 4-й дискуссионный листок, где якобы разрешено печатать свои статьи членам оппозиции. Этот номер целиком заполнен статьями членов ЦК и ни одной статьи оппозиционеров. Такова эта свобода слова. Долой Центральный комитет, долой Сталина!»[390]).

Оппозиция в своих листовках не поставила перед народом ни одного решающего вопроса, не выставила ни одного требования, которое могло бы облегчить, хотя бы экономически, положение в городе и деревне. Наоборот, в своих листовках она призывала бороться против нэпмана, против кулака, при недвусмысленном отношении к середняку в деревне как к завтрашнему противнику, которого нужно «нейтрализовать». Эта позиция по вопросу крестьянства не могла в 1926-1927 годах вызвать никакого сочувствия, после того как кончились голод и нужда до-нэповского периода. Оппозиция посвящала свои листовки методам борьбы сталинской фракции против нее, протестам против исключения из партии, против невыдачи билетов на трибуну лидерам оппозиции 7 ноября и т. д.

Так, например, листовка «К демонстрации 7 ноября» за подписью Зиновьева, Радека, Евдокимова, Бакаева, Петерсона, Соловьева призывала «ударить по рукам безобразничающих сталинцев, по рукам тех, кто борется против оппозиции»[391]).

Как рассказывает секретарь Выборгского райкома Ленинградской организации Головешко, в Выборгском районе за подписью «группа ленинской оппозиции» появилась листовка, призывавшая: «Вожди, т.т. Зиновьев и Троцкий исключены из партии. Это факт величайшей подлости, величайшей политической несознательности наших врагов . . . Мы призываем всех сознательных партийцев к протесту против этого, мы требуем обратного принятия этих товарищей в нашу партию»[392]).

Перед ноябрьскими праздниками 1927 года в Выборгском районе появилось еще несколько листовок, касающихся вопроса борьбы на самой верхушке политической бюрократии. «Товарищи, — писала одна из листовок, теперь уже

анонимных, — т.т. Троцкий и Зиновьев исключены из партии благодаря стараниям сталиных, бухариных, молотовых...»[393])

Оппозиция наивно верила в то, что сформулировал на одном из ее закрытых собраний в Москве на Миусской улице в октябре 1927 года Троцкий: «Нас от рабочего класса, от партии, можно отделить только с мясом и кровью . . .»

Оппозиция давно, со времен Кронштадта, была, как мы показали, отгорожена от рабочих вместе со всей партией, но в отличие от Сталина, который это хорошо понял и действовал путем насилия, представители оппозиции в Ленинграде все еще витали в своих теоретических, абстрактных понятиях о «пролетариате» и думали, что во время принудительных демонстраций 7 ноября они могут получить поддержку масс. 6 ноября, одновременно с торжественным заседанием Ленинградского совета накануне 10 годовщины Октября, оппозиция собрала свое отдельное собрание, где в президиум были избраны Зиновьев, Лашевич, Евдокимов и прибывший из Москвы К. Радек.

«Ленинградская Контрольная комиссия в составе 12 человек — рассказывает в своей речи один из ее членов Десов — направилась с торжественного заседания Ленсовета с тем, чтобы, говоря прямо, разогнать это заседание. Когда пришли туда, там поднялся галдеж. Зиновьев злобно говорил: «По какому праву вы сюда пришли?» Он заявил, обращаясь к оппозиционерам: «Надо гнать их в три шеи . . .»

Нужно сказать, — заключает свой рассказ на съезде член Контрольной комиссии, — что момент был чрезвычайно острый, и в особенности обострился этот момент тогда, когда Радек сбросил с себя пиджак и засучил рукава . . .»[394])

Устрашенная крошечным Радеком, комиссия решила не давать билетов на трибуну вождям «ленинградской оппозиции». Ставший теперь председателем Ленсовета ближайший друг Угланова Н. Комаров, бывший председатель ЧК в дни Кронштадта, торопился отомстить за свое понижение в 1922-1925 годах и на просьбу о билетах лидерам оппозиции ответил отказом.

Лишь в ответ на письмо Зиновьева и его друзей, где они оценивали отказ как «прежде всего, проявление политической трусости»[395]), билеты, хотя и с запозданием, были посланы. Однако одновременно были приняты меры, — теперь уже непосредственно по линии ОГПУ.

По плану оппозиции ее представители должны были выступить перед колоннами собиравшихся перед заводами рабочих и служащих и призвать их продемонстрировать свое «политическое сочувствие» вождям оппозиции, которые наметили для себя место в той части Площади Революции (Дворцовая), где она соединяется с Мойкой у Певческого моста. Расчет их был, что колонны демонстрантов пройдут перед ними сначала, а потом уже окажутся перед официальной трибуной у Зимнего дворца.

На следующее утро, 7 ноября 1927 года, обе стороны приступили к действиям. Столкновения произошли перед воротами Путиловского, Балтийского и ряда других заводов. Их исход, как цинично объясняет уже цитированный нами секретарь Балтийского завода Богачев, был предрешен заранее. Богачев рассказывает, что трое оппозиционеров «выступили . . . о смене лозунгов перед демонстрантами» . . . — но он прибавляет: «мы предъявили им обвинение уже не в антипартийной деятельности, а в антисоветской»[396]), т. е. выступавшие попросту были арестованы на месте подготовленными командами из ГПУ, прибывшими на машинах по заранее разработанному плану.

В 6 часов утра, дабы снять обвинение, выставленное в листовках, на квартиру Зиновьева были доставлены билеты на трибуну для него, Евдокимова, Бакаева и других.

Зиновьев и его сторонники заняли места отдельно, но едва кончился военный парад, как из первых колонн демонстрантов на них обрушился целый отряд «возмущенных противников», который, легко «прорвав» кордон милиции, не только быстро вытеснил оппозиционеров с площади, но и загнал их через мост на четвертый этаж одного из близлежащих домов.

По показаниям очевидцев, из рабочих колонн к главной трибуне неслись крики «долой ЦК», «долой Сталина!»; группы молодежи, видимо, вовсе не принадлежащие к оппозиции, пытались прорвать кордон милиции со стороны Адмиралтейства и Александровского сада, но здесь милиция проявила необходимую стойкость.

Были произведены многочисленные аресты. Вскоре исключенные из партии вожди «ленинградской оппозиции» по настоянию Кирова были все высланы из города, получив назначения на работу в разных областях СССР.

Итоги внутрипартийной борьбы наглядно показали как Каменеву и Зиновьеву, так и Троцкому, что на их борьбе между собой, как на гребне волны, поднялся Сталин. Каменев и Зиновьев не могли не помнить, что между XII и XIII съездами они, вооруженные «завещанием» Ленина, могли легко сбросить Сталина, но не сделали этого, видя в нем союзника против Троцкого.

Теперь, в 1926 году, им еще казалось, что если они объединятся с Троцким, то нет такого авторитета, который мог бы быть им противопоставлен.

Троцкий любил надевать маску скромности, но в действительности был исключительно честолюбивым человеком. Его неоспоримо первая роль в Октябрьском перевороте, его заслуги в создании Красной армии осознавались им как личные достижения, утвердившие навсегда его положение «второго человека» после Ленина. Все остальные, в том числе Каменев, Зиновьев, Бухарин, Сталин, казались ему стоящими где-то далеко позади, ибо они не входили в ходячую формулу гражданской войны «Ленин и Троцкий».

Троцкий любил власть. Он откровенно наслаждался ею, носясь в собственном поезде по фронтам гражданской войны. Он искренне верил и утверждал это еще и в эмиграции, что поезд председателя Реввоенсовета порой играл решающую роль в той или иной операции Южного, Восточного, Западного фронтов.

И теперь, одурманенный своим окружением, такими людьми как Преображенский, Серебряков, Крестинский, Муралов, Раковский, Иоффе, которые создавали вокруг него настоящий культ личности, он хотел, чтобы партия поднесла ему власть на золотом блюде.

Троцкий, один из главнейших создателей системы однопартийной диктатуры в России, несмотря на весь свой опыт, несмотря на весь свой бесспорный талант, не понимал или не желал видеть ее природы. Обладая большими административными способностями, проявляя порой необузданную энергию, он оставался ирреалистичным теоретиком, верившим до конца в то, что диктатура партии есть по существу диктатура пролетариата, которая действительно поддерживается рабочим классом.

Основным моментом политического бессилия Троцкого, основной причиной бесперспективности троцкизма в России была его исходная позиция, что «советское государ-

ство все еще является историческим инструментом рабочего класса»[396]).

Партийная диктатура, несмотря на то, что он сам, начиная с 1923 года, называет ее «диктатурой фракции большинства», продолжает оставаться для Троцкого необходимостью или, как он сам пишет, «... существование пролетарской диктатуры остается и дальше необходимым условием социалистического развития экономики и культуры»[397]). Воля большинства народа, выяснение мнения народа о строительстве социализма остаются для Троцкого в 1926 году так же, как это было в 1918 году, лишь «перекличкой», пустым и ненужным, с точки зрения этого страстного теоретика, занятием.

Нет ничего удивительного, что кроме группы фанатиков и лиц, цеплявшихся за капитал, нажитый на перевороте и гражданской войне (таких, как, например, Лашевич, Муралов), за Троцким никто не пошел. Поражение Троцкого и троцкизма в двадцатых годах только отчасти объясняется работой сталинского аппарата. В действительности, в глубине, как это показала дискуссия с правыми, троцкизм изжил уже себя в это время настолько, что оказался изолированным явлением в партийной верхушке. Естественно, что он не мог больше служить оружием в борьбе с тогдашней партийной олигархией, возглавившей партийную диктатуру.

Сталин спешил укрепить свои позиции. В связи со смертью Дзержинского, явно стоявшего на правых позициях, он устраивает в начале 1926 года председателя Центральной Контрольной комиссии В. Куйбышева на место умершего во главе ВСНХ.

В то же время на место Куйбышева он проводит верного ему Орджоникидзе. Сама Центральная Контрольная комиссия после XIII съезда достигает огромного числа — 150 членов, так же, как и ЦК, выросший до 53 членов и 34 кандидатов и продолжавший расти и после XIV и XV съездов. Это предоставляет Сталину возможность выдвинуть большое количество подобранных, новых людей из аппарата, которые начинают своей массой легко подавлять более известных, но малочисленных «партийных генералов» из оппозиции.

О характере работы ЦК можно судить по воспоминаниям Троцкого.

«. . . Трудно представить себе, что мы были на сессиях Центрального Комитета, — пишет Троцкий, вспоминая 1926-1927 гг., — настолько низок был тон, настолько вульгарны его участники . . .» Сталин «расхаживал взад и вперед за президиумом, посматривая время от времени на тех, кому предназначалось выступать, и не пытался скрывать своего одобрения, когда ругательства по адресу кого-либо из оппозиции носили самый бесстыдный характер . . .»[398]).

Позиция Сталина после разгрома Ленинградской организации стала доминирующей в аппарате партии. Куйбышев, Молотов, Орджоникидзе, Косиор, Рудзутак (кооптированный в Политбюро в 1926 году, заместитель председателя Совнаркома — Рыкова и наркомпути) занимали ключевые позиции в центре и были окружены сотнями готовых на все аппаратчиков более низкого ранга.

Каганович был до 1928 года первым секретарем на Украине, Киров — в Ленинграде, Жданов — в Нижнем Новгороде и т. д. После 1925 года почти все секретарские должности попадают в руки таких сталинцев, как, например, Кабаков, Эйхе, Постышев и др.

После длительных переговоров, собираясь иногда даже в лесу под Москвой, Каменев и Зиновьев со своей группой и Троцкий вместе со своими сторонниками заключили к апрелю 1926 года «блок», выступивший открыто с критикой правящего большинства на июльском объединенном пленуме ЦК и ЦКК 1926 года.

«Объединенный блок» (Лашевич, активный участник его, мог бы с успехом назвать его «политической комбинацией») выступил в основном с теми же положениями, с которыми выступал Троцкий в 1923 году, а Каменев и Зиновьев — в 1925 году. Имеется довольно богатая литература оппозиции, вышедшая частично официально, частично полуподпольно, «на правах рукописи». Одним из наиболее полных, по охвату всех вопросов, документов является брошюра, под названием «Кризис в партии и пути его преодоления», подписанная «13-ю» и вышедшая в 1927 году. На ней мы ниже остановимся.

В 1926 году оппозиция требовала срочного вклада 1 миллиарда рублей в промышленность, повторяя свой тезис об индустриализации за счет крестьянства. Радек иронически говорил, намекая на резолюцию XIV съезда, о «щедринских помпадурах, строящих социализм в одном уезде».

Немногие представители разгромленного зиновьевского аппарата в Ленинграде снова начали вести агитацию и имели успех на ряде заводов, в том числе на Путиловском.

Связи, оставшиеся у вождей оппозиции, позволяли им весьма действенно вмешиваться в дела местных организаций и это не на шутку перепугало большинство в Политбюро, особенно когда было установлено, что Лашевичу удалось в Ленинграде и в других местах сколотить «военные группы». Бухарин обвинил блок в том, что он строит партию в партии.

Начались спешные перемещения. Место Каменева — наркома внешней торговли — занял А. И. Микоян, а Каменева вскоре отправили послом в Италию. Зиновьев был выведен из Политбюро, Лашевич из ЦК.

4 октября Троцкий, Зиновьев, Каменев, Пятаков и Сокольников, опасаясь исключения из партии, сделали в ЦК заявление, что они отказываются от своей фракционной деятельности и готовы подчиниться решениям большинства. Сталин ответил требованием «безусловного подчинения» и публичного отказа от своих взглядов, а также критики их[399]).

16 октября вожди оппозиции опубликовали заявление об отказе от фракционной деятельности, но в то же время не отказались от своих взглядов и права на критику линии Сталина и Бухарина.

Объясняя своим сторонникам на Урале тактику оппозиции, один из самых видных троцкистов С. Мрачковский писал в тот же день 16 октября 1926 года: «Пишу вам только потому, что знаю, что вам неслыханно тяжело, но и мне, товарищи, не легко: мы с вами как будто бы достаточно готовы к борьбе, к отстаиванию своих позиций, но наш анализ оказался неверным и ошибочным: мы не учли достаточно могущества сталинского аппарата, мы также не учли достаточно настроения партии и рабочих масс . . . Нам нужно во что бы то ни стало сохранить себя в партии, для этого и было подано заявление 16 октября»[400]).

Но Сталин и, особенно, Бухарин, неутомимо выступавшие против оппозиции, торопились добить своих противников, лишить их остатков власти в аппарате. Собравшийся накануне XV партконференции новый пленум ЦК и ЦКК вывел Троцкого из Политбюро, а Каменева из кандидатов в Политбюро. Таким образом, все три вождя «блока» к концу

1926 года оказались сведенными к рядовым членам достаточно многочисленного ЦК.

На XV партконференции (26 октября — 3 ноября 1926 года) оппозиции не дали выступить со своей программой. Сторонники большинства наводнили свои выступления бесконечными цитатами из Ленина — начетнический стиль оставался своего рода модой. На этой конференции Сталин заявил, что оппозиция является «социал-демократическим уклоном в нашей партии», хотя троцкизм, как мы видели, ничего общего не имел с умеренными программами западноевропейской и русской социал-демократий.

В принятой на XV партконференции резолюции оппозиции приписывали всевозможные грехи — и срыв индустриализации, за которую, наоборот, ратовала оппозиция, и подрыв союза с крестьянством, и ошибки Коминтерна в Китае и на Западе.

«Вы заменяете идейное убожество аппаратным всемогуществом» — отвечал на все это Троцкий[401]).

После XIV съезда снова оживляется работа рабочей оппозиции. Мы не располагаем источниками о деятельности местных организаций этой оппозиции в 1924—1927 гг. Однако бесспорно существование ряда организаций этого течения на Урале, в Москве и в Баку.

Еще в конце 1924 года С. Медведев написал открытое письмо «бакинскому рабочему», широко распространенное в партии в списках, но никогда полностью не опубликованное. В той части этого письма, которая стала известна благодаря ссылкам на него в партийной дискуссии накануне XV конференции, Медведев и присоединившийся к нему Шляпников дают яркую картину сущности Коминтерна. Они говорят, что вся его работа привела лишь «к насаждению материально-немощных «коммунистических» секций и к содержанию их за счет того достояния российских рабочих масс, за которое они платили своей кровью и жертвами, но которые они для себя использовать не могут при современных условиях; на деле создаются оравы мелкобуржуазной челяди, поддерживаемые русским золотом, изображающие себя самих пролетариатом и представительствующие в Коминтерне . . .»[402]).

Троцкий и Зиновьев, разумеется, не желали входить в блок с представителями рабочей оппозиции, высказывавшимися подобным образом. Сталин и правые, стремясь во вре-

мя ожесточенной борьбы с оппозицией не усложнять свое положение, пошли на примирение с представителями рабочей оппозиции и во время XV партконференции, 28 октября 1926 года, Орджоникидзе устроил заседание Политбюро, пригласив на него Шляпникова и Медведева. Это было накануне выступления Сталина по вопросам оппозиции. И не подлежит никакому сомнению, что замыслом Сталина—Орджоникидзе было продемонстрировать свое «либеральное отношение» к тем течениям оппозиции, которые согласны распустить свои фракционные группы. Перед закрытием заседания 28 октября 1926 года Молотов прочел заявление А. Шляпникова и С. Медведева, где они, не отказываясь полностью от своих взглядов, приняли следующее обязательство: «Мы осуждаем решительно и безоговорочно допущенные нами методы фракционной борьбы, а также решительно осуждаем всякое организационное закрепление (подчеркнуто нами. — Н. Р.) на основе взглядов, расходящихся с партийными решениями, а там, где наши единомышленники вступили на путь создания фракционных подпольных группировок, мы призываем их к немедленному роспуску таковых»[403]).

Сталин готов был в тот момент проглотить характеристику, данную рабочей оппозицией работе ЦК, ради ликвидации «организационного закрепления» ее подпольных групп.

В связи с вопросом «организационного закрепления» следует остановиться на судьбе «группы 15» — Сапронова, В. Смирнова, Минькова и других, вызвавшей особую ненависть у большинства ЦК и Сталина. Эта группа рассматривала заявление 16 октября как «предательство» вождей — Троцкого, Зиновьева, Каменева по отношению к рядовой массе оппозиционеров и тех рабочих, которые пошли за оппозицией, имея в виду борьбу против партийной диктатуры. Группа Сапронова, разделявшая в целом взгляды Троцкого, пыталась отстроить свою собственную организацию и, в отличие от Троцкого, преследовала цель последовательной борьбы с режимом партийной диктатуры.

«Группа 15» в своей платформе исходила из тезиса о полном вырождении партии, превращении ее в чиновничий аппарат. Но при этом, в поисках «классового» объяснения, она считала, что этот чиновничий аппарат выражает крестьянско-кулацкие интересы... С характерной для троцкизма

вообще слепотой при оценке политических сил в стране, Сапронов и его друзья видели в Сталине носителя кулацких интересов и даже будущего кулацкого Бонапарта. Их платформа следующим образом оценивала послеленинский период в партии: «Ликвидация в 1923 году внутрипартийной, а вместе с ней и рабочей демократии оказалась лишь предлогом для развертывания крестьянско-кулацкой демократии. Политика ЦК не только связывает активность пролетариата, но и развязывает активность непролетарских классов».

Предсказывая борьбу, которая «не может ограничиться внутрипартийными рамками», Сапронов предвидел следующую ситуацию в расстановке сил: «В момент борьбы на стороне Сталина будет вся армия чиновников, на стороне оппозиции — рабочая часть партии». Пытаясь, таким образом, поднять бунт против партийной бюрократии, Сапронов искал опоры в рабочей части партии, однако не для борьбы против диктатуры, но ради ее укрепления. Естественно, что ни рабочие в целом, ни та рабочая часть партии, которая не принадлежала к политической бюрократии, отнюдь не могли и не желали последовательно поддерживать эту «левую», «ленинскую» группу, не несущую на своих знаменах ничего, кроме воинствующего интернационализма и стремления рассматривать русскую деревню как колонию для своих интернационалистических планов.

Группа Сапронова сумела привлечь на свою сторону некоторую часть рабочих лишь своей тактической позицией, — она считала необходимым вести организованную борьбу с партийно-политическим аппаратом, с представителями государственного аппарата (вопросы заработной платы, норм, пособий и т. д.) и с ГПУ, которое «направляет свою деятельность на борьбу с законным недовольством рабочих, вызываемым бюрократическими и мелкобуржуазными извращениями»[404]).

Таким образом, это «пролетарское», левое крыло оппозиции не шло дальше борьбы с «извращениями» в партийной диктатуре и не предлагало никакой социальной и государственной перестройки в СССР.

Группа Сапронова была целиком исключена из партии на октябрьском пленуме ЦК 1927 года и рассматривалась на XV съезде как антисоветская. К моменту исключения этой группы около 1000, главным образом партийных, но в том

числе и некоторое количество беспартийных, рабочих было уже арестовано ГПУ и находилось в тюрьмах[405]).

Если после XV конференции группа Сапронова активизировала свои действия, то часть оппозиции пошла еще дальше, чем вожди в своем заявлении 16 октября: такие члены оппозиции, как Бадаев (бывший депутат Государственной Думы, заведующий Нарпитом в Ленинграде), Н. Крупская, Зоф, Сокольников, Коллонтай, Осинский, начали отходить от оппозиции и по различным причинам, главным образом из-за нежелания потерять свои места в государственном аппарате, пошли на соглашение со Сталиным.

Лидеры оппозиции, объявившие о роспуске своей фракции после 16 октября 1926 года и отмежевавшиеся от групп Сапронова и рабочей оппозиции, вели себя сравнительно пассивно до мая месяца 1927 года. Весной 1927 года произошел известный конфликт с Англией (дело «Аркос»), вызвавший в ЦК серьезные опасения в возможности нападения стран Антанты на Советский Союз. Как показала действительность, эти опасения не были обоснованы, но разрыв с Англией создал целый ряд затруднений во внешней торговле. Эти события послужили поводом для так называемого «заявления 83» оппозиционеров. В этом заявлении, с одной стороны, правильно указывалось, что разрыв с Англией и другие внешние затруднения вызваны неверной политикой ЦК, а с другой, утверждалось, что стабилизация в странах капиталистического мира — «частичная», зыбкая и что как в Западной Европе, так и в Китае новая политика Коминтерна страдает пассивностью, слабостью, основанными на неверных оценках. Наибольшая часть заявления была по-прежнему посвящена «бюрократизации в партии, торжеству аппаратной механики» над партией.

Оппозиция открыла кампанию собирания подписей под этим заявлением и в сравнительно короткий срок собрала свыше 1250 подписей видных партийных работников. Целый ряд представителей оппозиции, будучи уверенными в своем авторитете на местах, попытались в спешном порядке восстановить фракционные группы и организации. Так, например, Беленький отправился в Одессу и попытался создать там параллельный оппозиционный губернский комитет; Мрачковский снова отправился на Урал, пытаясь восстановить оппозиционные организации в тех партийных комите-

тах, где в 1926 году он получил большинство, как, например, на крупнейшем Верхне-Исетском заводе.

Однако эти попытки теперь, в середине 1927 года, были пресечены Сталиным гораздо быстрее, чем за год перед этим. Теперь главным органом в борьбе с оппозицией стало ГПУ, бросившее все средства и силы своего аппарата на выслеживание работы оппозиционных лидеров и их сторонников. Стоявшие фактически во главе ГПУ Ягода и Трилиссер были заняты почти исключительно делами оппозиции. Некоторые из чекистов, как, например, начальник одесского управления ГПУ — Заковский, именно в это время сделали карьеру и были повышены через несколько лет Сталиным за свои заслуги в 1927 году.

Июльский пленум ЦК получил, по-видимому, от ГПУ чрезвычайно полный и широкий материал о деятельности оппозиции. Стенограмма этого пленума никогда не была опубликована. «Оппозиция — сообщала резолюция пленума — ... становится объективно центром, вокруг которого собираются антипартийные и антисоветские силы ...»[406]). Затем шли обычные обвинения в том, что на оппозицию делает ставку контрреволюция. Оппозиция была поставлена перед угрозой исключения из партии.

После июльского пленума ЦК перед оппозицией со всей остротой стоял вопрос: капитулировать или продолжать борьбу. Хотя потерянный год восстановить было уже невозможно, целый ряд членов оппозиции решил продолжать борьбу и, видимо, результаты июльского пленума убедили их, что наступило время, когда необходимо сочетать легальные методы борьбы с подпольными.

Борьба развернулась в конце августа (не забудем, что большинство партийных вождей, ставших на оппозиционный путь, все же предпочло провести часть лета на Кавказской Ривьере). В одном из подмосковных лесов Лашевич, соблюдая все правила конспирации, собрал совещание оппозиционеров из Московского комитета партии, на котором выступили с краткими речами Каменев, Смилга и другие лидеры. Несмотря на всю конспирацию, содержание этих речей через ГПУ стало известно ЦК уже через несколько дней.

Троцкий выступил на собрании работников Рязано-Уральской железной дороги, где за него голосовало большинство.

На собрании в Высшем Техническом училище на Миусской улице Троцкий определил предстоящий XV съезд как «всесоюзное совещание сталинской фракции»[407]).

Как и в Ленинграде, Московская Контрольная комиссия попыталась разогнать собрание. Студенты, однако, выгнали из помещений представителей «углановского аппарата».

Эти события в Москве, как и в Ленинграде, произошли после того, как октябрьский пленум ЦК и ЦКК разрешил дискуссию в партии, напомнив, однако, решение X съезда, — «чтобы каждая организация строжайше следила за тем, чтобы безусловно необходимая критика недостатков ... была бы направлена не на обсуждение групп, складывающихся на какой-либо платформе и т. п.»[408]).

На октябрьском пленуме 1927 года последний раз выступал Троцкий. Несмотря на то, что ему не давали говорить, шумели, свистели, он успел заявить, что XV съезд явится ... высшим торжеством аппаратной механики ... но, продолжал он «победы сталинской фракции являются победами чуждых классовых сил над пролетарским авангардом ...»[409]).

Сталин не мог этого стерпеть. Троцкий и Зиновьев были исключены из состава ЦК, а судьба всех лидеров оппозиции поставлена на рассмотрение XV съезда партии. Все понимали, что это есть угроза исключения из партии.

Как и в Ленинграде, оппозиция попыталась принять участие в демонстрации 7 ноября 1927 года.

Как рассказывает Троцкий, щиты с лозунгами оппозиции вырывались из рук, участники этой «параллельной» демонстрации избивались специальными группами, пьяный пожарный разбил стекла в машине Троцкого ...[410]).

Через неделю, 14 ноября, Троцкий и Зиновьев были исключены из партии.

ГЛАВА XXVII

ПРИРОДА «ЛЕВОГО» БОЛЬШЕВИЗМА

Оппозиция оказалась разгромленной аппаратом еще до съезда. После XV съезда и особенно после разгрома правых в 1928-1929 годах подавляющее большинство троцкистско-зиновьевского блока возвращается обратно в партию, активно участвует в строительстве первой пятилетки, занимает, как Пятаков, Крестинский, Розенгольц, видные посты в государстве.

Как мы писали выше, наиболее ярко и полно взгляды оппозиции изложены в вышедшей в 1927 году в Москве на правах рукописи (с пометкой «Только для членов ВКП(б)») брошюре под названием «Кризис в партии и пути его преодоления». Эта брошюра явилась как бы платформой оппозиции и была подписана 13 членами ЦК и ЦКК — Мураловым, Евдокимовым, Раковским, Пятаковым, Смилгой, Зиновьевым, Троцким, Каменевым, Петерсоном, Бакаевым, Соловьевым, Лиздиным и Авдеевым. Авторы этой брошюры («13»), анализируя состав партии, утверждают, что «около четверти высшего слоя всего партактива — бывшие меньшевики и эсеры»[411]). После «ленинского призыва», — продолжают авторы брошюры, — начался «сталинский отсев». Лишь за 1926 год и первую половину 1927 года из партии вышло около 100 тысяч рабочих. В то же время в высших органах партийного аппарата — обкомах партии — рабочие составляли лишь 13%.

Этим данным оппозиции можно доверять в значительной степени: «Известия» в №№ 24-25 за 1927 год называют примерно ту же цифру выбывших из партии рабочих. А если взять протоколы XV съезда, то оказывается, что по данным ЦК 83 ответственных руководителя партийной печати, т. е. примерно 38% от их общего числа, были членами партий революционной демократии 1917 года.

Говоря о фактической отмене внутрипартийной демократии, 13 оппозиционеров, в качестве примера, приводят данные о практической несменяемости секретарей укомов, райкомов, губкомов и обкомов, сроки полномочия которых ЦК продлевает автоматически или выдвигает тех же лиц без предварительного обсуждения. Основным условием для пребывания на высших должностях партаппарата было, по мнению оппозиции, «проявление безоговорочного послушания»[412]).

«Действительные реальные права члена партии наверху (прежде всего секретаря), — писали оппозиционеры, — во много раз больше, чем реальные права сотни членов партии внизу»[413]).

Потеряв аппарат, будучи вытесненной из него, оппозиция теперь не стеснялась в критике, которая в своей подавляющей части вполне соответствовала действительности. Оппозиция указывала на Сталина, как на уже захватившего в свои руки аппарат партии: «В области организационной фактическое подчинение Политбюро — секретариату, а секретариата — генеральному секретарю уже давно является совершившимся фактом. Оправдались самые худшие опасения, высказанные Лениным в его завещании, относительно того, что тов. Сталин не будет достаточно лоялен, не будет достаточно партийно пользоваться той «необъятной» властью, которую он сосредоточил в своих руках (письма Ленина 25 декабря 1922 года и 4 января 1923 года)»[414]).

Оппозиционеры пытаются теперь представить себя подлинными ленинцами, они с горькой иронией отмечают, что вчерашние меньшевики, эсеры, кадеты, бундовцы полемизируют с ними в «Правде», а подлинные документы оппозиции не печатаются, они только «клеймятся» партийной прессой. По мнению оппозиции, после XIV съезда как в партии, так и в руководящих органах государства сложилось три основных течения:

Первое течение — это открытый правый уклон, ставящий ставку на «хозяйственно-мощного середняка-крестьянина». Этот уклон, по мнению оппозиции, открыто проповедовал «устряловщину», т. е. стремление к переходу на базу демократического социализма со значительным допуском свободы для капиталистических элементов. К нему оппозиционеры относили Рыкова, Калинина, Г. Петровского, Чубаря, Смирнова А. П. и примыкавших к ним беспартийных вы-

ходцев из революционной демократии — типа Чаянова, Кондратьева. Примыкающей к этой группе оппозиция считала другую, держащую курс «на наилучше оплачиваемых рабочих и служащих»[415]). Эта группа, опиравшаяся в основном на профсоюзы, возглавлялась Томским, Мельничанским, Догадаевым.

Вторым течением в партии была, с точки зрения оппозиции, так называемая «аппаратно-центристская группа», имевшая своими вождями Сталина, Молотова, Угланова, Кагановича, Микояна, Кирова. Оппозиция называла эту группу «фактическим Политбюро».

Что же касается Бухарина, то оппозиция приписывала ему колебания в ту или другую сторону и видела в нем лицо «обобщающее политику этих групп»[416]).

Как мы видим, оппозиционеры, будучи вытеснены из аппарата уже в 1927 году, не могли сделать точной оценки распределения сил, отнеся Угланова — яркого выразителя правого течения — к сталинской группе и по традиции приписывая Бухарину «буферную позицию».

Но они правильно отмечали, что «аппаратно-центристская группа» Сталина пытается подменить собой партию. Они правильно указали на основной метод сталинской тактики, требовавшей от партийцев «деловой работы» и всегда противившейся всякой дискуссии, особенно по вопросу возможности построения социализма в СССР.

Наконец, третьим течением оппозиционеры считали самих себя, называя себя «ленинским крылом партии».

Самыми главными задачами считались: 1) «борьба с несменяемостью секретарей», 2) «регулярное обновление большинства партаппарата, который вовсе не должен состоять целиком из оплачиваемых лиц», 3) возвращение в партию исключенных оппозиционеров и 4) опубликование «завещания» Ленина как базы для «составления ЦК»[417]).

Не трудно видеть из этого перечисления, что оппозиция искала лишь новых возможностей борьбы за овладение партаппаратом, а вовсе не заботилась о благе народа. Требование о «составлении ЦК» — читай Политбюро — на базе «завещания» Ленина, было не чем иным, как открытым выступлением против Сталина и призывом к реабилитации вождей оппозиции — Троцкого, Каменева и Зиновьева.

Оппозиция прикрывала свои узкие цели — возвращение в состав правящей группы — призывами к «улучшению со-

циального состава партии»[418]). Но она была неспособна придумать какие-либо новые действенные меры для того, чтобы превратить партию из аппарата насилия хотя бы в подобие массовой демократической организации. Оппозиция по-прежнему повторяла лозунги 1923 года: «На ближайшие 2-3 года в партию принимать, как правило, только исключительно рабочих и работниц от станка . . .» Оппозиция даже не пыталась вступать в дискуссию с Бухариным о дальнейшей судьбе принятых в партию рабочих, которую он предельно раскрыл в своей работе «Пролетарская революция и культура», уже цитированной нами.

Оппозиция по-прежнему толклась вокруг темы «орабочивания» партийного аппарата, ссылаясь на резолюцию о внутрипартийной демократии ЦК и ЦКК от 5 декабря 1923 года и решения XIII съезда.

Неудивительно, что оппозиция не нашла поддержки не только у молодежи, но и в той части партии, которая, будучи против превращения партии исключительно в аппарат сталинской группы, готова была поддержать выступающие против Сталина группировки.

Главной же ошибкой оппозиции в борьбе против Сталина и его группы было полное непонимание ею действительного положения вещей и подлинных намерений Сталина. Оппозиция обвиняла Сталина в том, что он вынашивает «план», целиком и полностью идентичный правому течению партии. По мнению оппозиции, Сталин намеревался признать царские долги, «более или менее ликвидировать монополию внешней торговли», «уйти из Китая», т. е. отказаться на время от поддержки китайской революции, пойти на расширение нэпа и, таким образом, устранить или ослабить внутренние трудности[419]).

Соединяя все это в единый план, оппозиция уже заранее занималась его оценкой: «Кулак, нэпман и бюрократ, приняв к сведению сделанные уступки, тем настойчивее стали бы организовывать все антисоветские силы против нашей партии»[420]). Забегая вперед, оппозиция даже пыталась выбросить лозунг против предполагаемого признания иностранных долгов старой России: «займов на грош, а кабалы на целковый». Но больше всего оппозицию занимал вопрос стратегии и тактики Коминтерна. Выступая против Рыкова и Бухарина, оппозиционеры писали: «Необходимо, прежде всего, целиком и полностью подтвердить и укрепить курс

на международную революцию и дать отпор «всем стабилизационным, мнимо-государственным настроениям, сводящимся к тому, что вообще не надо-де было влезать в Китай и т. д. . . .». И далее: «теория социализма в одной стране теперь играет уже прямо разлагающую роль и явно мешает сплочению сил международного пролетариата вокруг СССР»[421]).

Что же противопоставляла оппозиция этой мнимой политике Сталина, фактически лишь отражавшей тенденции правых, на поводу которых до 1928 года шел Сталин?

Ничего нового. Она повторяла старый троцкистский тезис о том, что война империалистов против СССР не только вероятна, но и неизбежна, что поэтому необходима интенсивная индустриализация и создание мощной армии для внесения, в случае необходимости, революции извне. Говоря об опасности со стороны якобы готовых наброситься на СССР стран свободного мира, оппозиция выдвигала следующий основной тезис: «Предотвратить эту опасность могла бы только победоносная пролетарская революция в решающих странах»[422]).

Троцкистов, не без основания считавших себя «подлинными ленинцами», к 1929 году было уже немного, но они были. Их широко использовал Сталин в годы первой и в начале второй пятилетки, тогда, когда он, взяв на вооружение троцкистскую программу, охотно привлекал бывших сторонников своего личного врага к работе, предлагая им как бы компромисс — признайте меня вождем и на пути к осуществлению вашей программы я предоставлю вам все возможности, все самые высокие технические посты в промышленности и строительстве.

И большинство троцкистов пошло на этот компромисс. Розенгольц, Крестинский, Серебряков, Преображенский и многие другие — все они подают заявление с признанием своих ошибок. Многие из них становятся наркомами, занимают высшие посты в государстве. Христиан Раковский подписывает нужную Сталину бумагу одним из последних, но даже и он награждается поездкой за границу в качестве делегата Советского Красного Креста. А ведь он — один из вернейших друзей Троцкого.

Почему они так легко сдались? Несмотря на поражение в открытой внутрипартийной борьбе, несмотря на ущемленное самолюбие, несмотря на ссылки и тюрьмы, они не могли

не признать, что Сталин в 1928-1929 гг. принял на вооружение их программу и это облегчало им поворот в сторону компромисса, поворот в сторону примирения и признания его «вождем».

Для того, чтобы понять этих людей, следует привести, как пример, чрезвычайно интересные высказывания Ю. Л. Пятакова, одного из соавторов брошюры «Кризис партии и пути его преодоления», недавно опубликованные Н. В. Валентиновым.

Ю. Л. Пятаков, один из наиболее молодых представителей «ленинской гвардии», происходил из богатой, буржуазной киевской семьи. Получив великолепное образование, он рано вступил в ленинскую группу и Ленин нашел лишь его, вместе с Бухариным, достойным упоминания в своем завещании: «Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов — писал накануне полной невменяемости Ленин о Бухарине и Пятакове. — Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил) и относительно их надо бы иметь в виду следующее:

... Пятаков — человек, несомненно, выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела...»[423]).

Пятаков, всегда бывший одним из наиболее последовательных сторонников троцкистской программы, уже в начале 1928 года совершил свой поворот, — подал заявление в ЦК о восстановлении его в партии. Как раз в его высказываниях, может быть, лучше всего проясняется лицо подлинного троцкизма в дни установления сталинской диктатуры. В то же время, в разговоре с Н. В. Валентиновым в марте 1928 года, Пятаков, быть может, лучше всего подводит итоги восьмилетней внутрипартийной борьбы с точки зрения последовательного большевика-ленинца.

Исключенный на XV съезде из партии Пятаков был, по обычаю того времени, подвергнут «почетной высылке» — его назначили во Францию. Здесь, в парижском торгпредстве и встретились один из главных лидеров оппозиции, новый торгпред в Париже, и работавший тогда редактором издаваемой при ВСНХ «Торгово-промышленной газеты» Н. В. Валентинов. То, что Валентинов услышал от Пятакова, было настолько потрясающим, что «слова Пятакова врезались в мою память, — пишет Н. Валентинов, — ручаюсь, что передаю их почти со стенографической точностью»[424]).

Оценивая нэп, Пятаков видел в нем, прежде всего, возможную диктатуру кулачества. «Нэп, — заявил он, — опасен тем, что потихоньку, незаметно развязывал кулака. Он создавал особую атмосферу, в которой кулак может жить, развиваться, постепенно жиреть, заражать своим духом все крестьянство, а через него, с помощью передаточных социальных слоев, производить давление на партию с вытекающими отсюда последствиями»[425]). Пятаков полностью отрицал то, что из последних статей Ленина и его новых идей, с которых начался нэп, можно построить цельное мировоззрение. Он упрямо стоял на том, «что диктатура пролетариата иначе как через коммунистическую партию осуществляться никак не может». Повторяя формулу Ленина (из статьи «Пролетарская революция и ренегат Каутский») — «диктатура пролетариата есть власть, осуществляемая партией, опирающейся на насилие и не связанной никакими законами», Пятаков спрашивал: «на чем в этой формуле нужно делать главное ударение на «насилии» или на «несвязанности» никакими законами?» И отвечал: «все, на чем лежит печать человеческой воли, не должно, не может считаться неприкосновенным, связанным с какими-то непреодолимыми законами. Закон — есть ограничение, есть запрещение, установление одного явления допустимым, другого недопустимым, одного акта возможным, другого невозможным. Когда мысль держится за насилие принципиально и психологически свободное, несвязанное никакими законами, ограничениями, препонами — тогда область возможного действия расширяется до гигантских размеров, а область невозможного сжимается до крайних пределов, до нуля... Большевизм есть партия, несущая идею претворения в жизнь того, что считается невозможным, неосуществимым и недопустимым... Ради чести и счастья быть в ее рядах мы должны действительно пожертвовать и гордостью и самолюбием и всем прочим. Возвращаясь в партию, мы выбрасываем из головы все ею осужденные убеждения, хотя бы мы их защищали, когда находились в оппозиции. Но так как, по вашим словам, — продолжал объяснять Пятаков свою точку зрения Валентинову, — изменить убеждения в кратчайший срок будто бы нельзя, вы заключаете что наши заявления, в том числе мои, неискренни, лживы... Я согласен, что не большевики, и вообще категория обыкновенных людей не могут сделать мгновенного изменения, переворота,

ампутации своих убеждений . . . Мы ни на кого не похожи. Мы партия, состоящая из людей, делающих невозможное возможным; проникаясь мыслью о насилии, мы направляем его на самих себя, и если партия этого требует, если для нее нужно и важно, актом воли сумеем в 24 часа выкинуть из мозга идеи, с которыми носились годами . . . Подавляя свои убеждения, выбрасывая их, — нужно в кратчайший срок перестроиться так, чтобы внутренно, всем мозгом, всем существом быть согласным с тем или иным решением, постановлением партии. Легко ли насильственное выкидывание из головы того, что вчера еще считал правым, а сегодня, чтобы быть в полном согласии с партией, считаю ложным? Разумеется нет. Тем не менее насилием над самим собою нужный результат достигается. Отказ от жизни, выстрел в лоб из револьвера — сущие пустяки перед другим проявлением воли, именно тем, о котором я говорю. Такое насилие над самим собой ощущается остро, болезненно, но в прибегании к этому насилию с целью сломить себя и быть в полном согласии с партией и сказывается суть настоящего идейного большевика-коммуниста . . .». Пятаков еще больше заостряет вопрос: «Я слышал — говорил он — следующего рода рассуждения: коммунистическая партия, несмотря на все ее самомнение не есть непогрешимая, неошибающаяся организация. Она может жестоко ошибаться, например, считать черным то, что в действительности явно и бесспорно белое... Всем, кто подсовывает мне этот пример, я скажу: да, я буду считать черным то, что считал и что могло мне казаться белым, так как для меня нет жизни вне партии, вне согласия с ней».

Нельзя не согласиться с покойным М. А. Алдановым, который нашел, — рассказывает Н. Валентинов, — что от речи Пятакова веет подлинным духом учения главы иезуитов с его правилом — perinde ad cadaver.

Ради чего?

«В революции, подбирающейся к миру, неужели вы думаете, — кричал Пятаков в парижском торгпредстве Валентинову, — что я, Пятаков, не буду участвовать? Неужели вы думаете, что в великом мировом перевороте, в котором решающим фактором будет наша партия, я буду вне ее? А быть вне, значит быть нулем . . . И еще раз скажу, если партия, для ее побед, для осуществления ее целей, потребует

белое считать черным — я это приму и сделаю это моим убеждением».

Нервно ходивший по кабинету Пятаков, как передает Н. Валентинов, с еще сильнее покрасневшими щеками снова сел за стол и взял папиросу. Руки его слегка дрожали, он не сразу мог закурить и нервным движением переломал несколько спичек.

Мы привели этот отрывок, чтобы показать лицо тех представителей ленинской гвардии, с которыми позже расправился Сталин. Если с этой точки зрения подойти к психологии этих людей, несвязанных «никакими законами», для которых формула «все позволено» была доведена до предела, то все заявления Хрущева о культе личности, сделанные на XX съезде, могут вызывать только недоумения. Ведь проповедь Пятакова неизбежно, сознательно и бессознательно, вела к своему историческому осуществлению — произволу сталинщины. В то же время эта проповедь не может не пролить света на поведение Пятакова и многих других на знаменитых процессах 1936-1938 годов.

Пятаков предсказал свою судьбу на Московском процессе 1937 года за 10 лет в парижском торгпредстве.

На суде ему было суждено многократно признать белое черным, обвинять себя и своих друзей в несовершенных преступлениях, гнусно требовать расправы над своими единомышленниками и друзьями.

Из проповеди Пятакова неизбежно следовало и другое — признание вождя, признание того, что коммунистическая диктатура может существовать в своем полном виде лишь в качестве завершенной пирамиды. Через два дня после чествования Сталина к его пятидесятилетию, 23 декабри 1929 года в «Правде» появилась статья Пятакова «За руководство». В ней этот многолетний оппозиционер, один из наиболее ярких выразителей троцкизма писал: «Вопрос о руководстве разрешен — таков главный, основной, решающий итог. Теперь ясно, что нельзя быть за партию и против данного Центрального Комитета, нельзя быть за Центральный Комитет и быть против Сталина. Я был против руководства и против Сталина. Это тягчайшая в моей жизни политическая ошибка. Нет коммунистической партии без твердого руководства, как нет и не может быть диктатуры пролетариата без коммунистической партии». Итог напрашивается сам собой — нет коммунистической партии без вождя.

ГЛАВА XXVIII

XV СЪЕЗД

Аппарат Сталина напряженно готовился к XV съезду, состоявшемуся со 2 по 19 декабря 1927 года, лишь после двухгодичного перерыва, небывалого в истории партии после прихода ее к власти.

Съезд был тщательно подготовлен. Отчетный доклад на съезде от ЦКК сделал Е. Ярославский. По его докладу со времени XIV съезда (за период 1926-1927 гг.) 93 тыс. членов партии было привлечено к ответственности и 83 тыс. исключено.

Помимо группы Сапронова, в сентябре были исключены из партии и арестованы 14 троцкистов во главе с Мрачковским за организацию нелегальной типографии. В октябре президиум ЦКК исключил следующую большую группу. Московская Контрольная комиссия исключила из партии 11 ноября 1927 года 76, преимущественно студентов, участников собрания на Миусской улице. Вслед за исключением Троцкого 14 ноября, застрелился один из творцов Брестского договора — А. Иоффе, оставив письмо, где он передал Троцкому и его друзьям право посмертно высказывать его мнение.

Список этих предсъездовских репрессий можно легко увеличить. Они достигли своей цели. XV съезд был первым съездом, где, за исключением выступления Каменева, дискуссии уже не было или, вернее, она стала той своеобразной, односторонней «дискуссией», когда выступает только сторона, занимающаяся произвольным «разоблачением» отсутствующего или вынужденного молчать противника.

XV съезд был также первым съездом, где было осуществлено в полной мере «идеологическое единство». Чтобы передать атмосферу, в которой осуществлялось это «идеологическое единство», приведем речь допущенного на съезд оппозиционера Раковского, безнадежно пытавшегося высказать мысль, что политика большинства не вызывает больше

опасений на Западе, ибо она лишена своего революционного острия:

Раковский: ...К десятилетию Октябрьской революции о советской России говорят, но уже не как об идеологической опасности...

Лядов (с места): Они на вас рассчитывают.

Раковский: ...О ней говорят... как о любом другом государстве (шум в зале). Советский Союз перестал быть идеологической опасностью.

Бухарин (из президиума. — Н. Р.): И поэтому на нас нападают!

Раковский: ...Для капиталистических государств... (шум, крики).

Скрыпник: Наглая ложь!

Каганович: Коршевские разговоры.

Голощекин: А Кельнише цейтунг — буржуазная газета?

Раковский: Буржуазная газета.

Голощекин: Ах, вот оно что (смех).

Раковский: Буржуазная газета, но тревожный факт заключается в том...

Голос: Идите с вашей тревогой к Чемберлену!

Голоса: Кончай, довольно (шум).

Раковский: Товарищи, дайте мне говорить...

Голос: О фракционной работе говори, Раковский!

Раковский: Товарищи, я вам сигнализирую этот тревожный факт... (шум, голоса — «в 1917 году сигнализировали», «обойдемся без сигнализаторов»).

Бухарин (из президиума. — Н. Р.): Вы под обстрелом! (шум, смех).

Голос: Кончай, довольно (сильный шум)[426]).

Председательствующий ставит вопрос о предоставлении дальше слова Раковскому на голосование и съезд лишает его слова. Аналогичный характер носят выступления Бакаева, Муралова, Евдокимова — всех их лишают слова под общий шум и крики, и они не имеют возможности довести своих речей до конца. Единственным исключением явилось выступление Л. Б. Каменева, который, несмотря на крики и шум, носящие явно подстроенный, провокационный характер, довел свою речь до конца и она, видимо, произвела известное впечатление на съезд. Однако ЦК совершенно явно заранее готовился к этому моменту и выпустил сразу после Каменева таких ораторов как Рыков, Киров, Томский.

Бухарин, Рыков, Угланов и другие, активно поддерживавшие Сталина, преследовали в этой инсценировке на съезде свою основную тактическую цель, сформулированную Бухариным, как мы видели, еще раньше: «Выйдите и скажите нам, что дальнейшей вашей установкой является борьба против режима, который у нас есть . . .»[427]).

А в то же время другие подготовленные сторонники «большинства» заранее предупреждали, что случится, если оппозиция выполнит провокационные требования Бухарина. Требуя исключения всех членов оппозиции из партии, Угаров, ставший при Кирове одним из секретарей Ленинградской организации, цинично предупредил: «Я думаю, что оппозиционеры пойдут теперь по пути Рут Фишер и Маслова. Но пусть они не забудут того, что Рут Фишер и Маслов сидят в буржуазной Германии, а оппозиционеры будут находится у нас, в стране пролетарской диктатуры. (Возгласы: «Правильно!». Аплодисменты). У нас партия сильная, власть тоже у нас хорошая (смех), вот десятилетие сегодня, кажется, справляют наши соответствующие органы»[428]).

Позже, в тридцатых годах, Сталин заставил оппозицию сказать на процессах то, что требовал от нее Бухарин в 1927 году. Под пытками, оппозиция вместе с Бухариным привела на московских процессах 1936-38 гг. обильный материал о себе, как о врагах режима, но в такой чрезвычайно грубой форме, что выдавленный материал «о борьбе против режима» обратился, в конечном итоге, против Сталина.

Самодовольно улыбавшийся на XV съезде Бухарин (при его выступлениях устраивались овации — «все встают») не отдавал себе отчета, что, последовательно выполняя решения X съезда партии об «идеологическом единстве» и об «единстве партии», готовил себе неизбежную политическую смерть, будучи обреченным, так как не он, а Сталин располагал аппаратом партии и, следовательно, не за ним, а за Сталиным шла «политическая бюрократия».

Сокольников, отошедший как от оппозиции, так и вообще от активной политической работы, сразу после съезда обосновал свой отход. Видя, быть может, лучше других положение в партии и в государственном аппарате, он предложил альтернативу: либо подчиниться Сталину, либо легализировать существование других социалистических партий. Сокольнков доказывал, что только второй путь может сохранить в партии режим демократии и, в то же время, видел

в легализации других партий единственную возможность коренного улучшения работы государственного аппарата и внутрипартийного режима. Выступление Сокольникова было воспринято как скандал, и никто не поддержал его, кроме Осинского.

Кульминационным моментом XV съезда была речь Л. Б. Каменева на шестом заседании.

Речь Каменева и ответ Рыкова ставят и разрешают главный вопрос, стоявший накануне установления единоличной диктатуры, вопрос идеологического единства.

Приведем главнейшие места из речи Каменева.

«Я выхожу на эту трибуну — говорил он — с единственной целью — найти путь примирения оппозиции с партией... Один из этих путей — вторая партия. Этот путь, в условиях пролетарской диктатуры, — гибельный для революции... Этот путь для нас заказан, запрещен, исключен всей системой наших взглядов, всем учением Ленина о диктатуре пролетариата.

Второй путь — целиком и полностью подчиниться партии. Мы избираем этот путь, ибо глубоко уверены, что правильная ленинская политика может восторжествовать только в нашей партии и только через нее, а не вне партии, вопреки ей»[429]).

Каменев усвоил и высказал в этих формулировках полностью ленинскую точку зрения о единстве партии, т. е. веру в необходимость тотального подчинения фетишу партии, независимо от соответствия доктрине и условий, в которых партия, в лице фракции большинства, принимает свои решения. Ленинское положение, что партийный аппарат и его высшие представители всегда правы, не было, однако, дополнено положением, а как, собственно, создается идеологическое единство, — оно подразумевалось в форме полного подчинения всех инакомыслящих или же их политической элиминации.

Каменев пытался лишь сохранить право защиты своих взглядов и утверждал, что это право оставалось в партии при Ленине. Спор между ним и Рыковым по вопросу идеологического единства был решающим для вопроса дальнейшего пребывания оппозиции в партии.

«Если к этому безусловному и полному подчинению всем решениям съезда, к полному прекращению, к полной ликвидации нами всякой фракционной борьбы во всех фор-

мах и к роспуску фракционных организаций, если мы к этому прибавим ... отречение от взглядов, — говорил Каменев, — то такое отречение будет «лицемерием», «гнилью» ... Это требование, товарищи, — отречение от взглядов, — утверждал Каменев, — никогда в нашей партии не выставлялось»[430]).

Сразу после выступления Каменева, совершенно очевидно по заранее выработанному плану, под грохот оваций выступил Рыков.

«Основным моментом выступления т. Каменева — заявил он — является его утверждение, что требование отречения от взглядов никогда в нашей партии не выставлялось ... Это неверно» ... И Рыков сразу же привел резолюцию X съезда «о единстве партии». Рыков подчеркнул, что он лишь «восстанавливает традиции большевизма», выступая «против попытки со стороны тов. Каменева их либерального искажения».

Фактически отвечая на вопрос об идеологическом единстве в партии, Рыков подчеркнул, что существует «пропасть» между спорами в Политбюро и ЦК до принятия решения и спорами «на улицах и собраниях». Вопрос, который Рыков назвал в этом выступлении «вопросом о свободе совести в ВКП(б)», является не чем иным, как спором об идеологическом единстве в ленинском его понимании.

Рыков, ссылаясь на «жесткие нормы для защиты против распространения в партии взглядов, не совпадающих с партийными решениями», установленные «при Ленине», определенно стал на позицию, запрещавшую не только высказывание, но и само наличие взглядов и идей, несогласных с теми, которые в данный момент признаются правильными высшими органами партии. «Партия не может допустить легализации свободных взглядов, — говорил Рыков, — компромисс исключен»[431]).

XV съезд исключил Каменева и 121[432]) видного оппозиционера из партии, несмотря на полную организационную капитуляцию и заклинания, что они не выйдут в своих действиях за рамки устава партии. Съезд исключит оппозицию из партии. В истории партии это был первый наглядный пример расправы за попытки отвоевать себе узкую свободу мнений в рамках марксизма, за иные взгляды, за отказ полностью подчиниться победившей фракции в области идеологии.

Впервые в истории партии оппозиционеры были постав-

лены перед страшным вопросом — от них требовали не только отказа от своих собственных убеждений, но и автоматического приятия взглядов своих политических противников.

Это было то новое раскрытие большевизма, которое обнаружилось лишь в период фракционной борьбы двадцатых годов. Операцию, которую каждый оппозиционер должен был психологически произвести над самим собой, чтобы иметь возможность вступить обратно в партию, трудно обозначить иначе, как идеологическое самооскопление. Это было требование, выставленное Сталиным и продемонстрированное им в действии на московских процессах в тридцатых годах. И Рыков и Бухарин, выступавшие главными защитниками этого невероятного требования, сделались сами его жертвами уже через год. Едва ли Рыков отдавал себе в этом отчет, когда в заключение своей речи, угрожая оппозиции, в качестве последнего аргумента, он бросил:

«Я думаю, что нельзя ручаться за то, что население тюрем не придется в ближайшее время несколько увеличить»[433]).

Вопрос отречения от собственных взглядов — сложный вопрос. Ответ на него многие историки большевизма впоследствии выводили, главным образом, из применения НКВД особых методов обработки и пыток. Так, во всяком случае, объясняли невероятные признания бывших оппозиционеров на московских процессах. Не отрицая ни применения, ни роли страшных пыток в отношении большинства заключенных, мы, тем не менее, считаем, что повальное стремление исключенных оппозиционеров восстановить себя в партии после XV съезда объясняется, главным образом, тем, что для большевиков старой формации, ленинской школы, страшный вопрос самоотречения был подготовлен ленинской системой формирования и воспитания членов партии. Внедрение в психику старшего поколения большевистской политической бюрократии в конце двадцатых годов таких мифов и фикций, как «партия — авангард рабочего класса», «партия — носитель диктатуры пролетариата» и др., приводило к абстрактному, оторванному от действительности, игнорировавшему народ, мышлению, в котором вслед за этими мифами настоящего начинался цикл мифов и фикций будущего. К ним относятся: «пролетарский интернационализм», «загнивание империализма», «неразрешимые противоречия капиталистического лагеря», «грядущая мировая пролетарская революция» и т. д. А за всем этим, в глубине души большинст-

ва оппозиционеров, за исключением небольшого числа фанатиков типа Пятакова, лежала толстая прослойка оппортунизма — неизбежного спутника той партийно-политической бюрократии, из которой формировался аппарат партии.

В составе Политбюро после XV съезда оказались Бухарин, Рыков, Томский, Калинин, Ворошилов, Сталин, Молотов, Куйбышев, Рудзутак. Голоса Калинина и Ворошилова могли теоретически дать перевес или правым, или Сталину. Теперь Сталин мог оказаться в меньшинстве лишь в том случае, если бы Ворошилов и, особенно, Калинин, сочувствовшие правым, голосовали против него.

Зато в качестве кандидатов в Политбюро Сталин провел ряд своих явных сторонников. Наряду с Углановым и Петровским, кандидатами были Каганович, Киров, Андреев, Микоян, Косиор, Чубарь.

Хотя резолюции XV съезда и повторяют установку на союз с середняком, но в них чувствуются уже первые намеки на поворот. В резолюции говорится о необходимости наступления на кулачество и о (пока еще добровольной, основанной на показе и убеждении) коллективизации.

В то же время, взгляды только что исключенных оппозиционеров начинают, пока еще неприметно, проникать в решения политической комбинации, их победившей.

ГЛАВА XXIX

«ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ВОЖДЯ»

По случаю 10 годовщины Октября в Таврическом дворце в Ленинграде было собрано торжественное заседание ЦИКа СССР, на котором 15 октября 1927 года А. И. Рыков прочел доклад на тему «Десять лет борьбы и строительства», вышедший вскоре отдельной брошюрой.

Сразу после доклада Рыков объявил «Манифест ЦИКа», где было декларировано введение семичасового рабочего дня, постепенное обеспечение за счет государства лиц престарелого возраста из маломощных слоев крестьянства, освобождение от выплаты недоимок за предыдущий, неурожайный год. Была объявлена амнистия заключенным, которая, однако, не распространялась на заключенных по политическим делам.

В то же время Рыков продолжал обычную демагогическую традицию, объявляя, что «в распоряжении советского государства нет и не может быть применяемо ни одного из тех орудий подавления народа, которые имеются и применяются в любом буржуазном государстве»[434]).

Ни одно из этих обещаний Рыкова не было осуществлено и ни в партии, ни в народе не было никаких оснований думать, что Рыков более искренне, чем Сталин и другие, намерен выполнять свои обещания.

Бухарин в своем докладе в Москве тремя днями раньше, 12 октября 1927 года, был гораздо откровеннее. Он совершенно ясно и определенно заявил, что намеченную индустриализацию партия собирается провести за счет дополнительной эксплуатации народа: «Нам часто бросают упрек, — говорил он, — что мы хотим получить недостающий капитал за счет народа. Но, ведь, другого «счета» нет. Конечно, мы будем обирать кулаков, нэпманов и т. д., но самым главным, можно сказать решающим, источником богатства является

труд народа и поэтому нужно бросить игру в то, что можно получить огромную сумму неизвестно откуда»[435]).

Ставя вопросы об индустриализации и откровенно отвечая на них, Бухарин не скрывает того, что только на основе новой усиленной эксплуатации народа можно приступить к строительству социализма. Но для того, чтобы перейти к этому строительству, необходимо иметь, кроме того, ведущий слой искренне убежденных в своей правоте людей, которые готовы возглавить и повести партию на строительство социализма в одной стране. На этот вопрос Бухарин отвечает крайне пессимистически. Полувопрошая самого себя и тут же отвечая, он говорил в своем докладе:

«Является ли то знамя, под которым мы идем, таким же ярким, каким оно было десять лет назад . . , или оно успело порозоветь и, быть может, даже в некоторых своих частях побелеть? . .

Укрепляется ли наше хозяйство, как хозяйство становящееся все более и более социалистическим, или же наоборот, не привели ли внутренние процессы перерождения наше государственное хозяйство к такому положению вещей, когда оно перестало даже в своем государственном секторе быть орудием победоносного рабочего класса и все больше и больше превращается в нечто такое, что находится в распоряжении бывших рабочих, переставших быть членами революционного класса, связавшихся большим количеством нитей с новыми буржуазными слоями, с новым служилым чиновничеством, как небо от земли далеким от нужд и забот того класса, который водрузил знамя своего господства в октябре?»[436]).

И, наконец, последний вопрос Бухарина: «Оказалась ли права большевистская партия, когда она ставила свою ставку на международную революцию? Оказалась ли в самом деле эта ставка на международную революцию ставкой, которая выдержала историческое испытание?»[437]).

Блестяще поставив вопросы, Бухарин, при всем его таланте, уже в 1927 году не мог дать на них сколько-нибудь удовлетворительного ответа. В самой постановке вопросов и в каждом вопросе в отдельности Бухарин со свойственной ему точностью делает противопоставления, ставит свою аудиторию перед дилеммой.

Он признает «известную стабилизацию капитализма»,

говоря, что революционное преображение капиталистического мира остается пока лишь «чаемым фактом». Предсказанная эпоха войн и пролетарских революций не выдержала исторического испытания (мысль, которую украл у Бухарина Сталин). Бухарин вынужден ссылаться на такие незначительные события, как феодальное восстание Абд-эль-Керима в Марокко, восстание в Эстонии, вернее, незначительный путч 1924 года, и тому подобные факты.

Что же касается перерождения правящей верхушки партии, служилого чиновничества и эволюции хозяйства именно к такому положению вещей, «когда оно перестало даже в своем государственном секторе быть орудием рабочего класса», мы подробно остановились на этом в разделе «Ком. государство и культура».

Из высказываний Рыкова и Бухарина, особенно последнего, видно, что они хотели продолжать взятый в начале нэпа средний курс. Бухарин еще раз повторил, что обирание зажиточного крестьянства и мелкого городского производителя является, наряду с эксплуатацией всего народа, главным источником средств для проведения политики коммунистической партии.

Но он не видел наступления нового этапа «войн и революций», он трезво смотрел на партию, превращающуюся в «новое служилое чиновничество», он понимал, что индустриализация необходима, но осуществление сверхиндустриализации неизбежно возвратит страну в состояние, подобное «военному коммунизму», неизбежно связанное с троцкистской «милитаризацией» всей жизни народа.

Конфликт между правыми и Сталиным начался в январе 1928 года, когда обнаружилось резкое понижение хлебопоставок государству. Известную роль в этом явлении сыграло расширение «ножниц» — повышение государством наценок на промышленные товары, в результате чего крестьянин предпочитал держать хлеб у себя, а не продавать его по низкой цене государству. Угланов считал, что муссирование слухов о войне, чем действительно в течение всего 1927 года занимались троцкисты, преувеличивание и раздувание конфликта с Англией, привело к прятанию крестьянами хлеба.

Едва ли большим городам угрожал голод, как утверждал Сталин. Больше того, он и его сторонники явно преувеличивали срыв хлебозаготовок и вместо понижения цен на промышленные товары и отказа от усиленного прогрессивного

обложения крестьянства (в такой степени, что это неизбежно вело к сокращению посевных площадей) предложили осуществить так называемые «чрезвычайные меры по отношению к кулаку».

Чрезвычайные меры сводились, прежде всего, к конфискации так называемых «хлебных излишков» по статье 107 уголовного кодекса. Далее шли: запрещение внутридеревенской купли-продажи хлеба; запрещение «вольного рынка», с продажей хлеба только по твердым ценам государству; принудительная раздача крестьянам облигаций займа «индустриализации» вместо денег при расчете за хлеб; введение заградительных отрядов.

Снова, как и в 1918-1919 годах, на местах никто не мог определить границу между «кулаком» и «крепким середняком». Тем более, что снова, как и в 1918 году, «беднота» получила особую «льготу» в виде 25% «наградных от найденных и конфискованных излишков хлеба». Это было прямое поощрение доносительства, разжигание гражданской войны в деревне.

Бухарин был прав, когда заявил о «деградации» сельского хозяйства в этих условиях. В то же время чрезвычайные меры в деревне, наталкиваясь на сопротивление, приводили к желательному для Сталина «обострению классовой борьбы» в деревне и к новым репрессиям, как-то конфискация имущества, высылка на Север и т. д.

Конфликт в Политбюро по вопросам политики в деревне Сталин всячески замалчивал, готовя в аппарате изоляцию и смену правых. В то же время весной и летом 1928 года в Политбюро шла ожесточенная борьба. О ней говорит запись Каменева разговора его с Бухариным на тайной встрече 11 июля 1928 года.

В борьбе с «новой», или «объединенной», оппозицией не следует переоценивать роли сталинского аппарата в партии. Он сыграл, конечно, огромную роль, но победа XV съезда была победой правых. Правые, в отличие от Сталина, вели непримиримую борьбу с «объединенной оппозицией», с ее обеими группировками: с Троцким и его сторонниками — в силу полного игнорирования последним национальных интересов страны, в силу страха перед коллективизацией (сторонником которой был Троцкий), в силу того, что он всегда рассматривал крестьянство как «колонию» для выкачивания любыми способами средств для своих международных рево-

люционных планов; с Зиновьевым и его группой — в силу того, что он мало разбирался в европейской ситуации, предсказывая в 1927 году из месяца в месяц войну с Англией. Зиновьев был далек от понимания того, что в партии никакого интернационального порыва дано уже не было. Витая в эмпиреях «пролетарского интернационализма, Зиновьев (несмотря на долгое пребывания в ИККИ) был склонен невероятно преувеличивать каждый социальный конфликт на Западе, строить на основе чуть ли не каждой забастовки планы революции в той или иной стране.

Отношение большинства в партии к оппозиции накануне и во время XV съезда было враждебным, ибо оппозиция предлагала жестокую антикрестьянскую политику, индустриализацию военными методами, что неизбежно было связано с нарушением экономического баланса, с таким трудом достигнутого к 1927 году. Большинство членов партии, чувствуя укрепление своего личного положения и материального благополучия, было далеко от стремления к международной революции, к которой звали и Троцкий и Зиновьев.

В середине 1928 года в ЦК было направлено письмо от имени Фрумкина[438]), близкого к ядру Московской организации ВКП(б), возглавляемой правыми — Углановым, Михайловым, Куликовым, Котовым. В этом письме, не отрицавшем никаких решений XV съезда, требовалось проведение более планированной, нормальной индустриализации, без перенапряжения сил и истерических темпов, которые лишь приводили к колоссальным, непроизводительным затратам средств и сил при порой ничтожных результатах. В письме далее требовалась, отнюдь не отменяя разработанного и введенного Рыковым нового прогрессивного налога, отмена «чрезвычайных мер», допускаемых в борьбе против зажиточного крестьянства. В письме также указывалось, что практика ЦК в осуществлении решений XV съезда в области внутренней политики становится все более и более «троцкистской».

Насколько нам известно, это письмо никогда не приводившееся в печати полностью, явилось первым официальным документом так называемой «правой оппозиции». Правая оппозиция была в гораздо меньшей степени организована, чем «троцкистский блок» или «ленинградская оппозиция». Характер выявления в партии правой оппозиции носил

своеобразный «непротивленческий» оттенок; это была так называемая «тактика отказа от руководящих постов».

До сих пор мало известно о характере столкновений правых в Политбюро (Бухарина, Рыкова и Томского) со Сталиным. Наиболее ценной информацией является запись Л. Каменева об его тайной встрече с Бухариным 11 июля 1928 года, устроенной при посредничестве Сокольникова.

Встреча эта была тщательно подготовлена Бухариным: в 9 часов утра 11 июля 1928 года в квартире Л. Б. Каменева раздался звонок и к нему, не предупредив его по телефону, вошел его единомышленник по «ленинградской оппозиции», бывший наркомфин, а в это время заместитель наркоминдела Г. Сокольников.

Сокольников передал Каменеву предложение Бухарина о встрече. Каменев согласился и, как было обусловлено, Бухарин должен был прийти сам (если через час Сокольников не вернется) на квартиру Каменева.

Бухарин пришел и между ним и Каменевым состоялась беседа, запись которой, пересланная тайно Каменевым Зиновьеву в Воронеж, попала в руки троцкистов и была через шесть месяцев опубликована ими в их «Бюллетене оппозиции» за границей[439]).

Обращаясь к Каменеву (но не к Троцкому), Бухарин заявил: «Мы рассматриваем линию Сталина, как смертельную опасность для революции. ... Наши расхождения со Сталиным гораздо более серьезны, чем между нами и вами ...»

«Уже несколько недель, — рассказывал Бухарин Каменеву, — как я не обращаюсь больше к Сталину. Это беспринципный интриган, который подчиняет все своей жажде власти. Он меняет взгляды (теоретические), только для того, чтобы освободиться от кого-либо в данный момент. Он маневрирует, чтобы представить нас, как партийных раскольников».

Рассказывая о своих отношениях со Сталиным, Бухарин приводит известный «гималайский» инцидент в Политбюро, произошедший, видимо, за несколько недель до разговора с Каменевым. Как рассказывает Бухарин, Сталин в разговоре наедине сделал ему предложение разделить власть за счет остальных членов Политбюро. «Ты и я — мы Гималайские высоты по сравнению с остальными, остальные — ничтожество» — говорил Сталин.

Через некоторое время, во время разногласий на одном

из заседаний Политбюро в мае 1928 года, Бухарин привел эти слова Сталина в присутствии остальных членов. Разыгралась дикая сцена. «Ты врешь, — кричал Сталин, — ты это выдумал, чтобы натравить на меня других членов Политбюро».

«Не думай, — отвечал ему Бухарин, — что Политбюро является консультативным органом при генеральном секретаре».

После этого заседания Бухарин, по его словам, перестал разговаривать со Сталиным и прекратил с ним все личные отношения.

Бухарин, определяя политическую линию Сталина, сформулировал ее в разговоре с Каменевым следующим образом: «Капитализм вырос благодаря наличию колоний, займов и эксплуатации рабочих. Мы лишены колоний и займов, нашей базой остается крестьянство». Этот тезис Преображенского констатировал Бухарин и продолжал, — «отсюда, по Сталину, — чем больше укрепляется социализм, тем сильнее увеличивается классовое сопротивление». Характеризуя это сталинское положение как «идиотскую безграмотность», Бухарин объяснял ею требование Сталина безоговорочного подчинения ему всего партийного аппарата. Как результат всего этого, Бухарин видел установление «полицейского режима» в партии.

«Что делать . . . что делать?» — непрерывно повторяет он в этом разговоре с Каменевым, не отдавая себе отчета, что полицейский режим и для народа и для партии (для последней с 1921 года) установлен еще Лениным и что сейчас речь идет лишь о полицейском режиме для небольшой группы политической бюрократии. Бухарин забывает также, что его ближайший друг — А. И. Рыков — в своем ответе нынешнему его собеседнику — Каменеву — на XV съезде прямо и откровенно ссылался на «ленинские решения» X съезда партии, о чем мы уже говорили выше.

Давая оценку положению в ЦК и объясняя причину своего поражения, Бухарин приводит довольно интересные подробности о целом ряде представителей высшей политической бюрократии.

«Мы (т. е. Бухарин, Рыков, Томский, Угланов — Н. Р.) — говорит он — пытались говорить со многими, но большинство ЦК еще не поняло, насколько опасно положение. Ленинград (речь, очевидно, идет о Кирове, Позерне, Чудове. — Н. Р.) с нами, но они страшатся мысли о смещении Сталина.

А. Андреев с нами, но его убрали на Урал. Сталин купил украинцев (речь, очевидно, идет о Петровском, Постышеве, Скрыпнике и др. — Н. Р.), убрав Кагановича с Украины. Калинин и Ворошилов отошли в сторону в последний момент. Серго (Орджоникидзе. — Н. Р.) глуп. Он пришел ко мне, обливая Сталина грязью самым бесстыдным образом, а в решающий момент изменил».

Бухарин и здесь проявляет удивительное ослепление. Он забывает, что на XV съезде Орджоникидзе возглавлял комиссию по вопросам оппозиции и занимался переговорами с ее лидерами, явно выполняя волю Сталина. Он соучаствовал в оркестровке «реплик с мест» и усиленно использовал в борьбе с оппозицией Крупскую и М. И. Ульянову. Нет сомнения, что «Серго» и в переговорах с Бухариным выполнял какую-то провокационную роль.

Заканчивая разговор, Бухарин сказал о Сталине: «Сталин ничем не интересуется, кроме власти. Уступая, он сохраняет ключ управления (аппаратом. — Н. Р.), чтобы потом задушить противника. Это новый Чингиз-хан».

Говоря о партийном аппарате, Бухарин констатирует: «Партия и государство слиты в одно — в этом несчастье»[440]).

Запоздалые признания Бухарина были, однако, все же первыми из круга политической бюрократии, к которой он принадлежал. В них не было больше уверенности А. Андреева и многих других, высказанной на XV съезде, что ЦК не допустит единоличной диктатуры. Примерно в то же время, Енукидзе, разговаривая с Серебряковым, заявил ему, в ответ на опасение об установлении единоличной диктатуры: «Мы не боимся Сталина — как только он наберется слишком большой власти, мы удалим его . . .»[441]).

Так весной 1928 года произошел последний раскол в партии, раскол, по ироническому замечанию Троцкого, «в сталинской фракции ВКП(б)». Уже на осеннем пленуме ЦК Сталин сумел провести на основании своей новой «теории» об «обострении классовой борьбы в период наступления» решение о ликвидации кулака, как класса. Под этим решением, как известно, скрывалось уничтожение крестьянства и насильственная коллективизация . . . И то и другое делалось по схеме Троцкого во имя сверхиндустриализации, причем крестьянство, загнанное в колхозы, должно было служить «колонией» для черпания средств при строительстве социализма. История борьбы в партии 1926-1928 гг. показывает,

таким образом, что Сталин боролся против троцкизма не по принципиальным соображениям, а лишь чтобы освободиться от опасного соперника. Сталин менял взгляды, как верно, но запоздало, увидел Бухарин, главным образом, чтобы освободиться от того или иного противника в данный момент. Он полностью принял позицию правых на XIV и XV съездах и, почти не выступая открыто сам, дал им разгромить левую оппозицию Зиновьева—Каменева—Троцкого. Прошло едва шесть месяцев после XV съезда, и Сталин сам становится на позиции Троцкого по таким решающим вопросам, как индустриализация и отношение к крестьянству. Бухарин вскрыл это свойство Сталина — утилитарное подчинение всех принципиальных и теоретических вопросов борьбе за власть — слишком поздно, и правые фактически проиграли уже тогда, когда они обрушились на «новую» или «объединенную» оппозицию и тем самым обрекли себя на ту же судьбу, которой они добились для левых на XV съезде.

Исход голосований в Политбюро решили, как заметил Бухарин, в последний момент Калинин и Ворошилов, сочувствовавшие правым, но голосовавшие со Сталиным. К. Е. Ворошилов, помнивший еще со времен гражданской войны, что всем своим возвышением он обязан Сталину, едва ли мог в другой обстановке когда-либо подняться до наркома обороны и члена Политбюро.

М. И. Калинин сочувствовал правым и это видно не только из доверительного заявления Бухарина Каменеву. Во всех своих выступлениях в период нэпа Калинин не только защищает политику 1923-1928 гг. в отношении крестьянства, но указывает иногда, как, например, в своей речи на XIV съезде, что она еще недостаточно благоприятна для крестьян.

Его голос Сталин получил другим путем. В спецотделе секретариата ЦК Сталин давно начал создавать специальный архив, состоявший из писем, различных документов и материалов, которые могли бы в той или иной степени компрометировать всех видных членов партии.

Как сообщает Троцкий, уже в 1925 году в печати появилась карикатура на Калинина, изображавшая его в весьма сомнительном положении. Серебряков, хорошо знавший Сталина и его манеры еще до революции, объяснял, что карикатура появилась не потому, что Сталин, устроивший из-за кулис ее появление, был обеспокоен моральным обликом

Калинина, но она была «последним предупреждением»[442]) председателю ВЦИКа, не желавшему сразу во всем уступить Сталину.

Близость «всесоюзного старосты» к кулисам московского балета и его поведение там были широко известны в Москве двадцатых годов. В 1929 году, например, ходили упорные слухи, что роскошная шуба, подаренная им, конечно, из государственных фондов, Татьяне Бах, была одним из многих аргументов, которым Сталин всегда мог «убедить» главу советского государства, если бы последний, как член Политбюро, посмел при голосовании проявить свое сочувствие правым.

Когда Угланов потребовал переместить часть средств из тяжелой промышленности в легкую, дабы ликвидировать голод на промышленные товары в деревне, Сталин воспользовался этим и на ноябрьском пленуме ЦК, при помощи своего большинства в ЦК и Политбюро, сместил Угланова вместе с его правым помощником Котовым с руководства Московской организацией. Угланова заменил Молотов.

Бухарин попробовал выступить еще раз в печати и 21 января 1929 года напечатал статью «Политическое завещание Ленина», где критиковал проводимую Сталиным политику в деревне.

В ответ на это Сталин в конце января 1929 года выступил[443]) в президиуме ЦКК и в Политбюро ЦК с заявлением, что Бухарин от имени правых вступил в тайные переговоры с Каменевым.

В апреле на пленуме ЦК Сталин предложил Бухарину отречься от своих взглядов, за что обещал ему сохранение его постов. Бухарин отказался и 23 апреля Сталин заменил его собой, став во главе Коминтерна. Через несколько месяцев, в июле, Томский потерял руководство профсоюзами.

Началась чистка правых. Из Московской организации изгоняются Уханов, Рютин, из ВЦСПС — Догадов, Мельничанский и другие помощники Томского. Рыкова пока не трогают, но лишают большинства близких ему сотрудников.

Правые пытаются проводить политику отставок, но перед лицом аппаратчиков Сталина эта политика не могла иметь успеха. С разгромом правых победа Сталина была завершена.

В первые дни 1929 года были проведены многочисленные аресты членов бывшей оппозиции, теперь уже сразу под

предлогом «антисоветской деятельности». В течение января месяца было арестовано около 400 человек из 2-3 тысяч видных оппозиционеров, числившихся по найденным спискам. Среди арестованных на Кавказе были такие бывшие друзья Сталина, как Кавтарадзе, Мдивани и другие. В эти месяцы оппозиция понесла и первые человеческие жертвы: Григорий Бутов, многолетний секретарь Троцкого, погиб на Лубянке, после многодневной голодной забастовки, которую он начал в конце 1928 года. При неясных обстоятельствах был найден убитым один из главных теоретиков бывшей группы «Демократического централизма» В. Смирнов, высланный в 1928 году в Сибирь. Сам Троцкий был выслан в Алма-Ату еще 16 января 1928 года.

В феврале 1929 года, после переговоров, оставшихся неизвестными, но в ходе которых Троцкий, очевидно, отказался от всех предложений, сделанных Сталиным, он и его жена были высланы в Турцию.

Интересно отметить, что сразу после высылки Троцкого в Политбюро были составлены тезисы о темпах и окончательных заданиях пятилетнего плана, которые в спешном порядке были утверждены ЦК в апреле того же года. Выслав Троцкого, арестовав и сослав большинство его сторонников, Сталин приступил, как показывают эти тезисы, не к чему иному, как к выполнению троцкистского плана сверхиндустриализации.

Тезисы Политбюро были подготовлены декретом Совнаркома от 1 января 1929 года о создании большой группы совхозов-гигантов, в порядке подготовки «наступления на кулака» и обеспечения государства минимумом необходимого зерна. В то же время, в феврале крестьянству и рабочим был навязан второй заем индустриализации, насильно распространенный с «громадным успехом» среди населения. Зимой 1928-1929 гг. в деревне с еще большим усердием применялись «чрезвычайные меры», все больше и больше напоминая собой подразверстку периода военного коммунизма. Уже в эту зиму десятки тысяч крестьян, пытавшихся оказать сопротивление чрезвычайным мерам и прятавшие хлеб, были арестованы, их имущество конфисковано и первые многочисленные партии «кулаков» прибыли на лесоразработки в различные районы Дальнего Севера.

Политическое лицо «объединенной оппозиции» вырисовывается со всей ясностью летом 1929 года, когда целый

ряд лиц, принадлежавших к ней, увидел в новой сталинской политике «шаг влево», приветствовал возвращение к временам военного коммунизма и захотел любой ценой снова занять свое место в политической бюрократии. В ноябре 1929 года Троцкий справедливо писал, что «левое крыло, с платформы которого были скопированы главные черты нового пятилетнего плана, осталось под градом репрессий и клеветы». Действительно, в области политической борьбы за власть Сталин вовсе не собирался уступать своим противникам, но, переняв их программу в области экономической и по отношению к крестьянству, он построил золотой мост для возвращения в партию большинства сторонников Троцкого, обусловив это возвращение полным и категорическим отказом от «организационного закрепления» их фракционных групп.

В июле 1929 года такие видные троцкисты, как Преображенский, Смилга, Радек, Серебряков и Дробнис, публично объявили о своем разрыве с Троцким ради «права на участие в строительстве» по пятилетнему плану. Через несколько недель за ними последовали «уральцы» — Белобородов, Мрачковский, Иван Смирнов. Даже самые упорные — Н. Муралов, Раковский, Сосновский, В. Косиор выразили свое полное согласие с политикой наступления на кулака и с пятилетним планом, опасаясь лишь, что в будущем Сталин снова повернет, сделает «зигзаг вправо».

Допуская бывших членов троцкистской оппозиции на хозяйственную работу, используя их (так, например, всей тяжелой промышленностью, оставляя лавры «наркомтяжпрому» Орджоникидзе, руководил фактически с 1930 года Ю. Пятаков), Сталин в то же время беспощадно расправлялся с теми, кто пытался сохранить организационные формы троцкистских групп. Уже летом 1929 года видный троцкист из ГПУ Блюмкин, бывший левый эсер, убийца Мирбаха, исчезнувший в 1918 году, с тем, чтобы сделаться видным сотрудником ЧК, был расстрелян только за то, что во время одной из своих секретных миссий за границей, видимо, имел встречу с Троцким в Константинополе.

Если поворот в политике 1929 года де-факто сблизил Сталина с троцкизмом, программу которого он принял, то он означал и окончательный разрыв с правыми. Начиная с января 1929 года Бухарин, хотя и остающийся в высших органах партии, после опубликования Троцким его тайных пе-

реговоров с Каменевым, в «Бюллетене оппозиции», выходившем в Берлине, живет под пистолетом. Сталин медленно расправляется с правой оппозицией. С этого времени «Правда» непрерывно нападает на своего редактора, напоминая события еще 1918 года, когда Бухарин, будучи «левым коммунистом», разошелся с Лениным по вопросу о Брест-Литовском мире. Видимо у Бухарина, несмотря на отсутствие организационных способностей и склонности к «аппаратческой» работе, был еще значительный авторитет в партии и опора в ГПУ, что и обусловило его сравнительно медленное падение. Из разговора Каменев—Бухарин известно, что первоначально правых поддерживали Ягода и Трилиссер, фактически руководившие ГПУ под прикрытием имени Менжинского, к этому времени ставшего почти совершенно невменяемым от злоупотребления наркотиками. Нам не известно, когда именно и при каких обстоятельствах Ягода перебежал в лагерь Сталина, но совершенно очевидно, что последнему пришлось потратить немало усилий и времени, чтобы к осени 1929 года сместить Трилиссера, поддерживавшего правых, и заменить его Месснером. Только тогда, когда Трилиссер был убран, произошла окончательная расправа с правыми: Угланов, Котов и другие бывшие лидеры Московской организации капитулируют и признают теперь публично свои ошибки. В ноябре 1929 года Бухарин выводится из Политбюро, вслед за ним, летом 1930 года на XVI съезде, — Томский. Рыков остается еще на своих постах на короткое время, но и его судьба предрешена — в начале следующего года Молотов заменяет его на посту председателя Совнаркома. В конце ноября, вслед за группой Угланова, Бухарин и Рыков, правда очень осторожно и с оговорками, признают свои ошибки. Таким образом, Сталин становится окончательным победителем во внутрипартийной борьбе.

21 декабря 1929 года с большой помпой в печати происходит чествование Сталина ко дню его пятидесятилетия. Как по сигналу, вся печать признает его вождем Коминтерна, ЦК, партии. Тогда же выходит сборник статей в его честь. Авторы — Калинин, Ворошилов, Орджоникидзе, Каганович, Куйбышев, Микоян, Енукидзе, Бубнов и другие провозглашают непогрешимость вождя. В истории партии начался новый этап, — время единоличной диктатуры Сталина.

Часть четвертая

ГЛАВА XXX

ДИКТАТУРА СТАЛИНА И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Бесспорно, самой сильной стороной Сталина было умение видеть реальность настолько хорошо, что когда политика подводила его к пределу, за которым стояла возможность обвала, он всегда вовремя останавливался и начинал отступление. Иногда, в тяжелой для себя обстановке, он умел затаивать ненависть и прятать свое несогласие, внешне примиряясь с людьми и силами, которые он считал в данный момент слишком для себя опасными.

Так, он покорно ушел из Царицына, непрерывно предпринимая попытки примириться с ненавистным ему, но всесильным в то время председателем Реввоенсовета, которого поддерживал Ленин. Он сумел тогда удовлетвориться третьестепенным постом комиссара при командукре Антонове-Овсеенко, съехав в комиссарской иерархии ниже Шляпникова, Лашевича, Гусева, Аралова и многих других (не говоря уже о Троцком, Рыкове и Зиновьеве).

Так же покорно позже он поддакивал Каменеву и Зиновьеву в их борьбе с Троцким. Зажатый между этими, несравненно более блестящими, чем он, людьми, он разыгрывал скромного, всего лишь несколько грубоватого простака, на которого совершенно напрасно напал в своем завещании, находившийся в «раже» из-за своей болезни, оторвавшийся от работы и партии Ленин.

Почти таково же было его поведение между XIV и XV съездами, когда Сталин, не видя для себя никакой другой готовой уже опоры, кроме правых, патетически восклицал, что он не выдаст, не даст пролить крови своего «друга» Бухарина. Он ждал до 1928 года, чтобы отомстить своему «другу» за его несколько небрежное отношение к теоретическим знаниям будущего «основоположника марксизма». Он вылил всю ненависть и зависть, которые он успел нако-

пить к талантливому Бухарину, еще десять лет спустя — во время процесса 1938 года.

Для Сталина тридцатых годов история партии до 1929 года перестала существовать. Если первые 12 лет коммунистической диктатуры, в действительности, можно еще рассматривать как историю КПСС, как историю борьбы за руководство в ее высших органах, то в глазах Сталина это был лишь опасный период, когда господствовали различные политические течения, которые он все, без исключения, называл «уклонами». Для Сталина эти 12 лет были годами унижения, зависти, тяжелой подпольной борьбы в аппарате.

Партия, в том виде, в каком оставил ее в 1922 году Ленин, была уже в основном лишь инструментом диктатуры, но та ее часть, которую мы условно назвали «политической бюрократией», сохраняла еще элементы активной партийной жизни, элементы самостоятельно мыслящих партийных течений. Однако уже в двадцатых годах в партии была доминирующей не столько идеологическая борьба, сколько борьба за овладение политическим аппаратом власти. Разумеется, нельзя отрывать одно от другого, нельзя совсем игнорировать ряд появившихся партийно-политических платформ, но следует признать, что не они были главным в жизни партии. Наиболее ярким подтверждением начавшегося идеологического вырождения была чрезвычайно легкая, для многих даже мало заметная, политическая победа Сталина над правыми путем принятия на вооружение троцкистских тезисов как во внешней, так и во внутренней политике.

История партии тридцатых и сороковых годов не может быть еще написана с полным раскрытием всех фактов. Сталин сделал все от него зависящее, чтобы фальсифицировать историю своего властвования, скрыть или подтасовать факты. Он поставил на службу этой задаче огромный специальный аппарат, он не жалел крови ради того, чтобы избавиться от неугодных ему свидетелей.

Когда оглядываешь историю России тридцатых годов, кажется, что это был апофеоз победы коммунистической диктатуры, кажется, что в 1937-1938 годах ее всесильное тотальное господство подавило всякое сопротивление народа. Но сопротивление продолжалось подспудно. Не прошло и трех лет со времени ежовщины, и история обнаружила, что сила коммунистического потенциала в действительности ничтожна, — в 1941 году Сталин сам должен был отказаться

от лозунгов партии, от всей более чем двадцатилетней коммунистической традиции и обратиться за спасением партийного режима к национальному сознанию русского народа.

В исторической ретроспекции теперь видно, что решающий бой между коммунизмом и народом произошел во второй половине тридцатых годов, когда Сталин, не останавливаясь ни перед какими средствами насилия и террора, решил окончательно установить «идеологическое единство» не только в партии, но и в народе, вступив в страшную, как ему казалось последнюю, борьбу за истребление «остатков» всякой другой идеологии, — в первую очередь национального сознания русского народа.

После двадцатилетнего господства партийной диктатуры, идеологическое сопротивление старшего поколения — современников революции — окончательно иссякло. Многочисленные чистки и планомерная борьба достаточно ослабили это поколение уже к 1929-1930 годам. К 1938 году оно потеряло физически своих лучших представителей.

Новое поколение, поколение людей, вступивших в активную, сознательную жизнь в тридцатых годах, уже было подвергнуто (в отличие от своих предшественников в двадцатых годах, захвативших в детстве дореволюционное время) необходимому партии идеологическому воспитанию и обработке. Казалось, коммунизм получил, наконец, свое первое чистое от всяких «пережитков прошлого» пополнение. Вступление в активную жизнь этого поколения, казалось, должно обеспечить долгожданное идеологическое единство. Вопрос о политическом овладении этим поколением был для руководства КПСС решающим, главнейшим, определяющим всю дальнейшую историю коммунизма. От идеологического овладения этим поколением зависело обладание, наконец, той мощной ударной силой, которая была бы способна разрешить главнейшие стратегические вопросы международной программы партии.

Вот почему борьба Сталина и всего коммунистического руководства с русским народом в тридцатых годах приобрела такой ожесточенный характер, потребовав огромных человеческих жертв, потребовав полного напряжения сил с обеих сторон.

Эта борьба развернулась с особенной силой уже во время коллективизации. В этом смысле время с осени 1929 года и до лета 1930 года можно действительно назвать «годом

великого перелома». С одной стороны, коммунистическая власть в лице установившейся диктатуры Сталина перешла в наступление, с другой — настроение примирения с властью, характерное для нэпа, у значительной части населения улетучилось. Как на стороне власти, так и на стороне народа в истории России обозначились новые явления.

*

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1929 года продемонстрировал окончательную победу Сталина над правыми. Бухарин был выведен из состава Политбюро, все остальные, разделявшие взгляды правых, получили предупреждение о «несовместимости» таких взглядов с «пребыванием» в ВКП(б).

В октябре 1929 года, несмотря на «чрезвычайные меры» по отношению к зажиточной части крестьянства, несмотря на то, что, как и в 1918 году, деревенская беднота приглашалась принять участие в разгроме «вампиров» — по Ленину — и в разделе так называемых кулацких хозяйств, несмотря на широкие кредиты и помощь государства, только 4% крестьянских хозяйств были объединены в колхозы.

Из 25 миллионов крестьянских семейств, существовавших в стране к 1929 году, около 2 миллионов считалось кулацкими, около 18 миллионов середняцкими и около 5 миллионов бедняцкими.

После ноябрьского пленума Сталин решил форсировать коллективизацию. Она была нужна ему не только для того, чтобы сломить процесс, наметившийся во время нэпа, — неуклонное, хотя и медленное, укрепление середняцких хозяйств, перерастание их в так называемые кулацкие хозяйства. В коллективизации Сталин видел, и достаточно прозрачно сказал об этом в своей речи от 27 декабря 1929 года («К вопросам аграрной политики в СССР»), прежде всего, укрепление партийной диктатуры над народом. Колхоз был нужен ему не только как форма новой жестокой эксплуатации путем, выражаясь марксистским языком, «внеэкономического принуждения», или попросту путем введения новой барщины, но и как форма политического и организационного контроля над сельским населением.

Зимой 1929-1930 года началась массовая и, конечно, принудительная коллективизация. Местные партийные организации и органы власти, подстегиваемые из центра, стре-

мились загнать в колхозы основную массу крестьянства. Коллективизация сопровождалась разгромом, высылками и арестами всех тех, кто пытался протестовать и, хотя протестующие далеко не всегда были так называемыми кулаками, все они попадали в категорию «кулачества», которое «ликвидировалось как класс»[444]).

К марту 1930 года 58,1% крестьянских хозяйств было загнано в колхозы. Однако этот формальный успех был куплен дорогой ценой. Значительное количество скота (едва ли не половина лошадей и крупного рогатого скота) погибло частично от падежа в только что организованных колхозах-коммунах, частично в силу реквизиции зерна и других кормов, а также, из-за нежелания отдать свое колхозу, было забито самими крестьянами на мясо.

Кто мог — бежал из деревни в город. Сотни тысяч крестьян умирали в переполненных тюрьмах, другие были высланы в северные концлагери.

На этом первом этапе коллективизация вылилась в так называемое «раскулачивание», причем не только действительно зажиточных крестьян, но и всех тех, которых зиновьевско-троцкистская оппозиция называла в 1927 году «хозяйственно-мощными середняками».

«Многие партийные организации — осторожно признает Е. Ярославский — увлекались раскулачиванием там, где еще не было ничего сделано для того, чтобы разъяснить задачи партии в области коллективизации.

Так задача коллективизации в целом ряде мест была подменена задачей раскулачивания»[445]).

В то же время начались восстания, перераставшие местами, особенно на Северном Кавказе и в Сибири, в трудно подавляемые очаги вооруженного сопротивления власти. Особых частей ОГПУ не хватало, они не могли справиться с восстаниями. Пришлось привлечь к подавлению части Красной армии, и вскоре Ворошилов вынужден был указать Сталину на ненадежность армии, грозящую вылиться в вооруженные переходы на сторону восставших деревень и станиц.

Сталин понял, что не только его власть, но и вообще диктатура партии над народом держится на волоске. 2 марта 1930 года он опубликовал статью «Головокружение от успехов», где постарался переложить вину за насильственную коллективизацию на местные партийные организации, обвинив их в «перегибах». Однако всерьез на местах за «переги-

бы» никто не пострадал. Путем новых партийных мобилизаций Сталин пытался усилить контроль и власть во вновь организованных колхозах, примирившись временно с тем, что большая часть колхозов, организованных зимой, распалась. Так, например, в Центрально-Черноземной области, где к марту 1930 года было коллективизировано 82% крестьянских хозяйств, в мае в колхозах осталось едва 18%.

Тем не менее ставка на «сплошную коллективизацию» не была снята. К середине 1931 года больше половины хозяйств снова были загнаны в колхозы, а к 1934-1935 гг. сплошная коллективизация была практически осуществлена.

Коллективизация отнюдь не означала конца реквизиций хлеба. У крестьян отбирали буквально все, не считаясь ни с каким прожиточным минимумом. Естественно, что в стране в целом, и особенно на хлебном Юге, разразился жестокий голод. По сведениям Б. Николаевского, располагавшего информацией о ЦК от источника, заслуживающего доверия, на январском пленуме ЦК 1933 года один из участников этого пленума бросил реплику во время речи Кагановича: «Но ведь у нас уже людей начали есть!» На что Каганович ответил: «Если мы дадим волю нервам, то есть будут нас с вами . . . это будет лучше?»[446]).

Голод, несомненно, был организован. Он должен был помочь коммунистической власти «сломить» крестьянина, хотя официально речь шла всегда о «кулаке». Однако голод создал такое положение, что посевной компании 1933 года угрожал полный срыв. На места были посланы комиссии с правом освобождения арестованных.

По сведениям Б. Николаевского одна из таких комиссий во главе с главным прокурором Н. Крыленко (позже ставшим «врагом народа», ныне реабилитированным посмертно. См. БСЭ, Изд. 2-ое, том 51) производила обследование в Среднем Поволжье и сделала доклад, где, в частности, говорилось о Саратовской тюрьме. В ней для содержания арестованных крестьян было вырыто огромное специальное подземелье «в несколько этажей, где тысячи крестьян лежали рядом с трупами» — передает Б. Николаевский эту часть доклада Крыленко[447]).

В борьбе с крестьянством партия пошла по проторенным еще в 1918-1920 гг. Троцким дорогам — по пути милитаризации своего аппарата контроля и принуждения в деревне. На январском пленуме 1933 года по докладу Кагановича

была принята резолюция «Цели и задачи политических отделов МТС и совхозов». Смысл этой резолюции заключался в признании, что введенная в деревне принудительная колхозная барщина не может функционировать без непосредственно наблюдающего надсмотрщицкого партийно-полицейского аппарата.

«Политические отделы МТС и совхозов — гласит резолюция — должны обеспечить партийный глаз и контроль во всех областях работы и жизни, как самих МТС и совхозов, так и обслуживаемых МТС колхозов»[448]). Они должны были также «обеспечить настойчивое, правильное и своевременное применение законов Советского правительства об административных и карательных мерах . . .»[449]).

Согласно данным, опубликованным в резолюции ноябрьского пленума «О политотделах в сельском хозяйстве», всего в МТС и совхозах было создано 5389 политотделов (т. е. примерно 1 на каждые 4 колхоза) и на работу в политотделы было послано 25000 работников, которые были «тщательно и персонально» подобраны Центральным комитетом[450]).

Зачем понадобилось создавать еще один дополнительный полицейский аппарат в деревне?

Резолюция январского пленума 1933 года не скрывает причин. Это, прежде всего, жестокое сопротивление антисоветских элементов села[451]).

Перечисляя эти «элементы»: «Хозяйственно-разбитый, но еще не потерявший окончательно своего влияния кулак, бывшие белые офицеры, бывшие попы, их сыновья, бывшие управляющие помещиков и сахарозаводчиков, бывшие урядники и прочие антисоветские элементы . . .» резолюция констатирует, что они «проникли» и «пролезли» «в качестве счетоводов, завхозов, кладовщиков, бригадиров и т. п., а нередко и в качестве руководящих работников правлений колхозов . . . бухгалтеров, полеводов, кладовщиков, управляющих отделениями и др»[452]).

Оказывается, что «. . . сельские партийные и комсомольские организации, в том числе ячейки в совхозах и МТС . . . сами подпадают под влияние этих вредительских элементов» и даже «. . . втягивают отдельные колхозы, группы колхозников и отсталых работников совхозов в борьбу против Советской власти»[453]).

«Это в особенности относится к совхозам, где нередко директора совхозов под влиянием антисоветских элементов подвергаются буржуазному перерождению, саботируют задания Советской власти, идут на прямой обман партии и правительства . . .»[454]).

Таким образом, осуществление коллективизации означало введение не только чрезвычайных мер, но подлинного осадного положения в деревне.

Сопротивление было всенародным. Оно захватило, несмотря на разжигание розни, несмотря на игру на низменных чувствах человека — зависти, мести — не только все крестьянство, но и значительную часть партийной и советско-административной верхушки деревни.

И, вводя новый, дополнительный партийно-полицейский аппарат политотделов, власть в то же время вынуждена была пойти на некоторые уступки. В конце 1932 года в городах, меньше, но тоже голодавших как и деревня, были разрешены колхозные рынки. Но, главное, были разрешены и упорядочены приусадебные участки колхозников. В своей речи на съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 года Сталин открыто заявил, что каждый колхозник должен иметь свою собственную корову.

Уступка власти крестьянству создала известное равновесие в деревне. Крестьянин-колхозник жил в основном с плодов своего труда на приусадебном участке, но право пользования им он имел только в случае отработки определенного количества трудодней в году на колхозной барщине, за что получал от колхоза, как правило, совершенно ничтожное, недостаточное для жизни вознаграждение.

Благодаря этой компромиссной системе уже в декабре 1934 года оказалось возможным отменить карточную систему в городах, а к 1941 году были, хотя и далеко не полностью, залечены раны, нанесенные животноводству коллективизацией. Несмотря на рост населения страны в целом, сельское хозяйство в течение первых десяти лет существования коллективизации не дало ни значительного увеличения урожайности, ни резкого повышения общего производства зерновых по сравнению с 1913 годом.

ГЛАВА XXXI

ДИКТАТУРА СТАЛИНА И ПАРТИЯ В ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Трудно представить после всех предшествующих съездов партии, даже после сравнительно бедного неожиданностями XV съезда, более скучную, монотонную и лживую картину, чем та, которую явил собой собравшийся 26 июня 1930 года XVI съезд.

По сути дела он был посвящен единственному вопросу — оформлению единовластия Сталина. Он был демонстрацией культа личности на уровне общепартийного форума. Все остальное служило лишь иллюстрацией к принятым на XVI партконференции решениям.

XVI съезд был первым съездом, где Сталин уже не боялся никаких «неожиданных» выступлений. Если сталинская режиссура на XV съезде все еще усиленно занималась подготовкой контрвыступлений сразу после выступлений лидеров оппозиции, бесспорно специально готовилась и готовила других к таким выступлениям как выступление Каменева, создавая заранее «мнение» съезда путем подбора крикунов, инициаторов «прерывания» речей или «бурных оваций», то на XVI съезде режиссура не нуждалась в выработке такой относительно сложной тактики — она целиком была построена на организации оваций вождю.

Таким образом, «год великого перелома» сделал свое дело и в самой партии. Остаткам свободно высказываемых мнений (хотя и в узком коридоре доктрины) о партийной политике, о внутрипартийной жизни был теперь также положен предел, как остаткам экономической свободы крестьянства и части городского населения.

Нет надобности останавливаться на докладе Сталина — он не сказал ничего нового для делегатов съезда, повторив лишь решения предыдущих пленумов и XVI партконференции. Весь вопрос заключался лишь в том — как выступал

Сталин. А он выступал как хозяин и в этом своем новом качестве позволял себе заниматься той дешевой демагогией, которая раньше спускалась лишь на «массовые митинги» и выслушивание которой еще никогда не было уделом делегатов съезда партии.

Доклад Сталина был построен примерно на следующем принципе: у нас не было авиационной промышленности — теперь она у нас есть. У нас не было автомобильной, тракторной и др. промышленностей — теперь они у нас есть.

Император Николай I, например, 100 лет назад мог с таким же успехом сказать: «У нас не было железных дорог — теперь они у нас есть».

Так же безапелляционно Сталин вводил пропагандные фикции в историю России, утверждая, что ее всегда все били, начиная со «шведских феодалов» и «турецких беев».

Но тут не помог даже запрет преподавания в школах истории своей страны и народа (в период до 1934 года) — географическая карта России доказывала противоположное. Те, кто якобы всегда били Россию за «отсталость», почему-то уступили ей в течение последних столетий все смежные, пограничные области и превратились в небольшие государства, лишенные сколько-нибудь значительного веса на уровне великих держав, в числе которых уже давно заняла свое место Россия.

Общую лживость этого первого сталинского съезда лишь подчеркивали присутствие и выступления лидеров правых, аплодировавших всему тому, что они еще недавно считали преступным с точки зрения партии.

XVI съезд должен был показать идейную слабость оппозиции. И он действительно продемонстрировал ее так же, как и идеологический ее оппортунизм.

Более того, он обнаружил, что эти качества характерны не только для большинства правых, как это хотел показать Сталин, но и для подавляющего большинства всей верхушки партии, всей политической бюрократии. Ибо большинство делегатов XVI съезда присутствовало и на предыдущих съездах и помнило, конечно, восторженные овации, особенно на XV съезде, которыми встречали и провожали выступавших тогда против троцкистской политики Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова и других.

И теперь, через два с небольшим года, когда Сталин со съездовской трибуны провозглашал лишь несколько видо-

измененные тезисы «объединенной оппозиции», особенно в области внутренней политики, собственный политический оппортунизм не мог не ощущаться большинством делегатов этого съезда.

На поставленный в разговоре с Каменевым вопрос Бухарина — «что делать, что делать? . .» — большинство не нашло ответа. Ибо для нахождения его требовалось идейное мужество, глубокая вера в правильность своих убеждений, личная жертвенность — качества, которых не обнаружили делегаты этого съезда ни во время его, ни после, несмотря на то, что подавляющее большинство их несколькими годами позже окончило свои дни в застенках НКВД.

Приняв на вооружение троцкистскую программу сверхиндустриализации, Сталин рассчитывал увлечь по этому пути не только партию, но и значительную часть интеллигенции и молодежи. Вначале это ему в некоторой степени удалось. Таким людям, как Пятаков, казалось, что они готовы принести в жертву самолюбие, друзей, когда они увидели, что Сталин хочет осуществить их собственную программу. Ибо индустриализация была, по их убеждению, необходимым этапом на пути к мировой революции, к мировому господству.

Но за исключением фанатиков типа Пятакова и их единомышленников, большинство технической интеллигенции и молодежи, вскоре разочаровалось в сталинской программе.

Не будучи против индустриализации, считая ее необходимой и полезной, мало кто не видел, какими дикими методами она проводилась: гигантомания — в результате чего построенные за счет колоссальных средств заводы-гиганты годами не могли быть пущены на полную мощность; доведенное до абсурда планирование — в результате чего предприятия строились без учета транспортных средств и возможностей и оставались перманентно в прорыве из-за отсутствия либо сырья, либо полуфабрикатов; падение качества продукции, в силу отсутствия планомерной подготовки квалифицированной рабочей силы; наконец, штурмовщина, ставшая не только правилом, но и доблестью. Все это приводило к тому, что при огромных капиталовложениях за счет народа — за счет голодовки, резкого сокращения заработной платы, износа людских ресурсов — результаты, достигнутые к концу первой пятилетки, были не только ничтожны, но прямо катастрофичны.

Достаточно указать, что если производство стали в 1930 году составляло 5,8 миллионов тонн, то в 1932 году оно достигло лишь 5,9 миллионов тонн. Почти такое же положение было и с производством цветных металлов, древесины, цемента. В последнем случае производство даже упало с 3,5 миллионов тонн в 1931 году до 2,7 миллионов тонн в 1933 г.

Понадобилось отказаться от штурмовщины, принять на XVII съезде темп нарастания даже ниже довоенного, принять систему хозрасчета и признать, что «кадры решают все», чтобы сдвинуть с места рост промышленного производства. Полный провал планов первой пятилетки при колоссальных капиталовложениях привел к отказу от идеи сверхиндустриализации в короткие сроки, привел к тому, что лишь к 1941 году удалось реализовать, хотя бы частично, те производственные мощности, которые были построены в 1928-1932 годах.

Напомним о тех темпах роста, которые, как мы указывали в начале этой работы, достигла Россия при гораздо меньших затратах в довоенный период. При довоенных темпах показатели 1941 года могли бы быть достигнуты без особого напряжения на десятилетие раньше.

Провал планов сверхиндустриализации объясняется также отчасти составом того окружения, с которым Сталин пришел к единоличной диктатуре. Из старого состава Политбюро, после исключения в 1930 году Рыкова и Томского, со Сталиным остались Молотов, Ворошилов, Калинин — все наиболее слабые, бледные и лишенные, по сравнению со своими коллегами в прошлом, сколько-нибудь выдающихся способностей. Сталин окружал себя послушными посредственностями. В дополнение к ним в Политбюро вошли шесть новых членов.

Вскоре после исключения Троцкого и Зиновьева из Политбюро в 1926 году в него были введены Рудзутак и Куйбышев. Рудзутак, старый член партии, но мало чем выделявшийся, был выдвинут в 1923 году Сталиным в секретариат ЦК во время борьбы с Троцким. Раньше он был секретарем Среднеазиатского бюро ЦК. В 1924 году он, будучи уже наркомом транспорта, сделался заместителем Рыкова по Совнаркому. Видимо он сочувствовал правым, но никогда не выступал открыто на их стороне. После Орджоникидзе он стал председателем Центральной Контрольной комиссии.

Как сообщил Хрущев в своем докладе на закрытом со-

вещании XX съезда КПСС, Рудзутак после своего ареста отказался во время сессии коллегии Верховного военного суда от своих признаний, заявив: «... у обвиняемых нет возможности доказать, что они не участвовали в преступлениях, о которых говорится в таких признаниях, вымученных от различных лиц. Методы следствия таковы, что они вынуждают людей лгать и клеветать на невинных, ни в чем не замешанных людей, не говоря уже о тех, кто обвинен».

Рудзутак был расстрелян в 1938 году. Сталин — как поведал Хрущев — не пожелал ни рассмотреть его заявления, на суде, ни видеть его на заседании Политбюро.

Куйбышев тоже прошел через работу в секретариате ЦК в 1923 году, когда шел подбор сталинских кадров. После работы в качестве председателя ЦКК в период борьбы с Троцким, он сделался председателем ВСНХ, а потом Госплана. Он внезапно умер в 1935 году. Едва ли его смерть была естественной, но для подтверждения этого предположения до сих пор нет данных.

В 1930 году после разгрома правых в Политбюро были почти одновременно введены Киров, Орджоникидзе, Косиор и Каганович.

Киров выделялся среди своих коллег по Политбюро недюжинными организационными способностями и, как мы уже отмечали, будучи незаурядным оратором, не чуждался широкого слоя среднего партийного актива в Ленинграде, где стал популярен в партийной среде. Его главной заслугой была победа над зиновьевским аппаратом в Ленинграде, в результате которой он сумел создать новую, преданную ему партийную верхушку и через продвижение своих сторонников распространить свое влияние за пределы Ленинградской партийной организации. К XVII съезду Кирова многие считали будущим генеральным секретарем в случае смерти Сталина.

Орджоникидзе, при весьма ограниченных способностях и горячем темпераменте (как мы указывали, еще Ленин хотел «примерно наказать» его за мордобой, с помощью которого Орджоникидзе проводил сталинскую национальную политику в Грузии в 1922 году), был верен Сталину в решающий период между XIV и XV съездами, когда он стоял во главе ЦКК. Он знал, что Сталин многим ему обязан и позволял себе, будучи в тридцатых годах наркомтяжпромом, больше, чем другие члены Политбюро: защищал нужную

ему техническую интеллигенцию, привлекал к работе многих способных членов бывшей оппозиции, например, Н. Смирнова, Залуцкого и других. Своим заместителем по Наркомтяжпрому — этому важнейшему в годы первой и второй пятилеток наркомату — он привлек талантливого Ю. Пятакова. Наряду с Пятаковым, Орджоникидзе устроил к себе начальником Главного управления авиационной промышленности М. Трилиссера, долголетнего члена коллегии ОГПУ, где он отстроил Иностранный отдел и руководил им. Трилиссер проявил свое сочувствие правым и был снят Сталиным со слишком влиятельного места. Но он сидел вместе с Орджоникидзе до революции в Шлиссельбургской крепости и этого было достаточно для еще довольно независимого народного комиссара тяжелой промышленности.

Косиор и Каганович тоже прошли через работу в секретариате ЦК между 1922-1924 годами. Сталин передвигал их в ходе внутрипартийной борьбы по мере необходимости осуществления своих задач на местах.

С 1925 года Каганович становится секретарем Украинской организации. В 1928 году Сталин, хорошо зная характер Кагановича и веря в его слепое повиновение себе, переводит его в Москву на работу в Оргбюро ЦК, чем, как говорил Бухарин в приводимом нами разговоре с Каменевым, привлек на свою сторону «украинцев», — видимо Каганович успел там довести местное руководство до того, что они были готовы на все, лишь бы избавиться от своего первого секретаря . . .

В 1930 году Сталин ставит Кагановича во главе Московской организации с явной целью — разгромить в столице остатки углановского аппарата. Его место на Украине занимает Косиор. В Киеве же, в начале 1938 года, Косиор был и арестован (вслед за Постышевым, Чубарем, Петровским и другими руководителями Украинской организации), очистив место для Хрущева.

В середине тридцатых годов в состав Политбюро вводятся Сталиным только три новых члена: в 1932 году — бесцветный и всегда послушный Андреев, в 1935 году — Чубарь, расстрелянный в 1938 году, тогда же и Микоян.

Мы уже говорили выше, как последний сумел сделать себе карьеру за счет Л. Б. Каменева. В тридцатых годах этот, заслуживший у своих коллег кличку «профессионального предателя», самый молодой по возрасту и стажу член По-

литбюро, скромно занимался вопросами внешней торговли, раболепствовал в своих речах перед Сталиным и старался не выдвигаться. Его главная цель — удержаться любой ценой — в этот период выплывает со всей очевидностью.

Разумеется, высший слой бюрократии партии не мог сразу приспособиться к своему новому положению, когда, утратив свободу и то ограниченное право высказывания своих мыслей, какое он имел в двадцатых годах, он должен был сосредоточиться на культивировании идеи вождя, вне зависимости от интеллектуального уровня выступлений последнего.

Прежде всего встал вопрос об имевшихся до 1929 года партийных изданиях, а также о материалах и документах, хранившихся в Институте Маркса-Энгельса. Директор этого Института Рязанов (в прошлом — меньшевик), вероятно, не сразу согласился на ту чудовищную фальсификацию материалов по истории партии, которую потребовал от него Сталин. Рязанов, активно поддерживавший на XV съезде блок Сталина-Бухарина-Рыкова, был большим другом Е. Ярославского, сделавшегося в течение последних лет своеобразным специалистом по «борьбе с троцкизмом». Ярославский выпустил в 1929 и 1930 годах два издания «Краткой истории ВКП(б)». Защищая мнение блока большинства, он все же приводит в ней многочисленные материалы и подлинные документы из истории внутрипартийной борьбы. Хотя он неуклонно и отмечает «заслуги Сталина», из его книги со всей очевидностью следует, что до 1926 года Зиновьев и Каменев были непримиримыми врагами Троцкого и самым тесным образом работали в одном блоке со Сталиным. Особенно ярко из книг Ярославского видна борьба правых с блоком Троцкого-Зиновьева-Каменева и совершенно ничтожная роль Сталина в теоретической полемике этого периода.

В начале 1931 года Рязанова обвиняют в «идеализме» и в прямой связи с меньшевиками за границей. В Институте Маркса-Энгельса происходит генеральная чистка, во время которой почти весь состав сотрудников Института, в том числе таких, как Деборин, изгоняется вместе с Рязановым.

В конце 1931 года Ярославского внезапно обвиняют в... «троцкизме» и все его многолетние работы против Троцкого, равно как и все издания его истории ВКП(б), вышедшие до 1931 года, запрещаются и изымаются из обращения. Уже раньше, в 1930 году, почти такая же судьба постигла Луначарского, изгнанного из Наркомпроса.

Это наступление против всех тех, кто не сразу согласился с полным извращением и генеральной фальсификацией истории партии, было подготовлено Сталиным ударом по историкам вообще под предлогом ликвидации «буржуазной истории» в СССР.

В самом конце 1929 года в Академии наук СССР, главным образом в Ленинграде, была арестована большая группа историков, в которую вошли почти все самые видные историки России, а также такие крупнейшие специалисты новой и новейшей истории как академик Е. Тарле. Арестованные академики С. Ф. Платонов, Б. Д. Греков, С. Лихачев, проф. С. Д. Приселков и другие были обвинены в создании фантастической тайной организации, преследовавшей якобы цель свержения советского правительства, причем от Е. В. Тарле требовали, чтобы он подписал признание, что согласно плану «заговора» он должен был стать министром иностранных дел. Абсурдные обвинения, предъявленные крупнейшим представителям российской исторической науки, были нужны Сталину, прежде всего, чтобы найти предлог для практической ликвидации в СССР истории как науки. Вслед за осуждением историков произошло закрытие последних исторических факультетов, существовавших еще как «факультеты общественных наук», фактическая ликвидация всех научных учреждений и институтов, в той или иной форме занимавшихся историческим исследованием (Археографическая комиссия Академии наук, Институт Ранион и др.).

Историк-марксист, друг Ленина, М. Н. Покровский выступил как инструмент в руках Сталина по ликвидации истории и историков в СССР, создавая совершенно невозможные условия для работы и ликвидируя одно за другим сохранявшиеся еще исторические учреждения и архивы. Наступил период (длившийся вплоть до лета 1934 года), когда история как наука, даже в марксистском освещении, была фактически ликвидирована и этим самым Сталин стремился добиться полной изоляции нового поколения не только от исторического прошлого России, но и от какого-либо фактического знания истории партии.

Прекращение издания таких журналов, как «Историк-марксист», «Красный архив», «Пролетарская революция», говорит само за себя. Начиная с 1930 года происходит массовое изъятие книг, изданных в двадцатых годах и раньше, из библиотек и с каждым годом рестрикционные списки на

книги растут, создавая грандиозные склады «специальных отделов» и «особых хранилищ», недоступных ни для кого, кроме немногих высших работников НКВД.

Одновременно незначительное количество изданий, изъятие из обращения которых казалось совершенно невозможным, — например, книга самого Сталина «Вопросы ленинизма», собрание сочинений Ленина, — переиздаются в фальсифицированном виде, как правило со многими сокращениями. Все же предыдущие издания изымаются из обращения[455]).

Вакханалия с изъятием книг, с объявлением многочисленных авторов носителями буржуазной идеологии привела к тому, что в стране быстро стали исчезать все существовавшие ранее авторитеты, кроме исправленных Ленина и Сталина.

Мы видели, что победа Сталина над правыми имела гораздо большее значение, чем совместная победа правых и Сталина над троцкистско-зиновьевским блоком.

Ибо победа Сталина в истории партии является одновременно победой партийного аппарата над аппаратом государственным и этим самым окончательной победой политической бюрократии в самой партии. Конечно, гораздо более трагичным было значение этой победы для страны и народа, ибо она несла с собой установление открытой личной диктатуры Сталина. Партийно-политическая бюрократия, обладавшая до сих пор ограниченной, условной свободой при наличии в партии блоков, «комбинаций», «фракций» во время внутрипартийной борьбы, теперь, при единоличной диктатуре, потеряла свое привилегированное положение. Иначе говоря, эта последняя победа политической бюрократии лишила ее саму всего, кроме материальных благ. Последние, как бы в компенсацию за утрату относительной свободы, Сталин всемерно стремился довести до степени граничащей с роскошью, особенно бросавшейся в глаза на фоне резкого понижения жизненного стандарта всех других слоев населения.

Политическая бюрократия не сразу заметила свое принципиально новое положение. Прежде всего, понимание своего положения и новой ситуации обнаружилось среди тех, кто поддерживал Сталина в борьбе с троцкизмом. Многие сразу сделали из него выводы. Как у Сырцова и Ломинадзе, так и у Рютина, эти выводы в той или иной форме своди-

лись к главному: устранение единоличной диктатуры в партии, устранение Сталина и установление вместо единоличного управления «аппаратом» — коллективного. Благодаря тому, что этот вывод был сделан с различных «платформ» и рассматривался как главнейшая, первая задача, он послужил тем основанием, на котором сходились, не уступая своих главных позиций, и правые и левые. Но в то же время никогда не следует забывать, что эта совместная борьба носила характер борьбы за власть в широком смысле слова, борьбы за право входить в высший слой политической бюрократии, за право соучаствовать в управлении страной и обладать, хотя и в очень условных, ограниченных рамках, той свободой, которая существовала в период 1921-1929 годов для небольшого слоя коммунистической бюрократии. Одним из главнейших неписаных «прав» этой «свободы» была относительная безнаказанность тех членов политической бюрократии, которые, попадая в меньшинство, бывали побеждены большинством. Они рисковали ранее, обычно, лишь снятием с должности, отправкой либо за границу на должность изолированных дипломатов, либо в провинцию, часто делаясь там местными проконсулами советской власти. Лишь в самом худшем случае они рисковали быть убранными в различные научные, статистические и плановые учреждения.

Теперь в борьбе за право соучаствовать в партийной политике при несогласии с победившим можно было поплатиться головой. Именно этот вопрос и стал главным сразу после XVI съезда.

В борьбу со Сталиным вступил представитель правого большинства XV съезда Рютин. Бывший во времена Углановa секретарем Бауманского райкома в Москве, Рютин принадлежал к тем правым, которые играли особенно активную роль в борьбе с троцкистами. Значение Рютина не исчерпывалось его популярностью среди московских правых, он сохранял связи и в военных кругах. Начав свою партийную карьеру среди партизан Дальнего Востока, Рютин одно время был главным редактором «Красной звезды». Его связи с группой Толмачева и Эйсмонта, — видными политработниками, работавшими в прошлом в ПУРККА, — поэтому весьма вероятны. Рютин был непримиримым противником планов сверхиндустриализации и активного международного вмешательства за счет ограбления крестьянства. В период

1931-1932 гг., т. е. в период проведения «сплошной коллективизации», была составлена его платформа, содержавшая, согласно Чилиге, 160 страниц. В качестве главных требований платформа выдвигала: нормализацию темпов индустриализации, отказ от насильственной коллективизации и демократизацию внутрипартийного режима. Платформа пыталась, согласно А. Чилиге, примирить правых с троцкистами, говоря: «правые правы в области экономики, а Троцкий в критике внутрипартийного режима».

Рютин имел даже смелость написать, что он считает Сталина «... своего рода злым гением русской революции, который, движимый интересами личного властолюбия и мстительности, привел революцию на край гибели». Выход из создавшегося положения Рютин видел в восстановлении прав партийной политической бюрократии всех течений (а не только в ликвидации «диктатуры партийного аппарата над аппаратом советско-правительственным», как считает Б. Николаевский), что в его платформе называлось «оздоровлением партии». «Достижение этой цели, — писал он, — без устранения Сталина невозможно»[456]).

Сталин, один из первых через органы ГПУ получивший этот документ, объявил его на заседании ЦК, как сообщает Б. Николаевский, «призывом к его убийству и потребовал расстрела не только Рютина, но и целого ряда других видных партийных деятелей, которые были причастны к распространению рютинского проекта».

Так впервые в истории партии было выдвинуто требование расстреливать инакомыслящих из собственной среды и поддерживать у представителей высшего партийного слоя таким образом «идеологическое единство».

Вопрос шел теперь не только о расстреле Рютина и его группы. Он носил принципиальный характер, имевший решающее значение для всей политической бюрократии. Вопрос этот вызвал ожесточенную дискуссию на так называемом «сентябрьском пленуме» ЦК 1932 года, когда Сталину не удалось провести своего требования о расстреле Рютина и его группы. По данным, которые приводит Б. Николаевский, Киров решительно возглавил группу членов Политбюро, выступавших против такого решения. Его поддержали Косиор, Рудзутак, Куйбышев и, видимо, Орджоникидзе, состоявший, как известно, начиная с XV съезда, во всех комиссиях по вопросам оппозиции. Каганович и Молотов стояли на стороне

Сталина, Калинин занимал неопределенную позицию, ожидая до последнего момента, на чьей стороне окажется большинство. Нет сомнения, что известная популярность Кирова в партии возникла после этого «сентябрьского» пленума ЦК, когда он спас головы рютинской группы и этим самым показал всей политической бюрократии в партии, что стоит на страже ее интересов.

Рютинская группа попала в различные политизоляторы (по свидетельству Чилиги, Рютин в 1933 году недолгое время сидел в Верхнеуральском изоляторе. См. А. Чилига, там же, стр. 163). Но в этот период многочисленные представители бывшей оппозиции занимали еще значительные должности в государственном аппарате. Естественно, что их взоры обратились на пользовавшегося большой популярностью в Ленинграде Кирова и они видели в нем не только гаранта прав политической бюрократии в Политбюро, но и, возможно, будущего возглавителя сторонников «оздоровления партии».

В качестве одного из многочисленных примеров приведем кратко партийную биографию Петра Антоновича Залуцкого, одного из столпов зиновьевской Ленинградской оппозиции.

Эсер-максималист в 1905 году, он примыкает к большевикам в 1907 году и является участником Пражской конференции. Сотрудничает в «Звезде» и «Правде» в 1911-1912 гг. и делается сразу одним из главных организаторов солдатской секции Петроградского совета в 1917 году после Февральской революции. Залуцкий — член Военно-революционного комитета в Октябре, член совета (комиссар) различных армий на Восточном, Южном, Западном фронтах во время гражданской войны. С 1921 года член президиума ВЦИК секретарь партии сначала на Урале, а потом в Ленинграде. На XIV съезде один из лидеров «ленинградской», а потом «новой» оппозиции. Как и другие, исключен из партии на XV съезде, но уже через несколько месяцев восстановлен и с 1929 года занимает значительный пост — председателя Нижне-Волжского крайсовнархоза. Занимая в 1932-1933 годах пост начальника Каширского электростроя, Залуцкий, конечно, не мог не беспокоиться за свое будущее и готов был, как и все другие, стать под любое знамя, несущее восстановление его в правах крупного представителя политической бюрократии.

ГЛАВА XXXII

УБИЙСТВО КИРОВА И ЕЖОВЩИНА

28 января 1934 года был собран XVII съезд партии. Вынужденное отступление как в вопросе коллективизации, так и в вопросе темпов индустриализации не могло укрепить авторитета Сталина. Авторитет же Кирова в глазах партийной бюрократии, после того как в деле Рютина он и его сторонники недопустили смертной казни, еще больше возрос.

Политика примирения, защитником которой был Киров, нашла свое выражение в том, что в ЦК были избраны не только Бухарин, Рыков, Томский, но как кандидаты снова и Каменев и Зиновьев . . .

Шли споры и о готовившейся новой конституции, которая по замыслу участвовавшего в ее составлении Бухарина должна была смягчить проявления коммунистической диктатуры по отношению, прежде всего, крестьянства.

После страшных лет голода и нищеты в виде обещания была выработана «Программа повышения материального и культурного уровня рабочих и крестьян»[457]).

Существенным решением во внутрипартийных вопросах было решение первого же после съезда пленума ЦК о переезде Кирова из Ленинграда в Москву на работу в секретариат ЦК.

В секретариате образовался, таким образом, дуумвират из Сталина-Кирова. По меньшей мере ставился предел единовластному хозяйничанью Сталина в секретариате. Все знали, что Киров обладал волей и что у него не было недостатка в умении проявить власть.

Кирову явно сочувствовало большинство в ЦК, да и в Политбюро положение Сталина после неудачи в деле Рютина было поколеблено. Сталин не мог не понимать, что переезд Кирова в Москву означает шаг на пути к системе коллективного руководства. В случае возвращения к этой системе, теперь у него уже не было возможности прятаться за

чужие спины на политической арене внутрипартийной борьбы. В первые годы коллективизации и индустриализации он уже разыграл все свои карты, обнаружив помимо всего, что карты его с сильным троцкистским оттенком. Кругом него в партии везде были враги, нажитые им в двадцатые годы во время внутрипартийной борьбы.

Киров вернулся с ноябрьского пленума ЦК в Ленинград всего на несколько дней с тем, чтобы окончательно переехать в Москву. Но 1 декабря 1934 года он был убит выстрелом Николаева в Смольном.

Обстоятельства убийства Кирова до сих пор содержат в себе много загадочного. Однако причастие Сталина к этому убийству после доклада Хрущева на закрытом заседании XX съезда не может больше подвергаться сомнению. Хрущев говорил: «Есть причины подозревать, что убийце Кирова — Николаеву — помогал кто-то из людей, в обязанности которых входила охрана личности Кирова». И дальше: «Необычайно подозрительно и то обстоятельство, что когда чекиста, входившего в состав личной охраны Кирова везли на допрос 2 декабря 1934 года, то он погиб во время автомобильной катастрофы, во время которой не пострадал ни один из других пассажиров машины». Сразу после убийства Кирова руководство ленинградского НКВД во главе с Медведем почти не пострадало, все они были расстреляны много позже, в 1937-1938 гг., когда Сталин явно хотел, как говорит Хрущев, «скрыть следы истинных организаторов убийства Кирова»[458]).

Несмотря на то, что Хрущев нигде не назвал Сталина в качестве организатора убийства, его доклад полностью подтверждает и ранее известную версию, что это убийство было совершено непосредственно по заданию Сталина.

Политическое соотношение сил ЦК после XVII съезда партии превратило Кирова из сталинского дофина в прямого соперника и претендента на место первого секретаря. Помимо того, Киров находился в положении, дававшем ему целый ряд преимуществ перед Сталиным: он склонялся к тому крылу ЦК, которое стремилось к сохранению известного внутрипартийного либерализма (конечно, лишь для верхушки партии), стремилось к действительному примирению с главными лидерами оппозиции, прежде всего, с правыми. Киров, с переходом на работу в секретариат ЦК, стал если и не непосредственным конкурентом, то во всяком случае

серьезным противовесом единоличной диктатуре Сталина. Самый план, связанный с переходом Кирова на работу из Ленинграда в Москву, носил в себе, конечно, идею ограничения сталинского единовластия. Естественно, что не только правые, которым Киров явно начал сочувствовать после голода 1932-1933 годов, но и Каменев и Зиновьев могли ожидать от нового секретаря ЦК только улучшения своего положения и, во всяком случае, гарантию своей личной безопасности. По всем этим соображениям, не говоря уже о тех фактах, которые сообщил Хрущев, необходимо отвергнуть официальную версию о том, что Николаев действовал будто бы по заданию Зиновьева и Каменева.

Однако не исключена возможность и дополнительного варианта, совершенно не мешающего принятию концепции, что инициатором убийства был Сталин: в близких Кирову партийных кругах в Ленинграде была распространена версия о том, что Киров ухаживал за женой Николаева, действительно очень красивой женщиной, и что убийство было спровоцировано агентами НКВД, умело разыгравшими чувства ревности мужа. Но если бы это и было так, то это могло лишь помочь осуществлению сталинского замысла, дало возможность ленинградскому НКВД попытаться замаскировать свою работу. Это не снимает, конечно, решающего фактора участия НКВД в этом деле, ибо Николаев, арестованный после первой попытки убийства Кирова около 20 ноября, т. е. за 10 дней до того, как ему удалось застрелить свою жертву, был арестован и сразу освобожден, несмотря на то, что при нем был найден заряженный револьвер. Бесспорно прав Б. Николаевский в своем выводе, что убийство Кирова развязало Сталину руки и дало возможность начать репрессии, санкции на которые он тщательно добивался от ЦК до XVII съезда[458]). Под лозунгом «обострения классовой борьбы на новом этапе» Сталин стремился к осуществлению своей личной диктатуры, неограниченной ни Политбюро, ни ЦК. Это стремление Сталина требовало, прежде всего, расправы со всеми теми, кто в годы внутрипартийной борьбы и позже не соглашался принять единоличную диктатуру, не соглашался признать Сталина вождем.

Сталин всемерно использует убийство Кирова для мобилизации террористического аппарата во всех направлениях. В Ленинграде происходит колоссальная «чистка города», в результате которой НКВД арестовывает и высылает десят-

ки тысяч людей, не имевших абсолютно никакого отношения не только к убийству Кирова, но и, в подавляющем большинстве случаев, к партии.

«Вечером 1 декабря 1934 года, — рассказывал Хрущев на XX съезде, — по инициативе Сталина (без резолюции Политбюро, — которая последовала, между прочим, два дня спустя) секретарь президиума ЦИКа Енукидзе подписал следующее директивное указание:

«1. Следовательским отделам предписывается ускорить дела обвиняемых в подготовке или проведении террористических актов.

2. Судебным органам предписывается не задерживать исполнение смертных приговоров . . . в порядке рассмотрения возможности помилования, так как Президиум Центрального Исполнительного Комитета СССР считает получение подобных прошений неприемлемым».

НКВД предлагалось далее «приводить в исполнение смертные приговоры . . . немедленно . . .», т. е. расстреливать любого человека, которому оно сочтет нужным приписать «подготовку террористического акта».

Сталин спешил теперь разделаться со своими бывшими противниками. Вскоре после выхода «директивного указания» 19 видных большевиков, в том числе Каменев, Зиновьев, Евдокимов, были арестованы и судимы на закрытом процессе. «Примирение», продемонстрированное на XVII съезде, теперь кончилось. 78 бывших оппозиционеров, в том числе Залуцкий, Сафаров и другие, были арестованы.

Шла вакханалия арестов. Но Сталину было этого мало. Для того, чтобы развязать массовое уничтожение не только всех бывших противников и подозреваемых в несогласии с его политикой, но и терроризовать, раз и навсегда добиться беспрекословного подчинения остальных, надо было открыто продемонстрировать на примере видных ленинцев «подготовку террористических актов» (Сталин, видимо, не мог расстаться со страхом, пережитым им, когда открылось дело Рютина).

В составе личного секретариата Сталина еще во время дела Рютина был создан «Особый секретно-политический отдел государственной безопасности»[460]), в который входили Поскребышев, Шкирятов, Ежов, Агранов — последний член коллегии ОГПУ. В мае 1935 года на базе этого отдела была создана особая комиссия госбезопасности в составе Стали-

на, Ежова, Жданова, Шкирятова и Вышинского, которая занялась не только контролем аппарата НКВД и его возглавителя Ягоды, но и подготовкой открытых процессов.

Первый из них — «Процесс 16», происходивший с 19 по 24 августа 1936 года, основывался на «признаниях», главным образом, Каменева и Зиновьева в соучастии в убийстве Кирова и в подготовке террористических актов не только против Сталина, но и против других членов и кандидатов Политбюро, например, Косиора и Постышева (которые, кстати, сами вскоре стали жертвой чистки).

Через месяц после расстрела Каменева и Зиновьева, 25 сентября 1936 года, Сталин и Жданов из Сочи послали членам Политбюро телеграмму, которую приводит в своей речи Хрущев:

«Мы считаем абсолютно необходимым и спешным, чтобы тов. Ежов был назначен на пост народного комиссара внутренних дел. Ягода показал себя явно неспособным разоблачить троцкистско-зиновьевский блок. ОГПУ отстает на четыре года в этом деле . . .»

Эта телеграмма показывает стремление Сталина превратить уже катившуюся по стране волну арестов в кровавую вакханалию ежовщины и определяет судьбу Ягоды, умевшего, когда он хотел, сопротивляться Сталину, а главное, слишком много знавшего. На следующий день по получении телеграммы, 26 сентября 1936 года, Ягода был смещен с поста наркома внутренних дел и, вслед за Рыковым, назначен наркомом связи. Его участь была предрешена.

С сентября 1936 года и по декабрь 1938 года во главе НКВД находился Ежов. Но действительным организатором кровавой вакханалии, оставшейся в памяти народа под названием «ежовщины», был Сталин. Это он ввел порядок, когда НКВД на местах, чтобы «наверстать», по словам Хрущева, «отставание» на четыре года, стало получать своего рода «разверстку» на арест в 5—10, а иногда и больше, процентов населения. Арестованные, становясь в глазах партии и местных органов власти «врагами народа», были фактически уже осуждены, когда их имена вносились в НКВД в списки подлежащих аресту.

Страшная волна массовых арестов захватила все слои населения, — не оставалось почти ни одной семьи, где не пострадали бы родные или близкие. Огромное количество ни в чем не повинных людей было расстреляно. Миллионы

других попали в концлагери, откуда большинство не вернулось.

Хрущев в своем докладе на закрытом заседании XX съезда гордо называет цифру реабилитированных — 7 679 человек, прибавляя, что «многие из них были реабилитированы посмертно». Но что означает эта цифра по сравнению со многими миллионами расстрелянных, замученных или искалеченных концлагерем людей? Хрущева интересует лишь судьба верхушки партии, которая будучи партийно-политической бюрократией осуществляет диктатуру партии над народом.

Эта часть партии находилась под юрисдикцией, как выразился Хрущев, коллегий военных трибуналов. Чтобы арестовать такого члена партии, в НКВД составлялись специальные списки, которые Ежов посылал Сталину. «В 1937-1938 годах Сталину — говорит Хрущев — было направлено 383 таких списка с именами тысяч работников партийных, советских, комсомольских, армейских и хозяйственных работников. Он утверждал эти списки».

Не только по отношению к членам ЦК, но даже по отношению к членам Политбюро в эти годы для ареста не требовалось ни санкции этих учреждений, ни санкции прокуратуры; «. . . да и о каких санкциях могла идти речь, — говорит Хрущев, — когда все решал Сталин. Он сам был главным прокурором во всех этих делах. Сталин не только соглашался на все эти аресты, он сам, по своей инициативе, давал распоряжения об аресте».

Теперь верхушка партийно-политической бюрократии могла на своем собственном опыте убедиться, что означает коммунистическая диктатура над народом для миллионов людей.

Многие ее представители часто не хотели видеть и на словах не признавали, что они служат возведенному в абсолютную ценность тотальному властвованию. Они прикрывали режим тотального насилия партии над народом словами — фикциями из советской конституции на тему о «самой демократической в мире стране», о «социалистическом гуманизме» и т. п.

Став частично жертвами коммунистической диктатуры, своей «кровной власти», они часто накануне смерти должны были с горечью повторять слова Ежова: «В мире нет ни одного государства, где органы государственной безопа-

сности, органы разведки были бы так тесно связаны с народом, так ярко отражали бы интересы этого народа...» И далее: «... они пользуются заслуженным уважением, заслуженной любовью советского народа»[461]).

После ареста органами НКВД самых высокопоставленных представителей партии, как и всех иных арестованных, обвиняли и осуждали на основе введенной Сталиным «юридической нормы» — на основе собственного признания (необходимо добавить, что Сталин заимствовал этот метод из практики, применявшейся в ЧК еще в годы гражданской войны).

Подавляющее большинство арестованных признавалось в НКВД во всех преступлениях, которые только мог выдумать следователь. Это достигалось, как свидетельствует Хрущев в той же речи на закрытом заседании XX съезда КПСС:

«Только одним путем — применением физических методов воздействия, пыток, которые заставляли арестованного терять сознание, способность мыслить, заставляли его забывать свое человеческое достоинство».

Не будем останавливаться на тех воистину жутких пытках, о которых свидетельствуют многочисленные свидетели, имевшие несчастье быть под следствием в НКВД.

Но важно отметить, что если раньше пытки и мучения, которым подвергались арестованные, практиковались в ЧК-НКВД по инициативе своего собственного, иногда даже местного, начальства, то теперь они были рекомендованы как «допустимый и правильный метод» самим Центральным Комитетом партии.

Постановление ЦК с рекомендацией восстановить в еще более страшной форме ужасы Средневековья, конечно, до сих пор не опубликовано, но Хрущев приводит в своей речи на закрытом заседании XX съезда партии отрывки из шифрованной телеграммы от 20 января 1939 года, адресованной «... секретарям областных и краевых комитетов, ЦК коммунистических партий республик, народным комиссарам внутренних дел и начальникам органов НКВД», где содержится прямое подтверждение санкции на пытки:

«ЦК ВКП(б) поясняет, что применение методов физического воздействия в практике НКВД, начиная с 1937 года, было разрешено ЦК ВКП(б)...» (подчеркнуто нами. — Н. Р.). И далее Сталин, несмотря на конец «ежовщины», уже в 1939 году сообщал: «ЦК ВКП(б) считает, что методы

физического воздействия должны, как исключение, и впредь применяться по отношению к известным и отъявленным врагам народа и рассматриваться в этом случае, как допустимый и правильный метод».

Сталин до самой смерти не считал возможным обойтись без пыток. Сама формула «враги народа» аннулировала рекомендацию применять пытки для вынужденного признания «как исключение». Ибо власть и ее органы монопольно и произвольно определяли, кого следует квалифицировать как «врагов народа».

Достаточно, например, сослаться на ту же речь Хрущева, где он рассказывает, как уже накануне смерти Сталин требовал применения пыток к арестованным кремлевским врачам: «Он сказал, что академика Виноградова следует заковать в кандалы, а другого следует избить». Требуя от министра госбезопасности С. Игнатьева добиваться признаний, Сталин ему пригрозил: «Если ты не добьешься признания врачей, мы тебя укоротим на голову».

После этого можно не сомневаться, что Игнатьев и весь его аппарат применяли пытки не «как исключение . . .»

Оправдываясь, Хрущев заявил, что члены Политбюро, к которым и он принадлежал с 1939 года, не были в курсе следствий и часто не знали, как они ведутся.

Но достаточно заглянуть в стенографический отчет процесса 1938 года, чтобы убедиться, что Н. Н. Крестинский нашел в себе мужество на первом же допросе Вышинского не только отрицать свои показания на следствии, но и заявить: «. . . что я расскажу то, что я сегодня говорю, что это (все признания Крестинского на следствии в НКВД. — Н. Р.) не соответствует действительности . . .»[462]).

Этой фразы Крестинского, как бы выдавленной наперекор страху, не мог не читать в свое время Хрущев.

До сих пор не опубликована резолюция февральско-мартовского пленума ЦК 1937 года, открыто призывавшая к еще большему развертыванию кровавой чистки. Эта резолюция была принята ЦК по докладу Ежова «Об уроках, вытекающих из вредительской деятельности, диверсий и шпионажа японско-германских троцкистских агентов», о котором впервые официально стало известно лишь из доклада Хрущева на XX съезде. В резолюции, согласно Хрущеву, говорилось: «Пленум ЦК ВКП(б) считает, что все факты, собранные в результате расследования дел антисоветского троц-

кистского центра и его сторонников в провинции, показывают, что Народный комиссариат внутренних дел отстал по крайней мере на четыре года в своей деятельности по разоблачению этих наиболее непримиримых врагов народа».

Иначе говоря, пленум ЦК партии в резолюции подтвердил то, что, как теперь говорит Хрущев, было лишь результатом «вынужденных признаний». Идейная смерть, политическая дегенерация представителей высшего органа партии была зафиксирована в этой резолюции.

Впрочем на этом богатом драматическими событиями февральско-мартовском пленуме выступил Постышев, заявив, что он не верит в возможность перехода к троцкизму в тридцатых годах людей, ничего общего не имевших с троцкизмом ранее.

Вероятно, в ответ на это заявление Постышева Сталин вскоре задал Постышеву угрожающий вопрос: «Кто ты, собственно говоря?»

Но Постышев был исключением. Он и был объявлен «врагом народа» и расстрелян, а резолюция пленума, позорная, даже судя по короткому отрывку, была принята.

Среди имеющихся ныне описаний февральско-мартовского пленума ЦК 1937 года наиболее полное принадлежит перу комдива В. Кривитского, бывшего в рассматриваемое время начальником Европейского отдела Разведывательного управления РККА. Напомним, что в официальном сообщении об этом пленуме ничего не говорится ни о докладе Ежова, ни о резолюции, принятой по его докладу.

О том, что происходило на пленуме, до сих пор опубликована только одна фраза: «Пленум рассмотрел также вопрос об антипартийной деятельности Бухарина и Рыкова и постановил исключить их из рядов ВКП(б)»[463]).

Из членов и кандидатов, избранных на XVII съезде в ЦК, оставалось не более 70 человек.

Дрожащие от страха, с перенапряженными от ежеминутного ожидания ареста нервами, эти люди слушали речь Сталина, говорившего, что чистка проведена недостаточно глубоко, что «выкорчевывание врагов» отстает от требований момента, и напиравшего на свою теоретическую формулу, что по мере построения социализма классовые противоречия растут и обостряются.

Ягода, уже снятый с поста наркома внутренних дел и заменивший Рыкова на посту наркома связи, — очевидный

для всех признак нависшей над его головой тучи, — был первым объектом организованного «разоблачения», к которому, наряду со Сталиным, призывал в своем докладе Ежов. Члены ЦК, как свора гончих, бросились с обвинениями по адресу того, кто еще недавно обладал ничем не ограниченной властью над жизнью и смертью миллионов людей.

Согласно Кривитскому, Ягода, понимая свое положение, даже не отвечал на все брошенные ему обвинения. Он только холодно и спокойно заметил: «Жаль, что я не арестовал вас всех раньше, когда я еще был у власти»[464]).

Затем в зал заседания охранники ввели уже арестованных Рыкова и Бухарина (последний незадолго до ареста еще ездил за границу).

Бухарин отрицал все обвинения в связи с троцкистами и в организации тайного блока правых. Он призывал ЦК рассмотреть его дело, убедиться в его невиновности. Слабый по натуре, он плакал во время этого своего последнего выступления в Центральном Комитете.

Сталин явно ожидал от Рыкова и Бухарина другого — нового самобичевания, покаяния во всех своих «ошибках» и в «антипартийной деятельности», признания абсолютной правоты его, Сталина. Он раздраженно крикнул Бухарину: «Революционеры не так себя защищают. Если ты невиновен, то это ты можешь доказывать и в тюремной камере».

Этого было достаточно для собрания. Под крики «Смерть предателям!», «Расстрелять их!», охранники вывели Бухарина и Рыкова из зала.

Атмосфера пленума была распространена Сталиным и Ежовым как на всю страну, так и на партию. В результате ежовщины, наряду с Рудзутаком, Косиором, Чубарем и расстрелянными кандидатами в члены Политбюро Постышевым, Эйхе (Петровский выжил), погиб и Орджоникидзе. Он застрелился, после того как Сталин приказал расстрелять его брата. Помимо этого факта, сообщенного Хрущевым, известно, что Сталин любил испытывать верность своих ближайших сотрудников путем ликвидации их родственников. Расстрелян был и брат Кагановича, несмотря на то, что младшая сестра обоих братьев играла роль третьей жены Сталина.

«... из 139 членов и кандидатов ЦК партии, избранных на XVII съезде, — сообщает Хрущев на закрытом заседании XX съезда, — 98 человек, т. е. 70%, были арестованы и рас-

стреляны (большинство в 1937-1938 годах)... Из 1956 делегатов с правом избирательного или совещательного голоса, 1108, т. е. явное большинство, были арестованы и обвинены в контрреволюционных преступлениях».

Если накануне XVII съезда в 1933 году было 3 миллиона 555 тысяч членов и кандидатов партии, то к 1938 их осталось 1 миллион 920 тысяч. Более полутора миллионов членов и кандидатов партии были или арестованы или исключены, что в большинстве случаев означало позднейший арест. Не только так называемая «ленинская гвардия», но и большинство членов партии, принятых до «ленинского призыва» и во время него, фактически перестали играть ведущую роль в партии. Сталин, казалось, достиг своей цели — его диктатура опиралась теперь на людей, большинство которых было обязано всем только ему.

Достигнув, наконец, «идеологического единства», он и оформил его: в 1938 году вышел «эталон» этого единства — «Краткий курс истории ВКП(б)».

ГЛАВА XXXIII

ОТКРЫТЫЕ ПРОЦЕССЫ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ

Проводя кровавую чистку и одновременно наполняя концлагери миллионами осужденных на мучительный рабский труд, Сталин не терял из вида своей главной цели: закрепление своей роли вождя и диктатора в партии.

Этой цели были подчинены «открытые процессы» тридцатых годов, на которых под дирижерскую палочку Вышинского прошли, бичуя себя, приписывая себе самые невероятные преступления и представляя себя агентами всевозможных иностранных разведок, виднейшие представители «ленинской гвардии».

Сталин стремился представить своих бывших конкурентов в борьбе за власть людьми, лишенными каких бы то ни было взглядов и убеждений. Уничтожая всех, кто знал его, когда «великий вождь» был еще закулисным интриганом, политически прятавшимся сначала за Каменева и Зиновьева, а потом за Рыкова и Бухарина, Сталин пытался заменить историю партии фикцией. Смысл этого превращения истории партии в фикцию, в подделку, каким является «Краткий курс истории ВКП(б)», — в стремлении запретить изучение истории, скрыть факты за пределами изданного «при участии Сталина» (потом присвоившего себе полностью авторство) эталона истории партии.

Другой задачей, как всей чистки, так и «процессов», в частности, было стремление Сталина абсолютно и окончательно подчинить себе тех, кто оставался за пределами ежовских тюрем в качестве «верных сталинцев».

Применяя шантаж как метод вербовки сторонников еще в начале своей борьбы за власть, Сталин в ходе чистки достиг того, что почти все оставленные им на свободе представители верхушки партии, ради спасения собственной шкуры, ради того, чтобы уцелеть, судорожно должны были за-

ниматься предательством своих бывших друзей, доносить, публично призывать «к бдительности», т. е. становиться подручными Ежова и его аппарата.

Таким образом, в 1936-1938 годах происходит отбор новой верхушки партии. В этот период выдвигаются самые беспринципные люди с низменными инстинктами, с одной стороны демонстрирующие свою лакейскую преданность, с другой — готовые расправиться самым жестоким образом со всяким сопротивлением в народе, готовые звериным способом осуществлять власть диктатора, «не ограниченного никакими законами».

В качестве «последовательных сталинцев» выдвигаются в этот период Маленков, Жданов, Хрущев на Украине, Булганин в Москве. Ворошилов участвует в шемякином суде над Тухачевским и виднейшими военными, арестованными вместе с ним, Каганович прославляет НКВД, несмотря на арест и расстрел одного из своих братьев.

В ходе кровавых событий 1936-1938 годов многие из бывшей оппозиции, прежде, чем быть расстрелянными, выступали с гнусными заявлениями, ради того, чтобы попасть в число уцелевших, и выполняли тем самым стремления Сталина, о которых мы говорили выше.

Накануне своего ареста, например, как пишет Н. Валентинов[465]), Пятаков «приветствуя расстрел Каменева и Зиновьева» поместил 21 августа 1936 года в «Правде» статью, где он призывал подчиниться Сталину:

«Трудящиеся всего мира знают и любят своего Сталина и гордятся им . . . Взгляды Троцкого, Каменева, Зиновьева не имели ничего общего с линией Ленина, продолжателем и творцом которой в новых условиях был и остается тов. Сталин. Победила единственно правильная, единственно победоносная линия партии — линия нашего великого Сталина . . . Беспредельное тщеславие и самовлюбленность Троцкого, Каменева и Зиновьева привели их на гнусный путь двурушничества, лжи, неслыханного обмана партии. Их надо уничтожать, как падаль . . . Хорошо, что органы НКВД разоблачили эту банду. Честь и слава работникам НКВД. Каждый из нас должен еще более повысить свою бдительность, помочь партии, помочь НКВД — этому разящему мечу в руках диктатуры пролетариата, разоблачить агентуру классового врага и вовремя уничтожить ее».

Так писал Пятаков, готовый «ради партии», если от не-

го потребуют, признать черное белым, повторяя и применяя, быть может, сам того не замечая, к сталинскому режиму слова Троцкого на XIII съезде — «партия . . . всегда права»[466]). Вскоре после этого, едва ли не своего последнего выступления в «Правде», Пятаков сам был арестован. Он явился главным действующим лицом в механизме второго открытого процесса, так называемого «Антисоветского троцкистского центра», состоявшегося 23—30 января 1937 года.

Долго на этом процессе «не сознававшийся» Н. И. Муралов (бывший командующий МВО, наиболее активный деятель Московского военно-революционного комитета в ноябре 1917 года) «сознался», что он готовил террористические акты не только против Ежова и Жданова, но и против Косиора, Эйхе, Постышева, которые сами были вскоре арестованы и расстреляны по приказу Сталина.

Пятаков на этом судилище рассказывал по шпаргалке НКВД фантастические истории, как он якобы летал на самолете, предоставленном немецкой разведкой, из Берлина в Осло на свидание с Троцким. В своем последнем слове он заявил: «Я не выбросил из себя всех остатков своего прошлого, осталась ядовитая заноза остатков троцкистской идеологии»[467]).

Увлекавшийся до самозабвения работой в ВСНХ, а потом в Наркомтяжпроме, Пятаков едва ли не мог вынуть «ядовитую занозу троцкизма». Ведь о своей готовности признать черное белым он так страстно говорил Н. Валентинову в парижском торгпредстве.

Сталин пощадил (оба получили по 10 лет тюрьмы) Г. Я. Сокольникова и К. Радека.

Сокольников, бывший наркомфин, отошел от оппозиции еще до XV съезда. Его роль на процессе свелась к обвинению правых в том, что они якобы вступили в союз с Троцким. «Огромное значение — говорил Сокольников явно по шпаргалке Сталина — имело то, что . . . правые, в лице Томского, который был на это уполномочен всей центральной группой правых, дали свое согласие на вхождение в блок»[468]).

Это заявление было равносильно объявлению об аресте Бухарина и Рыкова.

Согласно Кривитскому[469]), далеко не все видные большевики сразу «признались» в приписываемых им невероятных преступлениях. Из ряда задуманных Сталиным больших процессов (в том числе Ленинградский — Комарова, Чудова;

процесс «левых коммунистов» — Осинского и других) оказалось возможным провести только три.

Хрущев в своей речи на закрытом заседании XX съезда, называя ряд «несознавшихся», вернее взявших свои признания обратно, видных большевиков — Эйхе, Рудзутака (поступивших в своих заявлениях подобно Н. Крестинскому на суде, но все же расстрелянных по приказу Сталина), подтверждает сведения Кривитского. Последний причисляет к «несознавшимся», несмотря на страшные физические пытки, Кнорина, а также прославившегося своей жестокостью в Крыму в 1920 году Бела Куна, ныне посмертно реабилитированного[470]).

Особенно ценным (до опубликования архивов ЦК и КГБ) является поэтому свидетельство Кривитского о том, как были доведены до «признания» такие видные в прошлом троцкисты, как Иван Смирнов и Сергей Мрачковский.

Оба они играли видную роль на Урале во времена революции и гражданской войны. И. Н. Смирнов был одно время членом Военного совета 5-ой армии, сыгравшей под командованием Тухачевского решающую роль в разгроме армий Колчака.

С. Мрачковский, профессиональный революционер с ранней юности, играл видную роль в оппозиции. Он работал на Урале и был одним из первых оппозиционеров, арестованных еще до XV съезда по обвинению в организации нелегальной троцкистской типографии. Его допрос вел Слуцкий[471]), начальник и приятель Кривитского, которому он и передал то, что увидел во время «следствия».

Мрачковский обладал смелым и мужественным характером. Несмотря на долгие, мучительные допросы, он отказывался подписать заранее заготовленные признания и не стеснялся называть Сталина «предателем революции».

Тем не менее его два раза вызывали на ночной разговор к Сталину, убеждавшего его разоблачить оппозицию, т. к. это необходимо для большевистской диктатуры, находящейся под угрозой. Все партийные вожди должны показать стране, что нет иного пути, чем тот, по которому ее ведет Сталин.

Во время второго разговора Сталин предлагал Мрачковскому «соглашение», — если он будет кооперировать до конца, он будет впоследствии назначен директором одного из заводов на Урале[472]).

Мрачковский, как передает Кривитский со слов своего начальника, отказался от этого соглашения, но после встречи в кабинете следователя с И. Смирновым оба пришли к заключению о необходимости подписать свои будущие «признания» на суде.

Мрачковский и Смирнов, оба троцкисты-фанатики, как Пятаков, были убежденными сторонниками ленинской формулы однопартийной диктатуры, и умному, игравшему роль главного следователя, Слуцкому удалось убедить их в том, что ради партии, вне которой они не видели возможности какой-либо деятельности, не только можно, но и должно признать черным то, что всегда считалось раньше белым.

Идеей о том, что диктатура партии есть высшая ценность и ради нее все позволено, видимо, широко пользовался Сталин, лично готовя процессы над своими бывшими противниками во внутрипартийной борьбе. Кривитский свидетельствует и о том, что Каменев и Зиновьев взяли на себя предписанную им роль после соглашения со Сталиным, который играл также на судьбе их ближайших родственников.

Наконец, Карл Радек, игравший роль одного из главных самообвинителей и свидетеля против своих бывших друзей по оппозиции на процессе Пятакова и других в 1937 году, следователем которого был хорошо известный Кедров, при личном свидании сразу пошел на соглашение со Сталиным.

По свидетельству Кривитского[473]), Радек, согласившийся на все после первого же вызова к Сталину, заявил своему следователю, что он может идти спать, и принялся письменно обвинять себя, а также уличать в измене и небывалых преступлениях своих друзей, с которыми он шел вместе более 20 лет.

Радек, судя по его поведению на процессе, полностью поставил себя на службу Сталину в его замысле уничтожения всех инакомыслящих в прошлом, независимо от того, какую роль они играли при Ленине и в первые годы коммунистического властвования.

Отношение Сталина к Радеку, и не только к нему одному, во время подготовки и проведения процессов можно представить себе достаточно ясно по тому примеру, который приводит в своем докладе Хрущев, говоря об отношениях начальника Ленинградского областного управления НКВД Заковского к Розенблюму во время подготовки дела ленинградского центра.

Сталин позаботился также о том, чтобы уничтожить весь тот «штаб» Кирова, с помощью которого последний, как мы видели, не без труда расправился с «ленинградской оппозицией» в 1926-1927 годах.

Одним из первых был арестован в 1937 году старый чекист, большевик с 1909 года, член ЦК с XII съезда Николай Комаров. Ему не помогли заслуги в борьбе с Зиновьевым, которые он оказал Сталину в период перед XIV съездом, когда он играл роль сталинского Троянского коня в зиновьевском обкоме Ленинграда (не будучи выбран в состав ленинградской делегации на XIV съезд, Комаров выступал на этом съезде с разоблачениями внутренней кухни зиновьевского аппарата в Ленинграде в качестве делегата с совещательным голосом от ЦК).

Мы касались уже заявления, написанного им совместно с Углановым, относительно их роли во время кронштадтского восстания, где Комаров в пылу борьбы с зиновьевцами — Бакаевым, Евдокимовым, Наумовым и др. раскрыл подлинный характер событий в Петрограде и Кронштадте и свою роль в качестве возглавителя петроградской ЧК.

Вместе с Комаровым в Ленинграде были арестованы все те, кто помогал Кирову разгромить в свое время зиновьевский аппарат и вместе с ним возглавлял потом Ленинградскую организацию. Это, прежде всего, секретари обкома и члены ЦК или ЦКК — М. С. Чудов, член партии с 1913 года, Ф. Ю. Угаров, член партии с 1905 года, П. П. Смородин, член партии с 1917 года, жена Чудова Людмила Шапошникова, член ЦКК и секретарь ленинградского облпрофсоюза, Б. П. Позерн, член партии с 1903 года.

Теперь все они стояли перед перспективой такого же «открытого процесса», как и процесс 1936 года, который оборвал политическую карьеру их бывших противников из «ленинградской оппозиции» во главе с Зиновьевым и Каменевым.

Ибо, как сообщает Хрущев в своей речи на закрытом заседании XX съезда, над этими людьми из головки кировского аппарата готовился открытый процесс под названием «Дело террористического центра саботажа, шпионажа и диверсии в Ленинграде». Нельзя не отметить, что сам подбор для этого центра ближайших сотрудников Кирова проливает дополнительный свет и на характер убийства самого Кирова.

Процесс этот, как и процесс над группой Осинского,

Яковлевой, Камкова, Карелина и других, — не состоялся. Сталину, особенно после процесса над Рыковым и Бухариным в 1938 году, стало очевидно, что процессы с их фантастическими обвинениями и не менее невероятными «признаниями» подсудимых вызывают, вне зависимости от прежнего отношения к бичующим себя бывшим вождям КПСС, отвращение и возмущение методами коммунистического «правосудия» как в стране, так и во всем остальном мире. Процессы начали служить не задуманной цели — компрометации всех бывших противников Сталина и сваливанию на них всех недостатков и тягот, от которых страдал народ, они скорее демонстрировали, что коммунистическая власть и ее носители — и бывшие и настоящие — окончательно изолгались.

Однако, несмотря на то, что процесс «ленинградского террористического центра» по тем или иным причинам не состоялся, методы и способы подготовки этого процесса были без сомнения те же, что и в других случаях. Они частично раскрыты Хрущевым в его секретной речи на XX съезде, и на данных, приводимых Хрущевым, следует подробнее остановиться, ибо они раскрывают механику, с помощью которой организовывались все процессы в тридцатых годах.

Из всех лиц, которые должны были фигурировать на ленинградском процессе, к 1955 году в живых остался, видимо, только один единственный представитель верхушки кировского аппарата. Это — Розенблюм, член партии с 1906 года, показания которого использует в своей речи Хрущев.

Исполнителем сталинского замысла в Ленинграде был известный своей жестокостью в разработке методов «вынужденных признаний», будущий заместитель Ежова, — Заковский. Этот возглавитель ленинградского НКВД, начавший свою карьеру в одесской ЧК вскоре после ухода белых, подверг, согласно описанию Хрущева, Розенблюма «страшным пыткам», а потом, когда Розенблюм во всем «сознался», вызвал его к себе и предложил ему сделку с совестью. — Ценою «спасения жизни» было участие Розенблюма в механизме готовившегося по методам НКВД процесса. Хрущев передает показания Розенблюма о том, как Заковский готовил механизм ленинградского процесса:

«Чтобы показать мне этот механизм, — сообщил Розенблюм, — Заковский описал мне несколько возможных вариантов организации такого центра и его отделений.

Подробно описав мне такую организацию, Заковский сказал мне, что НКВД заготовит дело этого центра, и добавил, что суд будет открытым.

Судили 4 или 5 членов этого центра: Чудова, Угарова, Смородина, Позерна, Шапошникову (жену Чудова) и других, а также 2 или 3 членов отделений этого центра . . . «. . . дело ленинградского центра должно быть составлено солидно и поэтому нужны показания свидетелей . . . Вам самому — сказал Заковский — не придется ничего выдумывать. НКВД заготовит для вас готовое описание каждого отделения центра. Вам нужно будет тщательно изучить его и помнить все вопросы и ответы, с которыми вам придется иметь дело во время суда. Дело это будет готово месяца через четыре, через пять, может быть, через полгода. Все это время вы должны будете готовиться, чтобы не скомпрометировать следователя и себя. Ваша будущая участь зависит от того, как пройдет суд и каковы будут его результаты. Если вы начнете завираться и дадите неверные показания — пеняйте на себя. Если вы выдержите это испытание, вы спасете свою жизнь и мы будем кормить и одевать вас до самой вашей смерти».

Нечто подобное произошло и с избавленным от немедленной казни Христианом Раковским. Во время его допроса Вышинский, очевидно по заданию Сталина, поднял вопрос об отношениях Раковского с германской разведкой во время Первой мировой войны и при этом невольно затронул вопрос о финансировании большевиков немцами перед революцией 1917 года.

В данном случае — вероятно единственном на процессе — была пролита полуправда об этом, и поэтому на этом эпизоде следует остановиться.

Х. Раковский, личный друг Троцкого с 1903 года, был одним из последних сосланных оппозиционеров, сдавших свои позиции. Впрочем, первоначально его положение мало чем отличалось от положения тех исключенных вождей, которые путем отказа от своих взглядов были снова приняты в партию и занимали порой еще видные места в советской экономике и в госаппарате. О его положении в первой ссылке сообщает характерные подробности Л. Фишер, специально ездивший к Раковскому в Саратов в 1929 году.

Целью поездки Фишера было получение от Раковского — бывшего советского полпреда в Лондоне — материалов для своей книги об англо-советских отношениях и, разуме-

ется, он не мог получить их без содействия тогдашнего главы Наркоминдела М. Литвинова.

М. Литвинов, хорошо знавший Фишера, уже много лет находившегося в Москве в качестве американского корреспондента, сначала побоялся дать ему рекомендацию к Раковскому. «Я не могу написать рекомендательное письмо к высланному троцкисту»[474]), заявил он. Однако, будучи дружен с Раковским, Литвинов снабдил Фишера письмом на имя Ротштейна, когда-то сводившего Литвинова с Б. Локхартом в Лондоне. Ротштейн, стоявший в это время во главе отдела прессы Наркоминдела, работал в соседнем с Литвиновским кабинете, и они встречались десятки раз ежедневно...

Раковский, когда Фишер приехал к нему в Саратов, прекрасно понял трюк Литвинова и допустил подателя письма к Ротштейну к своему личному архиву.

В то время, в 1929 году, исключенный из партии Раковский занимал две комнаты в лучшем отеле Саратова. Помимо ведения обширной корреспонденции он работал над монографией о Сен-Симоне и регулярно получал все необходимые ему материалы из Института Маркса-Энгельса. «В его комнате при нем были, — пишет Фишер, — в тяжелом сундуке секретные протоколы англо-русских конференций, которые он разрешил мне скопировать»[475]).

Вскоре после высылки Троцкого в Турцию, Раковского перевезли в Сибирь, где он, как он сам рассказывает на процессе 1938 года, встречался с таким же упорным троцкистом — Мураловым.

Лишь в феврале 1934 года он послал телеграмму в ЦК «о разоружении»... Уже в сентябре того же года, он был послан в составе советской делегации Красного Креста в Токио.

На процессе (вместе с Бухариным и Рыковым) Раковский говорил все, что от него требовал Вышинский. У него, очевидно, было соглашение со Сталиным.

Но Вышинский пошел слишком далеко и спросил его прямо, ссылаясь на письма, посланные еще в 1915 году немецкой разведке о завербованных агентах на территории Румынии[476]), был ли он немецким агентом до 1917 года.

Раковский уклончиво отвечал, что «содержание писем означало, что у меня с германской разведкой, с германским правительством или какой-то германской организацией существовала связь»[477]) и далее подтверждал, что он помогал Германии в вербовке агентуры на территории Румынии.

Среди опубликованных ныне документов германского министерства иностранных дел имеется телеграмма Бусше (уже упоминавшегося нами в I части одного из творцов немецкой политики по финансированию большевиков) от 16 ноября 1917 года, где говорится: «Христо Раковский, — румынский социалист, родившийся в Болгарии, издает русскую социалистическую газету в Стокгольме. Ранее он был связан с нами и работал для нас в Румынии»[478]). Бусше, помогавший Раковскому в Стокгольме в 1917 году, был германским посланником в Бухаресте в 1915 году и еще в январе этого года получил разрешение от государственного секретаря субсидировать Раковского в Румынии по рекомендации Парвуса.

Вышинский не очень настаивал на теме немецких отношений Раковского и по неясным причинам приписывал ему передачу сведений (что Раковский подтвердил), действительно находящихся в немецком архиве, но доставленных другим агентом.

Что Раковский был немецким агентом, стало известно лишь теперь из официальных телеграмм Бусше. Но то, что Вышинский и Раковский имеют в виду сведения, действительно переданные немцам, хотя и от другого агента — Розелиуса[479]), но находящиеся в том же архиве, где лежат и немецкие данные о Раковском, говорит о крайне интересном факте: документы немецкого секретного архива давно уже были известны тем, кто готовил процесс и, конечно, прежде всего, Сталину.

Таким образом, вполне допустимо предположение, что копии как немецкого секретного фонда, так и других фондов, ныне частично опубликованных в Англии[480]), давно лежат в секретном архиве ЦК . . .

Эти документы не могли не интересовать тех большевиков, о которых в них идет речь, а последние, составив верхушку партии в первое десятилетие партийной диктатуры в России, обладали для получения копий из секретных немецких архивов неограниченными государственными средствами и всем аппаратом ЧК-ОГПУ.

Если, что теперь представляется весьма вероятным, копии всех этих документов лежат и по сей день в секретном архиве ЦК, то их, разумеется, будут скрывать от народа до тех пор, пока будет существовать культ Ленина, культ партии. Именно поэтому Сталин не мог привлечь этих документов для компрометации своих противников, так как в

этом случае он не только скомпрометировал бы культ Ленина, но и бил бы политически по себе самому, как соучастнику в получении немецких денег, начиная с апреля 1917 года.

В 1936-1938 годах Сталин не предвидел еще, что маленькая архивная неточность, сделанная при передаче материалов Вышинскому, прольет дополнительный свет на эти факты из истории партии.

Единственным исключением из всех тех фантастических встреч, поездок и полетов, в которых так усердно каялись обвиняемые, была встреча Бухарина с Б. И. Николаевским в 1936 году в Париже.

На суде Бухарин заявил, что из разговора с Николаевским ему стала ясной осведомленность последнего о соглашении правых с зиновьевцами и троцкистами, «в том числе, о платформе Рютина».

Удивительно наивным и явно подстроенным звучало вложенное в уста Бухарина заявление, что он договорился с Николаевским на случай раскрытия Правого и Контактного центров: — в этом случае Николаевский якобы обязался войти в соглашение с вождями II Интернационала, что они поведут соответствующую агитационную кампанию в прессе ради спасения вождей этих центров.

Нетрудно заметить в этом пассаже «показаний» Бухарина наивный замысел планировщиков процесса — приписать правым вину и за то, что Бюро II Интернационала во время процесса над Зиновьевым и Каменевым сразу обратилось к советскому правительству с требованием их помилования. Бухарин как бы заранее отрезает какую-либо возможность вмешательства в свою пользу со стороны представителей западных демократий.

Бухарин не забыл также упомянуть, что переговоры с Николаевским были ему облегчены одним обстоятельством: «согласно инструкции моей служебной командировки я с этим Николаевским должен был встретиться ... Таким образом я имел полностью легальное покрытие, чтобы вести контрреволюционные переговоры и вступить в то или иное соглашение»[481]).

Посмотрим, как реагировал Б. И. Николаевский на эти заявления Бухарина. Еще во время процесса 11 марта 1938 года Б. И. Николаевский направил письмо в «Социалистический вестник», опубликованное 18 марта 1938 года.

«Автор этого письма — писал Николаевский — действи-

тельно многократно встречался с Бухариным во время пребывания последнего в Париже в марте-апреле 1936 года, но эти встречи отнюдь не носили характера каких-то тайных свиданий и были превосходно известны организаторам теперешнего московского процесса. Бухарин приезжал тогда в Париж в составе особой комиссии Института Маркса-Энгельса-Ленина, во главе которой стоял директор этого Института В. В. Адоратский, для переговоров относительно приобретения для Института определенной группы архивных материалов. В числе других лиц, с которыми эта комиссия вступила в сношения, находился и автор этого письма. Командирована в Париж эта комиссия была по решению Политбюро ВКП(б) и действовала в пределах инструкций, данных ей лично Сталиным, причем эти инструкции, как мне тогда же было сообщено, предусматривали не только переговоры со мной, но и привлечение меня на пост постоянного представителя означенного Института за границей — предложение, которое мною было отклонено . . . Все без исключения мои встречи с Бухариным, равно как и с другими членами комиссии, происходили в рамках именно этих переговоров. Ничего, хотя бы отдаленно напоминающего переговоры политического характера, во время этих встреч не происходило. В частности, при наших встречах не было, конечно, намека на разговоры о каких-то якобы существующих в СССР заговорах и об организации агитационной кампании в случае их неудачи».

В приписке к своему письму от 18 марта 1938 года Б. И. Николаевский полностью отрицает показания Ягоды о посылке ему Рыковым каких-либо пакетов с информацией через некоего Венецкого, что отрицал также, в своих показаниях и сам Рыков.

Зерно истины в тех словах Бухарина, где он говорит об осведомленности Б. И. Николаевского в вопросах, касающихся платформы Рютина, все же, видимо, есть. В 1956-1957 годах Б. И. Николаевский посвятил этому вопросу несколько весьма интересных статей в «Социалистическом вестнике»[482]).

Мы остановились на этом казалось бы совершенно незначительном эпизоде процесса, чтобы показать объективно систему планирования показаний обвиняемых. Рассмотрев все случаи и указания на встречи представителей оппозиции с кем-либо за границей, мы пришли к выводу, что кроме раз-

облаченного случая встречи Бухарина с Николаевским все эти поездки и полеты являются плодом чистой фантазии.

Так, например, по поводу встреч меньшевика Ф. Дана с В. М. Черновым в Берлине, Дан в том же номере «Социалистического вестника» от 18 марта 1938 года заявил, что он никакого Чернова не знал и ни с каким немецким полковником Обергаузеном его не сводил. Меньшевика Кибрика, якобы служившего связующим звеном между правыми и меньшевиками за границей, Дан «в глаза не видел с 1919 года» и считает «совершенно исключенным возможность проживания с 1925 года без того, чтобы об этом не знал хоть кто-либо из живших в Берлине же его меньшевистских друзей».

Дан обращает внимание на 1928 год, когда он «сводил якобы Чернова с германской контрразведкой на предмет подготовки германской интервенции против Советского Союза. Ведь это тот самый год,—пишет Дан,—в котором, если верить «меньшевистскому» процессу 1931 года, т. Абрамович ездил в Москву, а я заседал в Берлине с Отто Бауэром, Гельфердингом и Леоном Блюмом на предмет подготовки интервенции — только не германской, а французской!»[483]).

Ф. Дан совершенно справедливо указывает, что в данном случае режиссеры процесса забыли просмотреть материалы ими же проведенного «меньшевистского» процесса 1931 года и впали в противоречие сами с собой. Отсюда проистекла путаница с германской и французской разведками, что, впрочем, еще больше выдает характер дешевой конъюнктуры, лежавшей в основе планирования процесса.

Бухарину в 1938 году было еще только 50 лет. Три даты, три поворотных момента в его жизни разделяют его жизнь почти точно по десятилетиям.

В 1918 году совсем еще молодой 30-летний Бухарин стал во главе «левых коммунистов», возглавил противников ленинской политики брестской капитуляции. Конечно, не может быть и речи о его участии в каком-либо «заговоре» на жизнь Ленина, что пытался ему приписать Вышинский на процессе и от чего Бухарин упорно до конца отказывался. Ленина он ценил, ему он безоговорочно подчинился, когда увидел, как близка была к падению власть партии над страной летом 1918 года.

В 1928 году 40-летний Бухарин достиг апогея славы и высшего положения в партии. Он, бесспорно, самая популярная фигура на XV съезде, он — глава Коминтерна после

Зиновьева, член Политбюро, ведущий теоретик, мозг партии. Он фактически один, как теоретик, громит блестящую плеяду публицистов из «объединенной оппозиции».

Но этот апогей успехов и славы был одной из причин его падения. Он недооценил Сталина, недооценил роль партийного аппарата и в следующем году потерял все свои позиции.

И в 1938 году, когда, в расцвете творческих сил, Бухарин оказался на скамье подсудимых, он не мог не видеть в каждом вопросе Вышинского растянутую с истинно восточной жестокостью месть Сталина за «гималайский инцидент», за весь тот период борьбы с оппозицией, когда Сталин прятался за спины Бухарина и Рыкова.

Видимо у Бухарина был тоже своего рода договор со Сталиным. Он признавался во всем, что приписывало ему обвинение, упорно отклоняя лишь требование Вышинского признаться в соучастии при организации левоэсеровского восстания и в замысле убийства Ленина, а также в работе на иностранные разведки. Границы заранее продиктованных признаний в механике процесса отчетливо видны. На них шли и Бухарин и Рыков, получив, возможно, обещание сохранения жизни. Но Сталин явно нарушил соглашение и новыми обвинениями Вышинского потребовал большего.

Участь Бухарина и Рыкова стала очевидной. И если бы Бухарин сразу «признался» в замысле убийства Ленина и что он старый агент иностранных разведок, едва ли его участь была бы иной. Уже до процесса 1938 года Сталин обманул многих, обещая жизнь в случае признаний и, добившись своего, отправляя обманутую жертву на расстрел.

Прием «амальгамы», на котором был построен весь процесс, сводился к попытке компрометировать не только бывших вождей партии, но и русские политические организации за границей (в том числе «Крестьянскую Россию» Маслова) путем приписывания им связей с контрразведками. Этот прием приобрел плачевную известность в Советском Союзе, когда во время ежовщины обвинения строились на основании связи, знакомства, родственных отношений с уже «сознавшимся» «врагом народа». Не могло быть сомнения, а если они у кого и были, секретная речь Хрущева на XX съезде окончательно их рассеяла, что все предательства, измены, отравления, вербовка в шпионы, убийства и т. д. были на-

мотаны клубком на обвиняемых для того, чтобы перенести на них методы и практику самого Сталина.

Узурпировав власть, партия сама стала жертвой единоличного диктатора, выросшего в ее рядах, воспитанного на теории и практике ленинизма.

Небольшая деталь в допросе Раковского показывает однако, что к природной жестокости Сталина, к его состоянию, которое трудно характеризовать иначе, как мания преследования, присоединялось еще и знание о том, с чьей помощью Ленин и большевики пришли к власти.

И та страшная подозрительность Сталина, о которой говорил Хрущев на XX съезде, передавая, например, вопрос Сталина Постышеву — «Кто ты собственно такой?» — одной из своих основ имела знание им подлинной истории партии перед приходом к власти.

Мартовский процесс 1938 года был последним. Подготовленные «дела» различных «центров» Сталин уже побоялся вынести наружу. Труды Ежова, Вышинского и их сподручных типа Заковского оказались напрасными. Остатки «ленинской гвардии» были просто перебиты в чекистских застенках, частично уже при Берия в 1939-1941 годах, заодно уничтожившего и большинство тех, кто готовил состоявшиеся и несостоявшиеся процессы.

ГЛАВА XXXIV

ДЕЛО МАРШАЛА ТУХАЧЕВСКОГО

Дело маршала Тухачевского и его ближайших друзей, за которым последовало почти полное уничтожение высшего командования Красной армии, до сих пор представляется загадочным и нигде не освещено в печати документальной исторической точностью.

История Красной армии в первой половине тридцатых годов — история ее бурного численного и технического роста и бесспорного укрепления как самостоятельного фактора во внутренней политике Советского Союза.

На рубеже 20-30 годов влияние Ворошилова и окружавших его «героев гражданской войны» преимущественно из бывшей 1-ой Конной армии начало исчезать. Известно, что Ворошилов, вообще колебавшийся между правыми и Сталиным, резко выступил в начале 1930 года по вопросам темпов и методов коллективизации, когда обнаружилось брожение в армии, особенно в Северо-Кавказском военном округе в связи с жестокими массовыми выселениями, подавлениями и расстрелами крестьян и казаков на Северном Кавказе и на Кубани. Сталин сделал шаг назад, написав свою статью «Головокружение от успехов», но тем не менее с тех пор влияние Ворошилова начало заметно убывать.

В Москву вскоре был призван М. Н. Тухачевский, который после назначения заместителем наркома фактически стал во главе строительства армии.

Сталин, вероятно, мог убедиться в 1926-1927 гг., что этот, если не прямой, то косвенный его противник в 1920 году, покровительствуемый тогда Троцким, в годы ожесточенной внутрипартийной борьбы ушел в специфически военные вопросы и не проявлял себя сторонником ни Троцкого, ни «какой-либо оппозиции».

Тухачевский, как видно из его речи на XVII партсъезде, разработал смелую программу не только механизации и мо-

торизации армии, но и создания особых крупных танковых, авиадесантных и других специальных соединений. Это было новым в то время в области военного развития (война полностью оправдала взгляды Тухачевского) и толкало значительную часть армии на путь специализации и профессионализма. Сталина это не могло не устраивать, ибо превращение большой части состава армии в профессионалов и полупрофессионалов делало ее менее зависимой от политических настроений крестьянства и рабочих. Одновременно, именно в это время начинается бурный количественный рост войск НКВД различного назначения — пограничных, внутренних и т. д.

Рост армии с 560 тысяч в эпоху Фрунзе до свыше полутора миллионов в начале 1936 года, быстрое развитие технических войск, общая модернизация армии не могли не усилить влияния и значения командного состава, особенно той его части, которая не цеплялась за устарелые методы и тактику эпохи гражданской войны. Введение воинских званий (1935) и окончательное подчинение комиссаров командирам, укрепило еще больше авторитет командиров и, в особенности, высшего командования.

Два момента особенно способствовали обострению противоречий между командным составом и политикой партии к 1936 году.

Первый момент — внутренний — заключался в том, что в течение последних 10 лет развития армии командный состав воспитывался офицерами старого генерального штаба и все больше и больше подпадал под их влияние и, конечно, не только в области вождения войск. Характерной особенностью тридцатых годов было, например, появление большого количества высокоценных трудов по истории мировой войны на русском фронте (в том числе таких, как работы генералов старой армии Зайончковского, Гутора и многих других), в то время как в двадцатых годах командный состав армии воспитывали лишь на истории гражданской войны.

Второй момент — внешний, но оказавший огромное влияние на формирование сознания армии тридцатых годов. В двадцатых годах на ближайших стратегических горизонтах Красная армия не имела действительно серьезных противников, способных на вторжение в страну. Для военных вся обычная трескотня о подготовке нового «нападения империалистов на СССР» была совершенно очевидным пропа-

гандным блефом. Ни Польша, ни даже Малая Антанта никакой угрозы для страны не представляли. Даже в ослепленном сознании боровшихся в конце двадцатых годов группировок в партии этот аргумент, как мы уже видели, не очень высоко расценивался, а Бухарин неоднократно над ним издевался.

Совершенно иначе сложилась обстановка, начиная с 1933 года. Вести легкую войну по рецептам «внесения революции извне», как это предполагалось против Польши, Румынии или стран Прибалтики, теперь по отношению Германии и Японии было невозможно. Политической реальностью, не в пропагандных речах, а на деле, была агрессивная политика Гитлера и Японии, поставившая со всей остротой вопрос об армии, как о защитнице отечества. А для наступательной войны против таких противников со всей очевидностью требовалась мобилизация всех ресурсов страны.

Армия не могла не почувствовать своего значения. И дело, конечно, не в том, что появились труды заслуженного генерала — бывшего гвардейца Зайончковского, а как они были написаны. Впервые отдавалось должное не только русским войскам в Первую мировую войну, но и их вождю генералу М. В. Алексееву, несмотря на то, что потом он стал основателем Добровольческой армии.

Но это было только начало. Внешняя угроза, нависшая над страной после прихода Гитлера к власти, вылилась стратегически в угрозу войны на два фронта. Под давлением этой угрозы Сталин вынужден был пойти на глубокие, коренные уступки в области политической подготовки армии. Под давлением Тухачевского и окружавшей его верхушки командования было вытащено из подполья полузапрещенное понятие родины и отечества, к которому, правда, пытались прилепить слово «социалистическое».

Однако в то же время на верхах армии и интеллигенции знали, что книга возвращенного из ссылки академика Евгения Викторовича Тарле, — «Отечественная война 1812 года», — где, естественно, не было и речи о социализме, стала своего рода историческим эталоном для всей работы Воениздата. Герои 1812 года и севастопольской обороны, Суворов, Кутузов, адмиралы Корнилов и Нахимов из «царских опричников» и «крепостников», каковыми они считались при Ленине и вплоть до начала тридцатых годов, снова получили право на историческое признание. Партии понадобилась память

о великих русских полководцах и патриотах для укрепления духа армии и народа, в силу растущей реальной опасности на западе и на востоке.

Это новое направление не могло не укреплять авторитета той части высшего командования, которая сама воспитывалась на национальных традициях и уже успела воспитать и сформировать себе смену из пришедшей в армию во время гражданской войны и в течение двадцатых годов военной молодежи. Эта молодежь заняла, в связи с быстрым развертыванием армии в тридцатых годах, должности среднего командного состава.

Так Красная армия (как и интеллигенция), в силу своей природы, специфических задач, внутренних и внешних политических факторов, в конце концов в силу национального сознания, к своему 20-летию начала быстро преодолевать остатки веры в коммунизм, которая отчасти двигала ее еще во время гражданской войны.

Втягивая в себя большие массы молодежи, армия становилась все больше и больше не инструментом партийной политики, а местом ее преодоления. К середине тридцатых годов сложились предпосылки для тяжелого кризиса в отношениях между партией и армией, вызванного в конечном итоге неистребимым противоречием между культурой и сознанием народа, с одной стороны, и коммунистической доктриной, с другой. О нем мы говорили выше.

Очень часто по адресу Тухачевского и его группы раздаются упреки в бонапартизме. Едва ли это историческое сравнение может быть применено. Почти единоличная диктатура Робеспьера была опрокинута термидорианцами, установившими подобие диктатуры коллективной, вылившейся в режим Директории. 18 брюмера Бонапарт сбросил эту сравнительно мягкую форму коллективной диктатуры и заменил ее своей собственной, снова единоличной, придав ей вскоре формы наследственной монархии.

Жизненный путь Тухачевского и его ближайших сотрудников говорит, что среди них не было ни одного человека, склонного к реставрации хотя бы подобия старого режима. В годы гражданской войны все они имели десятки раз полную возможность выбора — оставаться ли в Красной армии или уйти к белым.

Борьба за национальную стратегию, интересы защиты родины и вырванная не без труда у Сталина политическая

линия пропаганды, конечно, могли лишь только еще глубже вырыть ров между возглавлением армии и троцкизмом. Скорее есть некоторые данные предполагать об известном сочувствии Бухарину среди командного состава армии. Крестьянство, загнанное в колхозы, не могло не питать пораженческих настроений (что и обнаружилось в полной мере в 1941 году). Более того, среди всех слоев народа в той или иной степени было распространено мнение, что война неизбежно должна вызвать смену политического режима. Эти настроения, просачиваясь в армию, были, конечно, известны командованию, и даже просто с точки зрения обороны страны, Бухарин, как известный противник коллективизации, вызывал симпатии. Примаков и Эйдеман особенно хорошо знали положение в деревне и еще раньше склонялись к правым. По некоторым данным поддерживал с ними связь и Гамарник.

Все это, конечно, не доказывает, что «заговор» Тухачевского действительно существовал как часть «право-троцкистского центра», поддерживавшего шпионские связи с немцами, как это было объявлено и по сей день не опровергнуто официальными партийными органами.

Близость к Бухарину у Тухачевского и его группы объясняется скорее тем, что бухаринское направление вело к роспуску колхозов и восстановлению более спокойного положения в деревне и в городе. Возможно, что в связи с настойчивым стремлением восстановить национальные традиции в армии общей программой группы было восстановление социальных и экономических условий нэпа с заменой коммунистического государства национальным.

Пока можно лишь констатировать, что группа, как целое, существовала, и это видно из сообщений 11 июня 1937 года о ее групповом расстреле, фактически без следствия и лишь с фикцией суда. Сталин не решился ни на открытый процесс, ни на затягивание следствия, совершенно очевидно из страха, что это может привести к попытке открытого восстания в армии со стороны многочисленных друзей и сторонников Тухачевского. Сообщение о самоубийстве Гамарника также говорит скорее за то, что вопрос времени играл большую роль.

Эдуард Бенеш, бывший президент Чехословакии, сообщил в свое время Черчиллю, что по его указанию Сталину

был передан материал, доказывающий связь Тухачевского с германским генеральным штабом.

Но, как показывают последние немецкие публикации[484]), документы, компрометирующие Тухачевского, были сфабрикованы в лабораториях Гестапо по приказу и под наблюдением начальника гестаповской разведки Гейдриха, позже убитого в Праге. Гитлер, желая снять голову у Красной армии, мог легко подбросить эти фальшивки правительству Бенеша, хотя по немецким источникам во всяком случае часть сфабрикованных документов была прямо продана в Берлине, находившемуся при посольстве представителю НКВД.

Все это произошло еще в 1936 году, но попав в архив Сталина до времени лежало без движения. Первым признаком, что удар готовится, был отзыв Путна, ближайшего друга Тухачевского, из Англии, почти совпавший с арестом Бухарина в январе 1937 года. На московском процессе Пятакова Тухачевский и Путна были указаны, как поддерживающие связь с Троцким. Наконец, 3 марта 1937 года в речи на пленуме ЦК Сталин заговорил вдруг о вреде, который могут принести несколько шпионов в штабе армии.

В апреле Тухачевский был снят с должности заместителя наркома, а в мае была снова полностью введена система двойного командования, когда не только вмешательство комиссара в боевые приказы стало обязательным, но ни одно распоряжение командира не было больше действительным без подписи комиссара. Короткий период 1934-1937 гг., когда победила идея Тухачевского о «невмешательстве политиков» в приказы и распоряжения командира, закончился. Всем стало ясно, что вместе с этим фактически кончилось командование Тухачевского армией.

Меньше чем через месяц, 11 июня 1937 года, появилось официальное сообщение об аресте Тухачевского, Якира (командующий Киевским военным округом), Уборевича (командующего Белорусским военным округом), Корка (начальника Военной академии, недавнего командующего Московским военным округом), Примакова, Путна, Эйдемана, Фельдмана и о смерти начальника Политического управления Гамарника. Через день было сообщено, что все уже расстреляны.

Остается неясным, когда оформилось организационно, как группа политических единомышленников, это движение

на верхушке армии. Но даже если это и произошло в последний момент, когда намерения Сталина начали выясняться, можно утверждать, следя за ходом дела, что эта группа в действительности существовала. Многочисленные свидетельства, подтвердить которые документально пока невозможно, говорят о том, что идея военного переворота с целью свержения коммунистической диктатуры была широко распространена и кое-где подготовка в этом направлении велась[485]).

Начиная с июля 1937 года и почти до конца 1938 года, шло жесточайшее уничтожение командных кадров в армии и флоте. Сталина охватил, видимо, безумный страх перед командованием Красной армии и флота, и он уничтожил или загнал в концлагери почти половину всего офицерского корпуса (около 35 000), в том числе 3 маршалов из 5 (остались лишь Буденный и Ворошилов), 13 командующих армиями и военными округами из 15, 57 командиров корпусов из 85 и т. д. По званиям было уничтожено или сослано 90% всех генералов (тогда комбригов — командармов), 80% всех полковников. Среди погибших были такие крупные фигуры гражданской войны, как маршалы Егоров и Блюхер, бывшие командующие округами Каширин, Белов, и многие другие.

Армия потеряла не только свой мозг, но и то политическое равновесие, которое с таким трудом, при помощи амальгамирования национальных чувств, создал Тухачевский. Для замены уничтоженного командования, партия была неспособна выделить новое руководство. Сталин свернул на путь, который уже был осужден историческим опытом в 1918 году,—призвать к командованию армии людей, которые не были специалистами в условиях современной войны, но, в силу условий своего выдвижения, казались верными. Кадры нового высшего командования дали герои 1-ой Конной армии, хорошо известные лично Сталину, — имена Буденного, Городовикова, Щаденко, Еременко, Апанасенко запестрели на должностях командующих округами и армиями. Только один человек из всей плеяды, как показала война, в какой-то степени соответствовал своей должности — нарком обороны после финской войны Тимошенко.

Одиноким представителем старого генерального штаба оставался маршал Шапошников. Но уже вскоре, осенью 1942 года, когда партийная политика снова была резко изменена, он оказался окруженным блестящей плеядой молодых гене-

ралов той смены, которую генеральный штаб подготовил в двадцатых и в начале тридцатых годов.

Непосредственные результаты сталинского погрома армии сказались во время Финской войны. Война началась из-за того, что Советский Союз потребовал от Финляндии таких важных стратегических пунктов на северных подступах к Ленинграду, на сохранении которых так настаивал в 1918 году контр-адмирал Щастный. Район к северу от Ленинграда, где был взорван сданный финнам форт Ино, морская база в Котке, — все это было уступлено по Брест-Литовскому договору Лениным, и теперь Сталин должен был бы «реабилитировать посмертно» контр-адмирала Щастного, основные требования которого он предъявил правительству Финляндии от своего имени осенью 1939 года.

Финны отказались от предложенного им обмена территориями, ибо в той части Карельского перешейка, который требовал обратно Советский Союз, проходила линия Маннергейма, на постройку которой были затрачены большие средства.

Согласно первоначальному плану 12 стрелковых дивизий, один танковый корпус и многочисленные танковые и мотомеханизированные бригады были распределены между четырьмя армиями (7, 8, 9 и 14) и должны были, быстро разрезав Финляндию в районе Або на две части, занять Выборг и Старик.

Рассчитывая на молниеносную войну, Политбюро отдало приказ о формировании так называемой «Финской народной армии» и составило марионеточное «народное правительство» во главе с Отто Куусиненом. Когда Лига Наций в начале этой войны потребовала от Советского Союза прекращения военных действий и отвода своих войск на границу, советское министерство иностранных дел цинично ответило, что оно уже обо всем договорилось с «народным правительством» Куусинена и что другого правительства оно не признает.

Таким образом Сталин решил провести войну с Финляндией согласно выработанной еще в 1920 году Тухачевским доктрине «о внесении революции извне» на штыках Красной армии.

Этот план провалился в декабре того же года. 7-я армия на Карельском перешейке завязла в предполье линии Маннергейма, 139-ая и 75-ая дивизии 9-ой армии были окруже-

ны и уничтожены финнами в районе Суомусальми. Несколько позже 18-ая кадровая дивизия, давно уже находившаяся в Карелии, и 34-ая танковая бригада были также окружены в районе северо-восточного угла Ладожского озера.

Все эти неудачи заставили сосредоточить на финском фронте значительные силы и сменить командование. На Карельском перешейке, где кроме 7-ой армии была сформирована новая, 17-ая, командование возглавил маршал Тимошенко. Вскоре после его назначения были проведены необходимые меры по укреплению дисциплины и, прежде всего, отменен параграф еще действовавшего в уставе Красной армии пункта о возможности невыполнения приказа под предлогом подозрения командира в «контрреволюционных» замыслах. На фронт были направлены оставшиеся в живых после чистки многие талантливые командиры, в том числе такие командиры дивизий (будущие командующие армиями и фронтами), как генералы Федюнинский, Кирпонос, выпущенный из тюрьмы Мерецков и другие. В то же время целый ряд выскочек, сделавших карьеру на чистке армии и являвшихся большей частью личными протеже Мехлиса и Сталина, как, например, комкор Штерн, были сняты.

В результате подготовки войск к наступлению, в феврале линия Маннергейма была прорвана, а после 11 февраля прорыв был развит в глубокое вклинение восточнее Выборга. Финские резервы были исчерпаны, и Финляндия вынуждена была заключить 12 марта 1940 года так называемый «Московский мир», по которому она уступила базу в Ханко на Балтийском море, Карельский перешеек с Выборгом и значительную полосу в районе Куолаярви.

Финская война продемонстрировала весь тот колоссальный вред, который принесли армии сталинские чистки и восстановление института комиссаров. После Финской войны Сталин снова должен был пойти на ряд уступок военному командованию и, несмотря на всю свою симпатию к выдвиженцам Мехлиса и «героям 1-й Конной армии», уступить и отдать часть постов в армии знающим, умелым начальникам, частично сохранившимся после чистки, частично выдвинувшимся во время Финской войны.

Часть пятая

ГЛАВА XXXV

ВОЙНА

Стратегические планы в современных войнах и определяющие их политические цели, как бы они ни скрывались до начала военных действий, неизбежно выявляются тогда, когда происходит стратегическое развертывание армии.

До сих пор как в общих, так и в специальных работах по истории последней войны, вышедших в СССР, вопросы стратегического развертывания Красной армии 1941 года обходятся глухим молчанием. Даже тогда, когда иностранные авторы касаются этого вопроса, так или иначе его освещая, советские историки вынуждены отвечать им осторожно, обходя вето партии, лежащее до сих пор на вопросах стратегического развертывания 1941 года.

Так, например, в статье военного историка полковника Жилина в «Красной звезде» от 8 февраля 1957 года, по поводу советского издания книги немецкого генерала Типпельскирха, не сказано ни слова о стратегическом развертывании Красной армии, хотя Жилин не мог не заметить явных ошибок генерала Типпельскирха в этом вопросе.

В то же время, несмотря на то, что Сталин проглядел подготовку Гитлера к нападению на Советский Союз летом 1941 года, он и высшее партийное руководство готовили планы вторжения на юго-западе и на севере, продолжали стремиться путем вторжения «внести революцию извне», т. е. захватить власть не только в Финляндии, но и в странах юго-восточной Европы. Сталин выжидал для осуществления своих планов лишь наступления более благоприятной обстановки, надеясь, что Гитлер рано или поздно увязнет в войне с Атлантическим блоком. Общественное мнение и государственная политика Америки со всей очевидностью показывали, что ее военное выступление на стороне Англии — лишь вопрос времени.

Ближайшую цель Сталина Молотов достаточно неуклюже раскрыл во время своей поездки к Гитлеру еще осенью 1940 года. Этой целью был захват Турции и балканских государств. Поэтому понятно, почему главные силы Красной армии, в том числе большинство танковых и моторизованных соединений, были сосредоточены на юге и частично выдвинуты далеко вперед — к Карпатам.

Такое распределение сил и неизбежно с ним связанное выдвижение войск всех пограничных округов при мобилизации на самую границу не отвечало задаче обороны страны в случае нападения мощной и отмобилизованной германской армии. Естественно, такое положение не могло не беспокоить ответственных военначальников в пограничных округах.

Ныне стал известен ряд фактов о тех спорах, которые вело командование армии с партийным руководством по вопросам сосредоточения войск накануне войны. Так, например, от ряда видных работников штаба Прибалтийского военного округа (генерал-майора Трухина, позже активного участника Власовского движения, а в 1941 году начальника оперативного отдела штаба округа, полковника Бродникова, бывшего начальника штаба 48-ой стрелковой дивизии, стоявшей в Риге, и других) стало известно, что незадолго до начала войны командующий округом генерал-полковник Кузнецов послал в Москву доклад, где предлагал в случае войны развернуть главные силы округа на прочной и удобной для обороны линии реки Двины между городами Рига—Двинск. Член военного округа комиссар Дуброва отказался подписать доклад, видимо, зная настроения в Москве.

Партийное руководство в Москве через сталинского наперсника Мехлиса отвергло предложение генерал-полковника Кузнецова и в начале войны войска в Прибалтике были спешно брошены к самой границе, что привело многие соединения в окружение или поставило перед необходимостью сражаться без достаточных запасов горючего и огнеприпасов (так, например, погиб превосходно вооруженный новыми типами танков 3-ий танковый корпус, вынужденный зарывать свои танки в районе Шавли).

Но не только командование Прибалтийского военного округа, понимая, что необходимо выдержать первый удар немцев, предлагало защищать страну на заранее подготовленных, хорошо оборудованных линиях обороны с тем, что-

бы, измотав силы противника, нанести контрудар. Командующий Киевским военным округом генерал Кирпонос делал предложения очень схожие по своей основной идее с докладом генерал-полковника Кузнецова.

Об этом рассказал на XX съезде не кто иной, как Хрущев: «Незадолго до нападения гитлеровской армии на Советский Союз, — заявил он, — Кирпонос, который был в то время начальником Киевского особого военного округа (позже он был убит на фронте), писал Сталину, что немецкие армии стоят на реке Буг и что, по всей вероятности, они в самом ближайшем будущем перейдут в наступление. В соответствии с этим Кирпонос предлагал создать мощную оборону, эвакуировать 800 000 человек из пограничных районов, а также построить ряд оборонительных узлов, в том числе противотанковые рвы, окопы и т. п.»

Нам неизвестно, какие планы строило командование Белорусского военного округа, но расстрел генерала Павлова и ряда других крупных войсковых начальников Западного фронта в самом начале войны позволяет заключить, что здесь, как и в других округах, произошли острые конфликты с партийным руководством из Москвы.

Стратегическое развертывание армии в 1941 году показало, что политические цели, поставленные ранее Сталиным и его окружением, находились в явном противоречии с задачами обороны страны. Эти задачи пыталась осуществить часть ответственного военного командования в пограничных округах, но неизбежно наталкивалась на полное непонимание или даже враждебность возглавления партии к тем планам и предложениям, которые преследовали непосредственные интересы обороны страны.

Естественно, что уже в самом начале войны возник тяжелый кризис в отношениях между партией и военным командованием, лишивший генералитет остатков инициативы.

Как бы боясь его, партийное руководство торопится назначить командующими фронтами людей, заведомо неспособных и непригодных для вождения войск в современных условиях, преследуя этими назначениями лишь свою собственную, эгоистическую цель — иметь верных, преданных «партии и лично товарищу Сталину» людей на самых ответственных постах, не считаясь с тем, что по вине этих, непригодных в современных условиях войны командующих

(достаточно напомнить назначения Ворошилова, Кулика, Буденного) напрасно погибнут сотни тысяч людей.

Как свидетельствует Хрущев, «Москва» ответила отказом и Кирпоносу.

Какую роль сыграл лично он, будучи первым секретарем ЦК КП Украины тогда, когда генерал Кирпонос писал Сталину, Хрущев умалчивает. Вероятно, так же, как и армейский комиссар Дуброва, предпочел уклониться от ответственности.

То обстоятельство, что планы и предложения генералов Кузнецова, Кирпоноса и других представителей высшего командования были отвергнуты Сталиным, было чревато тяжелыми последствиями.

«Противник — писал маршал Малиновский — все время выходил им (советским войскам. — Н. Р.) в тыл и охватывал, продвигаясь на автомашинах . . . Советские войска не могли оторваться от наступающего противника, попадали в окружение и вынуждены были с тяжелыми боями прорываться через фронт . . . Неправильно считать, что это было преднамеренное отступление наших войск (официальное объяснение до 1956 года. — Н. Р.), вытекавшее из плана «активной обороны». Мы отступали потому, что не могли остановить врага»[486]).

Так маршал Малиновский, лишь более 15-ти лет после событий 1941 года впервые посмел опровергнуть официальный тезис о преднамеренном «изматывании сил врага», выдвинутый Сталиным, чтобы прикрыть провал партийного руководства армией в начале войны.

Командующим Южным фронтом был назначен Буденный. При всей своей личной храбрости в молодости он не обладал ни нужными знаниями, ни качествами, необходимыми для вождения войск в условиях современной войны.

Как Ворошилов со Ждановым на севере, так и Буденный с членом Военного совета Южного фронта Хрущевым на юге оказались совершенно беспомощными в сложившейся обстановке. Они наряду со Сталиным — главные виновники небывалых в истории России катастроф на фронте.

Война началась под знаком глубокого недоверия руководства КПСС к армии в сфере командования.

Противоречия между армией и партией не ограничились, конечно, только сферой высшего командования. Основную причину поражений — нежелание народа защищать режим

коммунистической диктатуры — Сталин и его окружение хорошо поняли уже в течение первого месяца войны. На 24-й день после начала военных действий — 16 июля 1941 года был восстановлен в полной мере «институт военных комиссаров в РККА». Была полностью восстановлена власть политотделов и политуправлений при всех соединениях, начиная с дивизии.

Первые месяцы войны показали, что вся армия в целом, вся многомиллионная мобилизованная часть народа не желала защищать КПСС, не хотела драться с немцами за диктатуру партии над страной.

До тех пор пока немцы не вторглись глубоко в страну, не раскрыли перед всем народом своих завоевательных целей и захватнического характера гитлеровской политики по отношению к России и ее народам, на фронте продолжалось непрерывное отступление, осложнявшееся грандиозными окружениями, в которые попадали многие советские армии.

Небывалое количество пленных (по немецким данным, хотя, видимо, и преувеличенным, но все равно незнавшим никакого сравнения в истории России, — около 5 миллионов) нельзя иначе объяснить, как трагическим положением русских солдат, которые должны были защищать не родину и свободу, а партию и Сталина.

Сталин видел все это и ясно сознавал свое беспомощное положение. «. . . Сталин думал, — сказал Хрущев на закрытом заседании XX съезда, — что наступил конец. В одной из своих речей в те дни он сказал — «все, что создал Ленин, мы потеряли навсегда».

Перелом наступил осенью 1941 года. Немцы оказались глубоко в России — они подходили к Москве, к Ростову, они блокировали Ленинград. Для всех стало ясно, что теперь речь идет не о спасении диктатуры партии, но о существовании самой страны и народа, как целого.

То, чего не могли сделать Сталин и партийное руководство, было сделано Гитлером и его окружением. Уверовав в свою неизбежную победу исключительно военными средствами, Гитлер, несмотря на все предупреждения, слепо шел на расчленение России, оправдывая свои планы, граничившие с безумием, тем, что народы России и русский народ, в частности, принадлежат к «низшей расе», не заслуживающей самостоятельного государственного бытия[487]).

Гитлер сознательно не желал прибегнуть к политическим средствам ведения войны. Допущенный им лозунг «освобождения от коммунизма» был сознательным обманом, не связанным ни с какими реальными планами и предназначенным лишь для пропагандного употребления.

Максимум, что допускал Гитлер в России, — это небольшое великорусское государство за Волгой с 40-миллионным населением, полностью зависящее от Германии. Но и этот проект был заменен решением создать очередной рейхскомиссариат — «Рейхскомиссариат Москва».

Политика захвата и колонизации, прикрытая лозунгом «освобождения от коммунизма», очень скоро обнаружила себя и вызвала неизбежную обратную реакцию как в немецком тылу, так и на фронте.

Уже в 1941 году гитлеровско-розенберговская политика в отношении населения, в отношении военнопленных, — большинство которых быстро вымирало страшной голодной смертью в немецких лагерях, — стала очевидной не только для многомиллионной части народа, оказавшейся под оккупацией, но и для всей страны и, в первую очередь, для армии.

Народ не знал точных высказываний Гитлера, Розенберга, Коха и других, но он не мог не чувствовать, что дело идет не только не об освобождении, хотя бы и дорогой ценой, но об уничтожении, причем уничтожении в буквальном смысле слова, о ликвидации самой исторической перспективы для существования страны.

Советская пропаганда не нуждалась в доказательствах. Она шла следом, плетясь в хвосте происходившей на глазах у всех страшной действительности.

Некоторые представители германской армии пытались на местах исправлять и даже нарушать директивы Гитлера, но по следам армии шло Гестапо, и когда оно появлялось, сомнения в действительных намерениях гитлеровского государства исчезали.

Ибо политическая опора Гитлера — многочисленная тоталитарная национал-социалистическая партия — осуществляла его волю так же слепо, как коммунистическая — волю Сталина. В качестве иллюстрации этой политики приведем лишь одно из многочисленных высказываний Гитлера, касавшихся его планов о будущем России: «Ленинград должен погибнуть, — заявил Гитлер в своем штабе во время обеда 5 апреля 1942 года, — число жителей благодаря голоду упа-

ло до двух миллионов . . . можно представить себе картину, как будет продолжать гибнуть население города. Бомбардировка и артиллерийский обстрел со своей стороны дополнят дело уничтожения города.

В будущем Нева должна стать границей между Финляндией и Германией. Пусть также пропадут ленинградские верфи и порт . . .»[488]).

Советской пропаганде не было надобности цитировать многочисленные высказывания Гитлера и его приспешников, подобные этому. Политика на местах давала ежедневно тысячи примеров, заставлявших догадываться о действительных замыслах «освободителей от большевизма».

Политаппарат поспешил перестроиться, используя созданную немцами обстановку. Он начал усиленно эксплуатировать патриотические традиции и чувства народа, загонявшиеся коммунистической диктатурой в подполье в течение первых 20 лет ее властвования. Отечественная война 1812 года и Первая мировая война, имена великих русских полководцев были использованы для того, чтобы примирить народ и армию с властью. Георгиевская лента для медалей за отвагу, ордена Кутузова и Суворова, возвращение погон армии, открытие церквей и допущение православной церкви, впервые в истории диктатуры, к открытому выступлению с призывом защиты отечества — вот те средства, к которым обратилась власть, убедившись в полном бессилии собственной идеологии в деле мобилизации народа на решающую борьбу, народа, который якобы более 20 лет шел «по пути, указанному партией». Российская национальная культура обнаружила свою исключительную силу. И молодежь, прошедшую войну под знаменем защиты отечества, уже невозможно было вернуть в сферу коммунистической идеологии.

Глубокое вторжение германской армии в страну, обнажение гитлеровской политики и ее целей создали тот перелом в настроении народа, который позволил перейти в наступление по всему фронту в конце ноября — начале декабря 1941 года. Несмотря на огромные трудности, стоявшие перед Советской армией, несмотря на нехватку вооружения после потерь в летнюю и осеннюю кампании, в ходе этого наступления германская армия понесла свое первое тяжелое поражение, оправиться от которого она не смогла уже в течение всей войны.

Переход в наступление помог обнаружить свои способности многим одаренным генералам и утвердил полководческий талант командовавшего на главном, московском, направлении Г. К. Жукова.

Однако в целом военному командованию приходилось вести упорную повседневную борьбу с партийным руководством, упрямо требовавшим лобовых кровавых атак там, где подвижными маневрами на флангах противника можно было достичь гораздо больших результатов, сохраняя тысячи солдатских жизней.

В качестве одного из многочисленных примеров столкновений военного командования с высшим партийным руководством (напомним, например, гибель 2-ой ударной армии и части 59-ой армии в июне 1942 года на Волхове под командованием генерала А. Власова, которому помешал вывести свои войска из окружения лично прилетевший от Сталина Ворошилов; гибель Керченской группировки генерала Козлова, которому прибывший от Сталина Мехлис приказал буквально лезть в мешок и т. д.) приведем ставшие известными благодаря Хрущеву факты разыгравшейся весной 1942 года катастрофы на юге.

12 мая 1942 года несколько армий Юго-Западного фронта перешли в наступление севернее и южнее Харькова с целью окружить и уничтожить харьковскую группировку немцев. Командовавший на юге маршал Тимошенко стремился предупредить ожидавшееся наступление немцев в направлении Волги и Кавказа.

Первоначально армии Юго-Западного фронта имели успех. Наступая из выступа на правом берегу Северного Донца, передовые войска достигли пространства западнее Чугуева и заняли Марефу. Однако, если наступление к югу от Харькова против 17-ой немецкой армии имело успех, то к северу — против 6-ой немецкой армии — оно, после первоначальных успехов в районе Белгорода и Волочанска, не получило развития.

В то же время советскому командованию приходилось учитывать два фактора — необыкновенный после долгой зимы 1942 года разлив реки Северный Донец в тылу и сосредоточение превосходных танковых сил немцев для проведения большого летнего наступления на обоих флангах района прорыва.

В сложившейся обстановке Тимошенко остановил изолированное наступление своего южного клина и, как мы знаем теперь из секретного доклада Хрущева на XX съезде, запросил разрешения Верховного командования об отводе своих сил на укрепленные линии по Северному Донцу.

В предвидении большого немецкого наступления это решение было вполне обоснованным, хотя передовые части армий Тимошенко заняли уже Карловку и угрожали главной квартире немецкого главнокомандующего на юге фельдмаршала фон Бока, находившейся в Полтаве.

Не упоминая даже о маршале Тимошенко, Хрущев, бывший в то время членом Военного совета Юго-Западного фронта, хвастливо заявил на XX съезде:

«... мы правильно решили не проводить операции, целью которой было окружение Харькова, так как действительная обстановка была в то время такова, что продолжение проведения этой операции грозило бы нашей армии гибельными последствиями».

Но Хрущев не посмел своей властью санкционировать решение маршала Тимошенко и его штаба без согласия Сталина. Не разбиравшийся в обстановке «великий вождь» (он следил, согласно Хрущеву, за положением на фронте не по карте, а по глобусу ...), «вопреки здравому смыслу ... отверг наше предложение и издал приказ о продолжении операции по окружению Харькова, несмотря на то, что к этому времени многие сосредоточения наших войск сами находились под угрозой окружения и уничтожения».

Действительно, 17 мая сильная группа из 1-ой немецкой танковой армии генерала Клейста начала стремительное наступление от Славянска вверх по Донцу в направлении Изюма. Создалась угроза окружения 6-ой, 9-ой и 57-ой советских армий, находившихся на правом берегу реки Донец.

Положение советского командования, связанного партийным руководством, было поистине трагичным. Не только командующие армиями и штаб фронта, но и главный штаб прекрасно понимали положение, предлагали выход из него, но ничего не могли сделать. Отвечая на новые просьбы штаба фронта, Василевский, будущий маршал, тогда исполнявший обязанности начальника главного штаба, заявил, согласно Хрущеву, по телефону, «... что он, Василевский, отказывается говорить еще раз по этому поводу со Стали-

ным, так как последний не хочет никаких споров по поводу этой операции».

Пытаясь свалить всю вину на Сталина, Хрущев невольно рисует типичную картину партийного руководства военными операциями, повторявшуюся бесконечное количество раз на различных уровнях партийной иерархии:

«После моего разговора с Василевским — продолжал Хрущев — я позвонил Сталину на его дачу. Однако Сталин не ответил на звонок и к телефону подошел Маленков. Я сказал товарищу Маленкову, что я звоню с фронта и хотел бы поговорить со Сталиным лично. Сталин сообщил мне через Маленкова, что я должен говорить с Маленковым. Я заявил вторично, что я хочу сообщить лично Сталину об опасном положении, создавшемся для нас на фронте. Однако Сталин не счел нужным поднять трубку и снова заявил, что мне следует разговаривать с ним через Маленкова, хотя в то время он находился в нескольких шагах от телефона.

После того, как Сталин «выслушал» таким образом нашу просьбу, он сказал: «оставить все так, как есть!».

Эти отношения между партийным главой и членом Политбюро ЦК и членом Военного совета Юго-Западного фронта Хрущевым, не осмелившимся взять на себя ответственность за проведение правильного решения военного командования, рисует в достаточной степени, в каком трудном положении было военное командование, ибо хорошо известно, что многочисленные вершители судеб сотен тысяч солдат и офицеров, начиная с высших комиссаров армии, как Мехлис (накануне Харьковской операции бездарно погубивший высаженную в Керчи сильную десантную армию в составе 17 дивизий), Булганин, Жданов (в Ленинграде и на Волхове) и другие, относились в своих масштабах к армии точно так же, как их вождь и учитель Сталин в приведенном выше примере.

Это не помешало последнему сделать, по словам Хрущева, среди других подобных же следующую вставку в свою «Краткую биографию», вышедшую в 1949 году:

«С гениальной проницательностью разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их. В сражениях, в которых товарищ Сталин руководил советскими войсками, воплощены выдающиеся образцы военного оперативного искусства».

В результате партийного контроля и руководства военными операциями к югу от Харькова между 17 и 25 мая

1942 года произошла катастрофа. На глазах у маршала Тимошенко и его штаба 6-ая, 9-ая и 57-ая советские армии были окружены и, несмотря на героические попытки прорваться обратно за Северный Донец, почти полностью погибли. По немецким данным было взято в плен 240 тысяч человек, уничтожены или захвачены тысячи орудий и танков[489]). Опровергая ранее опубликованные советские данные (Совинформбюро и БСЭ), Хрущев на XX съезде сообщил о потерях во время этой катастрофы в «сотни тысяч наших солдат».

Погиб при попытке прорыва и командующий 6-ой армией генерал Городянский; застрелился в окружении командующий 57-ой армией генерал Подлас, незадолго перед этим выпущенный вместе с генералом Рокоссовским из концлагеря («замечательный командир, погибший на фронте», — говорит о нем Хрущев, побоявшийся взять на себя ответственность за решение Тимошенко и тем самым непосредственно лично виновный в гибели генерала Подласа, как и сотен тысяч других офицеров и солдат), погибли лучшие силы Юго-Западного фронта, создав тем самым предпосылки для успеха немецкого наступления на Сталинград и Кавказ.

Партийное решение в этой операции объективно сослужило большую службу немцам и, как говорит один из немецких историков К. Рикер, не только «завело русские силы в ловушку», но и «оказало немецкому руководству ярко выраженную, любезную услугу»[490]).

Не командование армией, доказавшее свое полководческое искусство и способности при первой возможности проявить инициативу, а тупое упрямство неспособного руководить военными операциями партийного руководства было причиной многих поражений и катастроф, понесенных армией в 1941-1942 годах.

С неменьшим упрямством и с неменьшей бесстыдной назойливостью партийное руководство, в лице «генералиссимуса» Сталина, «маршалов» Булганина и Ворошилова, «генерал-полковника» Жданова, а в последнее время и «генерал-лейтенанта» Хрущева, приписывало себе и партии завоеванные вопреки этому руководству народом и армией победы. Несмотря на речь о «культе личности», частично разоблачившую ложь о «полководческом искусстве тов. Сталина», Хрущев и окружающее его ныне партийное руководство не забывают заповеди Троцкого о том, что «партия всегда права», — они по-прежнему жестоко преследуют всех тех, кто

поднимал голос за восстановление правды о событиях последней войны.

Роль партийного руководства сводилась, главным образом, к тупому навязыванию армии необходимости удерживать любые позиции «во что бы то ни стало», а также к лобовым атакам противника.

В этом отношении руководство Сталина в начале войны ставило армию в положение чрезвычайно похожее на то, которое создал у себя Гитлер в конце войны, когда он лично непрестанно вмешивался в оперативные решения. Те же нелепые приказы удерживать до последнего свои позиции, неизбежно приводившие войска в окружение, то же глубокое недоверие к командующим на местах генералам, до абсурда ограничивавшее их инициативу и делавшие невозможным проведение решения, требуемого обстановкой на месте.

Говоря о переломе на рубеже 1942-1943 годов, бывший немецкий начальник генерального штаба генерал Гальдер писал: «Исторически не лишено прелести, если проследить, как на русской стороне руководство, потерпевшее с принципом упрямой обороны крушение в 1941 году, развило в себе искусство подвижного оперативного руководства и под командованием отдельных маршалов проводило операции, заслуживающие по немецким масштабам высшего признания, в то время как на немецкой стороне под влиянием «полководца» Гитлера оперативное искусство отмирает и превращается в конечном итоге в обреченную на неудачу тупую оборону»[491]).

Признание генерала Гальдера (что может быть выше комплимента, чем признание «по немецким масштабам» в устах немецкого начальника штаба) не объясняет все же главной причины несомненно произошедшей метаморфозы. Причиной этой было, прежде всего, коренное изменение настроений народа и армии после того, как раскрылись гитлеровские цели.

Надо отдать справедливость маршалу Жукову и ряду генералов, как под его командованием в центре (Рокоссовский, Конев, Власов, Белов), так и на севере (Клыков, Мерецков, Федюнинский) и на юге (Ватутин, Малиновский) — они в решающий момент (ноябрь-декабрь 1941 года), когда Сталин потерял голову и, по свидетельству Хрущева на XX съезде, считал все потерянным, сумели воспользоваться психологическим переломом в народе и вырвали оперативную

инициативу из рук немцев, несмотря на огромные трудности, которые чинило им партийное руководство.

В начале 1943 года во время наступления на Ростов командовавший на этом направлении Родион Яковлевич Малиновский достаточно откровенно назвал американскому корреспонденту Эдгару Сноу главнейшие причины, которые привели к только что тогда одержанной победе под Сталинградом и к ряду блестящих операций, проведенных в это время на юге: «Укрепление духа Советской армии, как результат близкого знакомства с немцами, в течение которого каждый солдат накопил достаточное количество ненависти, ... и реорганизация Красной армии (речь шла о передаче права решения командиру с подчинением последнему комиссара. — Н. Р.), которая решающе улучшила качество нашего командования»[492]).

Ныне маршал, Малиновский в дни подлинных побед ни словом не обмолвился о партийном руководстве. Он имел в виду лишь приказ от 9 октября 1942 года, снова предоставивший командиру единоначалие и вернувший комиссаров и весь политсостав в положение замполитов.

Приказ этот после июльской истерики власти 1941 года был одной из уступок, на которые пошел Сталин.

7 ноября 1941 года Сталин провозгласил князей Александра Невского и Дмитрия Донского, великих русских полководцев Суворова и Кутузова «нашими великими предками», примеру которых надо следовать. Учреждение орденов Суворова, Кутузова, Нахимова, учреждение гвардейских частей, возвращение армии погон — это был отказ от партийных позиций, с которых национальные традиции и культура рассматривались лишь как выражение «классовых интересов царских помещиков и капиталистов».

Ленинская нетерпимая антирелигиозная позиция, сопровождавшаяся до самого 1941 года жестокими преследованиями церкви, была также отброшена.

7 ноября 1942 года Сталин послал телеграмму митрополиту Сергию, что положило начало признанию православной церкви и разрешению снова открыть храмы, подавляющее большинство которых давно уже было превращено в склады или антирелигиозные музеи. Партия должна была признать, что православная церковь и вера продолжают жить в основе культурного и национального сознания народа.

Моральная сила веры оказалась во время войны главной опорой для большинства людей, и использование ее казалось необходимым даже самым последовательным начетчикам ленинизма, когда немцы стояли под Москвой и на Волге.

Уступки власти не ограничивались областью идеологии и духовной жизни народа. Практически были допущены большие отступления и от колхозной системы. Продовольственный кризис и острый недостаток рабочих рук в деревне вынудил власть санкционировать широкое развитие так называемых подсобных хозяйств для рабочих и служащих. Период войны был не только периодом значительного роста приусадебных участков колхозников, — на что власть вынуждена была смотреть сквозь пальцы, — но и периодом частичного возрождения единоличных хозяйств. Распад колхозов, несмотря на упорное стремление немецких политиков сохранить их, был повсеместным явлением на оккупированных территориях, и часто там, где немцам удавалось насильно сохранить колхозы, они успевали все же рассыпаться, как только данные районы переходили из сферы тыловой немецкой администрации в прифронтовую полосу.

Постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 24 августа 1943 года, касающееся вопросов сельского хозяйства в освобожденных от немецкой оккупации районах, не только открыто признает существование единоличных хозяйств и хозяйств «некооперированных кустарей», особенно в Орловской, Смоленской, Курской, Калининской областях и на Украине, но возвращается к политике 1928 года — не трогая их, а лишь повышая нормы поставок на 30% выше норм, предусмотренных для колхозных дворов[493]).

Это же постановление, исходя, видимо, из признания, что без приусадебного участка невозможно обеспечить жизненный минимум железнодорожникам, поощряет наделение их приусадебными участками, доводя норму для линейных работников ... «пахотных земель до 0,5 гектара и сенокоса до одного гектара»[494]).

Все эти уступки власти, патриотическая пропаганда, появление многих исторических популярных книг, почти совершенно лишенных налета доктрины, как, например, книги и брошюры Д. С. Лихачева, Б. Д. Грекова, В. В. Мавродина и др. по истории русской культуры и многие другие, создали атмосферу надежды на перерождение коммунистической власти после войны.

Надежды эти, сознательно или в силу непонимания природы коммунистической власти, подогревались западными союзниками в лице таких «реальных» политиков из окружения президента Рузвельта, как, например, Уоллес или Г. Гопкинс. Сам Рузвельт и в Тегеране и в Ялте искренне надеялся найти общий язык со Сталиным в послевоенном мире и часто блокировался с ним против более трезво смотревшего на вещи Черчилля.

Став первоначально на политически ясные и верные позиции поддержки России и ее народа, как неразрывного целого, в борьбе против Гитлера, западные союзники к концу войны в значительной мере скатились к ненужному ни им самим, ни народам России пропагандному мифу о якобы уже происшедшем перерождении большевизма.

Сталин, со своей стороны, пытался поддерживать этот миф, бросая на стол такие фальшивые карты, как, например, роспуск Коминтерна в 1943 году, — ровно ничего не менявший, после того как движущие силы Коминтерна распались к началу тридцатых годов. Коммунистические партии за границей давно превратились в послушное орудие сталинской политики и их руководство целиком было занято выполнением заданий органов НКВД.

Миф о национал-большевизме, сменившем якобы коммунизм в СССР, не только оказался широко распространенным в общественном мнении западных демократий, но даже захватил некоторые круги российской политической эмиграции. В период смертельной опасности для страны Сталин сумел воспользоваться недостаточно ясным пониманием природы коммунистического властвования и теми выгодами, которые ему принесло это непонимание, с одной стороны, и гитлеровская политика, с другой.

Не рассматривая здесь внешнюю политику партии во время войны, отметим лишь, что, не оставляя своей главной задачи — внесения революции извне, она так же, как и внутренняя политика, представляла собой сложную и обманчивую амальгаму, где словами и требованиями в Тегеране, Ялте и на других конференциях в плане естественных интересов России прикрывались ближайшие цели коммунистической партии — включить в свою орбиту окружающие СССР народы, выйти из своего, ставшего уже опасным, плацдарма властвования в России на пространства коммунистической империи.

Так огромные жертвы всего народа России, блестящие победы армии, талант ее полководцев были направлены в конце войны к цели, которая не имела ничего общего с интересами России, к цели, которая должна была служить вторым большим этапом на пути к созданию интернациональной коммунистической империи во всем мире.

ГЛАВА XXXVI

ПОСЛЕВОЕННАЯ РЕАКЦИЯ

Стремление отнять у народа сделанные во время войны уступки было лейтмотивом партийной политики после конца войны.

Однако осуществить новый нажим, с тем чтобы вернуть все слои народа на положение крепостных коммунистического государства, в котором находились не только колхозники, но и, особенно после закона 26 июня 1940 года («. . . о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»), городское население, было не только трудно, но и опасно для власти.

Армия еще не была демобилизована. В стране шло брожение, вызванное, главным образом, тем, что надежды на коренные изменения режима не оправдались.

Во время войны в значительной степени исчез страх перед карательными органами власти, и теперь открытые стихийные выступления против политики партии, особенно среди инвалидов и демобилизованных ветеранов войны, стали массовым явлением.

Наконец, Сталин еще не успел убрать с главных командных постов ряд выдвинувшихся помимо его воли полководцев, популярность которых вызывала в нем одновременно страх, зависть и ненависть. (Даже Хрущев вынужден был рассказать на XX съезде, как Сталин выдумывал и распространял явные небылицы про маршала Г. К. Жукова).

Несмотря на общее недовольство коммунистической диктатурой и осознание всеми, что победа достигнута народом и, прежде всего, армией вопреки преступному и бездарному партийному руководству, в условиях колоссального военного напряжения и тотальной мобилизации в военные годы в стране, поставленной перед угрозой иностранного завоевания, не могли сразу создаться организованные силы, ко-

торые политически возглавили бы всенародное недовольство партийным режимом.

Психологический перелом в сознании народа, происшедший во время войны, не мог в силу этих причин найти сразу после ее окончания своего политического выражения. Тем не менее, несмотря на особо жестокие и массовые преследования, которые проводила власть в 1946-1948 годах, последствия огромного перелома в сознании народа власти не удалось ликвидировать: именно тогда сложилась и цепь подпольных революционных групп и система тех общественных течений, которые раскрылись, начиная с 1953 года и особенно с 1956 года.

Производя массовые аресты и наполняя концлагери миллионами новых заключенных, власть с 1946 года перешла в наступление на все слои населения.

Прежде всего, она начала наступать на крестьянство и на тех рабочих и служащих, которые во время войны завели себе небольшие подсобные хозяйства и индивидуальные огороды. Как мы уже указывали, СНК СССР и ЦК ВКП(б) вынуждены были выпустить ряд постановлений (от 7 апреля 1942 года и другие), где различным организациям, а также рабочим и служащим ряда городов (например, Ленинграда), разрешалось производить посевы и устраивать огороды «на неиспользованных землях колхозов». 19 сентября 1946 года Совет министров СССР и ЦК ВКП(б) выпустили драконовское постановление — «О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах»[495]).

Постановление классифицирует земельные уступки, сделанные во время войны, как «расхищение общественных земель», подчеркивая, что это явление приобрело массовый характер. Оно указывает далее две основные линии, по которым во время войны наметилась тенденция ликвидации колхозного строя:

«Это расхищение общественных земель идет по линии увеличения приусадебных участков колхозников путем самовольных захватов или незаконных прирезок (выделено здесь и ниже нами. — Н. Р.) . . . в целях раздувания личного хозяйства в ущерб общественному. Расхищение общественных земель идет также по линии незаконного отвода местными советскими и земельными органами, а то и самочинного захвата общественных земель колхозов всякими организациями и лицами под

видом создания на колхозных землях всякого рода подсобных хозяйств и индивидуальных огородов рабочих и служащих... При этом — добавляется в постановлении — такое расхищение общественных земель зачастую происходит при попустительстве правлений колхозов, председателей сельсоветов и райсоветов»[496]).

Постановление ЦК направляет свой удар на ту позицию, которую крестьянство упорно удерживало после коллективизации, — приусадебный участок, видя в нем главную опору «частнособственнических элементов», иначе говоря, признавая, что крестьянство не приемлет колхозной системы 15 лет после ее введения и воспользовалось первым ослаблением контроля в деревне, чтобы прирезать себе часть отнятой в колхозы земли и распорядиться колхозным имуществом. Постановление требовало к 15 ноября 1946 года проверить размеры приусадебных участков и отнять «захваченные земли как со стороны отдельных колхозников, так и организаций и учреждений...» (т. е., в основном, земли рабочих и служащих. — Н. Р.).

Что означало практически послевоенное наступление власти на крестьянство, к чему привели постановления сентябрьского пленума ЦК 1946 года и февральского пленума ЦК 1947 года, можно иллюстрировать признаниями членов ЦК, сделанными наряду с признаниями Хрущева, в декабре 1958 года на пленуме ЦК:

«До сентябрьского пленума (1953 г. — Н. Р.) — говорил секретарь Смоленского обкома П. И. Доронин — хозяйство области находилось в запущенном состоянии. Колхозники из года в год производили основных сельскохозяйственных продуктов не больше, а меньше. Сокращалось производство, уменьшалась выдача на трудодни, снижались денежные доходы... люди приходили в отчаяние, потому что каждому хотелось, чтобы дело поправилось, а оно ухудшалось...

Трудно представить себе, насколько плохо было в деревне. Имелись целые районы, в селах которых на протяжении многих лет не только не строили новых домов, но даже крыши не обновлялись»[497]).

Эта мрачная картина дополняется Дорониным, когда он касается посевных площадей. Говоря о невозможности распространить севооборот на всю значащуюся в Смоленской области пахотную землю, секретарь обкома жалуется: «У нас сейчас в пашне значится 200 тыс. гектаров леса, которо-

му 16-20 лет. Чтобы ввести в колхозах севообороты, надо всю пашню включать. А как ее включишь, когда там растет 20-летний лес?»[498]).

В 1958 году на Смоленщине, оказывается, не были еще подняты земли, запущенные во время войны и после войны. Голод 1946 года, общий упадок сельского хозяйства нельзя было отнести только на счет немцев, и секретарь Омского обкома В. П. Калущинский прямо признает это, говоря о положении в Сибири: «Разве это было только на Смоленщине, о которой говорил тов. Доронин . . . это не только на Смоленщине, в которой побывали немцы. Это было и в Сибири»[499]).

В результате этой политики партии в стране с 1946 года начался сильный голод. Конец войны не только не принес облегчения, но в связи с засухой 1946 года в ряде областей, особенно на востоке, голодная смерть преследовала население. Цифры умерших от голода в 1946-1947 годах до сих пор не опубликованы, хотя Хрущев и признал, что в течение первого десятилетия после войны массовое недоедание, недостаток не только мяса, молока, сахара, но очень часто и хлеба (см. его речь в Рязани, «Правда» от 13 февраля 1959 года), были постоянным явлением. А жалобы на отсутствие продуктов первой необходимости «расценивались чуть ли не антисоветскими».

Жестокая борьба развернулась после войны, как и следовало ожидать, на идеологическом фронте. Недаром послевоенный период остался в памяти у интеллигенции под названием «ждановщины», подобно тому, как годы наиболее свирепого террора (1937-1938) вошли в историю и в память народа как «ежовщина»[500]).

Андрей Александрович Жданов принадлежал к молодому поколению той части «революционной демократии» 1917 года, которая безоговорочно примкнула к Ленину, видя в нем создателя аппарата неограниченного властвования.

В двадцатых годах он стал уже одним из выдвиженцев Учраспреда и послушным орудием секретаря ЦК, от которого за свою верность он получил Нижегородский (Горьковский) обком, где и просидел почти 10 лет. Сталин не забыл Жданова в Нижнем и после XVII съезда (январь 1934 года) сделал его секретарем ЦК по пропаганде и агитации.

Жданову совместно с Кировым следует приписать инициативу восстановления преподавания «гражданской» исто-

рии в школах и восстановления исторических факультетов при университетах, ликвидированных на рубеже 1929-1930 годов. Это был первый шаг на пути отказа от чисто интернационального воспитания в последовательно марксистском духе, оставшегося со времен Луначарского и Крупской.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 года о восстановлении преподавания истории было своего рода скрытым признанием невозможности создания «пролетарской культуры» и попыткой обойтись дозированной по воле вождя амальгамой — смесью интернациональной и классовой доктрины коммунизма со взятой со всевозможными оговорками национальной культурой.

Пушкин перестал быть только «выразителем дворянско-помещичьих интересов», а Менделеев — «слугой развивающегося капитализма». Новая тенденция раскрылась в «борьбе с ошибками школы М. Н. Покровского», открытых в так называемых «Замечаниях» Сталина, Кирова и Жданова по поводу проекта нового учебника истории в августе 1934 года.

«Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского (одобренная лично Лениным), закрывавшая по-марксистски подход к прошлому с патриотических позиций, отрицавшая общенациональные интересы и чувства и пытавшаяся отыскать повсюду в качестве движущей силы «классовые интересы», перестала быть обязательным эталоном.

Сталин в этот период настолько доверял Жданову, что назначил его после убийства Кирова первым секретарем Ленинградского обкома партии. Это означало, что Жданов знал подлинные обстоятельства убийства. В то же время этим назначением Сталин сделал его по существовавшей тогда партийной традиции вторым человеком в партийной иерархии и как бы своим наследником.

Положение Жданова еще больше укрепилось после ежовщины. Он лично принимал участие в терроре, что видно хотя бы из приводимой Хрущевым в своем докладе на закрытом заседании XX съезда телеграмме из Сочи от 25 сентября 1936 года об «отставании НКВД на 4 года», подписанной Сталиным и Ждановым. Жданов делал доклад на знаменитом февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года. Он, наконец, осуществлял переучивание всей истории предшествующего полстолетия не только партией, но и народом, согласно «Краткому курсу истории ВКП(б)» — этому новому

эталону, выработку которого Сталин позже приписал себе, но который вышел, очевидно, из недр ждановского Агитпропа.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» нашел уже свое осуществление сталинско-ждановский замысел влить однобоко дозированные, как правило извращенные элементы национальной истории в тот фиктивный каркас, где все определялось «гениальным предвидением вождя».

Спустя год, в 1939 году, Жданов делается членом Политбюро.

Во время войны эта искусственная ждановская конструкция начала ломаться, а потом власть, спасая свое существование, стала все больше уступать народу, стихийно прорвавшему узкую горловину ждановского дозирования всего того, что было связано с национальной культурой и традициями.

Искусственный и фальшивый каркас «Краткого курса» сломался. Этот очевидный идеологический обвал власти совпал с первым падением Жданова. Будучи горячим сторонником пакта с Гитлером, Жданов, вероятно, как и Сталин, до конца не хотел верить в возможность нападения Германии на СССР. В начале войны он, на этот раз совместно с Ворошиловым, вторично после войны с Финляндией позорно провалился как член Военного совета Северного фронта. Передав практические вопросы обороны Ленинграда своему заместителю А. А. Кузнецову, Жданов быстро потерял свое положение сталинского дофина и уступил первые места Маленкову и Берия.

Такова была в кратких чертах деятельность того человека, которому Сталин в 1946 году поручил отнять у народа, и в первую очередь у интеллигенции, завоеванные им во время войны позиции.

Наступление власти было прокламировано известным Постановлением (полностью оно до сих пор не опубликовано) ЦК «О журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 года. За этим постановлением последовали другие (26 августа о репертуарах драматических театров, 4 сентября о фильме «Большая жизнь» и т. д.).

Жданов, как в своих речах, так и в этих постановлениях, потребовал «ликвидировать отставание на идеологическом фронте». Иначе говоря, он поставил перед партией задачу отнять сделанные во время войны уступки и заставить

замолчать тех, кто начал выступать, хотя бы и осторожно, с критикой советской действительности.

Постановление ЦК от 14 августа, умалчивая о голосах протеста, нападает на «аполитичность» и «безыдейность» в литературе, говорит, что «советский строй не может терпеть воспитания молодежи в духе безразличия к советской политике, в духе наплевизма и безыдейности»[501]).

Косвенно оно констатирует разочарование, которое охватило весь народ в послевоенный период, когда стало ясно, что надежды военных лет не оправдались.

Кампания идеологического зажима, репрессий и угроз сопровождалась двумя новыми идейно-политическими мотивами, которые Сталин и Жданов пытались предложить народу, рассчитывая обыграть самые низменные и вульгарные чувства.

В качестве первого нового идейного оружия Сталиным лично был как бы полуофициально пущен в ход антисемитизм. Сталин явно пытался указать на евреев, как, якобы, виновников трудностей тяжелых послевоенных лет. Многие евреи без всякой причины увольнялись с занимаемых ими мест. Берия по указке Сталина начал в массовом порядке поднимать «дела» против еврейских писателей, художников, интеллигенции под лозунгом искоренения «агентов империализма — сионистов». Несмотря на провокационность так называемого «дела врачей» (лишенного, по признанию Хрущева на XX съезда, всякого основания) и ряда других, Сталину не удалось вызвать в России волну антисемитизма, на которую он явно рассчитывал для отвлечения масс от подлинных причин бедственного положения. Русский народ был уже достаточно политически зрел, чтобы пойти по предложенной ему властью провокационной дороге.

Вторым новым идейно-политическим оружием должен был стать по инициативе Жданова шовинизм, противопоставляемый «безродному космополитизму». Нет нужды говорить, что ни шовинизм, ни космополитизм никогда не были свойственны российской культуре. Однако причины, почему вдруг Сталин и Жданов ухватились за эти примитивные средства политической демагогии, заслуживают того, чтобы на них остановиться.

Война столкнула русских людей с жизнью на Западе в достаточной мере, чтобы увидеть или узнать главное о За-

паде — о существовании там свободы и несравненно более высокого материального уровня жизни, чем в СССР.

Более того, в результате войны не только западные союзники сохранили и укрепили свободу своих режимов, но и побежденные немцы, в той части Германии, которая осталась в сфере западного влияния, снова получили возможность жить в системе демократического, правового строя и пользоваться свободой.

Дело было не только в западной культуре, а и в знакомстве с общественной структурой и общественными идеями и идеалами Запада, что во время войны и после нее стало доступно многим миллионам русских людей. Этот вполне естественный интерес и был объявлен «низкопоклонничеством перед Западом» или «безродным космополитизмом».

Сталин и Жданов пытались таким путем подавить в народе стремление выяснить характер и происхождение двух главнейших явлений, которыми привлекал к себе Запад: свободы и высокого материального уровня жизни.

Как бы в компенсацию за это запрещение народу был предложен самый вульгарный шовинизм, ничего общего не имевший ни с русским национальным сознанием, ни, конечно, с русской культурой.

В эти послевоенные годы аппарат Жданова мобилизовал все силы, дабы декларировать превосходство русских над всем миром во всем, начиная с изобретения книгопечатания и первого паровоза и кончая большинством географических открытий.

Шовинистическая лесть, инспирированная Агитпропом, не могла не вызывать отталкивания у народа, культура которого задолго до большевиков получила мировое признание. Она отражала коммунистический комплекс неполноценности в области культуры, который партийное руководство в послевоенный период пыталось механически перенести на весь народ.

Ждановская политика репрессий и угроз «чуждым советской литературе людям, вроде Зощенко и Ахматовой»[502]), распространялась на многих писателей, композиторов и особенно на историков.

Уже Постановление от 26 августа 1946 года особенно остро нападает на «... чрезмерное увлечение постановкой пьес на исторические темы»[503]).

Особенно начиная с 1948 года, в советской прессе под давлением ждановского Агитпропа появляется много статей, обвиняющих как отдельных историков, так и Институт истории Академии наук в целом в «забвении партийности в научной работе», в «буржуазном объективизме», в «грубоошибочных антимарксистских трактовках ряда важнейших исторических проблем»[504]).

Редакционная статья журнала «Вопросы истории», вспоминая «шатания» в рядах историков, перечисляет теперь все их «грехи» времен войны и сразу после нее: «... была сделана попытка оправдать войны Екатерины II тем соображением, что Россия стремилась якобы к своим естественным границам и что в результате приобретений Екатерины советский народ в войне с гитлеризмом имел необходимые спасительные плацдармы для обороны. Раздавались требования пересмотреть вопрос о жандармской роли России в Европе в первой половине XIX века и о царской России, как тюрьме народов ... Подымались на щит, как якобы герои русского народа, генералы Скобелев, Драгомиров, Брусилов, а в Армении ухитрились превратить в национального героя даже Лорис-Меликова. Кое-кто договорился до того, что открыто стал требовать замены классового анализа исторических фактов оценкой их с точки зрения прогресса вообще, с точки зрения национально-государственных интересов. Понадобилось прямое вмешательство Центрального Комитета нашей партии, созыв им специального совещания историков, чтобы дать отпор этим ревизионистским идеям»[505]).

Власть признала, что во время войны обнаружился массовый отход от коммунистической доктрины. В 1948 году по официальной оценке редакционной статьи «Вопросов истории» оказывается: «... во время Отечественной войны в силу целого ряда обстоятельств на отдельных участках исторической науки произошло усиление буржуазной идеологии»[506]).

Патриотическая и национально-государственная точка зрения, допущенная частично во время войны, снова была объявлена «буржуазной».

Большое количество ценных работ было подвергнуто разгрому, еще большее, вероятно, не увидело света[507]).

Редактор сборника «Петр Великий», профессор А. И. Андреев, подвергшийся особо жестоким нападкам, заявил о своей работе — «... книга готовилась в 1942-1944 годах, а

вышла в свет в 1947 году», редактор «не перечитал своей статьи» и «многое из того, что в ней есть, он не стал бы писать теперь»[508]).

Но несмотря на все усилия ждановского аппарата, свести на нет тот огромный психологический перелом, который пережил весь народ во время войны, коммунистической власти не удалось. Тонкий наблюдатель и живой свидетель этого времени Б. Л. Пастернак пишет об этом времени:

«Хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победой, как думали, но все равно, предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание»[509]).

ГЛАВА XXXVII

ПАРТИЯ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Преодоление послевоенного кризиса, хотя и скрытого за помпезным фасадом сталинского владычества, было особенно трудным для коммунистической власти еще и потому, что сама партия и качественно и количественно изменилась во время войны.

В период укрепления диктатуры и отстройки своего единовластия Сталин непрерывно «чистит» партию, одновременно и сокращая ее состав и превращая оставшихся, путем запугивания, в послушных, готовых слепо исполнять его волю людей.

В тридцатых годах Сталин отказался от массовых полупринудительных наборов в партию, как это практиковалось в период между смертью Ленина и началом коллективизации.

Если «объединенная оппозиция» выдвигала требование «орабочивания» партии, то Сталин, отлично зная силу аппарата, начиная с 1933 года проводит ряд последовательных «чисток», закончившихся массовыми арестами в 1937-1938 годах. В результате, несмотря на постоянный приток новых членов, из 3 миллионов 534 тысяч членов и кандидатов партии, состоявших в ней на 1 января 1933 года, к 1 января 1938 года в партии оставались лишь 1 миллион 920 тысяч, из них 514 тысяч — кандидатов.

1 миллион 406 тысяч членов партии — это была та узкая база, на которую опирался Сталин. Высшая партийно-политическая секретарская бюрократия, верхушка советского аппарата и армии, аппарат НКВД — составляли едва ли не половину партии.

Перед стоявшей вплотную угрозой войны незначительное количество коммунистов (их остро не хватало, например, на замещение постов политсовета в армии, особенно среднего звена) вызывало серьезное беспокойство у власти. Важно было перед лицом врага связать хотя бы формально

максимальное количество людей, и особенно командного состава, с партией.

Сталин, видимо под влиянием Жданова, резко меняет свою политику в отношении партии. Со свойственной ему хитростью, он, начиная с 1939 года, стремится связать как можно больше интеллигенции с морально-политической ответственностью за свою политику по отношению к народу.

В страхе перед возможной войной, Сталин стремится как в глазах народа, так и в глазах будущего внешнего врага переложить ответственность за свою политику на широкие массы «коммунистов», которые в случае войны вынуждены будут защищать власть, просто потому, что им придется драться за свою жизнь.

Решение о переводе партии с узкой базы на широкую было фиксировано на XVIII съезде, собравшемся, после долгого (пятилетнего) перерыва, в марте 1939 года. Весной этого года, полного предвоенных конфликтов во внешней политике, был уже ребром поставлен вопрос о присоединении СССР или к «державам оси», к Гитлеру, или к западным демократиям и вскоре начались переговоры с обеими сторонами, приведшие к торжественному прилету Риббентропа в Москву и подписанию августовского пакта с Гитлером, развязавшего Вторую мировую войну.

Несмотря на то, что двери в партию были уже широко открыты, к марту 1939 года в партии было всего 1 миллион 588 тысяч членов, т. е. еще почти вдвое меньше, чем накануне чистки в 1933 году.

В связи со всем этим в резолюции, принятой по докладу Жданова, говорилось, что «впредь необходимо отказаться от массовых чисток партии . . .»[510]).

Характерно, что одним из аргументов за отмену массовых чисток, выдвинутых резолюцией, было, что «метод массовых чисток оказался обращенным своим острием, главным образом, против так называемых пассивных членов партии и приводил к исключению из партии честных и добросовестных ее членов по мотивам их, якобы, пассивности»[511]).

Иначе говоря, резолюция призывала набирать «пассивных» членов партии, т. е. связывать формально партийным билетом как можно больше людей, прежде всего, представителей интеллигенции.

Был снят также привычный подход к приему с точки зрения социального положения — рабочие после XVIII съез-

да перестали быть привилегированными, особо желанными кандидатами в партию. «Изменилась интеллигенция, — говорилось в резолюции, — ставшая в своей массе совершенно новой интеллигенцией, связанной всеми своими корнями с рабочим классом и крестьянством». Далее резолюция гласила, что интеллигенция «является равноправным членом социалистического общества»[512]).

Практически это «равенство» интеллигенции означало, что каждому инженеру, достигшему мало-мальски самостоятельной должности, каждому офицеру, прослужившему несколько лет в армии, предлагалось вступить в партию.

Часто намеченным в связи с повышением по службе кандидатам просто объявляли в порядке выполнения присланного сверху плана, что их рекомендуют в партию. Таким кандидатам не оставалось иной возможности, как «радостно» благодарить «за оказанное доверие» или лишиться своего места со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Хорошо зная, что действительно своей интеллигенции, питающейся пролетарской или социалистической культурой, партия создать не может, руководство КПСС пошло по пути связывания по возможности всей, а в первую очередь военной, интеллигенции с партией, позволяя, однако, массе этого набора оставаться «пассивными» членами партии.

Во время войны массовый набор принял небывалые размеры — в партию часто записывали без разбора всех, кто шел в бой. Напуганное событиями 1941 года, партийное руководство допускало и эту практику приема, понимая, что дело идет отнюдь не о коммунистических убеждениях вовлекаемых в партию людей, а лишь о их воле бороться с немцами до конца.

В то время, как из узкого состава партии в 1 миллион 406 тысяч человек, оставшихся после ежовщины, большинство находилось на руководящей работе в ближнем и глубоком тылу, в армии, согласно П. Поспелову, только в 1942 году было принято 1 340 тысяч новых членов[513]).

Как пишет З. С. Голиков, к концу войны в рядах армии и флота было свыше 3,5 миллионов членов партии. Подобный же набор шел и в партизанских районах, особенно в 1943-1944 годах. «За годы Великой отечественной войны, — сообщает тот же автор, — подпольные партийные организации Белоруссии, например, приняли в партию более 10 тысяч . . . партизан и партизанок»[514]).

На 1 января 1945 года партия достигла численности (членов и кандидатов) в 5 миллионов 700 тысяч человек. К концу войны эта цифра еще несколько увеличилась, и если после ежовской чистки партия насчитывала, включая кандидатов, 1 миллион 920 тысяч, то военные годы (1939-1945) привели примерно к увеличению втрое. Итак, на одного члена партии старого состава приходилось два, а если учесть потери во время войны, возможно, и три, новых члена (кровавые потери партии на фронте за первые два года до сих пор не опубликованы).

6-миллионная партийная масса, набранная на $^2/_3$ или даже на $^3/_4$ во время войны, была, конечно, подвержена тем же политическим настроениям, которые переживал во время войны и весь народ. Никакой особой «коммунистической когорты» она собой не представляла и не могла представлять в силу условий своего приема. Если учесть членов семей, то численность «коммунистического населения», по выражению В. Никитина[515]), послевоенного времени начинает впервые в истории коммунистического властвования составлять значительный процент — 10-12% всего населения России (беря за основу время XX съезда, когда партия достигла 7 миллионов 215 тысяч).

В этих условиях в партии начали создаваться предпосылки для возникновения новых политических течений — ревизионизма и реформизма.

Сталин хорошо понимал это положение и центр тяжести аппарата властвования после войны все больше и больше переносил на органы МВД-МГБ. Отсюда, конечно, и непрерывный рост влияния Берия в этот период. С другой стороны, в партии произошло выделение той ее части, которую можно назвать политической бюрократией, части, представляющей непосредственный аппарат властвования.

По подсчетам, сделанным А. Авторхановым[516]), состав политической бюрократии в партии на 1956 год был примерно следующим:

Членов ЦК и кандидатов ЦК КПСС	—	236
15 Центральных комитетов союзных республик	—	1 200
175 областных и краевых партийных комитетов	—	12 250
580 городских и окружных партийных комитетов	—	34 800
4886 районных комитетов	—	195 440
Итого		243 926

Разумеется, это очень приблизительный подсчет, сюда следует причислить политсостав армии, работников огромного центрального аппарата с его партшколами, Институтом Маркса-Ленина, музеями Ленина и т. д. Наконец, сюда же следует отнести секретарей парткомов больших заводов и учреждений.

Учитывая этот дополнительный состав, равно как и ту часть персонала советского аппарата, которая непосредственно смыкается с партийно-политической бюрократией, особенно в органах МВД и КГБ, округленную цифру в 250 тысяч следует увеличить примерно втрое.

Таким образом мы получим 250 тысяч представителей непосредственного аппарата властвования и около 500 тысяч тесно примыкающих к ним партийцев, являющихся кандидатами в политическую бюрократию.

Эти 750 тысяч руководящих членов партии принадлежали, как правило, к тому контингенту в 1 миллион 406 тысяч, которым располагал Сталин после ежовщины в 1938 году.

Поэтому неудивительно, что если партия в целом после войны помолодела, то ее руководящий состав, наоборот, постарел.

Если на XVIII съезде, в 1939 году, делегатов моложе 35 лет было 49,5%, 32% делегатов были в возрасте от 36 до 40 лет, 15,5% между 40 и 50 годами и лишь 3% насчитывали более 50 лет, то на XIX съезде делегатов моложе 35 лет было лишь 5,9%, между 36 и 40 годами — 17%, большинство — 61,1% насчитывало от 40 до 50 лет, а 15,3% было старше 50 лет[517]).

Не трудно убедиться, что на XIX съезде подавляющее большинство «руководящих партийных работников» вышло из того узкого, сталинского состава партии, который уцелел во время ежовщины.

Из первого послевоенного постановления ЦК[518]), касающегося непосредственно партии, видно, что замыслом Сталина было отлить из этого оставшегося контингента постоянный «руководящий» партийный состав, служащий в качестве непосредственного аппарата властвования.

Обычный путь активиста, поднимающегося по лестнице секретарской иерархии при массовом наборе в партию, внушал опасение. Даже «активу», вступившему в партию во

время войны, без тщательной проверки доверять было нельзя.

Поэтому основным методом пополнения партийно-политической бюрократии сделались вводимые постановлением ЦК от 2 августа партийные школы.

Наряду с Высшей партийной школой при ЦК (вместе с курсами переподготовки при ней — ежегодный прием 900 человек) и Академией общественных наук при Управлении пропаганды и агитации ЦК (Первый прием Высшей партийной школы и Академии вместе с курсами был около 900 человек) в 50 больших городах создавались республиканские, краевые и областные двухгодичные партийные школы, а при них в свою очередь шестимесячные курсы переподготовки для:

«а) руководящих районных партийных и советских работников — секретарей, заведующих отделами, инструкторов и пропагандистов райкомов, горкомов, укомов и окружкомов партии; председателей, заместителей председателей и заведующих отделами исполкомов районных, городских, уездных и окружных Советов депутатов трудящихся; секретарей райкомов и горкомов комсомола; редакторов районных и городских газет; б) низовых партийных и советских работников — секретарей первичных партийных организаций и председателей сельских Советов, волпарторгов и председателей волисполкомов (в прибалтийских советских республиках)»[519]).

Мы видим, что если взять даже низшую ступень партийных школ — курсы, — то они охватывают весь низовой аппарат партийно-политической бюрократии.

Школы и курсы должны были по замыслу высшего партийного руководства охватить всех так называемых «номенклатурных» членов партии. Самый отбор в партийные школы, как подчеркивало постановление, проводился «. . . по командировкам райкомов, горкомов ВКП(б) и в порядке отбора на учебу работников непосредственно обкомами, крайкомами, ЦК компартий союзных республик . . .»[520]).

Контроль и проверка как при приеме, так и в ходе обучения на курсах и в школах были положены в основу отбора «номенклатурной» части партии.

Постановление от 2 августа 1946 года декларирует разделение партии на две части — «номенклатурных партийных работников» и просто членов партии, совершенно официаль-

но выделяя членов партии, не входящих «в перечисленную выше номенклатуру партийных и советских работников . . .»[521]).

Таким образом массовая партия, допущенная Сталиным во время войны в силу необходимости, была сразу после войны разделена на две части: «номенклатурная», куда были отобраны представители высшего и низшего аппарата властвования, и остальная часть, где оказались «пассивные» по формулировке резолюции XVIII съезда партийцы, не имеющие никаких прав и несущие лишь формальную ответственность за деяния коммунистической диктатуры.

Следовательно, в составе примерно шестимиллионной послевоенной партии на каждого номенклатурного партработника приходилось примерно 8 «пассивных» членов партии.

Несмотря на тщательный отбор и даже формальное отделение партийного руководства от рядовых членов партии, оно в лице секретарей не только низовых парторганизаций, но по большей части и обкомов превратилось при Сталине и Жданове, по выражению писателя Валентина Овечкина, в «перевалочные пункты для директив и только»[522]). Но в то же время материальные привилегии этой части работников партии, равно как и небольшой части партийных работников, конечно, «номенклатурного ранга», в госаппарате и в армии быстро росли. Вместе с привилегированными представителями нужной власти верхушки интеллигенции эта часть партии начала складываться в правящий слой. Хотя подавляющее большинство этого слоя и было слепым исполнителем воли диктатора и его окружения, «перевалочным пунктом» для его директив, тем не менее в целом этот слой партии нес функции управления в условиях коммунистической диктатуры, приспособляясь к ее методам.

Созданию этого сравнительно замкнутого слоя способствовала система отбора в партию, о которой мы говорили выше. Наличие этого нового социального явления в условиях коммунистического государства позволило Джиласу выступить с точкой зрения о формировании «нового класса» в СССР. В связи с вопросом партийной структуры и состава партии на работе Джиласа следует остановиться.

ГЛАВА XXXVIII

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЮРОКРАТИЯ И ПРАВЯЩИЙ СЛОЙ

Работа Джиласа написана более чем 30 лет после цитированной нами выше статьи Бухарина «Пролетарская революция и культура». И Джилас как бы заканчивает, обосновывает и проверяет на опыте формулировки и выводы Бухарина. То, что Бухарин видел лишь как будущие опасности, Джилас считает свершившимися, исторически неопровержимыми фактами. Он указывает, что формирование «нового класса» есть завершенный процесс, более того, он считает, что этот процесс необратим. Говоря, что нет гарантии против вырождения, возможность которого так беспокоила Бухарина, Джилас утверждает: «Бывшие сыновья рабочего класса стали наиболее убежденными приверженцами нового класса»[523]).

Социальная группа, которую Джилас на наш взгляд неверно называет «новым классом», является в действительности хорошо известным слоем подлинных носителей партийной диктатуры — правящим слоем. Этот правящий слой в различные периоды коммунистического государства то несколько расширялся, то снова сужался, и лишь после смерти Сталина приобрел совершенно определенную тенденцию к расширению в результате новой фракционной борьбы и распространения ответственности за власть на все более и более широкий круг носителей партийной диктатуры.

Джилас относит к этому слою, который он называет «классом», первоначально всю, без исключения, коммунистическую бюрократию, включая и партийную интеллигенцию. Однако в его книге есть место, где он отказывается от своей собственной, в основе марксистской, схемы о новом «классе» и пишет: «Тем не менее, более детальный анализ показывает, что только специальный слой тех бюрократов, которые не являются лишь административными чиновниками, обра-

зует кадр правящей бюрократии или, по моей терминологии, основу нового класса. Это и есть практически партийная или политическая бюрократия»[524]).

В этом положении Джилас, на наш взгляд, ближе подходит к действительной оценке социальной структуры коммунистического режима, ибо тут он признает, что действительными носителями партийной диктатуры являются только ответственные освобожденные партийные работники, не связанные непосредственно с технической и административной стороной жизни государства, — иными словами, политическая бюрократия. Другая административно-техническая часть коммунистического аппарата, как правильно отмечает Джилас, находится под контролем этой «политической бюрократии». Джилас указывает, и в этом он также прав, что «социологически возможно провести границу между этими различными типами (партийных. — Н. Р.) бюрократов, но в практике жизни они фактически неразличимы»[525]).

Джилас, верно подойдя к вопросу о границе, проходящей внутри партии, не замечает того, что, проводя эту границу, он тем самым ломает свою теорию о «новом классе». Пользуясь его терминологией, можно утверждать, что «политическая бюрократия» и есть та часть партии, которая ответственна за осуществление партийной диктатуры в целом и обладает, особенно после смерти Сталина, необходимыми для этого правами, инициативой, доверием высшего руководства. В отличие от нее, партийная масса, состоящая главным образом из технической интеллигенции, огромная по своему количеству, в силу все еще доминирующей централизации в производстве, занимает технические и административно-государственные должности и не несет общей ответственности за действия власти, а является лишь исполнительным аппаратом. Не касаясь многочисленных исключений при определении этой социально-политической границы, можно легко найти и другой критерий, кроме непосредственного соучастия в политической власти. Этот критерий лежит в области культуры и в значительной степени, как мы указывали, разбирая работу Бухарина, определяется персональным восприятием науки и культуры, главным образом, во время прохождения курсов в той или иной высшей школе.

По мере того, как молодая интеллигенция овладевает общей культурой, научными знаниями и технической спе-

циализацией, она, естественно, стремится избежать включения в категорию политической бюрократии. Наоборот, она стремится найти хотя бы частичную возможность выхода для своих творческих сил, стремится остаться поэтому в технической или научной сфере советского общества, что, конечно, часто связано с продвижением по административной лестнице и, следовательно, с автоматическим пребыванием в партии.

Это большинство, являясь бесспорно составной частью советской бюрократии, в случае «выдвижения» формально становится на уровень политических носителей партийной диктатуры, но обычно остается в их среде либо декоративным элементом, либо, что особенно часто происходит с военными, — рано или поздно выбрасывается подлинными носителями партийной диктатуры из своей среды.

В Советском Союзе в исследовательской работе все связано с риском. В будущем «Биографическом словаре русских ученых советского периода» едва ли наберется хотя бы несколько имен без указания на то, что эти ученые в период своей работы испытали более или менее крупные политические неприятности. Даже такие успешно кончившие свою карьеру ученые, как историк академик Тарле или авиаконструктор Туполев, прошли через аресты и репрессии.

В области промышленности техническое руководство, как правило, связано с нереальными, несоответствующими условиям производства планами, выполнение которых почти непременно связано с тем или иным нарушением советских законов. Мы не говорим о том, что в области социологии, философии, права и, особенно, в области новой и новейшей истории, как и в других подобных областях человеческого мышления, творчество, при категорическом требовании «идеологического единства», не может развиваться и проявляться и поэтому в этих областях новых крупных имен, которыми всегда изобиловала Россия, за 40 лет коммунистического властвования почти не появилось.

«Краткий курс истории ВКП(б)» — лучшее доказательство, что таких отраслей науки, как новейшая история, не только не существует, но что они фактически строжайше запрещены. Для этих отраслей науки коммунистическая власть отмерила, по остроумному выражению Микояна на XX съезде, «эталон», и всякое отступление от этого эталона строжайше карается. Если и было дано обещание, что эталон в области

истории партии будет заменен, то речь идет, как мы знаем, отнюдь не о свободе исследования и о полном открытии архивов, а лишь о замене одного эталона другим.

Живопись, например, в советский период узнала жесточайшие правила новой, небывалой «канонической иконографии», ибо «иконография» советских вождей стала путем материального обеспечения художников. Ее каноном в течение 20 лет было то, что нравилось ограниченному, примитивному и чуждому искусства Сталину. Всякое проявление свободного творчества, протиснувшегося через цензуру, почти всегда награждалось эпитетами — «мелкобуржуазный», «буржуазный», «враждебный народу», «контрреволюционный» и т. д. Таким образом, всякое проявление свободного творчества носит характер опасной контрабанды с точки зрения партии, и люди, сознательно идущие в своем творчестве по этому пути, бесспорно совершают смелые поступки, ибо они знают с кем они вступают в борьбу.

Джилас прав, когда говорит, что многолетний зажим, террор и гонения на искусство, в частности, создали в СССР помимо официальных рогаток и партийной цензуры еще и «самоцензуру». Писатель, художник, ученый вынуждены «примерять» свои идеи и мысли к данным условиям и требованиям «идеологического единства» и ради него кромсают свои мысли и идеи, сводя их порой, не по своей вине, к тривиальной ограниченности. Творчество «для себя», вернее, в надежде на свободное, послекоммунистическое будущее, было и остается широко распространенным в нашей стране, несмотря на то, что материальные возможности для такого творчества сжаты до предела.

Всякий оппортунист, приспособленец, зная условия творчества в СССР, легко может получить материальные блага в виде дач, огромных премий, командировок и т. д., если он сознательно стремится попасть в линию требований «идеологического единства» «на данном этапе». Отсюда возникла легенда о «небывалом» поощрении искусства и литературы правительством Советского Союза. Однако, несмотря на разбазаривание народных средств с целью купить художников, писателей и др. деятелей искусства, выдвинувшихся на этом пути талантов крайне мало. Слишком часто, почти как правило, писатель, премированный правительством, останавливается на первом томе своего произведения.

«Поднятая целина» Шолохова, «Капитальный ремонт» Соболева — лишь наиболее яркие из многих примеров.

При первой открывающейся возможности, как это было в 1956 году, сразу находятся дотоле молчавшие люди, мужественно поднимающие голос протеста против «идеологического единства», т. е. против сути партийной диктатуры в творчестве. Одни указали, как, например, А. Крон в «Литературной Москве», на «антинародность» социалистической культуры, на ее «грубонарядный, официально-помпезный стиль», требуя восстановления в правах только той «иерархии талантов», которую «устанавливает время и народ», т. е. установления законной иерархии для деятелей российской культуры[526]).

Другие, как Паустовский, раскрыли роль партийных защитников социалистической культуры, указав на политическую бюрократию в СССР, на представителей правящего слоя, воплощенных в образе Дроздова из романа Дудинцева «Не хлебом единым». Большинство политической бюрократии, этого меньшинства партии, по словам Паустовского, «невыносимы своей тупой надменностью и полным равнодушием ко всему, кроме, конечно, собственного положения и честолюбия ... У дроздовых и у нас кардинально различное понимание престижа нашей родины, достоинства нашего человека ... Против дроздовых ... должна ополчиться вся наша литература вплоть до полного их уничтожения в нашей стране»[527]).

Наконец, третьи, в качестве «писателей социализма», согласно юбилейной статье Михайлова[528]), хранят свой протест в тайне, и история откроет еще много такого, что прольет свет на ожесточенную борьбу представителей российской культуры против идеологического тюремного режима, который называется «культурой социалистической». Одно такое свидетельство — слова покойного А. Толстого, оставшегося однажды в начале тридцатых годов с глазу на глаз со своим приятелем-иностранцем Евгением Лайонсом — можно привести уже сейчас:

«Женя, — обратился Толстой к своему другу, показывая на типичный русский пейзаж из окна своей дачи, — это настоящая Россия, моя Россия, все остальное обман ... Когда я вхожу в эту комнату, я стряхиваю с себя советский кошмар ... Здесь я могу сказать им — идите к чертям, мерзав-

цы . . . придет день, поверь мне, когда вся Россия пошлет их к чёрту»[529]).

Необходимо кратко остановиться на вопросе формирования того партийного меньшинства, из которого составляется политическая бюрократия. Это меньшинство, проходя путь начального выдвижения ныне почти всегда через высшую школу, обычно пытается использовать уже само свое положение в высшей школе, чтобы сразу стать на путь «активизма» или казенной партийно-советской «общественной деятельности». Этот путь кажется многим легче, чем продвижение посредством глубокого овладения наукой и техникой. Те, кто сознательно или, первоначально, бессознательно вступает на путь активизма, и являются фактически контингентом, из которого формируется политическая бюрократия. Комсомол, низовые партийные организации дают для лиц, формально получивших образование, все еще сравнительно широкие возможности выдвинуться на этом пути. Внутренней причиной, побуждающей становиться на этот путь, являются, в конце концов, оппортунизм и недостаточно сильный культурный импульс — недостаточно сильная тяга к знаниям, что проявляется в желании поскорее сдать как-нибудь экзамены для диплома, отнюдь не критически запомнить основные положения истмата и диамата и, вооружившись ими, выйти на дорогу партийного активиста, тем более легкую, что, как мы видели, «пролетарской» или «социалистической культуры», как культурного стимула, за 40 лет так и не создалось.

Сразу отметим, что это меньшинство, поскольку оно попадает в положение ответственных исполнителей диктатуры партии, как правило, отрывается от народа, начинает психологически противопоставлять себя (не как класс, а как правящая группа) всему народу. Иначе это меньшинство и не может действовать, постольку поскольку оно хочет добросовестно выполнять волю партийной диктатуры.

Постепенно, по мере своего продвижения по партийной лестнице, это меньшинство впадает в состояние постоянного страха за свое будущее. Этот страх, как сознание вины за свои деяния перед народом, заставляет эту категорию людей цепляться за начетничество, догматизм, за исторически мертвые или безнадежно устаревшие авторитеты. Никакие постановления ЦК, никакая борьба с проявлением этого страха (в частности, на XX съезде), действительно мешаю-

щего представителям правящего слоя активно проявлять свои волю и инициативу, не способны изменить психологического состояния этого меньшинства. Ибо никакие решения ЦК и съездов партии не могут устранить причины, лежащей в основе отношений политической бюрократии и народа — тирании над ним. В этом, отметим попутно, — одно из главнейших противоречий современного ревизионизма в СССР. Выйти из этого противоречия можно, лишь сделав выбор между политической бюрократией и народом. Но, кроме того, начетничество, догматизм, бюрократическое отношение к самой идее коммунизма произрастают не только из косности, пассивности, оппортунизма, но и из раскрытия, рано или поздно, того, что «пролетарская» или «социалистическая» культура, как творческий двигатель, есть фикция.

Отмежеванию правящего меньшинства партии от ее большинства содействует наблюдаемое во всех областях жизни стремление большинства интеллигенции и рабочих остаться в научном или техническом слое советской иерархии, т. е., иначе говоря, насколько возможно отмежеваться от деятельности, связанной с прямым навязыванием народу требований партийной диктатуры. Разумеется, это не всегда удается, но эта тенденция остро ощущается среди интеллигенции (на заводе, в институте и т. д.) и рассматривается окружающей средой, как стремление солидаризироваться с положением народа. Это проявление солидарности у большей части интеллигенции, в частности и партийной, усиливалось по мере того, как «рабочие батальоны», о которых писал Бухарин в 1923 году, широко вливались в состав интеллигенции. Процесс солидаризации рос и растет по мере того, как тяжесть испытаний ложится на плечи народа.

Таким образом, большинство интеллигенции, в том числе и партийной, социологически все больше склоняется в направлении солидаристической реорганизации советского общественного порядка. Как мы увидим ниже, в этом основном течении можно наблюдать ныне две главных тенденции — революционную и реформистскую.

Меньшинство партии, ставшее сознательно на путь служения партийной диктатуре, можно грубо разделить также на две группы по их тенденциям: первая, не видя никакой иной возможности удержания власти, как путем насилия и террора, все больше и больше склоняется в сторону начетничества и догматизма, усиленно цепляясь за тот или иной

мифический авторитет. Эта группа в странах социалистического блока в последнее время обычно именуется «сталинцами» или «догматиками». Вторая группа ищет реального выхода из создавшегося положения и, побуждаемая страхом перед народным взрывом, склоняется к ревизионизму. Отсюда и появление в партии «ревизионизма», отражающего широкую гамму настроений. В частности, Джилас являлся представителем этой категории людей. Лично он, однако, эволюционировал от положения одной из ведущих, ключевых фигур однопартийного режима до сторонника демократического социализма, не исключающего пути через всенародную революцию, т. е. до реформизма. Лишь остатки марксистской теории, от которых не успел еще освободиться Джилас, мешают ему выйти за рамки догматического понимания истории, т. е. понимания истории как борьбы антагонистических классов, и приводят его, как в свое время Бухарина, к исканию нового класса в той социальной структуре, где его в действительности нет.

Пример Джиласа, как бывшего представителя политической бюрократии, говорит, конечно, об ее идеологической слабости. Указанные нами тенденции в развитии интеллигенции при коммунистическом режиме показывают расходящиеся социально (по отношению народа) стремления большинства и меньшинства в партии. Уже это одно не позволяет говорить о «новом классе».

Мы не можем в рамках этих очерков останавливаться подробно на современном общественном развитии индустриально развитых стран Западной Европы и Америки, но это развитие давно уже со всей определенностью наметило процессы прямо противоположные тем, которые предсказал Маркс на базе своего анализа капитализма в XIX веке.

Крестьянство вовсе «не пролетаризируется», и крупное землевладение отнюдь не поглощает мелкого и среднего, а само распадается. Вместо дальнейшей поляризации «антагонистических классов» — рабочих и капиталистов — происходит, при непрерывном повышении жизненного уровня, нивеллировка рабочих с растущим слоем служащих (государственных и частных). Так во Франции, например, рабочие и служащие все больше и больше сливаются в один общественный слой «находящихся на жаловании» (salarié) людей. В то же время демократическая государственность в интересах всего общества все больше и больше ограничивает и на-

правляет работу капитала (путем прогрессивных налогов и других мер), сводя часть людей той категории, которая относилась раньше к капиталистам, к категории хорошо оплачиваемых, но стоящих фактически в положении тех же «salarié» людей. Форма индивидуальной капиталистической собственности заменяется все больше и больше коллективной, где соучастие рабочих и служащих в распределении прибылей, в управлении производством и даже теперь иногда в основном капитале предприятия, наряду со вмешательством государства в производственные отношения, принимают настолько массовый и регулярный характер, что капиталистическая форма собственности постепенно все более и более переходит в общественную.

Насколько трудно выявить классы в целом ряде государств средневековой Азии, что было признано и Марксом, настолько трудно в современном социальном государстве провести границу между служащими и рабочими.

Трудящееся население постепенно сливается с теми слоями, которые в эпоху Маркса считались беспорно «буржуазными».

Как в большинстве стран свободного мира, так и в странах с коммунистической системой, отделить рабочих от служащих по признаку «производственных отношений» и по характеру государственного законодательства совершенно невозможно.

Если эти процессы слияния классов были еще недостаточно ясно видны в начале двадцатых годов и вызывали лишь опасения у Бухарина, то в середине пятидесятых годов, когда они раскрылись со всей силой, говорить о «новом классе» означает нежелание видеть современную действительность, игнорирование современного социального развития общества. Чрезвычайно характерно, что проявление свободной мысли в Венгрии в дни Октябрьской революции 1956 года никак не отразило теории о «новом классе». Венгерская коммунистическая молодежь и бывшая партийная интеллигенция в своих требованиях и декларациях нигде не искала сохранения за собой, хотя бы в малой степени, тех привилегий и прав, которые по Джиласу характерны для «нового класса». Если прав Джилас, что «новый класс» имеет свое собственное сознание и идеологию, то следы этой идеологии должны были бы содержаться в документах, появившихся в Венгрии в октябре-ноябре 1956 года. Наоборот, Октябрьская

революция в Венгрии со всей ясностью показала наличие в венгерской коммунистической партии лишь меньшинства, стремившегося сохранить власть путем террора и насилия, и большинства, перешедшего сразу на сторону народа. Это большинство, оставаясь чуждым «пролетарской», «социалистической» культуре и живя в системе идей культуры национальной, проявило в полной мере ту тенденцию солидаризации с народом, о которой, как о характерном свойстве этого большинства, мы говорили выше. Нельзя забывать, что в коммунистической партии Венгрии накануне Октябрьской революции 1956 года насчитывалось около 900 000 членов партии.

В классовой теории историческая слабость марксизма проявилась с наибольшей силой, и именно в этом разрезе сильнее всего сказались ошибки Бухарина и его эпигона Джиласа. Бухарин и Джилас — оба коммунисты, познавшие опыт власти на самой вершине пирамиды, оба в разное время указали на неизбежность вырождения «пролетарской диктатуры». Заслуга Бухарина заключается в том, что он обнаружил (еще в 1923 году как «опасность») главнейшую причину этого вырождения — историческую невозможность создать социалистическую культуру.

Духовное творчество даже той части человечества, которая оказалась в сфере политического господства коммунистических партий, показало себя непобедимым, оказалось сильнее, глубже и, наконец, шире классовых рамок марксистской теории. Культура есть органическое целое, и подобно живому организму она развивается неразрывно с народным или национальным сознанием, являясь, таким образом, главной органической связью всего человеческого общества. Российская культура, в частности, несмотря на колоссальные творческие потери в течение всех сорока лет коммунистического господства, не утратила себя, осталась неодолима, как и сама идея России.

Марксистский подход Бухарина и Ленина к вопросу создания новой культуры (путем вовлечения в культурное творчество широких масс, путем создания технических кадров), основанный на одностороннем понимании возникновения культуры, как обусловленной лишь материальным, техническим развитием, объясняет причину исторического просчета коммунизма. Ибо большинство новых вовлеченных в культурное творчество слоев населения России вошли в силу

своего сознания в систему российской культуры. «Социалистическая» культура осталась за бортом исторического процесса. Более того, все те, кто вошел в систему российской культуры, в силу непрерывной борьбы коммунистической партии с ней, неизбежно становились или становятся противниками коммунизма, часто несмотря на формальную принадлежность к партии. Таково положение большинства.

Меньшинство, оппортунистически относящееся к творчеству, образовав правящий слой, «политическую бюрократию», обрекло себя на вырождение. Единственным рецептом спасения для меньшинства стал ревизионизм.

Джилас подошел к социальным вопросам в системе коммунистической диктатуры еще с марксистских позиций, хотя и подверг их серьезной ревизии. Он обнаружил также меньшинство партии и назвал его новым, господствующим «классом». Как мы уже видели, «пролетарскую бюрократию» едва ли можно назвать «новым классом» — это правящий слой и в самой партии и в государстве. Если внести эту поправку в анализ Джиласа, где он нарисовал яркую картину разложения этого правящего слоя, то нельзя не признать, что Джилас внес много нового и верного в старую теорию Бухарина об опасности вырождения коммунистической партийной диктатуры. Так на базе исторического опыта была завершена разработка теории вырождения коммунистической диктатуры.

Подтверждению тех мыслей, которые впервые были намечены Бухариным, послужили процессы, происходившие в России после XX съезда и события в Венгрии и в Польше. Эти события показали, что у правоверных коммунистов не осталось никаких средств и аргументов для своей защиты против реформизма, кроме как «вышибание зубов», по образному выражению Бухарина. В то же время эти события подтолкнули развитие целого ряда концепций революционного и реформистского характера. И первые и вторые принимают теорию вырождения, но предлагают различные пути для социальной реформации общества. И те и другие вместе господствуют ныне в общественном мнении стран коммунистического блока по вопросам исторической перспективы. Несмотря на различие предлагаемых методов, цели остаются общими, ибо в своей основе они покоятся на национально-исторической культуре, культуре, которую не удалось сломить коммунизму.

ГЛАВА XXXIX

КОНЕЦ СТАЛИНА И XX СЪЕЗД

Для истории партии последнего периода диктатуры Сталина имеет большое значение так называемое «Ленинградское дело». Под этим весьма условным названием стало известно многое о внутренней борьбе в партии в период 1948-1953 годов.

После смерти Кирова Ленинград стал вотчиной Жданова, скоропостижно и очень странно умершего в 1948 году. Характерно, что, давая на XX съезде партии те или иные объяснения о причинах гибели коммунистических вождей при Сталине, Хрущев ни словом не обмолвился об обстоятельствах смерти Жданова. В его секретном докладе Жданов вообще упоминается лишь в одном случае — как подписавший со Сталиным телеграмму из Сочи о назначении Ежова на место Ягоды, в связи с требованием усиленного террора (см. главу XXXII).

Вместе с тем Жданов многие годы рассматривался и как первое лицо после Сталина и как наиболее вероятный кандидат на место последнего. Смерть Жданова неразрывно связана с укреплением позиции Маленкова, продемонстрированным тем, что именно Маленков удостоился права читать основной доклад ЦК на XIX съезде партии осенью 1952 года.

Обращает на себя внимание, конечно, тот факт, что «Ленинградское дело» возникло в период возвышения Маленкова, т. е. непосредственно после смерти Жданова в конце 1948 — начале 1949 года. Как погибший Н. А. Вознесенский, так и М. И. Родионов, А. А. Кузнецов и Попков были ближайшими сотрудниками Жданова еще до войны.

Кузнецов сделал быструю карьеру — после войны он попал даже в секретари ЦК и, как сообщает Хрущев, ведал наблюдением со стороны ЦК за органами госбезопасности, т. е. занял положение Ежова накануне его назначения на пост на-

родного комиссара внутренних дел в то время, когда участь Ягоды была решена. Кузнецов, еще задолго до войны выдвинутый Ждановым, выполнял фактически функции первого секретаря Ленинградского обкома в годы войны, в то время как сам Жданов, формально, ради традиции, установленной еще Зиновьевым, хотя и возглавлял обком, но фактически работал в Москве в Политбюро.

Кузнецов, а не Жданов, находился в Ленинграде в течение всей осады его немцами. Будучи бесспорно человеком незаурядных способностей, Кузнецов, в отличие от Ворошилова и Жданова, не растерялся в критические августовские дни 1941 года, когда распался Ленинградский фронт, членом Военного совета которого он был.

Вместе с генералом Козиным он всячески стремился остановить немцев на ближайших подступах к городу. Война укрепила авторитет Кузнецова в партии. При нем многие годы председателем исполкома Ленсовета был Попков. Сначала в исполкоме, а потом в горкоме, начал свою партийную карьеру и Ф. Р. Козлов. Необходимо отметить, что Кузнецов был одним из тех секретарей обкома, которые наиболее активно подхватили и поддержали во время войны национальные чувства народа (Кузнецов, например, широко пользовался патриотической тематикой в «Ленинградской правде»). После войны именно он был тем, кто допустил восстановление исторических и любимых населением названий улиц и проспектов города — Невский, Садовая, Суворовский и другие; при нем началось восстановление разбазаренного в начале тридцатых годов Суворовского музея; при нем были введены новые названия пригородов в память Петра Великого — Петродворец, Петрокрепость и т. д.

Отнюдь не собираясь преувеличивать значение уступок власти национальному чувству в Ленинграде, мы упоминаем их для того, чтобы подчеркнуть настроение группы, частично погибшей по так называемому «Ленинградскому делу», как группы, видимо, не согласившейся аннулировать все те уступки, которые власть сделала народу во время войны. Необходимо напомнить также, что «дело» этой группы возникло непосредственно вслед за первым разрывом с Тито во время ожесточенной борьбы против югославского коммунизма, окрашенного в национальные цвета.

На место расстрелянных Кузнецова и Попкова в Ленинград пришли в качестве возглавителей партии В. И. Андриа-

нов, П. Ф. Ладанов и другие. Они не могли не зависеть в этот период от Маленкова, осуществлявшего все перестановки в партийном аппарате. То, что они являлись его ставленниками, косвенно подтверждается сохранением ими своих мест в первый период после смерти Сталина, когда положение Маленкова еще не пошатнулось. На XIX съезде Ладанов избирается кандидатом в ЦК, а Андрианов не только в члены ЦК, но и в члены того 25-членного Президиума ЦК, который заменил Политбюро и был задуман, согласно заявлению Хрущева на XX съезде, как средство в руках Сталина для ликвидации всех старых членов Политбюро и в первую очередь Микояна, Ворошилова, Молотова. Влияния же Маленкова, делавшего, как мы уже упоминали, основной доклад на XIX съезде, новый Президиум отнюдь не умалил, тем более, что он в значительной степени состоял из его ставленников.

Андрианов удержался в Ленинграде и после смерти Сталина и после ареста Берия. Он исчез с поста первого секретаря Ленинградского обкома лишь 29 ноября 1953 года. Здесь необходимо отметить, что в конце ноября и в начале декабря 1953 года происходят крупнейшие изменения в руководящем слое КПСС. Именно с этого времени все больше и больше выходит на авансцену Хрущев, поднявшийся сразу после падения Берия и оформивший свое новое положение на сентябрьском пленуме ЦК 1953 года.

Андрианов был лишь одним из первых, исчезнувших в это время. На следующий день после его снятия, 30 ноября, был выведен из Бюро обкома первый секретарь Тульского обкома В. И. Недосекин. Примерно в это же время исчезли Шаталин, Орутинов, первый секретарь Молотовского (Пермь) обкома Прост и многие другие, чья карьера определилась во времена наибольшего влияния Маленкова. В декабре 1953 года были казнены ближайшие сообщники Берия, в числе которых, однако, не сразу был назван его ближайший помощник Абакумов — долголетний руководитель непосредственно органов госбезопасности. Его оставили для процесса в Ленинграде, для суда над инициаторами так называемого «Ленинградского дела», явившегося главным инкриминирующим материалом в борьбе Хрущева с Маленковым и его группой.

Закрытый процесс над Абакумовым и его сотрудниками происходил в Ленинграде 14—19 декабря 1954 года. Судя по

некоторым сведениям, в циркулярном письме ЦК КПСС, касающемся «Ленинградского дела», среди осужденных вместе с Абакумовым упоминается и Н. Д. Горлинский, бывший до падения Берия начальником областного Управления МГБ и, видимо, непосредственно сфабриковавший «Ленинградское дело». В это же время происходит пленум Ленинградского обкома партии, на котором в «присутствии» Н. С. Хрущева первым секретарем избирается Ф. Р. Козлов. Еще раньше, в июле, после ожесточенной его критики исчезает из Ленинграда Маленковский ставленник П. Ф. Ладанов, а вслед за ним «выводится» секретарь Ленинградского горкома Насенко.

Ф. Р. Козлов, сделавший с тех пор быструю карьеру, был по некоторым сведениям в период непосредственно после «Ленинградского дела», т. е. в 1950-1951 гг., не только снят с работы, но и находился в заключении. Его «выбор» в присутствии Хрущева в декабре 1954 года был демонстрацией победы той фракции в КПСС, которая выявила себя как ведущая на XX съезде в 1956 году.

Завершение «Ленинградского дела» фактически совпадает с падением Маленкова. Едва в декабре 1954 года успело появиться сообщение об аресте Абакумова и других, как «Правда» начала свою известную атаку на Маленкова. Его неизбежное падение стало уже тогда очевидным.

Из этого краткого обзора событий, связанных с «Ленинградским делом», можно легко убедиться, что это «дело» было той арбузной коркой, на которой поскользнулись Маленков и его сторонники. Весьма вероятно, что много знавший Абакумов, долго цепляясь за жизнь, успел раскрыть весьма неприятные для Маленкова факты, связанные с расстрелом Вознесенского, Кузнецова, Родионова и других. И в 1959 году, располагая этими фактами, Хрущев продолжал угрожать Маленкову после его падения в 1957 году.

Было ли падение Маленкова и его ставленников в Ленинграде и, вместе с тем, возвышение Ф. Р. Козлова результатом лишь личной борьбы за власть различных клик в ЦК или за всем этим стояла фракционная политическая программа? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо кратко остановиться также на судьбе Микояна и его группы в период 1949-1953 годов, на который падает и «Ленинградское дело».

Остановимся на обстоятельствах смерти Сталина. В тексте речи Хрущева на закрытом заседании XX съезда броса-

ются в глаза несколько очевидных пропусков. Достаточно внимательно прочесть опубликованный Государственным департаментом США текст его речи, чтобы убедиться в наличии пропусков после эпизода с вызовом Хрущева к Сталину во время разрыва с Тито. Отсутствует, странным образом, оценка сталинской внешней политики после войны. Но и опубликованная часть достаточно красноречиво рисует события накануне смерти Сталина. Сталин задумал, по Хрущеву, «ликвидировать старых членов Политбюро», очевидно для того, чтобы скрыть окончательно свои преступления. На первом же заседании 25-членного президиума ЦК, избранного на XIX съезде, Сталин как-то особенно «характеризовал» Молотова и Микояна (как именно, Хрущев не сообщает, или мы имеем здесь снова пропуск) и предъявил им какие-то «необоснованные обвинения». Далее Хрущев заявил: «... Не исключено, что если бы Сталин оставался у власти еще несколько месяцев, т.т. Молотов и Микоян не произнесли бы речей на этом съезде».

Трудно идти дальше, но Хрущев идет. В порядке личных воспоминаний он передает свой разговор в автомобиле (Стены слышат! А у Ворошилова Сталин приказал установить на квартире аппараты подслушивания . . .) с Булганиным о том, что когда Сталин приглашает к себе, то, мол, никогда не знаешь, куда попадешь при выходе. Иначе говоря, он передает не без хвастовства, вообще ему свойственного, одну из своих встреч с Булганиным в роли заговорщика против Сталина, снабжая ее технической деталью — разговор шел в автомобиле. Наконец, Хрущев проговаривается в другом месте своей речи, с озлоблением назвав бесследно исчезнувшего в дни смерти Сталина начальника его личной охраны и секретариата Поскребышева — «верным оруженосцем Сталина». Здесь чувствуется прямое указание на ликвидацию «верного оруженосца» во время событий, связанных со смертью Сталина.

То, что это были именно события, а не спокойная смерть от кровоизлияния в мозг на своей квартире, как сообщалось в официальном коммюнике от 5 марта 1953 года, подтверждает не только бесследное исчезновение «верного оруженосца» вместе со всем его аппаратом. Исчезают также комендант Кремля генерал-лейтенант Спиридонов, комендант города Москвы генерал-лейтенант Синилов, убирают командующего Московским военным округом генерал-пол-

ковника Артемьева, место которого занимает нынешний маршал Москаленко.

Едва ли могут быть сомнения, что Молотов, Микоян и другие не продолжали сидеть сложа руки после того, как на пленуме ЦК Сталин потребовал ничего иного, как их голов. По Хрущеву к группе обреченных принадлежал и Ворошилов («английский шпион» — по Сталину) и весьма вероятно, что к ней, после своих «автомобильных бесед», присоединились и Булганин с самим Хрущевым. Весьма демонстративные ссылки Хрущева на Семена Игнатьева, сидевшего спокойно в зале заседания XX съезда, который был в критический момент министром госбезопасности и должен был быть, по словам Сталина, «укорочен на голову», в случае, если он не докажет виновность арестованных врачей, тоже говорят сами за себя — заговорщикам удалось перетянуть на свою сторону и его.

Характерно, как Хрущев умело подчеркивает, что Маленков не имел отношения к заговору на жизнь Сталина. В то время как он называет всех своих коллег по Политбюро по имени и отчеству, «товарищу Маленкову» отводится в его речи совершенно определенная роль — роль сталинского преемника: ведь это он отвечает в начале войны Хрущеву, что не может послать на Южный фронт винтовок, это «товарищ Маленков» подходит к телефону и отвечает отрицательно, по поручению находившегося рядом Сталина, на запрос о разрешении отвода войск во время харьковской операции весной 1942 года. И сразу после этого преподносится эпизод, как «Анастас Иванович Микоян» попробовал сказать Сталину, что он, Хрущев, был прав в 1942 году.

Так в речи Хрущева освещена не только весьма своевременная для заговорщиков смерть Сталина при их активном содействии, но и подчеркивается, что Маленков и его группа к этой заслуге никакого отношения не имели.

Эти высказывания Хрущева не только освещают обстоятельства смерти Сталина, но и довольно ясно отражают состояние фракционной борьбы ко времени XX съезда.

В результате войны политическое соотношение сил в России значительно изменилось. Со смертью Сталина новая политическая ситуация начала раскрываться все яснее и яснее. Если до войны коммунистической власти противостояло стихийное недовольство народа и незначительные, чрезвычайно разрозненные мелкие группы самых различных на-

правлений, то после войны появился третий, новый элемент в композиции сил, противостоящих диктатуре: явление реформизма.

Говоря о реформизме — явлении чрезвычайно широком и рыхлом — мы будем иметь в виду лишь то его радикальное крыло, которое с особой силой проявилось, прежде всего, как отражение общественного мнения в литературе, в искусстве, в скрыто и открыто провозглашаемых требованиях. Радикальными реформистами мы называем тех, кто стремится к коренным уступкам и реформам в государственном строе коммунистической диктатуры.

Одним из главных требований радикального реформизма является требование допущения второй партии, требование смены однопартийной системы на многопартийную. Это требование, широко распространенное в интеллигенции, хорошо известно Хрущеву, как видно из его бесед с французской социалистической делегацией весной 1956 года. Недаром в этот же период газеты «Правда» и «Известия» начали яростно отрицать всякие предпосылки для создания второй партии в стране.

Если вопрос «о второй партии» являлся и является основным требованием радикального реформизма, то в области сельского хозяйства это течение созвучно, хотя и не идентично, правой оппозиции конца двадцатых годов. В области промышленности, на базе широкого поля сравнений с положением Западной Европы и Америки, радикальный реформизм заимствует многочисленные идеи, появившиеся в среде правых социалистических партий Западной Европы, осуществивших ряд крупнейших реформ в первую очередь в Англии и во Франции.

Явление радикального реформизма в послевоенной России, несмотря на его политическую половинчатость и отсутствие законченной программы, настолько широко распространено, что власть вынуждена для привлечения, прежде всего, партийной и интеллигентской части этого течения идти на значительные уступки. Эти уступки в области труда общеизвестны. И суть даже не в самих уступках, а в том, что в условиях тоталитарного режима они не укрепляют, а ослабляют власть. Ибо при тоталитарном режиме политическая власть и управление всей экономикой находятся в одних и тех же руках, что неизбежно превращает экономическую борьбу в борьбу, по существу, политическую. Таким обра-

зом радикальный реформизм, часто даже того не желая, расшатывает власть.

Явление радикального реформизма в самой партии принято называть в СССР ревизионизмом. Как реформизм, так и ревизионизм обладают целым рядом различных политических оттенков, но основа ревизионизма, сама возможность его появления лежит во фракционной борьбе, в воссоздании различных фракций при однопартийном режиме. «Идеологического единства» явно уже нет. Оно сохранилось лишь у той небольшой части правящего слоя, который продолжает стоять на сталинских, по существу, позициях, продолжает внутренне защищать единоличную диктатуру, несмотря на развенчание «культа личности». Образование правящего слоя — вопрос, на котором мы уже подробно останавливались, — не дает и не может дать достаточной опоры этому течению партии. Главные представители этого течения, в лице, например, Молотова и Берия уже закончили свою политическую карьеру.

В президиуме ЦК на XX съезде победило другое течение, течение «среднего пути», базирующееся на целом ряде глубоких политических уступок узкому правящему слою партии (прежде всего, освобождение его от произвола органов террора) и предоставляющее ему известную инициативу и независимость в решениях, с целью, как это сформулировал Ф. Р. Козлов на XX съезде, поднять «у коммунистов чувство уверенности в повседневной практической работе», способствовать «повышению активности и боеспособности (подчеркнуто нами. — Н. Р.) членов партии в борьбе за успешное проведение коммунистического строительства». Требование укрепить «сплоченность», повысить организованность и боеспособность (его речь на XX съезде) было основным в стремлениях этого течения в партии, ибо оно понимало, что иначе ему не на кого будет опереться в предстоящей борьбе за сохранение своей власти. Для этого потребовалась, конечно, ликвидация «культа личности», для этого потребовалось снятие сталинского «эталона» с истории партии. Сваливая на Сталина все органически присущие коммунистическому режиму пороки и особенности, эта фракция попыталась найти средний путь для коллективного руководства, рассчитывая остановиться так, «чтобы свобода обсуждения вопросов не толковалась как свобода пропаган-

ды чуждых марксизму-ленинизму взглядов», ибо это противоречит уставным положениям.

Не трудно было заранее предвидеть, что на этом пути нет ясных граней ни для того, чтобы не соскользнуть обратно на путь сталинщины, ни для того, чтобы не уйти дальше по пути ревизионизма, не уйти по тому пути, по которому пошел было Гомулка в Польше и на котором нашел свою гибель Имре Надь в Венгрии.

Разумеется, третьего, собственно ревизионистского течения в партии нельзя так ясно и точно определить, как первые два, еще труднее найти его пока во фракционном подполье. Но сам по себе путь этого течения достаточно ясен, ибо его основной лозунг — последовательная борьба со сталинизмом — неизбежно ведет на путь глубоких экономических реформ, на путь отказа от коллективизации, как это случилось в Польше и Югославии, на путь создания рабочих советов, на путь либерализации не только внутрипартийного режима, но и положения всего привлекаемого к власти слоя рабочих и интеллигенции. Это последнее течение ревизионизма смыкается с радикальным реформизмом и создает для революционной молодежи ту ситуацию, которая напоминает положение в России в 1905 году, когда революционные партии, вращаясь вокруг легальных и полулегальных кружков российских либералов, быстро шли по пути формирования в подпольные революционные организации.

ГЛАВА XXXX

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ БОРЬБА ПОСЛЕ XX СЪЕЗДА

Пробный шар, брошенный Микояном в его речи на XX съезде партии, выяснил отношение большинства делегатов к Сталину и дал возможность Хрущеву на утреннем заседании 25 февраля 1956 года прочесть доклад «О культе личности и его последствиях».

Это была большая победа Хрущева и его группы и одновременно провозглашение им ставки на умеренных ревизионистов в партии. Подвергая ревизии систему абсолютной сталинской диктатуры, ревизионисты стремились заменить ее олигархией «коллективного руководства», что вовсе не означало их согласия на ликвидацию однопартийной диктатуры в стране. Наоборот. Но они видели единственную возможность сохранения и укрепления этой диктатуры на пути предоставления инициативы и самостоятельности не только работникам высшего и среднего звеньев партийного аппарата, но частично и всему правящему слою. Наиболее яркими представителями этого течения, как мы указывали, являлись новые руководители Ленинградской организации, поднявшиеся в борьбе с творцами «Ленинградского дела», — Ф. Р. Козлов, И. В. Спиридонов и другие.

Оба они, хотя и вступили в партию во второй половине двадцатых годов, оставались рядовыми инженерами в течение довольно долгого времени. Партийная карьера Козлова начинается только во время войны, а Спиридонов впервые выдвигается секретарем райкома (Московского района в Ленинграде) лишь в 1950 году.

Несмотря на успех на XX съезде, Хрущеву еще не удается провести в президиум ЦК никого из своих сторонников, кроме Кириченко.

На первом пленуме после XX съезда в состав президиума были выбраны — Булганин, Ворошилов, Каганович, Кири-

ченко, Маленков, Микоян, Молотов, Первухин, Сабуров, Суслов, Хрущев.

В состав кандидатов президиума не попали выдвинувшиеся при Маленкове Пономаренко и Мельников, зато там оказались Жуков, Брежнев, Мухитдинов, Шепилов, Фурцева, Шверник — почти все продвинувшиеся явно с помощью Хрущева.

Если, таким образом, Хрущев не имел большинства в Президиуме, то еще меньше он мог рассчитывать на свое влияние в правительстве.

Первыми заместителями Булганина после XX съезда были Каганович, Молотов, Микоян, Первухин, Сабуров и просто заместителем — Маленков.

Хрущев, видимо, пользовался поддержкой Жукова, которому «маршал» Булганин (он представлял партийное руководство еще на Западном фронте осенью 1941 года, когда Жуков командовал этим фронтом в сражении под Москвой, и в бытность Булганина министром обороны Жуков пережил свое глубокое падение) не давал возможности подчинить себе политуправление армии, что Жуков, однако, с успехом выполнил весной-летом 1956 года.

Хрущев сосредоточил свои усилия на секретариате, который он продолжал практически лично возглавлять и где с ним работали теперь Аристов, Беляев, Брежнев, Поспелов, Суслов, Фурцева и Шепилов.

С этой позиции Хрущев продолжал укреплять свое положение путем насаждения во главе партаппарата на местах своих сторонников из умеренных ревизионистов.

Период с марта по октябрь 1956 года был временем наибольшего расцвета ревизионизма в политике Хрущева. В мае месяце он ведет переговоры с французской социалистической делегацией во главе с Ги Молле и Пино, во время которых вскрывается, что в самой КПСС раздаются голоса о создании второй партии, как единственно надежной гарантии против возрождения культа личности и как «контрбалласта все еще слишком централизованному и диктаториальному коллективному руководству»[530]). Летом Микоян и Хрущев едут к Тито в Югославию, а в сентябре принимают Тито в Крыму, стремясь найти с ним общий язык по всем вопросам.

Октябрьские события в Польше и Венгрии на первых

порах приводят к дальнейшим ревизионистским уступкам как Гомулке в Польше, так и Имре Надю в Венгрии.

Только в ходе Венгерской революции, показавшей партийному руководству всю слабость коммунистического режима, эта тенденция круто обрывается и заменяется более жесткой политикой, как по отношению зависимых от КПСС стран коммунистической империи, так и внутри страны.

Этот перелом, происшедший на декабрьском пленуме ЦК 1956 года бесспорно связан с частичным восстановлением влияния группы Молотова—Маленкова. Отчеты этого пленума не опубликованы, но на нем, несомненно, подверглась жестокой критике политика Хрущева последних месяцев. Вероятно, он получил немало упреков и за свою речь о Сталине на XX съезде. Восстановление влияния Маленкова на этом пленуме видно из того, что сразу после пленума в Будапешт (а венгерский вопрос не мог не быть тогда главным на пленуме) полетел с Хрущевым не Микоян, уже несколько раз бывавший в Будапеште, а именно Маленков, который уже более года был совершенно отстранен от внешнеполитических дел.

На пленуме шла, очевидно, и ожесточенная дискуссия по вопросам внутренней политики. Был отменен принятый по докладу Булганина на XX съезде пятилетний план и председатель Госэкономкомиссии Сабуров был обвинен в планировании «не в соответствии с материальными ресурсами».

Начиная с этого пленума особенно выдвигается Шепилов, который, ведя иностранную политику в маленковском духе, начинает продвигаться на роль как бы нового Жданова, выступая в начале 1957 года на съездах художников и композиторов и давая тон в «Коммунисте»[531]).

Хрущев после декабря, очевидно, собирает силы и выбирает наиболее действенное оружие для решающего боя со своими противниками.

Таким главным оружием явилось, несомненно, предложение о децентрализации управления промышленностью, одобренное на февральском пленуме ЦК 1957 года.

Децентрализация управления промышленностью вела не только к значительному сокращению центрального государственного аппарата, но одновременно придавала еще больше значения и власти партаппарата на местах. Тем не менее эта реформа была, по своим последствиям, огромной уступкой партийным ревизионистам, получавшим еще больше само-

стоятельности и инициативы во вновь организуемых совнархозах. Лично Хрущев, судя по его политике с укрупнением колхозов, не был убежденным сторонником децентрализации. Он пошел на эту реформу по необходимости — ему нужно было объединить как можно больше сил вокруг себя, ибо он знал, что с декабря 1956 года он и его фракция находятся в меньшинстве в президиуме ЦК.

Февральский пленум ЦК показал, что расчет Хрущева на сильное, ревизионистски настроенное крыло в ЦК оказался правильным. Показателем этой, хотя еще не окончательной, победы Хрущева был выбор в кандидаты президиума ЦК Ф. Р. Козлова.

После февраля борьба двух главных фракций в президиуме ЦК приняла яростную и совершенно открытую форму:

«Я хорошо помню, — говорил на декабрьском пленуме ЦК 1958 года Булганин, — какую ожесточенную борьбу повели Молотов, Каганович, Маленков, Шепилов против перестройки управления промышленностью и строительством, против расширения прав союзных республик и местных партийных и советских органов . . .

Молотов, Маленков, Каганович, Шепилов заявили тогда, что у нас будет анархия в управлении промышленностью и строительством, а в части расширения прав союзных республик и местных партийных и советских органов и, в частности, наделения союзных республик правами планирования и передачи им некоторых обязанностей Госплана — даже будет противоречие Ленину»[532]).

Кающийся в декабре 1958 года Булганин, однако, совсем иначе чувствовал себя весной 1957 года. По свидетельству Мацкевича он возглавлял тогда враждебную Хрущеву фракцию, не только, как он сам говорил, собирая тайные фракционные собрания в своем служебном кабинете председателя Совета министров СССР.

«. . . считаю своим долгом напомнить о событии, свидетелем которого я был. На открытии Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в 1957 году Булганин устроил обструкцию тов. Хрущеву и во главе фракционной группы демонстративно покинул выставку»[533]).

Во фракционную борьбу с обеих сторон были втянуты широкие круги партийно-политической бюрократии как в центральном, так и в местном аппаратах.

Тот же Мацкевич рассказывал об этом, жалуясь, конечно, на вождей из противного лагеря:

«Когда практически встал вопрос о подготовке материалов по реорганизации МТС, Молотов и Каганович буквально пытались терроризировать аппарат Министерства сельского хозяйства, чтобы раздобыть, вернее состряпать, какие-нибудь материалы, которые опорочили бы это мероприятие. А Шепилов и его подручные, вроде академика Лаптева, пытались «теоретически» обосновать «ошибочность» разрабатываемых мероприятий»[534]).

Борьба между фракцией Хрущева и фракцией Молотова-Маленкова развернулась не только по вопросам, связанным с сельским хозяйством, она шла по всем фронтам. Это видно из многочисленных, хотя большей частью недоговоренных, замечаний об «антипартийной группе», разбросанных в выступлениях на декабрьском пленуме ЦК 1958 года и на XXI съезде. Но, ожесточенно споря по всем вопросам экономики страны, внешней и внутренней политики, обе стороны, и особенно Молотов, пытались обвинить друг друга в измене ленинизму.

Как и во времена внутрипартийной борьбы двадцатых годов, группа Молотова-Маленкова стремилась теоретически обосновать свою точку зрения путем старого, испытанного метода — набора цитат из Ленина.

По словам Кириченко на XXI съезде — «. . . они, сидя по уши в болоте консерватизма, оперировали тенденциозно подобранными цитатами . . .»

Молотов, Каганович, Булганин — активные участники борьбы двадцатых годов, не учли, что безудержное цитатничество того времени опиралось на авторитет Ленина, которому подчинялся на словах даже Сталин. Их действительный «консерватизм» заключался в том, что они хотели как бы повторить маневр Троцкого и «объединенной оппозиции», декларировав себя «подлинными ленинцами», в то время, как даже на верхах партии почти исчезли представители «ленинской гвардии», для которых ленинские изречения еще «звучали».

Цитаты из Ленина нужны были им, чтобы доказать наличие ревизионистских течений в мероприятиях, на которых настаивала фракция Хрущева.

Кузьмин, конечно избегая рокового слова ревизионизм, на XXI съезде упрекал Первухина:

«... Вы же говорили о наличии каких-то «тенденций» (подчеркнуто нами. — Н. Р.) в идее перестройки».

Куусинен, как подлинный представитель «ленинской гвардии», недаром посвятил свое выступление «бесплодному догматизму», и, защищая Хрущева от обвинений молотовской фракции, заявил:

«... На одном из пленумов ЦК Молотов, сам не высидевший ни одного теоретического цыплёнка, бросал другим товарищам упреки в теоретической беспечности».

Не может быть сомнения, что Молотов и его сторонники в качестве главного обвинения Хрущева выдвигали его ревизионизм.

Ведь «теоретическая беспечность» Хрущева выражалась в «практицизме», «делячестве», в уступках сельскому населению (отмена обязательных поставок с приусадебных участков), в децентрализации управления промышленностью и, главное, в продолжении, хотя и по-ревизионистски, половинчато, осуждения сталинских методов властвования по отношению к правящему слою и к верхушке партии.

Если Молотов обвинил Хрущева в ревизионистских «тенденциях», то Хрущев, ища поддержки правящего слоя, контр-обвинил Молотова и его группу, по существу, в троцкистских тенденциях.

«... Молотов, Каганович, Маленков и другие, — говорил Хрущев в своем докладе на декабрьском пленуме ЦК, — оказались не понимающими сельского хозяйства, они неправильно относились к крестьянству, рассматривая его как силу, которая оказывает сопротивление социалистическому строительству ...»[535]).

Повторив аргумент правых в борьбе с троцкистами, справедливо опиравшимися на Ленина 1918 года, в то время как правые опирались на того же Ленина 1921-1922 годов, Хрущев, торопясь напомнить о своих лаврах в разоблачении «культа личности», возвращает своим противникам упрек в теоретической беспечности.

«... Эта противоречащая взглядам Ленина ложная линия в отношении колхозов и колхозников на практике привела к тому трудному положению в сельском хозяйстве, которое мы имели в 1953 году»[536]).

К июню 1957 года фракция Молотова имела подавляющее большинство в президиуме ЦК. К основной группе этого блока—Молотов, Маленков, Каганович, объединившиеся

явно в процессе борьбы против десталинизации накануне XX съезда — присоединились постепенно члены президиума ЦК Булганин, Сабуров и Первухин и кандидат, «примкнувший» к ним, Шепилов. Первухин на XXI съезде даже примерно определил и время своего вхождения в блок:

«При обсуждении в Центральном Комитете вопроса о реорганизации управления промышленностью и строительством я высказал свои сомнения и возражения по отдельным предложениям намечаемой реорганизации... Моя неправильная позиция в этом важнейшем деле и связанное с этим н е д о в о л ь с т в о (подчеркнуто нами. — Н. Р.) привели к тому, что я совершил крупную политическую ошибку».

Обсуждение в ЦК шло на февральском пленуме 1957 года. Очевидно, февралем и следует датировать вхождение Первухина в группу Молотова-Маленкова.

По всей видимости, к шести членам президиума ЦК, вошедшим в блок, присоединился в последний момент и седьмой — Ворошилов, всегда оппортунистически пытавшийся стать на сторону сильного и связанный с Молотовым-Кагановичем тем, что он, как и они, принадлежал к интимному внутреннему кругу сталинцев еще тогда, когда Сталин боролся за власть. Косвенным подтверждением этого «грехопадения» председателя президиума Верховного совета служит отсутствие Ворошилова на XXI съезде и его почти полный отход от активной политической жизни после июньского пленума ЦК 1957 года, хотя победившая фракция Хрущева и сочла, видимо, полезным не объявлять об «антипартийности» этого старейшего представителя «ленинской гвардии».

Итак шесть, а возможно и семь членов президиума ЦК составили большинство (против них было лишь четыре — Хрущев, Микоян, Суслов, Кириченко) и 18 июня 1957 года потребовали передачи власти в свои руки. Как выразился на XXI съезде Кириченко — «антипартийная группа сбросила с себя маску».

По его же словам имевшая явное большинство в президиуме ЦК группа Молотова «...18 июня 1957 года организованно выступила против курса, намеченного XX съездом партии, т. е. тогда, когда ее участники подсчитали свои силы в Президиуме ЦК, когда они пришли к выводу, что якобы располагают силами, чтобы изменить политику партии и правительства».

Из этого важного заявления Кириченко очевидно, что Молотову и его группе удалось сколотить большинство, что 18-22 июня у этой группы было или семь, или шесть голосов.

Вопрос шел, конечно, о судьбе Хрущева лично и членов его фракции. Этот вопрос в рамках президиума был решен 18 июня 1957 года.

Первухин заявил прямо, что его главной виной было то, что он в эти четыре дня «. . . поддержал на заседаниях Президиума ЦК, происходивших накануне июньского пленума (т. е. между 18 и 22 июня 1957 года. — Н. Р.), нападки антипартийной группы на тов. Хрущева».

Со времени X съезда партии и его ленинской резолюции «О единстве партии» победившая в президиуме, или ранее в Политбюро, группа, могла считать свою победу окончательной, и очередной пленум ЦК послушно проводил соответствующие организационные мероприятия, а потом уже готовился съезд, который одобрял «линию своего ленинского ЦК».

Фракции Хрущева удалось осуществить этот переворот благодаря переносу решения вопроса о власти из президиума на пленум ЦК, т. е. как раз то, что не удалось сделать группе правых — Бухарину, Рыкову, Томскому в 1928 году, после того, как Сталин голосами Калинина и Ворошилова добился для себя большинства в Политбюро.

22 июня 1957 года в партии произошло нечто новое — фракция меньшинства в президиуме, будучи уже свергнутой (оставшись в меньшинстве в президиуме), собрав ЦК снова захватила власть. Иначе говоря, это меньшинство, с точки зрения многолетней партийной практики, совершило государственный переворот.

Ведь в превращении Политбюро (президиума ЦК) в источник власти не только над партией, но и над народом, заключался смысл резолюции, с такими усилиями проведенной Лениным на X съезде, резолюции, запретившей существование фракций в ЦК и угрожавшей каждому члену ЦК за фракционность не только исключением из этого органа партии, но и даже из самой партии. В своем «завещании» Ленин, рекомендуя увеличить число членов ЦК «за счет рабочих», стремился еще больше укрепить власть Политбюро, власть, которую он понимал как «насилие, не связанное никакими законами».

Государственный переворот оказался успешным для фракции Хрущева по многим причинам, из которых в настоящее время можно отметить лишь главные. Хрущев и его фракция располагали в ЦК значительными по своему весу, сплоченными и, видимо, спаянными своей внутренней дисциплиной группами, построенными по линии местных организаций. На некоторые из них можно указать. Это, во-первых, ленинградская группа Ф. Р. Козлова (с февраля 1957 года кандидат в члены президиума ЦК) и И. В. Спиридонова; это, во-вторых, украинская группа Кириченко, из которой после июня 1957 года пошел в гору молодой Подгорный; это, в-третьих, группа Микояна, о которой мы говорили выше.

Все эти и, вероятно, другие группы (уральская группа Кириленко, например) были связаны с фракцией Хрущева не только по линии партийного аппарата, над которым Хрущев, Аристов и особенно Кириченко много поработали; они, и это главное, поддерживали умеренно-ревизионистскую линию фракции Хрущева и не без основания опасались увидеть с приходом к власти фракции Молотова-Маленкова не только конец этой линии, не только возврат к сталинской жесткой «догматической» политике, но и конец своей личной неприкосновенности, декларированной на XX съезде под названием «социалистической законности».

Наряду с наличием этих организованных групп в ЦК нельзя недооценить веса, которого достиг к этому времени маршал Жуков, впервые после Троцкого объединивший военную власть с высоким партийным положением кандидата в президиум ЦК (нельзя, конечно, сравнивать формально идентичное положение Ворошилова при Сталине).

Положение Жукова и реальная власть, которую он сосредоточил в своих руках, были одной из главных причин, позволивших Хрущеву сломать планы своих противников и недопустить захвата ими власти в период 18-22 июня.

Совершив государственный переворот против большинства президиума ЦК и объявив это большинство «антипартийной группой» Хрущев, конечно, использовал ревизионистские настроения в ЦК, на верхушке армии, во всем правящем слое.

Однако, победив с помощью Жукова, он тем самым открыто признал не только военный авторитет маршала, но и его политическую роль.

Популярность Жукова после удаления таких характерных и известных всем сталинцев, как Молотов, Каганович, Маленков, Булганин и другие, не могла не возрасти. Поэтому он не только объективно сделался конкурентом Хрущева. Его дальнейшее пребывание в качестве члена президиума ЦК вызывало опасение у всех остальных членов, так как он обладал подлинной, всенародной популярностью.

Заговор против Жукова начал, видимо, коваться сразу после победы над «антипартийной группой».

26 октября, через несколько часов после того, как маршал Жуков сошел с самолета в Москве, возвращаясь из поездки в Югославию и Албанию, по радио было объявлено о смещении заслуженного маршала с поста министра обороны. На его место был назначен маршал Малиновский и Жуков, видимо не был даже допущен в свой служебный кабинет. Снова президиум ЦК КПСС разделался с одним из своих членов методом типичного заговора.

Собранный 28 октября пленум ЦК, на котором в качестве декорации присутствовали почти все маршалы Советского Союза (некоторые из них, впрочем, являлись людьми, которые не могли не завидовать положению Жукова, начав сами военную карьеру в качестве комиссаров, как, например, Конев, который уже в 1921 году за свои партийные заслуги был послан делегатом на X съезд партии), принял постановление, достаточно прямо признававшее противоречие между армией и партией при коммунистическом режиме. В постановлении говорилось:

«Жуков провозгласил линию на свертывание работы партийных организаций, политорганов и Военных Советов (подчеркнуто нами. — Н. Р.), на ликвидацию руководства и контроля над армией и военно-морским флотом со стороны партии, ее ЦК и правительства . . .»[537]).

Маршал Жуков не мог не помнить той пагубной роли всех партийных членов Военных советов фронтов и армий, как Булганин, Жданов, Мехлис, Хрущев и другие, которую они, во главе со Сталиным, сыграли (на чем мы останавливались в главе о войне) во время критического положения на фронте, посылая сотни тысяч солдат и офицеров, вопреки воле командования, часто несмотря на все предупреждения, на гибель и уничтожение.

Жуков также прекрасно должен был знать, что война была выиграна благодаря психологическому перелому в на-

роде, ставшем на защиту своего бытия и своего отечества, а вовсе не коммунистического режима.

Возрождение национального сознания, стремление к российской культурно-исторической и государственной традиции, а не «вдохновляющая роль коммунистической партии», о которой говорило Постановление, были главными стимулами того огромного патриотического подъема, который привел к победе.

Нет оснований утверждать, что Жуков в 1957 году замышлял бонапартистский переворот, на что намекал Малиновский на XXI съезде, говоря о нем, как о «новоявленном бонапарте».

Маршал Жуков сделался жертвой того неснимаемого противоречия между армией и партией, которое (как мы говорили в главе XIV) возникло одновременно с созданием Красной армии в 1918 году.

«Пролетарская» или «социалистическая» культура, будучи фикцией, не способна формировать как подлинно-коммунистической интеллигенции вообще, так и «своего родного командного состава», как указывал, в частности, еще Тухачевский. Отсюда неизбежное стремление крупных военных, познавших на опыте природу войны и армии, к единоначалию и к воспитанию кадра армии на основе национальной культуры, к «отрыву» армии от партии.

Это стремление было, есть и будет. Оно находится в глубоком противоречии с партийной политикой по отношению к армии, которая, несмотря на уступки во время войны, в течение всех сорока лет зиждется на дуализме в командовании и управлении и на смеси «пролетарского интернационализма» с псевдоидеей о «социалистическом отечестве» в воспитании.

Стремление маршала Жукова выйти из этого противоречия, не попытавшись устранить первопричину — господство коммунистической партии над армией и страной, привело к тому, что он стал жертвой заговора своих коллег по высшему партийному органу.

С падением маршала Жукова Хрущев внешне как будто бы добился полной победы над всеми своими противниками, как со стороны тянувшихся к сталинскому догматизму представителей группы Молотова-Маленкова, так и со стороны маршала Жукова, которого маршал Малиновский по

явной указке Хрущева назвал на XXI съезде «зарвавшимся бонапартом».

Однако это не означает, что Хрущеву удалось восстановить для себя единоличную диктатуру сталинского типа. Расшатанные органы КГБ явно не в состоянии произвести чистку, сколько-нибудь напоминающую сталинские времена. Ни в народе, ни в восьмимиллионной партии нет страха перед Хрущевым. Правящий слой и партийно-политическая бюрократия готовы видеть в нем удобного гаранта своего положения, но в отношении самих себя не склонны терпеть никакого произвола.

Материалы декабрьского пленума ЦК 1958 года показывают, что, например, и такие лица, как Мацкевич и Семичастный, которым далеко даже до кандидатов в президиум ЦК, позволяют себе резко спорить с Хрущевым на заседании пленума и открыто настаивать на своем, не соглашаясь с его мнением.

С другой стороны, все поддерживающие его члены президиума ЦК, которые сыграли решающую роль в разгроме «антипартийной группы» — Кириченко, Ф. Козлов, Микоян, Кириленко и, быть может, некоторые другие, крепко связаны с верхушкой партаппарата тех организаций, из которых они вышли и на которые опирались в ходе внутрипартийной борьбы.

Проблема ревизионизма продолжает остро стоять на верхах партийного руководства и не может не вызвать новых вспышек внутрипартийной борьбы.

Проблемы реформизма глубоко вошли в психологию и политическое сознание многих членов восьмимиллионной партии, подавляющая часть которой принадлежит к военному и послесталинскому приему и пережила вместе со всем народом тот великий перелом в сознании, который начался во время войны и продолжался все послевоенные годы.

Проблемы революции, поднятые в подпольной и полуподпольной атмосфере групповщины и кружковщины, получившие реальные перспективы после примера Венгерской революции, не могут не создавать в партии в целом «термидорианских настроений», в широком смысле слова, т. е. как стремление при первой возможности отречься от моральной и политической ответственности, которую несет коммунистическая партия перед всем народом.

Дальнейшее развитие этой проблематики определит внутреннее состояние и соотношение сил внутри самой партии, а это, в свою очередь, покажет, насколько она окажется способной быть инструментом власти над народом, исторический опыт и сознание которого глубоко изменились, особенно после событий Второй мировой войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1957 году исполнилось 40 лет коммунистического властвования в России. В обращении «К народам Советского Союза», Верховный совет по указке ЦК объявил, что «Октябрьская революция сделала владыкой страны труд, а человека труда — хозяином родной страны, творцом своего счастья»[538]).

Власть в который раз обещает в этом обращении... «обеспечить население в достатке продуктами питания, одеждой, обувью, всевозможными тканями, мебелью и другими товарами. В короткий срок мы можем покончить с недостатком жилья в стране, обеспечить всем гражданам хорошее жилище».

Обращение не стесняясь утверждает, что в стране существует якобы «подлинное народовластие».

Мы рассмотрели природу власти Ленина, создавшего сначала однопартийную диктатуру над народом, а потом установившего и в самой партии внутрипартийную диктатуру.

Через захват власти, гражданскую войну и военный коммунизм, коммунистическая партия после восьмилетней ожесточенной внутрипартийной борьбы пришла к единоличной диктатуре, открывшей страшный период сталинской тирании. После смерти тирана сразу снова началась борьба за власть на верхах партии, поныне еще далеко не закончившаяся. И теперь, когда развенчивается и разоблачается культ Сталина, когда нынешний первый секретарь растоптал вместе с авторитетом Сталина все авторитеты его ближайших сотрудников, в том числе и свой собственный, единственным авторитетом остался Ленин, — Ленин-победитель в захвате власти, во время гражданской войны, во время нэповского «отступления». И несмотря на то, что еще в конце двадцатых годов его сочинения в партии не без основания называли «ветхим заветом», было бы легкомысленно полностью отрицать его авторитет, было бы несправедливо утверждать, что Ленин ничего не создал.

Он был и остается создателем партии; не идеализируемого «авангарда рабочего класса», обладающего «внутрипартийной демократией», а того инструмента властвования, который в руках единоличного диктатора или узкой группы «коллективных» властителей является наиболее всеобъемлющим, тоталитарным аппаратом насилия, какой когда-либо существовал в истории.

И никто, ни один из свирепо ненавидящих друг друга конкурентов в борьбе за власть, никогда не покушался на этот страшный инструмент насилия, никогда не смел выступить открыто против того «культа партии», над которым работал Ленин непрерывно, всю жизнь, начиная со времени написания им «Что делать?», со времени, когда он увлекался идеями радикального народничества, идеями Ткачева и Чернышевского.

На культ партии не покушался никто. Даже Сталин, не оставивший камня на камне от ленинской партийной постройки, ликвидировавший всю ленинскую гвардию, никогда не пытался упразднить культ партии. Культ партии для всех тех, кто отталкивался от Ленина, живого или мертвого, всегда оставался незыблемым, ибо все партийные претенденты на власть знали, что нет власти над народом без партии, нет возможности без партийного аппарата осуществлять насилие. И Троцкий даже тогда, когда он видел свое дело проигранным, в своем выступлении на партийном съезде сказал: «Партия всегда права».

Пока эта, исходящая из властолюбия, вера в партию была жива даже у сравнительно небольшого количества людей, коммунистическая власть в России обладала значительной динамической силой, обладала, во всяком случае, волей для удержания власти во что бы то ни стало.

Бухарин первый поднял вопрос о «вырождении партии», он был первым, кто понял или во всяком случае ощутил, что у коммунизма нет средств, нет идеологической силы для того, чтобы воспитать новых членов партии, новые «отряды» рабочих, вступающих в партию, воспитать молодежь в идеях «социалистической» культуры, преодолеть российскую национальную культуру.

Грандиозной чисткой ежовщины Сталин сумел сбить ту волну протеста, которая охватила поколение тридцатых

годов. После смерти его сделать это вторично не удалось. Расширение круга властвующих, предоставление самостоятельности верхушке партии, явления реформизма и ревизионизма в ней быстро разрушают, размывают основу этого исторического феномена.

И теперь, когда сомнений в нем нарастает все больше, когда они развились часто до осознания необходимости коренных изменений, когда, особенно среди молодежи, растут группы, стремящиеся коллективно найти новые политические перспективы, естественно вырастает интерес к истории партии. Этот интерес совершенно особого рода: партийная диктатура в России есть та база, отталкиваясь от которой приходиться строить новые программы, искать новые пути. Искать пути не к тоталитарному росту и не к насилию, «неограниченному никакими законами», а к свободе. Поэтому интерес к истории партии—это не интерес к «эталону», отмеренному ломтю фальсифицированного суррогата, а к подлинной объективной истории, знание которой необходимо нужно не для удовлетворения исторического любопытства, а для ответа на вопросы: Куда идти дальше? Как быть? Что делать? — Для ответа на вопросы, в частности и особенности, тех восьми миллионов людей, которые обладают партийным билетом . . .

Ответа на эти вопросы и свободная мысль на Западе пока еще не дала. Если есть много интересных и ценных работ по отдельным вопросам истории партии и еще больше воспоминаний, то общего очерка по истории коммунистического режима в России все еще нет. Написать его не легко. В этой работе мы вынуждены, к сожалению, многократно ссылаться на неопубликованные архивные материалы, не говоря уже о вынужденной необходимости постоянно разоблачать умышленно созданные фальсификации и легенды, обязывающие, ради объективности, критически подходить ко всем без исключения источникам.

Отсюда неизбежны недостатки этих кратких очерков, отсюда возможность некоторых ошибок, снять которые, вероятно, будет трудно до тех пор, пока все архивы в России не будут открыты.

Но автор будет вполне удовлетворен, если эта, более чем скромная, работа, поможет тем, кто ищет ответов на поставленные жизнью вопросы.

Советский эталон, обещанный Микояном на XX съезде партии уже появился. Он будет изучаться в обычном, казенном порядке по всей России. Быть может, эти очерки помогут многим сделать выводы на основе сравнительного критического анализа и найти объективное суждение о природе КПСС и ее власти в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) С. Струмилин. «Перспективы развития национальной экономики». Москва 1928. Н. Прокопович. «Экономическая история СССР». Нью-Йорк 1954.

2) См. его книгу «Как большевики захватили власть». Париж 1953.

3) В. Набоков. «Временное правительство». «Архив русской революции». Т. I, стр. 39.

4) В. Чернов. «Перед бурей». Нью-Йорк 1953. Стр. 335.

5) Спор о возникновении сельской общины проходит красной нитью и через русскую и через европейскую историографию второй половины XIX и начала XX века. Не поднимая этого вопроса, укажем лишь, что в результате многих исследований большинством крупнейших русских историков установлено, возникновение общины лишь в XV—XVI веках, в эпоху «тяглового государства». Лучшие работы по этому вопросу вышли уже в советское время — см., например, «Село и деревня» и «Феодальное землевладение» академика С. Б. Веселовского.

6) Письмо К. Маркса к Вере Засулич 1882 г., где он писал, в частности: «Я пришел к выводу о том, что, если Россия будет продолжать идти по пути, на который она встала в 1861 году, то она использует наилучшую возможность, которую история когда-либо предоставляла ее народу — избежать всех перипетий капитализма». "Critique sociale" Nr. 2, Paris 1931.

7) Все цитаты взяты нами из А. Н. Ткачев, «Избранные сочинения» под редакцией Б. П. Козмина, 1932, т.т. I—IV.

8) Н. Валентинов. «Встречи с Лениным». Нью-Йорк 1954. Стр. 103—109.

9) Е. Ярославский. «История ВКП(б)». Изд. 1926 г. Т. I, стр. 351. «Протоколы Лиги».

10) Там же, стр. 351.

11) Ленин. Избр. произведения. Изд. IV. Часть II. М. 1946. Стр. 137 («Государство и революция»).

12) Г. Зиновьев. История российской коммунистической партии (большевиков). Государственное издательство М.—П. 1923. Стр. 156, 162, 166, 167.

13) M. Fainsod. "How Russia is Ruled". Cambridge (США) 1953. Цитируем по французскому изданию ("Comment l'U.R.S.S. est gouvernée"). Париж 1957. Стр. 185.

14) Д. Далин. «После войн и революций». Берлин 1922. Стр. 29. Цитируем по Зиновьеву, см. ссылку 15.

15) XI съезд РКП(б). Стенографический отчет. М. 1922. Стр. 342.

16) Там же, стр. 358.

17) Там же, стр. 361.

18) Там же, стр. 363.

19) Там же, стр. 345.

20) Там же, стр. 356.

21) Ленин. Соч. Изд. III, т. 20, стр. 68.

22) Ф. Драпкина. «Всероссийское совещание большевиков в марте 1917 года». «Вопросы истории» № 9, 1956, стр. 16.

23) Ленин. Соч. Изд. III, т. 20, стр. 78-79.

24) Цитируем по Э. Н. Бурджалову, см. его статью «О тактике большевиков в марте-апреле 1917 года», где он, ссылаясь на архив Института марксизма-ленинизма, цитирует протокольную запись выступления Сталина. «Вопросы истории» № 4, 1956, стр. 51.

25) «Правда» от 8 апреля 1917 г., статья «Наши разногласия».

26) Ленин. Избр. произведения. Изд. IV, т. II. М. 1946. Стр. 10.

27) Там же, стр. 20.

28) См. воспоминания В. Панюшкина. «Вышли мы все из народа . . .» Журнал «Октябрь» № 12, М. 1957, стр. 43-44.

29) См. Ф. И. Драпкина «Всероссийское совещание большевиков в марте 1917 года». «Вопросы истории» № 9, 1956, стр. 15.

30) Там же, стр. 15.

31) См., например, статью Н. Валентинова (лично хорошо знавшего Ленина), «Ленин в июльские дни», «Новое русское слово» за 1955 год.

32) Л. Троцкий. «История русской революции». Французское издание. Париж 1933. Т. 3, стр. 348.

33) Цитируем по С. П. Мельгунову «Золотой немецкий ключик большевиков». Париж 1940. Стр. 151. См. также статью Г. Я. Аронсона в «Русской мысли» от 27 марта 1958 г.

34) Протоколы XIII съезда. Стенографический отчет. М. 1924. Стр. 62.

35) Germany and the Revolution in Russia 1915—1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry, edited by Z. A. B. Zeman, Oxford University Press, London 1958.

Цитируя из этого издания, мы даем наш перевод с английского, который, быть может, не всегда текстуально соответствует немецким оригиналам, но не меняет их смысла. — Н. Р.

36) Там же, приложение I, стр. 140—152.

37) Там же, приложение I, стр. 140—152.

38) Там же, приложение I, стр. 150—151.

39) Там же, стр. 3.

40) Там же, стр. 3.

41) Там же, стр. 3-4.

42) Там же, стр. 6-7.

43) Там же, стр. 17.

44) Там же, стр. 35.

45) Там же, стр. 45.

46) Небезынтересно напомнить, что граф Брокдорф-Ранцау играл значительную роль в отношениях с Советским Союзом и позже. В 1922 году он был назначен первым официальным послом Веймарской республики в Москве. Он же заключил тайный военный договор о германских аэродромах в СССР и обучении советских офицеров в германском генштабе, действовавший до 1933—1934 гг.

47) Germany and the Revolution in Russia 1915—1918. Стр. 42.

48) К. Радек в своем дополнении к брошюре Ф. Платтена „Die Reise Lenins durch Deutschland" в 1924 году писал (говоря о Стокгольме, а не о Мальмё), что «Ильич не только отказался видеть его (Парвуса), но попросил меня, Воровского и Ганецкого, совместно со шведскими товарищами засвидетельствовать эту попытку». Как видно из ныне опубликованных документов, Ганецкий и сам Радек были теснейшим образом связаны с Парвусом, а Ганецкий, кроме того, состоял у Парвуса официально на службе. После встречи в Мальмё Ленину ничего не стоило произвести демонстрацию перед шведами с тремя агентами Парвуса . . .

49) Germany and the Revolution in Russia 1915—1918. Стр. 51.

50) Там же, стр. 55-56.

51) Там же, стр. 55-56.

52) В цитируемом нами Оксфордском издании Germany and the Revolution in Russia 1915—1918, на стр. 29 приведена телеграмма Ромберга в министерство иностранных дел о переговорах Гримма с Гофманном. Следует также напомнить, что Гофманн вынужден был все же подать в конце 1917 года в отставку после скандала с Гриммом в Петрограде.

53) Ленин. Соч. Изд. IV, т. 36. М. 1957. Стр. 373-374.

54) См. телеграммы и письма Ленина Ганецкому в Соч., Изд. IV, т. 36. М. 1957. Стр. 386-387, 404 и др.

Временное правительство располагало к июлю 1917 года больше чем 15 копиями телеграмм Ленина Ганецкому.

55) Germany and the Revolution in Russia 1915—1918. Стр. 61.

56) Там же, стр. 65-66.

57) Там же, стр. 85.

58) Ленин. Соч., Изд. IV, т. 36. М. 1957. Стр. 404-405.

59) Germany and the Revolution in Russia 1915—1918. Стр. 69.

60) Там же, стр. 72.

61) Там же, стр. 79.

62) Там же, стр. 75.

63) Там же, стр. 70-71.

64) Там же, стр. 71.

65) В. И. Невский. «Военная организация ЦК РСДРП», 1919 г., стр. 20.

66) И. Церетели, активный участник событий, и как член ЦИКа Петроградского Совета и как министр Временного правительства, справедливо замечает, что «точность этих сведений несомненна», ибо 4-й том «Записок о революции» Суханова появился в 1922 г. и никто из всех тогда еще бывших в живых членов ЦК и Военной организации большеви-

ков даже не попытался опровергнуть фактов, сообщаемых Сухановым. См. «Новый журнал» № L, 1957 г. Путаница и противоречивость сообщений большевистских авторов, касавшихся июньско-июльских событий 1917 г. осложняется еще и тем, что ни полных протоколов заседаний ЦК, ни воспоминаний его членов до сих пор в печати никогда не появлялось.

67) Н. Суханов. «Записки о революции». Берлин 1922. Том IV, стр. 320—322.

68) И. Церетели. «Накануне июльского восстания». «Новый журнал» кн. L-LI, 1957 г.

69) Там же, стр. 140-141.

70) И. Церетели. «Накануне июльского восстания». «Новый журнал» кн. LII, 1958 г., стр. 175.

71) Фразу Мартова о Кавеньяке с особым удовольствием подхватил Ленин. Во всех почти его статьях 1917 г. она непрерывно повторяется. В роли генерала Кавеньяка, по Ленину, выступает, главным образом, А. Ф. Керенский!

72) Цитируем по Церетели. См. «Новый журнал» кн. LI, 1957 г., стр. 137-138.

73) Л. Троцкий. «Что случилось?». П. 1917. Стр. 12.

74) Цитируем по Церетели. «Новый журнал». Кн. LII, 1958. Стр. 184.

75) Там же, стр. 186.

76) Ленин. Избранные произведения. Изд. IV. М. 1946. Т. II, стр. 108. («Марксизм и восстание»).

77) Ленин. Соч. Изд. IV, т. 25, стр. 63.

78) Ленин. Соч. Изд. IV, т. 25, стр. 95.

79) Председатель «Военной организации» В. И. Невский, писал в своих воспоминаниях 1919 года, еще не успевших подвергнуться лакировке, что после июня, когда В. О. временно находилась без средств в полуподполье в Нарвском районе, ее новое положение «только очистило «Военку» от анархических и мелкобуржуазных элементов . . .» Впрочем, с восстановлением «Военки», она и ее преемник — Военно-революционный комитет снова обрастают анархистами и всякими авантюристическими элементами. Б. Горев в БСЭ (том II, изд. 1926 г., стр. 644-645) признает, что среди анархистов было много уголовных преступников, выпущенных по амнистии Временного правительства в марте 1917 года. После Октября, подтверждает он, «значительная часть анархистов встала в советские ряды».

80) См. И. Церетели. «Накануне июльского восстания». «Новый журнал». Кн. L, 1957. Стр. 214.

81) И. Церетели. «Накануне июльского восстания». «Новый журнал». Кн. LII, 1958. Стр. 193-194.

82) «Правда» от 2 июля 1917 года.

83) «Сталин». Сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения. Гос. изд. М.-Л. 1930. Стр. 149-150.

84) А не 4 июля, как утверждает Н. Ф. Измайлов в своей брошюре, вышедшей в 1957 г. 4 июля была уже получена телеграмма морского министра о недопущении выхода судов с приказом командованию флотом не останавливаться ни перед какими мерами, вплоть до потопления судов.

85) Резолюция ЦК и ПК, принятая поздно вечером 3 июля, не опубликована и находится в ИМП. Цитируем по И. Ф. Петрову, «Июльские события 1917 года». «Вопросы истории» № 4, 1957, стр. 31.

86) См. Ленин. Соч. Изд. III, том 21, стр. 469.

87) Ленин. Избр. произведения. Изд. IV, том II. М.-Л. 1946. Стр. 107.

88) В. Бонч-Бруевич. «На боевых постах Февральской и Октябрьской революций». М. 1931.

89) По этому вопросу опубликован ряд статей в эмигрантской прессе, в частности, редактором «Нового русского слова» М. Е. Вейнбаумом и А. Жерби («Русская мысль» от 22.3.1958 г.). Недавно Жерби снова пересмотрел все факты и привел дополнительно следующую выдержку из книги Бонч-Бруевича: «Мне стало известно, что Н. С. Каринский . . . негодует за эту мою, совершенно правдивую, почти стенографическую запись замечательного разговора. Что делать: слова из песни не выкинешь! Н. С. Каринскому я рекомендовал бы задуматься лишь над одним: за его официальную деятельность в правительстве Керенского он, несомненно, подлежал расстрелу по суровым законам осадного положения первых месяцев диктатуры пролетариата и гражданской войны. Он

отлично знает, что был всецело в наших руках и даже был принят мною в Кремле. Почему же он не был арестован? Почему же, в самом деле, разрешено ему было большевистской властью выехать из Москвы на Украину? Только потому, что его явная заслуга по предупреждению ареста Владимира Ильича была с благодарностью учтена советской властью и к его просьбе отнеслись в силу этого вполне дружелюбно... Большевики, народ памятливый»...

90) Воспоминания Н. Е. Ермолаева в «25 лет РКП(б)». Изд. ЦК РКП. Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б). Гос. изд. М.-П. 1923. Стр. 246.

91) Там же, стр. 246.

92) Ленин. Соч. Изд. IV, том 36. М. 1957. Стр. 404.

93) Germany and the Revolution in Russia 1915—1918. Стр. 68.

94) Архив русской контрразведки находится в Москве и мы пользуемся работой С. П. Мельгунова «Золотой немецкий ключик большевиков», где приводятся воспоминания полковника Никитина. Копия рапортов капитана Красильникова могут быть найдены в недавно открытом архиве парижского посольства («Архив Маклакова»), находящемся в США.

95) Germany and the Revolution in Russia 1915—1918. Стр. 19—24 и 39.

96) Там же, стр. 19.

97) Там же, стр. 23.

98) В. М. Чернов. «Перед бурей». Воспоминания. Нью-Йорк 1953. Стр. 316—318.

99) Ленин. Соч. Изд. IV, т. 25, стр. 170.

100) Н. Валентинов. «Встречи с Лениным». Нью-Йорк 1953. Стр. 297.

101) Ленин. Соч. Изд. IV, т. 26, стр. 17.

102) Протоколы VI съезда РСДРП(б). Партиздат. М. 1934. Стр. 124-125.

103) КПСС в резолюциях... Ч. I. М. 1954. Стр. 376.

104) К числу таковых можно, например, отнести генералов Алексеева (фактического главковерха), Брусилова (командующего Ю.-З. фронта), Рузского (командующего С.-З. фронта), Корнилова (сразу назначенного Временным правительством командующим Петроградским военным округом), Деникина, Каледина и многих других, ставших впоследствии известными руководителями Белых армий.

105) КПСС в резолюциях... Ч. I. М. 1954. Стр. 397-398. См. также Ленин. Избр. произведения. Т. II. М. 1946. Стр. 120.

106) М. Алданов. «Ульмская ночь». Нью-Йорк 1953.

107) Ленин. Избр. произведения. Изд. IV. М.-Л. 1946. Т. II, стр. 120.

108) R. H. Bruce Lockhard. Memoirs of a British Agent, London, 1932, стр. 180-181.

109) П. Н. Краснов. «На внутреннем фронте». «Архив русской революции». Берлин 1923. Том I, стр. 139.

110) По данным юбилейного издания «25 лет РКП(б)». Изд. ЦК РКП(б). Комиссия по истории Октябрьской революции. Гос. изд. М.-П., 1923, стр. 264, большевистскими членами ВРК были Троцкий, Подвойский, Невский, Раскольников, Гусев, Уншлихт, Галкин, Еремеев, Дзержинский, Бокий, Урицкий, Иофе, Антонов-Овсеенко, Дыбенко, Механошин. Сталин не упоминается. В этом же издании перечисляется редакция «Правды» в октябре 1917 г. — Ульянов М., Сокольников, Шумяцкий, Сталин. По данным Троцкого ("Stalin", N. Y., 1946, стр. 232), Урицкий, Дзержинский и Бубнов были втянуты в работу ВРК лишь 21 октября.

111) КПСС в резолюциях... Часть I. М. 1954. Стр. 399.

112) Первый легальный комитет большевиков в 1917 г. Сборник материалов и протоколов заседаний Петербургского комитета РСДРП(б) за 1917 год. М.-Л. 1927, стр. 312—316.

113) С. П. Мельгунов. «Как большевики захватили власть». Париж 1953, стр. 245.

114) Там же, стр. 249.

115) Там же, стр. 246.

116) Ленин победил в ЦИК 34 голосами против 29.

117) С. П. Мельгунов. «Как большевики захватили власть». Париж 1953, стр. 246.

118) Там же, стр. 246-247.

Все декларации и документы, приводимые нами, можно найти также у И. Н. Любимова — Революция 1917 года, хроника событий. Том VI (октябрь-декабрь). М.-Л. 1930.

119) Ленин. Избр. произведения. Том 2. М. 1946. Стр. 220.

120) Е. Ярославский. «История ВКП(б)». Изд. 1930 г., стр. 295.

121) «Дело народа» от 29 октября 1917 года.

122) Ленин. Избр. произведения. Том 2. М. 1946. Стр. 253.

123) С. П. Середа. «Основные задачи социалистического земледелия». М. 1920, стр. 4. См. по этому вопросу также Б. Н. Книпович. «Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за 3 года (1917—1920)», М. 1920. Н. Кириллов. «Очерки землеустройства за три года революции. 1917—1920 гг.», П. 1920, стр. 113 и далее.

124) Стенографический отчет XIV съезда. М. 1926. Стр. 781.

125) См. III том «Истории гражданской войны». М. 1957. Стр. 159 и далее.

126) Интереснейшие материалы по этому вопросу из архива Курской области приводит Е. А. Луцкий, у которого мы их частично и заимствовали. См. «Вопросы истории» № 9, 1956 г.

127) Ленин. Избр. произведения. М. 1946. Том 2, стр. 335—337. «Товарищи рабочие! Идем в последний, решительный бой!».

128) Ленин. Соч. Изд. IV. Том 26, стр. 343. Тезисы об Учредительном собрании.

129) Там же, стр. 343.

130) Л. Троцкий. «Советская власть и международный империализм». Лекция, прочитанная в Москве 21 апреля 1918 года. Изд. Петроград, 1918 г.

131) Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

132) Ленин. Соч. Изд. IV. Том 26, стр. 386-387.

133) В. Чернов. «Перед бурей». Нью-Йорк 1953. Стр. 362-363.

134) Цитируем по Е. Ярославскому: «История ВКП(б)», М. 1930. Стр. 304.

135) Ленин. Соч. Изд. I-II. Том 15, стр. 63—69.

136) Ленин. Соч. Изд. III. Т.22, стр. 295.

137) Официальная партийная история всегда предпочитала замалчивать это совещание. Материалы его, кроме результатов голосования, никогда не были опубликованы.

138) Согласно Троцкому, который прямо называет совещание «Конференцией»: 32 голоса за революционную войну, 16 голосов за формулу «ни мира, ни войны», 15 голосов за мир. L. Trotsky. "Stalin". N. Y. 1946. Стр. 249.

139) Е. Ярославский. «История ВКП(б)», М. 1925, стр. 304.

140) Ленин. Избр. произведения. Том 2. М. 1946. Стр. 280.

141) См. L. Shapiro. The Origin of the Communist Autocracy. London 1956. Стр. 105.

142) То же можно сказать о многочисленных частях на Юго-Западном и Румынском фронтах.

143) L. Trotsky. "Stalin", N. Y. 1946. Стр. 253.

144) Ленин. Избр. произведения. Том 2. М. 1946. Стр. 259.

145) БСЭ. Изд. I, том 11, стр. 447. ВКП(б).

146) КПСС в резолюциях . . . Часть I. М. 1953. Стр. 406.

147) Ленин. Избр. произведения. Том 2. М. 1946. Стр. 281.

148) Germany and the Revolution in Russia 1915—1918. London 1958, стр. 93.

149) Там же, стр. 129.

150) Там же. Телеграмма Мирбаха, № 233, стр. 130.

151) Там же, стр. 133.

152) Там же, стр. 137.

153) Адмирал И. С. Исаков. «Беспримерная операция». «Красный флот» от 12 апреля 1958 года.

154) Л. Троцкий. «Как вооружалась революция». Изд. Высшего Редакцион. Совета. М. 1921. Том I, стр. 136.

155) Там же, стр. 136.

156) Там же, стр. 136-137.

157) Там же, стр. 137.

158) Там же, стр. 140.

159) Germany and the Revolution in Russia 1915—1918. London 1958. Стр. 136.

160) См. германскую официальную публикацию в „Europäische Gespräche", 1926. Стр. 148—153.

161) Germany and the Revolution in Russia 1915—1918. London 1958. Стр. 87.

162) Там же, стр. 99-100.

163) Там же, стр. 101.

164) Там же, стр. 103-104.

165) P. H. Bruce Lockhart. "Memoirs of a British Agent". London 1932. Стр. 204-205.

166) Там же, стр. 199.

167) См. воспоминания генерала E. Ironside "Archangel 1918—1919". London 1953. Стр. 17—21.

168) В. В. Савинков. «Борьба с большевиками». Варшава 1920. Стр. 21.

169) Там же, стр. 21-22.

170) См. архивные материалы, собранные Н. А. Поповым в его статье «Участие китайских интернациональных частей в защите Советской республики в период гражданской войны». «Вопросы истории» № 10, 1957, стр. 110.

171) Там же, стр. 111.

172) Там же, стр. 115.

173) «История гражданской войны». М. 1957. Том 3, стр. 256-257.

174) М. Н. Тухачевский. «Война классов». Изд. Отдела Военной литературы РВСР. М. 1921. Стр. 41.

175) БСЭ. Изд. I. Том 12, стр. 325-326.

176) М. Н. Тухачевский. «Война классов». Изд. отдела Военной литературы РВСР. М. 1921. Стр. 41.

177) Там же, стр. 36.

178) Там же, стр. 36.

179) L. Trotsky. "Stalin". N. Y. 1946. Стр. 278.

180) Там же, стр. 278.

181) Ворошилов. Статья в сборнике, посвященном 50-летию И. В. Сталина. М. 1930. Стр. 46.

182) Там же, стр. 47.

183) L. Trotsky. "Stalin". N. Y. 1946, стр. 288.

184) Там же, стр. 289.

185) С. М. Буденный. «Пройденный путь». Воениздат. М. 1958. Стр. 347.

186) Эта зависть превратилась в жестокую месть, вылившуюся в невероятное извращение фактов из истории гражданской войны, сразу после закрепления сталинской диктатуры в 1929 году. В то же время началось непомерное возвеличивание 1-го Конного корпуса, потом армии, где ряд лидеров «военной оппозиции» нашел себе убежище (Сталин, Ворошилов, Щаденко и другие).

187) КПСС в резолюциях . . . Часть I. М. 1954. Стр. 447.

188) А. И. Деникин. «Очерки русской смуты». Берлин 1922. Том 4, стр. 225.

189) Там же, стр. 216—219.

190) К. Радек. «Война польских белогвардейцев против советской России». М. 1920. Стр. 14 (Доклад на собрании агитаторов Московской организации КП).

191) См. Ленин. Соч. Изд. IV. Том 30, стр. 211.

192) Л. Троцкий. «Как вооружалась революция». Том I, стр. 394-395.

193) В. А. Антонов-Овсеенко. «Записки о гражданской войне». М.-Л. 1933. Том IV, стр. 163-164.

194) Там же, стр. 162-163.

195) Н. Какурин. «Как сражалась революция». Изд. Военной Академии РККА им. Фрунзе. Под ред. Р. П. Эйдемана. М.-Л. 1926. Том II, стр. 411.

196) В. А. Антонов-Овсеенко. «Записки о гражданской войне». М.-Л. 1933. Том IV, стр. 121.

197) Там же, стр. 263.

198) Там же, стр. 236.

199) Н. Какурин. «Как сражалась революция». М.-Л. 1926. Том II, стр. 321.

200) См. БСЭ. Изд. 2-ое, том 9, стр. 372 и том 18, стр. 198—200.

201) К. Радек. «Война польских белогвардейцев против советской России». М. 1920 г. Стр. 13 (Доклад на собрании агитаторов Моск. организации КП).

202) Генерал Деникин. «Кто спас советскую власть от гибели». Париж 1937,

203) L. Trotsky. "Stalin". N. Y. 1946. Стр. 310.

204) Письмо было опубликовано в 3-ем сборнике «Революция и война», изданным Военным советом Западного фронта. Оно вышло также в сборнике статей М. Н. Тухачевского «Война классов». Изд. отдела Военной литературы РВСР. М. 1921. Стр. 139-140.

205) Там же, стр. 140.

206) Впервые опубликована в сборнике «Революция и война». Цитируем по ук. выше книге Тухачевского «Война классов», стр. 51.

207) Там же, стр. 51.

208) Там же, стр. 51-52.
209) Там же, стр. 51-52.
210) Там же, стр. 53.
211) Там же, стр. 53.
212) Там же, стр. 58.
213) Там же, стр. 139.
214) Там же, стр. 131.
215) Л. Каменев. «II съезд III Интернационала». М. 1920, стр. 22-23.
216) «Утреннее и вечернее заседания 12 марта и утреннее заседание 13 марта — как сообщает «Стенографический отчет X съезда», стр. 160 — посвященные военному вопросу, были закрытыми и протоколов по ним не велось» — едва ли последнее соответствует действительности, вернее, что дискуссия показалась слишком острой для опубликования.
217) L. Trotsky. "Stalin". N. Y. 1946. Стр. 328.
218) Карл Радек. «О характере войны с белой Польшей». М. 1920. Стр. 19.
219) К. Радек. «Война польских белогвардейцев против Советской России». М. 1920. Стр. 17.
220) Там же, стр. 17.
221) Л. Троцкий. «Война с Польшей» (Доклад 5 мая 1920 г.). Изд. Политотдела Реввоенсовета Республики. М. 1920. Стр. 14.
222) Ленин. Соч. Изд. III. Том 25, стр. 402.
223) L. Trotsky. "Stalin". N. Y. 1946. Стр. 329.
224) L.Trotsky. "My life" (Authobiography). N. Y. 1930. Стр. 244. Перевод с французского.
225) Ленин. Соч. Том 31, стр. 251.
226) См. статью П. Голуб. «Польские революционные войска в России 1917—1920 гг.». «Вопросы истории» № 3, 1958, стр. 63.
227) Цитируем по С. П. Мельгунову. «Красный террор в России». Берлин 1924. Стр. 291.
228) Там же, стр. 290.
229) «Оба последние, — спешит в своей работе заметить Троцкий, — были слишком этичны, чтобы опускаться до... политических махинаций...». Это не помешало противникам Троцкого заменить их на X съезде людьми другой ориентации. — См. L. Trotsky. "Stalin", N. Y. 1946, стр. 346.
230) Ленин. Соч. Изд. IV. Том 36. М. 1957. Стр. 544.
231) Ленин. Соч. Том 26, стр. 100.
232) КПСС в резолюциях... Часть I. М. 1954. Стр. 534—549.
233) «Правда» от 25 января 1921.
234) Там же.
235) Там же.
236) Цитируем по Бубнову, БСЭ, изд. 1930. Том XI, стр. 469. Он ссылается на Архив фракции президиума ВЦСПС, папка 5 за 1920 г.
237) Там же, стр. 469.
238) «Правда» от 25 января 1921 года.
239) Е. Ярославский. «Краткая история ВКП(б)». Изд. 1930 г. Стр. 411-412.
240) Там же, стр. 348.
241) Цитируем по L. Shapiro. The Origin of the Communist Autocracy. London 1956. Стр. 292-293.
242) Там же, стр. 293.
243) «Правда» от 31 декабря 1920 года.
244) См. протоколы X съезда РКП(б), а также «Правду» от 10 марта 1921 г.
245) Стенографический отчет XI съезда РКП(б). М. 1922. Стр. 155.
246) Там же, стр. 157.
247) Цитируем по Е. Ярославскому. «История ВКП(б)». Изд. 1930 г. Стр. 387.
248) Там же, стр. 387.
249) Там же, стр. 388.
250) Там же, стр. 388.
251) Там же, стр. 388.
252) Цитируем по С. Мельгунову. См. «Возрождение», тетрадь № 5, Париж, сентябрь-октябрь 1949. Стр. 13.
253) Там же, стр. 13.
254) Протоколы XIV съезда ВКП(б). Стенографический отчет. М. 1926. Стр. 954.
255) Там же, стр. 955.

256) Л. Троцкий. «Военная доктрина или мнимовоенное доктринерство». Изд. Высшего Военного Редакционного Совета. М. 1921. Стр. 18.
257) Протоколы X съезда. Стенографический отчет. М. 1921. Стр. 225.
258) Ленин. Избр. произведения. М. 1946. Том 2, стр. 743.
259) Там же, стр. 766.
260) Там же, стр. 766.
261) Там же, стр. 766.
262) Там же, стр. 344.
263) Там же, стр. 766.
264) КПСС в резолюциях ... Часть I. М. 1954. Стр. 683. В примечании говорится, что формулировка «диктатура партии» появилась по недосмотру и была поправлена Сталиным. Но достаточно просмотреть текст резолюции, чтобы убедиться, что эта формулировка из него проистекает совершенно логично: «... РКП руководит и должна руководить всей политической и культурной работой органов государственной власти, направляет и должна направлять деятельность всех хозяйственных органов республики. Задачи партии не только в том, чтобы правильно распределить своих работников ..., но и в том, чтобы во всем существенном определять и проверять самый ход этой работы».
Неудивительно поэтому, что несмотря на «поправку» Сталина в 1924 г. (доклад на совещании секретарей укомов) эта формулировка повторена в издании «Программы и Устава ВКП(б) с резолюциями партсъездов» Коммунистического Университета им. Свердлова в 1927 году.
265) КПСС в резолюциях ... Ч. I. М. 1954. Стр. 529.
266) Протоколы X съезда РКП(б). Стенографический отчет. М. 1933. Стр. 540.
267) L. Shapiro. The Origin of the Communist Autocracy. London 1956. Стр. 200—203.
268) Ленин. Избр. произведения. Том 2. М. 1946. Стр. 769.
269) XI съезд РКП(б). М. 1922. Стенографический отчет. Доклад Мандатной комиссии, стр. 335.
270) Там же, стр. 335.
271) Бубнов. «ВКП(б)». БСЭ, том XI.
272) КПСС в резолюциях ... Часть I. М. 1954, стр. 629.
273) Ленин. Соч. Том 36. М. 1957. Стр. 544.
274) Там же, стр. 543—552.
275) Там же, стр. 552.
276) Там же, стр. 543.
277) Там же, стр. 547.
278) Там же, стр. 544.
279) Там же, стр. 544.
280) Накануне Крупская обратилась с письмом к Каменеву, в связи с «грубой выходкой» Сталина по поводу какого-то письма, продиктованного Лениным 22 декабря: «Я обращаюсь к вам и к Григорию (Зиновьеву. — Н. Р.) как к близким товарищам В. И. и прошу вас защитить меня от грубых вмешательств в мою личную жизнь, а также от скверных ругательств и угроз». См. доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда.
281) Там же, стр. 545-546.
282) Речь Хрущева на закрытом заседании XX съезда 25 февраля. Цитируем здесь и дальше по опубликованному Государственным департаментом США 6 июня 1956 года тексту. Перевод с английского наш.
283) L. Trotsky. "Stalin", N. Y. 1946. Стр. 361-362.
284) Ленин. Соч. Том 36, стр. 554.
285) Там же, стр. 553.
286) L. Trotsky. "Stalin", N. Y. 1946. Стр. 361-362.
287) Ленин. Соч. Том 36, стр. 558.
288) Там же, стр. 544.
289) Там же, стр. 544.
290) Л. Б. Каменеву Ленин доверил редактирование первого издания своих сочинений. К нему он обратился с единственной в своем роде запиской (опубликована ныне в 36 томе сочинений Ленина, стр. 414), написанной до 5 июля 1917 года, от которой веет паническим состоянием, тогда его охватившим: "Entre nous: если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: «Марксизм о государстве». ... Условие: все сие абсолютно entre nous!" (между нами. — Н. Р.).
291) L. Trotsky. "Stalin", N. Y. 1946. Стр. 365.
292) Там же, стр. 376-377.
293) Цитируем по Е. Ярославскому. «История ВКП(б)». М. 1930. Стр. 391.

294) Там же, стр. 391—393.
295) Там же, стр. 391—393.
296) Продолжение цитаты (опущено у Ярославского) по Троцкому "Stalin", N. Y. 1946, стр. 370.
297) L. Trotsky. "Stalin", N. Y. 1946. Стр. 370.
298) Там же, стр. 370.
299) XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. 1928. Стр. 289.
300) Л. Троцкий. «Уроки Октября». М. 1924. Стр. 28.
301) XIII конференция РКП(б). Бюллетень. М. 1924. Стр. 190.
302) КПСС в резолюциях . . . Часть I. М. 1954. Стр. 772-773.
303) Там же, стр. 772-773.
304) Там же, стр. 774.
305) Там же, стр. 779.
306) Там же, стр. 773.
307) Lucien Lorat. Bilan de 25 ans de plans Quinquenaux. Paris 1955 и его же Histoire et Bilan de la Revolution sovietique. BEIPI 1957. Стр. 109, а также S. N. Prokopovicz. Histoire economique de USSR.
308) См. «Вестник Коммунистической академии» за 1924 год. Преображенский: «Основной закон социалистического накопления».
309) КПСС в резолюциях . . . Часть I. М. 1954. Стр. 780-781.
310) XIII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М. 1924, стр. 160.
311) Там же, стр. 167.
312) В. А. Сидоров. «Экономические мероприятия КПСС по укреплению союза с середняком», «Вопросы истории» № 4 за 1957 год, стр. 108. В. А. Сидоров почерпнул эти сведения из Архива ИМЛ ф. 17.
313) XIII съезд. Стенографический отчет. М. 1924, стр. 109.
314) Там же, стр. 110.
315) В дополнительно изданном к IV изд. 1957 года томе 36 Сочинений Ленина.
316) Здесь лишь мимоходом напомним, что Маркс в III томе «Капитала», наметив пролетаризацию крестьянства при капитализме (чего не случилось в Западной Европе), натолкнулся на еще большие трудности в определении классов в целом ряде исторических периодов через которые прошло человечество. Так, например, Маркс не смог найти «феодализма» в истории ряда стран Азии и Восточной Европы и осторожно предложил в том же III т. «Капитала» формулу об особом «азиатском способе производства». В связи с этим, ныне замалчиваемым положением Маркса, в конце двадцатых годов в СССР возникла весьма интересная дискуссия, в которой ряд историков фактически опровергал ту «марксистскую» периодизацию истории, которая была признана официальной. См., например, Дубровский «К вопросу о существовании азиатского способа производства», М. 1929 г.; М. Годес «Дискуссия об азиатском способе производства», Ленинград 1931. Сборник «Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций». М.-Л. 1934, и др.
317) По этому вопросу Маркса всячески стремился дополнить Энгельс, но и он, как Ленин и Плеханов, упорно замалчивал переписку Маркса с В. Засулич, относящуюся к последним годам жизни Маркса.
318) Ленин. Соч. Изд. IV. Т. 14, стр. 297.
319) Ленин. Избр. произведения. Т. 2. М. 1946, стр. 647.
320) Ленин. Соч. Изд. III. Т. 25, стр. 409.
321) Цитируем по отдельному изданию статьи Плетнева в сборнике «Вопросы культуры при диктатуре пролетариата». ГИЗ 1925 г.
322) См. «Ленин о культуре и искусстве». М. 1938. Стр. 283.
323) Сталин. «Вопросы ленинизма». Изд. IX, стр. 135.
324) Ленин. Соч. Изд. III. Т. 30, стр. 16.
325) Ленин. Соч. Изд. IV. Т. 33, стр. 446.
326) Там же, стр. 445.
327) Там же, стр. 445.
328) Н. И. Бухарин. «Пролетарская революция и культура». Изд. «Прибой», Л. 1923 г.
329) Там же, стр. 49.
330) Там же, стр. 49.
331) Там же, стр. 24.
332) Там же, стр. 24-25.
333) Там же, стр. 35.
334) Там же, стр. 44.
335) Там же, стр. 47-48.
336) Там же, стр. 44-45.

337) Там же, стр. 45-46.
338) Там же, стр. 44-45.
339) Там же, стр. 46.
340) И. Сталин. «Об итогах XIII съезда РКП». Доклад на курсах секретарей укомов при ЦК РКП, 17 июня 1924 года. М. 1924 г., стр. 20.
341) Там же, стр. 21.
342) КПСС в резолюциях . . . Часть II. М. 1954. Стр. 108.
343) Что нашло свое отражение в запрещенном тогда же произведении Б. Пильняка «Повесть о непогашенной луне».
344) XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. 1925. Стр. 455-456. Выступление Зиновьева.
345) Там же, стр. 193.
346) Ленин. Избр. произведения. Том 2. М. 1946. Стр. 840.
347) Там же, стр. 840-841.
348) Ленин. Избр. произведения. Том 2. М. 1946. Стр. 842.
349) Там же, стр. 832.
350) Там же, стр. 826.
351) См., например, его доклад на VIII губернском Московском съезде профсоюзов 12 октября 1927 года. «К десятилетию Октябрьской революции», стр. 32.
352) Там же, стр. 70.
353) Там же, стр. 71.
354) И. Сталин. «Об Октябрьской революции», М. 1932, стр. 107-108.
355) «КПСС в резолюциях . . .» Ч. II. М. 1954. Стр. 195.
356) XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет, М. 1926, стр. 319.
357) Там же, стр. 329.
358) XIV съезд. Стенографический отчет. М. 1926, стр. 230.
359) Сталин. «Заключительное слово по отчетному докладу ЦК на XIV съезде». Соч. Том 7, стр. 389.
360) XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.-Л. 1926, стр. 423-424.
361) См., например, КПСС в резолюциях . . . Ч. I. М. 1954, стр. 782, а также резолюцию XIII съезда.
362) XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. 1926, стр. 791.
363) Весьма характерно, что эта статья, написанная Лениным в августе 1918 года была опубликована впервые лишь в 1925 году, а именно во время дискуссии о кулаке после XIV партконференции.
364) Ленин. Избр. произведения. Т. 2. М. 1946. Стр. 335.
365) Там же, стр. 831.
366) Там же, стр. 841.
367) Там же, стр. 818.
368) XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.-Л. 1926, стр. 329.
369) Там же, стр. 329.
370) Там же, стр. 422.
371) Там же, стр. 421.
372) Там же, стр. 181.
373) Там же, стр. 181-182.
374) Там же, стр. 247—255.
375) Там же, стр. 321.
376) Там же, стр. 321.
377) Там же, стр. 182.
378) Там же, стр. 188-189.
379) Там же, стр. 188.
380) Там же, стр, 392.
381) Там же, стр. 394.
382) Там же, стр. 395.
383) На этом пленуме троцкисты, как бы очнувшись, впервые поддержали Зиновьева и голосовали в ЦК вместе с «ленинградской оппозицией».
384) XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.-Л. 1926. Стр. 935.
385) Е. Ярославский. «История ВКП(б)». М. 1930, стр. 488.
386) XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. 1928, стр. 482.
387) Там же, стр. 483.
388) Там же, см. выступление Минина, стр. 211.
389) Там же, см. выступление Газа, стр. 158-159.
390) Там же, стр. 288.
391) Там же, см. выступление Головешко, стр. 287.
392) Там же, стр. 288.
393) Там же, стр. 288.
394) Там же, стр. 449.

395) Там же, стр. 450.
396) L. Trotsky. "My Life". N. Y. 1930. Стр. 501-502.
397) Там же, стр. 501-502.
398) L. Trotsky. "Stalin". N. Y. 1946. Стр. 413-414.
399) Сталин. Соч. Том 8, стр. 210—212.
400) XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. 1928. Стр. 453.
401) XV конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М. 1926, стр. 503.
402) Е. Ярославский. «История ВКП(б)». М. 1930, стр. 355-356.
403) XV конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М. 1926, стр. 419.
404) Все цитаты платформы «группы 15-ти» по Е. Ярославскому. «История ВКП(б)». М. 1930, стр. 466—469.
405) См. отчет Е. Ярославского от имени ЦКК в стенографическом отчете XV съезда.
406) КПСС в резолюциях . . . Ч. II. М. 1954. Стр. 390.
407) XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. 1928, стр. 489 (Выступление Рютина).
408) КПСС в резолюциях . . . Ч. II. М. 1954. Стр. 529.
409) XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. 1928, стр. 349.
410) L. Trotsky. "My Life". N. Y. 1930. Стр. 533.
411) «Кризис партии и пути его преодоления», М. 1927. Стр. 77.
412) Там же, стр. 79.
413) Там же, стр. 79.
414) Там же, стр. 82.
415) Там же, стр. 83.
416) Там же, стр. 84.
417) Там же, стр. 52—54.
418) Там же, стр. 52.
419) Там же, стр. 69.
420) Там же, стр. 68-69.
421) Там же, стр. 57.
422) Там же, стр. 57.
423) Ленин. Соч. Изд. IV, т. 36, стр. 545.
424) Н. Валентинов. «Пятаков о большевизме». «Новый журнал», кн. LII. N. Y. 1958, стр. 148.
425) Там же, стр. 149 и далее.
426) XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.-Л. 1928. Стр. 189-190.
427) Там же, стр. 242-243.
428) Там же, стр. 1253.
429) Там же, стр. 251-252.
430) Там же, стр. 252.
431) Там же, стр. 261—265.
432) Среди них Серебряков, Радек, Раковский, Пятаков, И. Смирнов, Евдокимов, Бакаев, Саркис, Сафаров, Смилга, Мдивани, Преображенский, группа Сапронова и другие.
433) Там же, стр. 261.
434) А. И. Рыков. «Десять лет борьбы и строительства». М.-Л. 1927, стр. 15.
435) Н. И. Бухарин. «К десятилетию Октябрьской революции». Доклад на VIII Губ. Мос. съезде профсоюзов 12 октября 1927 года. М. 1927, стр. 66.
436) Там же, стр. 5-6.
437) Там же, стр. 7.
438) Е. Ярославский. «История ВКП(б)». М. 1930, стр. 501—512.
439) Опубликовано Троцким в «Бюллетене оппозиции». Цитируем по Суварину "Staline". Париж. Изд. Plon, стр. 444—446.
См. также Louis Fisher. "The Life and Death of Stalin". Harpers, N. Y. 1952. Стр. 107-108. Л. Фишер, находившийся в 1928 году в Москве в качестве американского корреспондента, прибавляет: «Каменев записал разговор. Некоторые его друзья скопировали этот документ . . . Через несколько дней одна из копий дошла до меня». Там же, стр. 108.
440) B. Souvarine. "Staline", Париж. Изд. Plon. Стр. 444—446.
441) Там же, стр. 458.
442) L. Trotsky. "Stalin". N. Y. 1946, стр. 388.
443) Сталин. «Группа Бухарина и правый уклон в партии». Соч. Т. 11, стр. 318.
444) В. Мерцалов. «Трагедия российского крестьянства». Изд. «Посев». Лимбург. Стр. 38—40.
445) Е. Ярославский. «История ВКП(б)». Часть 2. М. 1933. Стр. 312.

446) Б. Николаевский. «Сталин и убийство Кирова». «Социалистический вестник». N. Y., май 1956 г.

447) Там же.

448) КПСС в резолюциях . . . Часть III. М. 1954. Стр. 190.

449) Там же, стр. 191.

450) Там же, стр. 261.

451) Там же, стр. 187.

452) Там же, стр. 187-188.

453) Там же, стр. 188.

454) Там же, стр. 188-189.

455) Ср., напр., VIII и IX издания «Вопросов ленинизма» Сталина. Такие документы, как его доклад на XIV конференции, изъяты из поздних изданий его книги.

456) A. Ciliga. Au pays du mensonge deconcertant. Ed. Plon. Paris 1950. Стр. 217-218.

См. также Б. Николаевский. «Социалистический вестник». N. Y. Май 1956.

457) КПСС в резолюциях . . . Часть III. М. 1954. Стр. 217—220.

458) Как и везде дальше мы пользуемся текстом доклада Хрущева на закрытом заседании XX съезда — «О культе личности», — опубликованном Государственным департаментом 6 июня 1956 года. Перевод с английского наш, что, быть может, вызывает некоторые разночтения с русским текстом, до сих пор неопубликованном в СССР, однако не меняет их смысла. Прим. автора.

459) Статьи Б. Николаевского в «Социалистическом вестнике». N. Y. Май—декабрь 1956 г.

460) Б. Николаевский. «Социалистический вестник». N. Y., декабрь 1956.

461) «Правда» от 27 июля 1937 года.

462) «Судебный отчет по делу антисоветского право-троцкистского блока» 2—13 марта 1938 г. М. 1938. Стр. 58.

463) КПСС в резолюциях и решениях . . . Часть III. М. 1954. Стр. 290.

464) W. Krivitsky. "I was Stalin's Agent". Hamilton ed. 1939. Стр. 228.

465) Н. Валентинов. «Пятаков о большевизме». «Новый журнал», Кн. LII, N. Y. 1958. Стр. 160.

466) XIII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М. 1924. Стр. 167.

467) «Процесс антисоветского троцкистского центра 23—30 января 1937 года». М. 1937. Стр. 220.

468) Там же, стр. 231.

469) W. G. Krivitsky. "I was Stalin's Agent". Hamilton ed. 1939. Стр. 219—225.

470) БСЭ. Второе издание. Том 51, стр. 168-169.

471) Слуцкий был одним из заместителей Берзина, многолетнего начальника разведывательного управления РККА, — Вальтер Кривитский занимал, перед своим уходом в эмиграцию, пост начальника Европейского отдела у Берзина.

472) W. G. Krivitsky. "I was Stalin's Agent". Hamilton ed. 1939. Стр. 226.

473) Там же, стр. 226.

474) Louis Fischer. "The Life and Death of Stalin". N. Y. 1953. Стр. 35.

475) Там же, стр. 36.

476) Судебный отчет антисоветского право-троцкистского блока 2—13 марта 1938 года. М. 1938. Стр. 271—273.

477) Там же, стр. 272.

478) Germany and the Revolution in Russia 1915—1918. London 1958. Стр. 85.

479) Там же, стр. 86.

480) Там же, стр. 85-86.

481) Протоколы процесса над право-троцкистским блоком. Немецкое изд. в Москве. М. 1938. Стр. 464—466. Перевод наш.

482) «Социалистический вестник» за 1956 год, №№ 5, 10, а также за 1957 год № 4.

483) «Социалистический вестник». Март 1938 года.

484) Walter Hagen. „Die geheime Front". Veritas Verlag, Stuttgart. Стр. 60—67. Хорошо осведомленный автор сообщает, что сфабрикованное «дело» Тухачевского было передано в советское посольство в Берлине начальником разведки СС Гейдрихом в начале мая 1936 года. К производству фальшивок был привлечен и «перешедший» агент НКВД, которого главный исполнитель замысла генерал СС Беренс, считал не только специально посланным с этим заданием, но и человеком, давшим Гейдриху

идею расправиться руками Сталина с высшим командованием Красной армии.

485) А. Светланин. «Дальневосточный заговор». Изд. «Посев», 1951, и др.

486) «Правда» от 23 февраля 1957 года.

487) Лучшим трудом, посвященным гитлеровской политике в России и использовавшим обширную немецкую документацию, следует считать книгу A. Dallin. „Deutsche Herrschaft in Russland". Düsseldorf 1958.

488) Hitler. „Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941-1942". Bonn 1951, No. 18. S. 65 (перевод наш. — Н. Р.).

489) См. Типпельскирх. «История Второй мировой войны». М. 1956. Стр. 232; W. Görlitz. „Der zweite Weltkrieg". Stuttgart 1951. Том I, стр. 354.

490) Karl Heinrich Ricker. Ein Man verliert einen Krieg. Frankfurt/M. 1955. Стр. 97.

491) F. Halder. „Hitler als Feldherr". München 1949. Стр. 56.

492) Edgar Snow. "People on our Side". N. Y. 1944. Стр. 121.

493) КПСС в резолюциях . . . Часть III. М. 1954. Стр. 449.

494) Там же, стр. 467.

495) Там же, стр. 495—501.

496) Там же, стр. 496-497.

497) Пленум ЦК КПСС 15—19 декабря 1958 года. Стенографический отчет. М. 1958. Стр. 393.

498) Там же, стр. 397.

499) Там же, стр. 398.

500) Характерно, что все особенно тяжелые периоды своей истории, не нашедших себе оправдания в памяти народа, сохранили подобные названия, — например, «татарщина», «бироновщина» или теперь все чаще употребляемое «сталинщина», в то время как другие периоды, хотя и тяжелые не получили таких отрицательных названий — кличек, например, никто не называл достаточно тяжелое время царствования императора Петра I — «петровщиной».

501) КПСС в резолюциях . . . Часть III. М. 1954. Стр. 486-487.

502) Там же, стр. 488.

503) Там же, стр. 490.

504) «Культура и жизнь» от 21 сентября 1948 года, «Литературная газета» от 8 сентября 1948 г., «Большевик» от 30 ноября 1948 г., «Вопросы истории» №12 за 1948 год.

505) «Вопросы истории» №12 за 1948 год, стр. 11.

506) Там же, стр. 11.

507) По этому вопросу смотри нашу статью «К вопросу о развитии исторической мысли в СССР». «Грани» №9 за 1950 год.

508) «Вопросы истории» №3 за 1949 год, стр. 54.

509) Б. Л. Пастернак. «Доктор Живаго». Изд. Г. Фельтринелли. Милан 1958. Стр. 599.

510) КПСС в резолюциях . . . Часть III. М. 1954. Стр. 368.

511) Там же, стр. 368.

512) Там же, стр. 366-367.

513) П. Поспелов. «Партия Ленина-Сталина — движущая сила советского общества». «Большевик» №20 за 1947 год.

514) «Вопросы истории» №I за 1959 год, стр. 158. З. С. Голиков ссылается на данные Центрального Партийного архива Института Маркса-Ленина.

515) В. А. Никитин. «Коммунистическая партия в Советской России» в сборнике «Судьбы России». Нью-Йорк 1957.

516) «Вестник» Института по изучению СССР. Мюнхен 1956, №I, стр. 22.

517) Отчет мандатной комиссии на XIX съезде. «Правда» от 9 октября 1952 года.

518) Постановление от 2 августа 1946 года «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников». КПСС в резолюциях . . . Часть III. М. 1954. Стр. 476.

519) КПСС в резолюциях . . . Часть III. М. 1954. Стр. 480.

520) Там же, стр. 481.

521) Там же, стр. 481.

522) «Новый мир» №9 за 1956 год, стр. 164.

523) Milovan Djilas. "The New Class", N. Y. 1957. Стр. 42 (перевод наш. — Н. Р.).

524) Там же, стр. 43.

525) Там же, стр. 43.

526) А. Крон. «Заметки писателя». «Литературная Москва». Сборник второй. М. 1956. Стр. 780—785.

527) К. Паустовский. Из речи на собрании прозаиков в Москве 22 октября 1956 года. По французской газете «Экспресс» от 29 марта 1957 г. (Перевод наш. — Н. Р.).

528) Н. Михайлов. «Расцвет советской социалистической культуры». «Коммунист» № 16, ноябрь 1957 год.

529) Eugene Lyons. Our Secret Allies the Peoples of Russia, London 1954. Стр. 371. Другим, наиболее ярким, примером, может служить роман Б. Пастернака — «Доктор Живаго», за который Б. Пастернаку была присуждена Нобелевская премия по литературе 1958 года.

530) Статья французского социалиста Даниэля Козель в "Franc-Tireur" от 28 мая 1956 года.

531) «Коммунист» № 3 за 1957 год, редакционная статья которого повторяет выступление Шепилова на съезде художников.

532) Пленум ЦК КПСС 15—19 декабря 1958 г. Стенографический отчет. М. 1958. Стр. 339.

533) Там же, стр. 423-424.

534) Там же.

535) Там же, стр. 11.

536) Там же.

537) «Правда» от 3 ноября 1957 года.

538) «Правда» от 7 ноября 1957 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

Глава 1. Россия и революция в 1917 году 3
Глава 2. Революционная демократия 14
Глава 3. Партия и Февральская революция 25
Глава 4. Ленин и немецкие деньги 35
Глава 5. Подготовка восстания и первые пробы сил 49
Глава 6. Июльский путч 56
Глава 7. «Чудо» спасения и VI съезд 67
Глава 8. Октябрь 77

Часть вторая

Глава 9. Ноябрь 1917 года в Москве 94
Глава 10. Переход к однопартийной диктатуре 102
Глава 11. Учредительное собрание 114
Глава 12. Брест 125
Глава 13. После Бреста 135
Глава 14. Начало гражданской войны и переход от Красной гвардии к Красной армии 145
Глава 15. «Военная оппозиция» и уступки 1919 года 161
Глава 16. Партийная стратегия между внутренним фронтом и «фронтом мировой революции» 171
Глава 17. Война с Польшей и доктрина внесения революции извне 180

Часть третья

Глава 18. Кризис в партии 193
Глава 19. Кронштадт 206
Глава 20. Создание организационной основы внутрипартийной диктатуры 215

Глава 21. Последний замысел Ленина 224
Глава 22. Троцкизм 232
Глава 23. Коммунистическое государство и культура 243
Глава 24. Борьба двух аппаратов 258
Глава 25. XIV съезд 272
Глава 26. «Объединенная оппозиция» 281
Глава 27. Природа «левого» большевизма 297
Глава 28. XV съезд 306
Глава 29. «Провозглашение вождя» 313

Часть четвертая

Глава 30. Диктатура Сталина и коллективизация 326
Глава 31. Диктатура Сталина и партия в период индустриализации 334
Глава 32. Убийство Кирова и ежовщина 346
Глава 33. Открытые процессы тридцатых годов 357
Глава 34. Дело маршала Тухачевского 372

Часть пятая

Глава 35. Война 381
Глава 36. Послевоенная реакция 397
Глава 37. Партия после войны 407
Глава 38. Партийно-политическая бюрократия и правящий слой 414
Глава 39. Конец Сталина и XX съезд 425
Глава 40. Внутрипартийная борьба после XX съезда 434

Заключение 447
Примечания 451